

СЕРГЕЙ
АБРАМОВ

КАНАТОХОДЦЫ

СЕРГЕЙ АБРАМОВ
КАНАТОХОДЦЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1997

СЕРГЕЙ
АБРАМОВ

КАНАТОХОДЦЫ

РОМАН
ПОВЕСТИ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

**ББК 84.Р7
А16**

**Серия
«Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»**

Художник А.М. Ерёмин

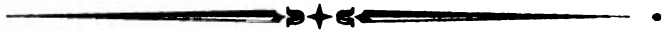
© Торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1997

Художественное оформление серии

© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1997

ISBN 5-218-00423-5

**Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.**

КАНАТОХОДЦЫ

РОМАН

Пролог

1

Красный глазок над дверью мигнул и погас. Ли подвинул кресло к пульта и включил микрофон внешней связи.

— Младший блок-инспектор Ли Джексон к смене готов.

На светящихся экранах над пультом появились расплывающиеся зеленые полосы. Ли подкрутил верньер настройки. Полосы исчезли, и четкий металлический голос произнес:

— Блок номер триста семнадцать. Двадцать часов ноль-ноль минут по меридиональному времени. Восемьсот шестьдесят каналов под контролем блока.

Ли, довольный, откинулся в кресле. Вот и началось его первое самостоятельное дежурство. В специальном отделе Системы с новичками долго не церемонятся. Краткий курс теории механического контроля сна, два сеанса гипнопедии, отведенных на заучивание Библии Спящего Человека или Всеобщего Каталога снов и час практической демонстрации аппаратуры. Только вчера старший инспектор Бигль показал ему весь подконтрольный им механизм аппаратной, а уже сегодня Ли сам сидит перед пультом. Конечно, обязанности блок-инспектора не так уж сложны: просматривай сны, отобранные автоконтролем как отклонения от каталогии-

ческих норм, и сообщай о них начальству. А уж кто прав и кто виноват, без него разберутся.

За спиной Ли почти бесшумно открылась дверь.

— Привыкаешь, сынок? — спросил вошедший Бигль.

Он был высок, грузен и малоподвижен, как бросивший спорт тяжеловес. Ему было явно жарко в его черном инспекторском мундире.

— Я посижу у тебя немного, ладно? — прибавил он.

Ли согласно кивнул. Ему нравился Бигль, его ободряющая улыбка и добродушная интонация в обращении. Вот и сейчас Бигль добродушно пожаловался:

— И чего это людям не хватает? Ложишься спать — загляни в Каталог. Выбери что-нибудь по вкусу и спи на здоровье. Хочешь из классики что-нибудь про аборигенов или про гангстеров, хочешь про супермена или про наших парней с Проклятого Шара — пожалуйста! Хочешь стриптиз какой-нибудь или спортивную драку для полировки крови — тоже не возражаем. Хочешь музыки — только выбирай: в Каталоге снов все джазы с сотворения мира подобраны. Набери индекс на сомнифере и смотри до утра. Так нет — обязательно запретное подай!

— А скажите, сэр, — в наступившей тишине вопрос Ли прозвучал неожиданно громко, — как появились эти сомниферы? Откуда? Нам в школе о них не говорили.

— В школе, — насмешливо повторил Бигль. — Какой дурак будет писать об этом в учебниках? У нас не любят подробностей о прошлом. Ты что же, думаешь, Система Всеобщего Контроля существовала всегда?

Ли так не думал. Его вообще не волновал этот вопрос. Он вырос в обыкновенной семье, учился в обыкновенной школе, по обыкновенным учебникам и обыкновенным программам. Мир удалось отстоять от так называемого Свободного Содружества только потому, что власть вовремя взяла в свои руки Систе-

ма Всеобщего Контроля, созданная мультимиллиардерами. Учебники называли эти слова, не раскрывая их смысла и скупое говоря о том, что разрозненным силам «свободного мира» удалось объединиться лишь тогда, когда его влияние, к сожалению, уже было утрачено почти на всех континентах. С тех пор, как утверждали педагогические компьютеры, заменившие преподавателей в начальных и средних школах, начался период счастья и благоденствия народа, основанный на электронной заботе о его мышлении и поведении. Ли даже не подозревал, что сам является винтиком этой машины, и честно считал, что сомниферы столь же необходимы человеку, как телеинформация и телесыск, электроли и видео, автоматическая гипнозарядка с утра и радости синтетической кухни. Сомневаться в полезности сомниферов казалось столь же бессмысленным, как и не признавать, скажем, реле искусственного климата.

— Все это так, сынок, — участливо заметил Бигль, — верно, но не полно. Нам с тобой о сомниферах положено знать больше. — Он, кряхтя, полез в задний карман брюк и вытащил засаленную синюю книжку в твердом пластиковом переплете. — Посмотри на букву «с» — сомниферы.

Ли взглянул на обложку. Выцветшее золото букв сообщало: «Инструкция для старшего персонала блоков СВК». И чуть ниже, помельче: «Секретные материалы».

— «СОМНИФЕР, — прочел Ли, — прибор — транслятор снов. На входы прибора поступает программа, откорректированная по Всеобщему Каталогу снов. Сомнифер дает направленное излучение, действующее на кору головного мозга. Рассчитан на непрерывное восьмичасовое действие. Изобретен в конце прошлого века Джакомо Секки, впоследствии одним из основателей и директоров фирмы «Сны на заказ». В политической борьбе сомниферизация стала программным лозунгом

победившей и находящейся ныне у власти партии. Фирма Секки со всеми ее гипностанциями переходит в собственность государства, превращаясь в один из важнейших рычагов Системы Всеобщего Контроля. На территориях так называемой Свободной интеграции запрещена...»

— Разные сны бывают, — сказал Бигль поучающе, — можно и по каталогу заказать, а потом вернуть по-своему. Скажем, президентские выборы. Порядок! А они закажут выборы какого-нибудь «свободолюбца». Были и такие в нашей истории...

Бигль не кончил. Осветился экран внешней связи, и молодой женский голос произнес:

— Шеф вызывает старшего блок-инспектора Бигля.

— Бигль слушает.

На экране появилось огромное, одутловатое лицо шефа.

— Как с двадцать третьим, Бигль?

— По-прежнему, шеф. Опять не включил сомнифер. Блок триста семь контролирует сон. Картины детства... старая женщина... ребятишки в вишневом саду. Какие будут приказания?

— Включите в список. Как его?

— Доктор Стоун, сэр.

— Зайдите ко мне.

Экран погас. Ли остался один. Честно говоря, он так и не понял, о чем шел разговор, видимо очень важный, если проявляет свою заинтересованность шеф. Доктор Стоун? Ли никогда не слышал этой фамилии.

2

Неоновая девица над входом в бар, периодически загораясь, сбрасывала с себя остатки одежды. Огненные буквы вспыхивали на черном стекле и фейерверком осыпались на горячий от зноя асфальт. Ли долго

пытался понять этот оптический фокус, но, так и не разгадав его, подошел к двери и заглянул в ее большое, чистое и прозрачное, как воздух, стекло. Ему очень хотелось войти в зал, протолкаться к тому пустому столику около эстрады, который он заметил, стоя у двери. Но он боялся. То был слишком фешенебельный для него ресторан: сюда приходили вернувшиеся из рейса космонавты, инженеры с рудников Второй Планеты, суровые отпускники с Луны. Он был не похож на пестрые забегаловки окраин Мегалополиса.

— Что задумались? Входите. — Чья-то рука легла ему на плечо.

Ли обернулся: на него ласково смотрел высокий рыжеволосый мужчина в черном селеновом свитере. Он ободряюще усмехнулся и подтолкнул Ли к двери:

— Пошли.

— Меня не пустят, наверное, — неуверенно проговорил Ли.

Вместо ответа, незнакомец взял его под руку и открыл дверь. Эскалаторная пластиковая дорожка подвела их к залу.

— Хотите получить свои семь фунтов под килем? — весело спросил незнакомец.

— Семь футов? — не понял Ли.

— Это же название ресторана. Разве не слышали? Старое напутствие морякам, отправляющимся в плавание. Семь футов под килем — достаточно, чтобы не сесть на мель.

Незнакомец молча провел Ли по залу как раз к тому столику возле перламутровой раковины эстрады, который Ли увидел сквозь дверное стекло. Неизвестно откуда возникший метрдотель услужливо подвинул стулья.

— Мне, как всегда, «Рид», — сказал незнакомец. — А молодому человеку — «Семифутовый». Он у вас впервые. Коктейль специально для юношей, которые хотят вкусить радостей жизни.

Ли не ответил. Радости жизни, о которых иронически намекнул его спутник, уже начинались. С музыки, неизвестно откуда звучавшей и наполнявшей все его существо. С мигания мерцающих огней в воздухе, то вспыхивающих, то погасающих, то внезапно сменяющих цвет прямо над головой. С пения невидимого хора, доносившегося с пустой эстрады. Звуки томили, будили, звали, спрашивали о чем-то волнующем и сладостно непонятном.

— Вы что-нибудь чувствуете? — спросил незнакомец. — Радость, да?

— Откуда вы знаете? — спросил Ли.

— Нетрудно догадаться: в этом кабаке хорошая гипноустановка.

— Обидно. — Ли смущенно посмотрел на своего визави. — Не люблю, когда мне навязывают чужую волю.

— Я тоже не люблю. Увы... Но не принимайте все это так близко к сердцу: таких «мальчишек», которые здесь «влипают» и, главное, стремятся к этому, в одном только нашем городе десятков миллионов. А сколько их в стране, ошастливленной Всеобщим Контролем!

— Что вы подразумеваете? Я вас не понимаю, — спросил Ли.

— Неужели? — засмеялся незнакомец и нарочито гнусаво пропел знакомые каждому пошловатые строки: — «Сколько наслаждения свыше всяких мер... вам, как провидение, дарит сомнифер!» Этот оплаченный государством рифмач, по-моему, очень точно сформулировал отпущенные нам радости жизни.

Ли все еще не понимал: при чем здесь сомниферы? Неужели этот чудака ставит их рядом со здешней псиустановкой?

— Чему вы улыбаетесь? — спросил незнакомец.

— Простите, сэр, — начал было Ли, но тот перебил его:

— Зовите меня Док. Так меня все называют.

— Хорошо, Док, — согласился Ли. — Я только хотел сказать, что сомниферы и гипноустановки — совершенно разные вещи.

— Технически, — улыбнулся Док.

— Не только технически, — с горячностью возразил Ли. — Гипноустановки одурачивают людей, а сомниферы действительно украшают жизнь, делают ее более интересной.

— Милый мальчик, — грустно сказал незнакомец, — вы нелогичны, но это от молодости. Если жизнь недостаточно хороша, то зачем же улучшать ее только во сне?

Ли подумал немного и не согласился.

— Это же развлечение, как и телекс! — воскликнул он.

— Телекс можно выключить, а сомнифер — нет! Вот и смотри до утра навязанный тебе сон. Или чужую волю — ваше выражение, юноша.

Ли задумался в поисках возражения.

— В конце концов, я сам могу придумать сон.

— И станете сонником.

— Да нет же! — Голос Ли даже зазвенел от обиды. — Кое-кто, а я-то знаю! Сонники смотрят запрещенные сны.

— А какие сны запрещены? — лукаво спросил Док.

— Каталог разрешает президентские выборы, а они заказывают выборы какого-нибудь «свободолюбца», — робко повторил Ли слова Бигля.

Док засмеялся.

— Какого именно? — спросил он.

— Их много было, — неуверенно сказал Ли.

— А все-таки?

— Нас не учили...

— Не знаешь, — сказал Док. — И никто из вас не знает — не учили. А кто знает, молчит. Странное у нас время. Вечером гипномызыка, ночью гипносон. Сомниферы, мой мальчик, — это фон трагедии на-

рода, ее социальный пейзаж. Расскажите о сомниферах жителю другой планеты, и ему сразу станет ясно, в условиях какого общественного строя все это происходит и до какой духовной нищеты дошел этот строй. А пока прощай, — вдруг оборвал речь Док, — мне пора, а ты посиди еще, если хочешь.

Он расплатился и ушел.

— Кто это? — спросил у метра Ли.

— Доктор психологии Роберт Стоун, — почтительно сказал тот. — Хороший человек, только со странностями.

3

Ли посмотрел на часы: хорошо, что дежурство кончается. Он устало потянулся в кресле, закрыл глаза.

И снова в который раз перед ним возникло грустное лицо Дока. «Странное у нас время», — сказал он. Почему странное?

Ли машинально повернул верньер настройки экрана координационного центра. Изображение еще не возникло, но звук уже был: в привычной тишине блока раздался негромкий, так хорошо знакомый голос:

— Я к вашим услугам, сэр. Спрашивайте.

Изображение прояснилось, и сквозь розоватую дымку экрана Ли увидел огромный кабинет шефа и его самого за старинным, нелепым в этом царстве модерна столом, а напротив в овальном кресле — высокого рыжеволосого человека, который так внезапно и так тревожно ворвался в жизнь младшего блок-инспектора. Почему он возник в кабинете шефа? Что случилось? Ошибка диспетчера, забывшего выключить внешнюю связь, или заранее продуманный акт? Показательный допрос — Ли слышал и об этом. Но при чем здесь доктор Стоун?

— Вы, конечно, догадываетесь, зачем сюда вас пригласили, — начал шеф.

— Привели, — поправил Стоун.

Шеф поморщился: он не любил резких определений.

— Допустим, — сказал он. — Назовем это так. Сами бы вы, наверное, не пришли.

— Не пришел бы, — усмехнулся Док. — Но я понимаю причину вашего «приглашения».

— Почему вы не включаете сомнифер?

— Он вреден для здоровья, — вежливо заметил Стоун. — Частое пользование сомнифером приводит к расстройству гипногенных систем. Вы не интересовались причиной роста психических заболеваний за последние годы?

— Кому, по-вашему, я должен верить: светилам современной медицины или заштатному эскулапу, возмнившему себя спасителем человечества?

— Я бы поверил заштатному эскулапу, — засмеялся Стоун. — Хотя бы потому, что он вас не боится.

— Действие сомнифера проверялось электронной машиной. По-вашему, она тоже боялась?

— Боялись программисты. Нужный ответ машины всегда можно обусловить заранее.

— Кокетничаете смелостью? Зря.

— Это не смелость. Это уверенность в своей правоте.

— И эта уверенность находит поддержку? У вас есть единомышленники, вероятно «сламисты», да?

— Любой порядочный человек найдет в «трусобах» единомышленников.

— Откровенное признание, Док, — засмеялся шеф. — Вы облегчаете нашу задачу. Но «слам» не однородная политическая организация. Это партия смутьянов, подключившая к себе всех недовольных, в том числе сонников и студентов-многознаек. К кому же вы себя причисляете?

— Вы ошибаетесь, сэр. «Слам» не партия и не парламентская оппозиция. «Слам» — это крик души народа, вопль ненависти к рабству, которое вы возвели

в ранг государственного строя. У меня единомышленников больше, чем вы думаете...

— Выключить! — закричал шеф. Рука его нервно шарила по столу.

— «Я плюю вам в лицо... и та половина мира слышит меня!» — Доктор успел произнести строки какого-то стихотворения.

Но рука шефа уже нащупала тумблер, экран вспыхнул зеленым светом и погас.

— Передача прекращается по техническим причинам... по техническим причинам, — повторял диспетчер, словно убеждая себя в правдивости официального сообщения.

Ли тупо смотрел на потухший экран. Мыслей не было. Только одна еще так недавно непонятная фраза звучала в ушах: «Странное у нас время».

4

Бигль весело насвистывал что-то, искоса наблюдая за Ли, молча сидевшим у пульта.

— Включаю информационную запись блока, — сказал Ли.

На экране появилась диспетчерская космического корабля, и металлический голос произнес:

— Канал номер семьдесят три. Первая экспедиция на Вторую Планету. Космический корабль «Реджинальд» попал в метеоритный поток.

— Конец прошлого века, — сказал Бигль. — Гарроу тогда бы не выбрался, если б не корабль «Содружества». Какой дурак это смотрит?

Ли нажал клавишу на пульте. Металлический голос снова заговорил:

— Номер шестьсот семьдесят три. Айвен Лоу, студент Харперс-колледжа.

— Студент, — удовлетворенно протянул Бигль. — Я так и думал. Возьму-ка его на заметку.

Ли неприязненно посмотрел на Бигля и выключил экран. Откинувшись в кресле, закрыл глаза: мучительно хотелось спать.

— Что с тобой, малыш? Заболел? — услышал он встревоженный голос Бигля.

— Я слушал вчерашний допрос, — сказал Ли. — И я знаком с доктором Стоуном.

— Плохо, — задумчиво произнес Бигль, — совсем плохо.

— Что с ним сделают? — спросил Ли.

— Что надо, то и сделают, — сурово сказал Бигль и, заметив состояние Ли, прибавил с былой ласковостью: — Иди-ка, малыш, отдохни. А я покараулю твоих подопечных.

Оставшись один, он долго смотрел на дверь, словно пытаясь увидеть за ней Ли, медленно бредущего к выходу, потом грузно уселся в кресло юноши, подумал и недрогнувшей рукой включил микрофон.

— Старший блок-инспектор Бигль вызывает шефа.

На экране возникло желтое лицо начальника Главного управления Системы.

— Что случилось, Бигль?

— Довожу до вашего сведения, шеф, о нелояльном поведении младшего блок-инспектора Джексона.

— Из новеньких?

— Да. Недоглядели. Встречался с доктором Стоуном, шеф.

— Как разоблачили? Сомниферы?

Биглю не хотелось рассказывать.

— Сомниферы, шеф.

— Полезное дело. Но вы переросли его, Бигль. Вчера на заседании Совета олдерменов решено передать вам руководство общественной безопасностью всего континента. «Слам» становится силой, которую все труднее держать в узде.

— А Тейлор? — спросил Бигль, помолчав.

— С него хватит и контрразведки. Через час я вызову его вместе с вами. А с мальчишкой — по тридцать пятому параграфу. Придется изолировать.

Бигль выключил микрофон и подошел к окну. Далеко внизу маленькая фигурка Ли пересекала улицу по ажурному мосту. Вот она уже потерялась в толпе.

«Придется изолировать», — вспомнил Бигль и вздохнул: «Боюсь, что это нам не удастся».

Глава 1

в которой Лайк учится ходить

Я тысячу тысяч раз видел это серое небо над Городом — низкое и влажное, как нависший над головой полог походной палатки. Я тысячу тысяч раз слышал душераздирающий визг монорельсовой дороги, грохот электрокаров, лязганье турникетов таможни, въедливый шепот рекламных аппаратов и поверх всего, владыкой этого странного, сумбурного, сумасшедшего, гремящего мира, ровный голос диктора: «Рейсовый Вторая Планета — Луна — Главная — Мегалополис совершил посадку на девятнадцатой полосе сектора В». Я знал наизусть запахи пота и косметики, бензина и табака, виски и машинного масла — запахи Города, сотен людей, механизмов, дыма, гари, пыли — черт знает чего еще!

Я тысячу тысяч раз видел все это, слышал все это, обонял, чувствовал, наслаждался и проклинал. Тысячу тысяч раз я шел по горячему бетону космопорта к свистящим магистралям Города — к почету, к деньгам, к славе, к новым друзьям и новым врагам, к опасности, к ежесекундной готовности собраться, отразить нападение. А то, что над дверями постоянно мигает красный сигнал, что ж, привычное дело, не впервой. Если опасно измерять в каких-либо едини-

цах, например «дейнджерах», то в моем случае число этих самых «дейнджеров» давно перевалило за норму.

Красивая цифра — тысяча тысяч! Она рождает память, набитую до отказа информацией, всякой — полезной и хламом. Но, увы, это не моя память, чужая, подаренная мне безвозмездно фотографиями, фильмами, цветными телеэкранами и, главное, живыми людьми, очевидцами — без волокиты: мнемозапись непосредственно на мои центры памяти. И вот вам фокус: человек, ни разу не подъезжавший к Мегалополису ближе чем на тысячу миль, становится чуть ли не коренным его жителем — с его знанием города, людей, их нравов, привычек, маршрутов и развлечений.

Словом, я никогда не был в Мегалополисе, и я знал его так же хорошо, как и свой родной город. Вот почему цифра «тысяча тысяч» ничуть не преувеличение. Я действительно все здесь видел, слышал и обонял, или кто-то там за меня, прежде, какая разница? Мою биографию мне предоставили так же любезно, как и память. И она тоже — как и память — была чужой, хотя и настоящей, начавшейся в порту Луна-СВК, а еще задолго до этого в маленьком городишке на севере материка в семье благопристойных родителей, не моих — моего двойника, кто считался отменным пилотом на внутренних лунных рейсах.

Мое настроение нисколько не способствовало желанию побеседовать с таможенниками в форме Системы Всеобщего Контроля. Всему свое время. Тем более меня все равно даже не выпустят из космовокзала без их лиловой отметки в паспорте. Время у меня есть, деньги тоже, а жаркая погода располагала к хорошей выпивке. Вот почему я решительно прошел мимо дверей таможни — стыдливое название местного охранного отделения — и направился в бар, где торчало уже с десяток бездельников.

Мой космолет приземлился довольно рано, бар в эти часы был почти пуст: седоватый крепыш на соседнем табурете, какая-то парочка за столиком в углу, парень в зеленой куртке флиртует с барменшей — зеленоволосое создание с глазами на пол-лица, еще трое парней насилуют игровой автомат: им явно не везет, и невезение здорово окрасило их лексикон.

Сквозь стеклянные двери бара я вижу пустой зал ожидания: киоски с парфюмерией, сигаретами и печатной продукцией гигантского города. Вот что мне нужно — свежая газета, свежие новости: я без них просто жить не могу, без свежих новостей. И продаст мне их милая девушка, блондинка, похоже натуральная, впрочем, с такого расстояния не разберешь. Продать-то она мне их продаст, но попозже: сначала я разделюсь со своим бодрящим напитком и посмотрю, кто из присутствующих заинтересовался моей скромной персоной. Пока вроде никто? Нет, есть один...

— Откуда, приятель?

Седоватый крепыш с интересом разглядывал меня: вероятно, я ему сразу понравился. К сожалению, он не вызывал у меня того же чувства: слишком маленькие глазки, широкий нос и раздвоенный подбородок делали его похожим на хищного зверька. Не берусь утверждать, что люблю хищных зверей. Но вежливость есть вежливость.

— Луна-СВК.

— Пилот?

— Что, похож?

— Я пилотов сразу узнаю. На Планете давно не был?

— Пять лет.

— Где летал?

— Над Луной, приятель.

— Теперь под Луной летаешь, — усмехнулся он. — Мегалополис — город большой, не заблудись без мамы.

— Город как город, — равнодушно сказал я.

— Ну, это ты брось, — обиделся крепыш. — Мегалополис — одно слово. Сто лет назад на этом месте десятки городов, как грибы, торчали. И какие! А сейчас один гигант, лучший в мире.

— Знаю я ваш Мегалополис, не в первый раз здесь, — сказал я.

— А раз знаешь, так и гуляй, — лениво заметил крепыш. — Может, еще встретимся.

— Может, и встретимся, — равнодушно протянул я.

Зал ожидания уже заполнялся людьми: кто-то ждал своего рейса, кто-то встречал друзей или родственников, кто-то просто шатался без дела: с того момента, как люди изобрели самолет, а потом ракету, аэро- и космовокзалы всегда привлекали бездельников или тех, кто любил дышать воздухом прилетов и отлетов, встреч и проводов, зыбкости всего земного, где за непрочным барьером перрона — огромный мир, не похожий ни на что будничное и привычное. Я не принадлежал к романтикам космовокзалов. У меня было два дела: купить газету, перебросившись парой слов с премилой киоскершей, кстати все-таки натуральной блондинкой, с синими глазами и мальчишеской челкой, и потом отправиться на свидание с таможенниками.

К первому делу я приступил с удовольствием.

— Здравствуйте, девушка, — сказал я вежливо.

— Доброе утро, — заученно улыбнулась она.

Но я уже знал, что заученное сейчас исчезнет.

— Я хотел бы купить «Новости» за семнадцатое число позапрошлого месяца.

Девушка удивилась. Я не ошибусь, если усилю определение: испугалась, даже вздрогнула. Да и в самом деле: кто бы не вздрогнул, если подходит псих и спрашивает газету за позапрошлый месяц. Однако испуг и удивление не помешали моей прелестной собеседнице использовать еще одну улыбку из своего арсенала.

— За это число газеты давно проданы. Может быть... — тут она помялась недоверчиво, — я подсказала бы вам место, где вы найдете ее?

— Подскажите, прошу вас. — Я вложил в просьбу все очарование, на какое был способен. — А уж Чабби Лайк не останется в долгу.

— Меня зовут Линнет, — сказала она. — Я уже почти месяц жду вас.

— Дорога в Город трудна и небезопасна, — туманно пояснил я причину своего небольшого опоздания.

Однако причина была не в этом: на реализацию моей легенды потребовалось чуть больше времени, чем мы предполагали. Шпики СВК на Луне вздумали искать пропавший катер, на котором потерпел крушение пилот Чабби Лайк. То есть я. А искали они его постыдно долго. Вот почему Линнет пришлось подождать.

— Вы прошли таможду?

— Пока еще нет.

— Здесь Тейлор.

О Тейлоре я знал. Он возглавлял в Системе контрразведку. Так или иначе я мог бы столкнуться сегодня с его людьми, но с ним самим...

— Что ему надо здесь?

— Понятия не имею. Говорят, он с причудами.

И об этом мне говорили в Центре: самолюбив, подозрителен, умен, предпринимает неожиданные инспекционные проверки, склонен к переодеваниям и опереточной таинственности. Значит, встречу оттянуть не удастся. А может, удастся? Ну зачем ему обыкновенный пилот? Со мной с Луны летели, наверное, шишки и поважнее...

— Ладно, черт с ним. — Я не намерен был раздувать пока еще не существующую опасность. — Лучше подумаем, как будем жить дальше.

Линнет улыбнулась. Когда она улыбалась, на щеках появлялись две ямочки — ну совсем девчонка-школьница!

— Я вас найду.

— Явка?

— Вы ее знаете: бар «Семь футов под килем». Спросите Энтони. Скажете, что у Линнет не оказалось газеты за семнадцатое...

— Кстати, почему мы привязались именно к этому числу?

— В этот день шеф СВК произнес историческую речь: надо быть подозрительным и осторожным, ибо враги существуют везде.

— Дельное замечание, особенно для нас. Где мне остановиться?

— В Милтон-отеле, конечно. Там есть наши люди.

Простившись, я неторопливо дошел до дверей таможни, бросил монетку в щель турникета, подошел к одному из окошек и сунул туда документы, даже не посмотрев, кто их у меня взял. Какая, в сущности, разница: это шестерка, фоска, передаточное звено, лилипут в черном мундире Системы. Он передаст мои документы в вычислительный центр таможни, где уже хранятся все сведения обо мне, пересланные с Луны. Сведения, тысячу раз проверенные у нас и по крайней мере трижды — шпиками из лунной полиции. Вряд ли их местных коллег что-нибудь заинтересует в моей скромной персоне. Хотя опасность, как говорится, всегда начеку. Она следует за тобой как тень, даже в те редкие дни, когда вспоминаешь, что у тебя есть другое, настоящее имя, когда проходишь по улицам своего родного города, где тридцать шесть лет назад в семье учителей-историков появился долгожданный сын, — даже тогда не забываешь об опасности. Это уже в крови: входя в комнату, проверять, кто за дверью, есть ли слежка на улице, даже если ее и быть не может, просыпаться от малейшего шороха — и руку под подушку, за пистолетом. Смешно!

«Расслабься, — говорил шеф, — сними напряжение. Ты работаешь на износ». Хороший совет, толь-

ко воспользоваться им трудновато. Вот сейчас самый подходящий момент, чтобы расслабиться: мягкое кресло, кондишен, тишина. Проверят документы — и в город, в отель, в бар, как его... «Семь футов под килем». Я посмотрел на световое табло над турникетами и невольно вздрогнул: на нем появилась моя фамилия. И тотчас же ее повторил чей-то голос, усиленный динамиком:

— Пилот Лайк — на дополнительную проверку в комнату номер семь.

Я встал. И так, без проверки не обошлось. Ну что ж, я готов: не в первый и, уж наверное, не в последний раз.

Над комнатой номер семь горел фонарик с цветной надписью: «Войдите».

Я толкнул дверь и вошел: ничего особенного — у стены пластиковый диванчик, два кресла перед столом. А за столом... Вот это уж совсем забавно: за столом сидел мой собеседник из бара, крепыш с седым ежиком. Он улыбался приветливо, ну совсем как добрый знакомый:

— Я же говорил: мы еще встретимся. Садитесь. — Он указал мне на кресло перед столом. — Вас я уже знаю. Вы Лайк, пилот с Луны. А меня зовут Тейлор.

Глава 2

в которой Лайка вызывают на дуэль

— Рад познакомиться, — сказал я.

Вот так штука: мой сосед в баре — туповатый фермер или моряк-каботажник — оказался контрразведчиком. И не простым, а главным, так сказать, контрразведчиком номер один.

Я усмехнулся. Легко ругать себя за ошибку, когда она уже свершившийся факт. Угляди я в этом крепыше боровичке что-нибудь подозрительное, я бы его так

просто не отпустил: поболтали бы, знакомых общих поискали — нашлись бы знакомые, как не найтись, выпили бы еще разок, а потом еще и еще — все это сближает. Сейчас самое время доставать шпаги — боевая стойка, клинок о клинок, выпад справа, укол — ну, кто кого?

Тейлор начал первым:

— Рад или не рад, все равно познакомились.

— Полагаю, вы уже знаете меня, и неплохо.

— Что значит «неплохо»? Расплывчатая и неточная формулировка, как, впрочем, и мои знания о вас. Что я знаю: документы, бумажки, протоколы. А факты — только вы сами. Поделитесь?

— Придется.

— Вот теперь точно: придется. Начнем с формальностей. Имя? Возраст? Должность? Ну, в общем, сами понимаете...

— Чабби Лайк. Тридцать шесть лет. Родился на севере. Отец — смотритель лесного заповедника. Матери не помню: умерла рано. Братьев-сестер не было: папаша так и не успел жениться — из своего леса носа не высовывал. Воспитывала меня тетка, сестра отца. Она и хозяйство вела. Да какое там хозяйство: дом, небольшое поле, а так — лес кормил. Стукнуло пятнадцать — удрал из дому. Болтался где мог. Грузчиком работал, матросом на суперкатерах. Поступил в Высшую школу навигаторов: здоровье у меня — дай Бог, а учиться любил. Я тогда даже и не собирался пилотом стать: форма прельстила. Знаете, серебро, шнуры, аксельбанты — блеск и нищета, одним словом. А потом увлекся. Кончил с отличием, диплом выдали. Распределили на Луну. Пять лет отлетал — год отпуска. Еще пять лет — еще год. Вот он-то у меня впереди...

— Думаете, мне хочется слушать эту мякину?

— А вы спрашивайте сами. И мне легче будет ориентироваться, да и вам веселее. Все-таки общение, живой разговор.

— Живой разговор, говорите? Хорошее предложение. А не страшно?

— Шутки шутками, а все же ускорим процедуру. — Я выпрямился в кресле. — Сами понимаете, удовольствия она не доставляет.

— Я бы удивился, если б доставляла, — засмеялся Тейлор и сказал строго: — Вопросов будет много. Где отец?

— Умер семь лет назад. В прошлый отпуск видел его могилу. Тетка похоронена там же.

— Значит, одинок?

— Выходит, так.

— Привыкли?

— Имеете в виду работу? Пожалуй, Луна — единственное место, где в охотку работаешь, иначе сопьешься или сойдешь с ума. Вот и работал, как проклятый, от сна до сна.

— Ваши рейсы?

— Луна-СВК — Луна-главная — исследовательские станции в кратерах.

— Часто бывали в порту Луна-СВК?

— Редко: рейсы не те. У меня был грузовой катер: продовольствие, оборудование, иногда попутчики.

Честно говоря, не понимаю: что он хочет узнать? Что я не Лайк? Это проверялось уже не раз после аварии. Все чисто и нуль в остатке — данные проверки у него есть. Скорее бы добрался до аварии и отпустил меня...

— Насколько я знаю, вы недолетали положенных для отпуска пяти лет?

— Трех месяцев не хватило.

— Почему?

Добрались наконец. Выдержка, Лайк, выдержка: ты чист, как метеоритный экран твоего катера. Твоего бывшего катера.

— Расследование аварии.

— Что за авария? Попрошу подробнее.

— Можно и подробнее. В ночном рейсе на линии Луна-главная — Седьмая станция взорвался боковой реактор. Взрыв повредил рацию и автоматический пеленг. Свободный поиск там невозможен: ночная сторона и нагромождение обломков скал. Пришлось выбираться на своих двоих. У меня был с собой аварийный запас кислорода на двое суток. Но, видимо, где-то в баллонах произошла утечка, и я сдох через тридцать часов.

— Сдох? Не понимаю.

Я усмехнулся:

— Жаргон. Кислородная смерть.

Теперь усмехнулся Тейлор:

— Надеюсь, передо мной не труп.

— Можете потрогать: живой. Меня вытащили гольты. Поисковая группа.

— Ракета?

— Луноход. Ставили метеоритные буи. На меня натолкнулись случайно.

— Куда они вас доставили?

— К себе на станцию. Это в пятистах километрах от нашей «Полетты».

— Как долго вы пробыли у них?

— Часов шесть. За мной прислали катер с «Полетты». Сам Альперт изволил прибыть.

— Вы его хорошо знали?

— Не особенно. Что может быть общего у простого пилота с ведущим астрономом Луны-СВК?

— И все-таки за вами прилетел именно он.

— Вы не хуже меня знаете, что все это показуха.

Тейлор насторожился, это видно по его глазам: сощурились, спрятались за ресничками. Сейчас выстрелит...

— Забота о человеке, по-вашему, показуха?

Твой выстрел, Лайк. Не промахнись.

— Не разводите демагогии: если бы я тогда мог двигаться, я бы тоже воспользовался неожиданной воз-

возможностью посмотреть на чужие секреты. А станция астрономическая, Альперт увидел больше любого спасателя из санитарной службы. Это нужно Системе, а значит, и Альперту, и мне, и вам. Вот почему за мной прилетел тот, кто в данном случае оказался полезнее. И вы это прекрасно понимаете.

Тейлор засмеялся неожиданно весело и заразительно.

— А вы хитрец, приятель. У вас на все готов ответ.

— Естественно: меня подозревают.

— В чем?

Ключнул окунек, заглотнул наживку — подался вперед, весь — ожидание. Теперь мысленно поводить, не подсекать сразу.

— Трудно предположить... Все-таки пять часов у гольфов, мало ли что могло случиться. — Я размышлял вслух. — Во-первых, я был без сознания, вернее, в сознании, но смутном, все расплывчато, не резко, звук почти не доходит — вата в ушах или звукопротектор. Помню, что меня несли, потом — люди в белых халатах, что они могли со мной сделать? Боли не было, скорее приятное ощущение: какой-то вибромассаж и запах — легкий-легкий, цветочный, как на клеверном лугу...

Я взглянул на Тейлора: откинулся в кресле, глазки закрыл, словно не слушает. Но вот я умолк, и он сразу «очнулся»:

— Это — самое интересное из того, что вы мне сегодня наговорили. Продолжайте.

— Дайте вспомнить. Все-таки времени-то сколько прошло...

Кто считал это время? Оно тянулось долго, бесконечно долго. Полгода назад или раньше, когда я только-только вернулся с задания, меня вызвал генерал Дибитц.

Обычная обстановка, обычный разговор...

— Отдыха не будет.

— Я не устал.

- Тем лучше.
- Что-нибудь сложное?
- Скажи, невероятное.
- Почему я?

— Мы просчитали пять вариантов. Твой оптимален. От успеха операции зависит слишком многое. А с планом ты познакомишься. Время у тебя будет.

Что ж, у меня было время — текучее, липкое. Время ожидания опасности — самое долгое время в мире. Парадокс: времени много, и его не хватало. Мы и так затянули с первым шагом — с подменой. Двойник был найден давно: пилот Чабби Лайк — отличный парень, немного суховат, но это к лучшему — меньше близких знакомств. Мы были похожи, как два близнеца, родная мама не отличит. Впрочем, на счет родной мамы я, конечно, загнул, у нее всегда найдется с десятков способов различить сыновей: родинки, форма ногтей, походка, характерные жесты — всего не перечислишь. А у нас с Лайком было гораздо больше этих отличий, начиная с веса и кончая привычками. Ну, что касается веса — болезнь его не прибавляет, а после аварии я довольно долго провалился в постели. А привычки?.. Я о них знал, оставалось только привыкнуть к ним. И это не каламбур, я действительно вживался в привычки Лайка — его вкусы, его манеру говорить, улыбаться широко и беззубо, ни с того ни с сего умолкать, уходить в себя. Думаю, что с этой задачей я справился неплохо. Лайк был золотом для меня: на Планете у него нет друзей, только случайные знакомые, которых за минувшие пять лет он и сам основательно подзабыл. Все это подтвердила его память, перемещенная в мою черепную коробку за три с половиной часа на операционном столе — в тот день, после аварии его катера.

Аварию устроили наши люди, и не их вина, что пилот пострадал больше, чем нам хотелось. Такой уж

парень этот Лайк: всегда лез в самое пекло, даже когда не требовалось. Смешно, но и в этом мы похожи. Его увезли со станции сразу после перезаписи. Он выкарабкался, конечно: в наш век медицина почти всесильна...

Тейлор перелистал странички моего «дела».

— Состояние у вас было не из лучших. Не смертельное, конечно, не преувеличивайте. Да и без сознания вы были всего лишь сутки — не так уж много.

— Мне хватило. Так сказать, на всю жизнь. С Лунной покончено.

— Чем же собираетесь заняться?

— Отдыхать.

— Вы это уже говорили.

— В баре? Так я не вам это говорил, а какому-то фермеру, приехавшему поглазеть на ракеты. Откуда я знал, что он контрразведчик?

Тейлор усмехнулся:

— Спасибо за комплимент. Значит, я похож на такого недотепу фермера?

— Похож, — чистосердечно признался я.

— Вы тоже похожи... — Он помялся.

— На фермера?

— Все-таки на пилота Лайка.

Я решил, что пора кончать затянувшуюся комедию. Пилот Лайк не привык к церемониям.

— Короче говоря, долго мы еще будем играть в подозрения? Я бы хотел закончить свидание.

Тейлор открыл ящик стола и протянул мой паспорт.

— Вы свободны. Простите, что задержал: мне просто хотелось поближе познакомиться.

— Рад был удовлетворить ваше желание. — Я встал. — Можно идти?

— Конечно. — Тейлор усмехнулся и подмигнул. — Все-таки надеюсь, что мы еще встретимся.

Глава 3

в которой появляется Мак-Брайт

Далее все прошло благополучно. Автомат выбросил мой кофр незамедлительно — я только сунул в щель жетон с номером. Проверка документов тоже прошла без волокиты — таможенник изучил печать на паспорте и, козырнув, пропустил через турникет на движущуюся ленту тротуара, которая и донесла меня до станции монорельса.

Я помнил — опять помнил! — что скорость поезда не позволяет глядеть в окно — устают глаза, но все-таки не закрыл его шторкой телеэкрана. Меня мало волновали новости дня: кто-то куда-то приехал, кто-то кого-то встретил, кто-то что-то подписал — все это пестрой громкоголосицей долетало до меня из соседних купе — вагон был почти пуст. Только в кресле напротив спал — или делал вид, что спит, — высокий, длинноногий субъект лет под пятьдесят, что-нибудь вроде коммивояжера, человека вечной профессии, которая сохранилась еще с незапамятных времен и ничуть не думает уступать позиций в наш суетливый век автоматических распределителей.

Монорельс не подвозил к самому городу: трубавагон плавно затормозила, за окном возникла бетонная стена станции с яркими пятнами реклам, и голос дикторши сообщил:

— Конечная станция — пятьсот девятый квартал. Отсюда в город вы сможете добраться на аэробусах или на электролях. С благополучным прибытием.

Мысленно поблагодарив невидимую девушку, я все-таки пожалел, что не взял электроль сразу у вокзала: дороговато, конечно, но пилоту в отпуске позволительна такая пустяковая роскошь. Я спустился по эскалатору на широкую и безлюдную площадь (рабочая окраина города, люди давно на заводах или в офисах,

а для хозяек еще рановато) и пошел к стоянке электролей, машинально отметив, что большинство пассажиров монорельса предпочли аэробус-омнибус на воздушной подушке — пусть дольше, зато дешевле. Мой длинноногий спутник-визави тоже поплелся туда. Тем лучше, а то я стал было сомневаться в крепости его сна в вагоне.

Обменяв в кассе денежную бумажку на грудку жетонов, я опустил их один за другим в щель на приборной панели машины и включил зажигание. Электроль — прекрасная штука, если к тому же хорошо его водить. А я отлично его водил: научили в свое время. Чему меня только не научили! Я вывел его со стоянки, развернулся на площади и нырнул в туннель, который доставил меня на широкую — идеальное покрытие! — магистраль, протянутую прямо по крышам домов. Где-то внизу город жил своей «пешей» жизнью, а здесь, на двухсотметровой высоте, царствовала скорость — всеильная госпожа нашего времени: «Пользуйтесь электролями — они сэкономят вам кучу времени!», «Драг-сода — удобно, дешево, быстро!», «Автоматы Стриббинса — делайте свое время», «Самый быстрый сон — сомниферы Пенна!». Быстро, все быстро: быстро есть, быстро передвигаться, быстро спать, быстро жить, не успеешь оглянуться — поезд уйдет, и ты останешься один на пустой станции, догоняй, пытайся — где там!

Я бросил электроль в центре города, где среди множества световых табло разглядел нужное — Милтон-отель. Скоростной лифт доставил меня вниз, и я вышел на широкую улицу — в пеструю толпу, в разноголосицу, в суету и спешку, растворился в ней, потерялся — попробуй найди.

Отель я разыскал быстро: мигающий неон вывески украшал стеклянные двери под бетонным козырьком, а швейцар довершал впечатление благополучия и респектабельности, которое должно было ошело-

мать восторженного провинциала, не приученного к мягким коврам, таинственному полумраку в просторном холле, светомузыке на белой стене и королю-портье, вручившему мне ключ от царских палат в две комнаты на тридцать втором этаже.

Не знаю, как царь, но я своими палатами остался доволен: стандартные удобства, в меру микрофонов — в приемнике и в настольной лампе, хитрое кнопочное устройство, вызывающее горничную или официанта, включающее телевизор и часы и меняющее цвет оконных стекол — от белого до темно-синего.

Я сделал окно розовым, достал из чемодана заглушки, блокировал микрофоны и пошел в душ.

Не помню, сколько я там плескался — не отмечал времени, — но, должно быть, не менее получаса, потому что, когда вошел в комнату, в пепельнице на журнальном столике лежало четыре окурка. В кресле у окна сидел человек и с усмешкой смотрел на меня. Я узнал его: это был тот самый длинноногий субъект из поезда, мой спутник-соня, безобиднейший из безобидных — ах я кретин, просмотрел-таки слезку...

— Ошибаетесь: я не следил за вами.

— Вы еще и мысли умеете читать? — полюбопытствовал я. — А не только открывать чужие замки?

— Здешний замок любой мальчишка откроет — наука нехитрая. — Он широко улыбнулся, обнажив два ряда ослепительно белых зубов — вставные, что ли? — А ваши мысли угадать нетрудно: вряд ли вы не заметили меня в поезде.

Я уже внутренне обрадовался: шпагу в руку — и на дорожку, мой выпад, господа!

— Чему обязан?

— Бросьте, Лайк, я не провокатор и не ищейка. «Новости» за семнадцатое апреля вы не сможете получить в «Семи футах». Энтони провалился, Линнет не знала об этом. Его взяли вчера люди Бигля. Слышали о таком?

О Бигле я, конечно, слышал: один из столпов безопасности. Системы, контроль над снами и всякое такое. Сволочь, не лучше Тейлора. Энтони провалился — Бигль знает свое дело, — это сильно осложняет обстановку: я теряю явку. А тип в кресле и вправду телепат, словно подслушивает мысли.

— Я знал о вашем прибытии и вел вас от космодрома, боялся слежки.

— Почему же не предупредили Линнет? — Я уже почти верил этому усталому человеку — лет под пятьдесят, мешки под глазами, седина, — но все же старался задать вопрос побезобиднее: если он знает пароль, бармена из «Семи футов» и Линнет, то я ничем не рискую, если покручусь вокруг этих сведений.

— Я предупредил ее, но вы уже были в таможне.

— А зачем такая таинственность? Почему мы не могли поговорить в вагоне?

— Вы любите рисковать? Я — нет.

— Кто же вы? Мне надоела эта игра в вопросник.

— Лишних вопросов больше не будет. Я не Тейлор. А мое имя Майк-Брайт. Для друзей просто Джеффри. Профессия — коммивояжер. И еще я ваш связной.

— С кем?

— Со сламом.

Я сделал вид, что не понял.

— С чем это едят?

Майк-Брайт снова засмеялся. Что его так веселило?

— С чем едят? С лазерами. С пистолетами. С листовками. На любой вкус приправа...

Что ж, понятно: сопротивление или подполье, здесь это называется сламом, я знал о нем. У Центра есть свои люди в здешнем сламе. Быть может, Мак-Брайт — один из них: я не любопытен, а мне не сочли нужным сообщить координаты агентов. Правда, шеф говорил о человеке, который, быть может, — он подчеркнул осторожное «быть может» — появится, но потом, позже,

когда я акклиматизируюсь в этом раю. А если «позже» уже наступило? Энтони арестовали, явка провалена, и осторожное «быть может» превращается в железное «неприменно».

А раз так, то Мак-Брайт и есть тот самый незнакомец, «приходящий позже». Я уже мог не ломать комедию.

— Вы явились вовремя: я совсем было нацелился в этот проклятый бар.

— А вы сходите туда: прекрасный бар, рекомендую. Вкусно кормят — без всякой химии, гипномузыка. Сходите, сходите, лучшего места для первого вечера не придумаешь. И Линнет захватите: будет с кем танцевать.

— Вы думаете, они сняли слезку?

— Они ее и не ставили. Бедняга Энтони погорел буквально во сне: не терпел сомниферы.

— Значит, бар чист?

— Наконец дошло! Чист, чист, как напиток, который вам сегодня там подадут. Выпейте его за мое здоровье. — Он встал, высокий, сутуловатый, по-прежнему улыбающийся (интересно, будет ли у меня когда-нибудь такая же выдержка?). — Мне пора, не провожайте, не надо, чтоб нас видели вместе. — И уже у двери обернулся, сказал вполголоса: — Меня не ищите, я сам вас найду, когда будет нужно. Линнет скажите только, что я был у вас.

— Некто без фамилии?

— Я же назвался: Джеффри Мак-Брайт. Конспирация — хорошая штука, но Линнет меня знает. И еще вы теперь. Поняли?

Я понял, все понял. Или, вернее, почти все. И, главное, я не один здесь: за спиной у меня Мак-Брайт, видимо, разведчик высокого класса. За спиной у меня Линнет: я ей позвоню сейчас, договорюсь о встрече. За спиной у меня слам...

Что знал я об этой организации? Вероятно, больше, чем заправила Системы. Да и не знают они ничего,

разве только что слам существует. А где, кто, когда, с кем — рады бы изведать, да в коленках слабы: систему конспирации в сламе хоть в учебнике описывай, если будет когда-нибудь такой учебник. Есть, конечно, и провалы — ни одно действующее подполье от этого не застраховано, — но проваливаются люди — пятерки, десятки, сотни, наконец, а слам живет, борется, растет.

Кто они? Красные? Нет, это слово давно стало пугалом в Системе Всеобщего Контроля. Не для властей — увы — для обывателя, который барабанит свои шесть часов на службе, жует химию и запивает химией, смотрит по телевизору мелодрамки, а по ночам видит сны, подсказанные Каталогом.

Официальная пропаганда медленно, но верно делала свое черное дело. Старыми методами? А зачем их отменять, если они по-прежнему действенны. Красные хотят сделать все общим, отобрать у бедного труженика домик, жену, дочку, телевизор, машину? Хотят, хотят! Так опасайтесь их, кидайте в них камни, они ваши враги! Партия давно уже ушла в подполье, но решение объединить всех недовольных в одной организации пришло не сразу. Оно встречало сопротивление даже у тех, кто понимал: при существующем режиме тотального террора и сыска не выжить даже в подполье. И партия сплотила в труппах, в сламе сотни тысяч людей, которые боролись за свободу и счастье, за право жить и работать по-человечески.

Великая штука — равновесие, конечно, устойчивое равновесие: шар в лунке — старый пример из учебника физики.

Две глыбы — две системы, и живут люди... Устойчивое равновесие? Вздор, оно неустойчиво, пока существуют ложь и насилие, пока жизнь человека в Системе Всеобщего Контроля — ах, процветание, ах, земной рай! — не человеческая жизнь.

Вот почему существует слам. Вот почему слам силен. Вот почему он так страшен хозяевам Системы. Вот

почему он непобедим, и побеждает, и победит. И еще: вот почему я здесь.

Я плохо знаю структуру слама: вероятно, потом Мак-Брайт, или Линнет, или кто-то еще познакомит меня с ней, если понадобится. Опять это «если понадобится». Я не любопытен — меня так учили. Я не заглядываю в чужие окна, если это не входит в мои обязанности. А что входит в мои обязанности?

Я протянул руку к видеофону и вызвал справочную.

— Космовокзал, телефон газетного киоска, первый этаж.

На экране загорелись цифры, и я мгновенно перевел на них набор запоминающего устройства. Когда на экране появилось недовольно-удивленное лицо Линнет, я сказал игриво и нагло — ну как еще может говорить с девчонкой старый космический волк:

— Привет, девочка! Узнаешь?

Она улыбнулась:

— Что-то припоминаю...

— Могу напомнить подробности знакомства. Скажем, сегодня в семь?

Она помялась, жеманница:

— Я не уверена... Ну, если ненадолго...

— Надолго, ненадолго — разберемся после. В семь у «Семифутового»...

И, только выключив видео, подумал, что каламбур получился дурацким, если принять во внимание все сказанное Мак-Брайтом.

Глава 4

в которой не только танцуют

Бар «Семь футов под килем» я давно и прочно знал по кинолентам, прокрученным еще в Центре, но все же он поразил меня, как и рассчитывали его хозяева: неоновая девица над входом, раз-

брасывающая искры по нагретому асфальту, была ошеломительна. Линнет я ждать не стал, прошел сквозь светящиеся нити — оптический обман честных трудящихся! — и уверенно остановился у входа в огромный зал-раковину: не спеши, Лайк, не ищи никого, пусть тебя ищут, сегодня хозяин ты, у тебя деньги, у тебя слава, подожди секунду, вот уже торопится к тебе некто безликий и напомаженный, во фраке и белой бабочке — пингвин, да и только.

— Вы один? — Легкий поклон, скрытое любопытство во взгляде: сколько стоит этот клиент?

— Со мной дама. Столик на двоих и подальше от шума, — небрежно и изысканно, ленивым тоном — можно не бояться переиграть.

— Прошу вас. — Лавируем между столиками. — Этот устроит?

— Вполне. Мое имя — Лайк. Когда придет дама — проводите.

Я поудобнее устроился в кресле, вытянул ноги и посмотрел на вход. Наверно, зря я это сделал, потому что шок оказался для меня слишком сильным. У входа в зал стояла в искрящемся платье красавица. Куда исчезла мальчишеская челка — на голове нечто немыслимое в виде башни. Минутой позже она уже сидела за моим столиком и говорила капризным голосом лысому официанту:

— Два обычных, Клей, два холода. Только без искры.

Я постепенно вернулся в нормальное состояние и смог критически оглядеть соседку.

— Я вижу, вы любопытны, Лайк. Задавайте вопросы — отвечу. Сколько их у вас?

— Всего три, прелестница. Во-первых, откуда вас здесь знают? Во-вторых, что это за галиматью вынесли официанту? В-третьих, как киоскерша Линнет превратилась в снежную королеву?

Линнет засмеялась, и сразу же ее «снежная неприступность» растаяла: улыбка была совсем не королевской — обычной, милой, земной.

— С вашего позволения, я начну с третьего: я ни в кого не превращалась. Просто время такое, что королевы — даже снежные — вынуждены работать кассершами: жить-то надо. Во-вторых, если вы у себя на Луне превратились в отшельника, который не знает даже земных напитков, то нечего валить на меня: эта «галиматья» вкусна и полезна, сейчас сами оцените. А вот откуда меня здесь знают?.. — Она опять улыбнулась, теперь загадочно и холодно. — Всему свое время, Лайк, всему свой черед: узнаете и это...

— Ладно, я не тороплюсь, — протянул я, наблюдая за тем, как пингвин во фраке расставлял у нас на столе немислимые изогнутые бокалы с чем-то синим, золотым, розовым, крайне аппетитным, пожелал нам приятного вечера и исчез, а Линнет, даже не взглянув на него, спросила деловито:

— С чего начнем?

И я бухнул с размаху:

— Со слама?

А Линнет даже бровью не повела, улыбнулась, сказала:

— Советую золотой — бодрит. А потом остальные — вечер долгий...

Она пошарила рукой под столом, щелкнула чем-то, скривилась болезненно — палец прищемила? — кинула в черную сумочку какой-то кубик и уж совсем по-детски сунула палец в рот.

— Больно? — спросил я сочувственно.

И получил ответ:

— Вы кретин, розовый, довольный, ничем не прикрытый. Думаете, что вы еще на Луне, а вокруг скалы и кратеры? Напрасно. Здесь все кишмя кишит микрофонами — от нашего столика до лысины официанта, а вы преспокойно задаете вопросы, от кото-

рых у «слухачей» волосы дыбом становятся. Словом, я выключила микрофон.

— Но не хватятся ли его наши друзья?

— Не хватятся. У них на схеме этот столик пуст — не обслуживается или посетителей нет. А будем уходить, вернем игрушку на место.

Я счел объяснения исчерпывающими и попробовал золотой напиток: по вкусу он походил на мед. Но у этого золотого пойла была и своя особенность: оно не пьянило, а скорее бодрило, как стимулятор, поощряя к светской беседе.

Но светской беседы не получилось.

— Отвечу сразу на все предполагающиеся вопросы, — сказала Линнет. — Я и Мак-Брайт связываем вас со сламом, ориентируем и поддерживаем вас. Кроме Мак-Брайта, вас знает еще Первый, единственный из Большой Десятки, поставленный в известность о пилоте Лайке. Если вас не проинструктировали, поясню: Большая Десятка — это руководство слама, а Первый — глава Десятки.

— Вы знакомы с ним?

— Что вы! — Она возмутилась. — Ни с кем из Десятки. Я связана только с Мак-Брайтом и со своими агентами.

— У вас они есть?

— Конечно. Их десять.

Так я и думал. А у этих десяти свои десятки. Старая и верная система — щупальца с единым мозгом-руководством.

— Посмотрите внимательно, — вдруг сказала Линнет, — кто вошел в зал.

Я посмотрел внимательно, потом очень внимательно и все равно ничего особенного не заметил. Вошла, вернее, ввалилась, компания — человек десять — пьяная, орущая, молодая, лохматая, пестрая и еще сто эпитетов, и все подойдут.

— Кто они?

— Высокий в синем свитере, видите, рукой кому-то машет, — Факетти-младший. Вам это имя ничего не говорит?

Мне это имя кое-что говорило. Я бы даже сказал, что оно кричало: внимание, Лайк, действие начинается, скоро твой выход!

И сразу же компания у стойки бара распалась для меня на составные части, как детская пирамида, — цветные кольца на стержне. А стержнем был Факетти-младший — парень-гвоздь, душа общества, рост под два метра, глаза серые, двадцать шесть лет от роду, занимается плаванием, кончил Тринити-колледж, не работает, много пьет, репутация странноватая: кому нравится, кому нет. Откуда сведения? Откуда сведения. Я принес их в клюве и приберегал на всякий случай. Вот он, случай.

— Позвольте вас пригласить...

К столику подходит парень из компании Факетти: медно-красная морда, честно говоря, не урод, волосы длинные, прямые, как пишут в книгах, «цвета воронова крыла», перехвачены черной лентой, нос с горбинкой, черно-белое пончо на широких плечах.

— Спасибо, я не танцую.

— Что так?

— Устала.

— Так идемте к нам — у нас весело, усталость пройдет.

Как будто меня не существует: даже не взглянул в мою сторону. А Линнет волнуется, ждет моей реакции. Пора?

— Послушайте, приятель, как у вас со зрением?

— Что-что? — Полное недоумение.

— Разве вы не заметили, что дама не одна?

Ах, какая улыбка: тридцать два снежных зуба, и все свои!

— Кажется, вы меня прогоняете, так я понял?

— Вы сообразительны...

Наверное, я что-то еще хотел сказать, но не успел: он рванулся вперед, схватил меня за ворот, резко поднял с кресла — ну и силища! — прошипел, не разжимая губ:

— Сейчас ты пожалеешь о сказанном...

— Уймись, силач, — бросил я равнодушно.

Но он не внял голосу разума. Коротко размахнулся, ребром ладони — отработанный жест — ударил меня по шее. То есть ему хотелось по шее, но я увернулся, и удар пришелся в плечо. Мне стало больно, и я озверел. Я всегда зверею, когда мне больно. Он по-прежнему держал меня за пиджак, и я снизу ударил его по руке — под локоть. Он охнул и разжал руку. Я тут же схватил ее, рванул на себя, коленом — в живот, ладонью с размаху — как хотел он сам, он шлепнулся пыльным мешком у стола — отдохни, дружок.

— Что случилось? В чем дело?

Два вопроса прозвучали одновременно. Первый задал Факетти, второй — его приятель. А позади стоял гангстер-метрдетель, но вопросов не задавал: то ли стеснялся Линнет, то ли хотел посмотреть, что будет дальше.

Я вежливо поклонился любознательным молодым людям и столь же вежливо объяснил ситуацию:

— Ваш друг, к моему великому сожалению, сначала оскорбил даму, а потом и меня. Я не люблю, когда меня хватают за пиджак и дергают из-за стола, а он почему-то не захотел поступить иначе.

— Похоже на Дикого, — засмеялся Факетти, и я подумал, что он, вероятно, симпатичный и неглупый парень. — Не обижайтесь на моего друга: он слишком горяч. Давайте согласимся, что инцидент исчерпан.

Что ж, если не считать еще не пришедшего в сознание Дикого, то инцидент был действительно исчерпан: ни у Линнет, ни у меня претензий к Факетти не было. А Дикого, по-видимому, никто не жалел: его взяли под руки и поволокли к выходу.

— Вы этого хотели? — спросила Линнет. Видимо, она не любила драк.

Не знаю, хотел ли я именно этого, но дело, как говорится, сделано: Факетти меня запомнил. Теперь остается еще один шаг — напомнить ему о себе. Только вот как напомнить?

— Слушайте, Линнет, — сказал я. — Пусть ваши ребята последят за сынком: куда он ходит, как передвигается, какая у него программа на каждый день. И второе: я не хочу подвергать вас излишнему риску. Короче говоря, мне еще нужен связной, шустрый и понятливый парнишка.

Линнет ответила не задумываясь:

— Везет вам, Лайк. Есть такой парнишка. И понятливый и шустрый. Зовут его Ли.

— Пусть придет ко мне послезавтра в девять утра. Успеет?

— Успеет.

— Я назову ему место встречи, а вы приготовите сведения о Факетти. Договорились?.. Тогда продолжим веселье.

И весь остаток вечера я доказывал ей словом и делом, что она не зря пошла со мной в этот «семифутовый» кабак.

Глава 5

в которой действие происходит двумя месяцами раньше, когда Лайка в Городе не было

Утро было пасмурным и тоскливым — низкое серое небо, дождь не дождь, а так, моросня какая-то. Мак-Брайт брился в ванной, разглядывал в зеркале осунувшееся от бессонных ночей лицо — мешки под глазами, впалые щеки, а виски-то совсем седые! — и думал: сдает моторчик, на больших оборотах уже не тянет, скоро на отдых, купить домик где-нибудь на

море и забыть обо всем... О ежедневной, ежечасной опасности, о слежке, о конспирации, о делах. Да разве забудешь?

Он говорил Первому об этом, зря, конечно, результат можно было предсказать. «Мне не слаще, Мак. Ты уж потерпи: вместе начинали, вместе и кончим». Начинали и вправду вместе, давно, еще до рождения Системы, и сколько пережили, перемучились вместе — все вместе, в одной связке, по очереди страхуя друг друга. Много сделано, а сколько впереди?

Мак-Брайт закончил бриться, привычно поморщился под струйками гидромассажа и, взяв плащ, пошел к лифту. Электроль со световым сигналом «Заказ» стоял у подъезда. Мак-Брайт назвал шифр вызова, сигнал погас, и дверца открылась.

Уже отъехав от дома, Мак-Брайт сунул руку под сиденье и достал оттуда продолговатый футляр. Раскрыл его, вынул записку, смешно пошевелил губами, расшифровывая текст. Ничего особенного, обычное дело, сколько их было у него.

Ли Джексон, район Фи-Джи, Триста второй квартал, корпус, дом, квартира... Он работал у Бигля младшим оператором и чем-то не угодил ему: в записке об этом подробно не говорится. Зато Первый передал, что в пять за мальчишкой придут. Значит, надо опередить полицию.

Остановив электроль у вокзала, Мак-Брайт, согласно шифровке, прошел на тринадцатый перрон, подошел к расписанию, которое уже изучали мужчина с блокнотом и женщина, кого-то поджидавшая.

— Операция-перехват, — ни к кому не обращаясь, негромко сказал Мак-Брайт и назвал адрес, указанный в шифровке.

Потом оглянулся по сторонам, пошел вдоль перрона, нырнул в вагон поезда, отметив, что мужчина

у расписания положил блокнот в карман и не торопясь пошел к выходу, а женщина все еще ждала кого-то, поглядывая на двери в зал ожидания.

Он сошел на следующей станции, сел в аэробус, проехал пять остановок, потом долго шел пешком, сворачивая в узкие улочки-ущелья между бесконечными стенами небоскребов. Это был район рабочих кварталов — без сверкающих реклам, роскошных витрин и шикарных баров. Обычные муравейники-дома.

Мак-Брайт свернул в очередное ущелье и, оглядевшись, вошел в подъезд, по замызанной лестнице спустился в подвал, толкнул тяжелую дверь с надписью «Вход воспрещен!» и очутился в длинном коридоре с мокрыми и холодными стенами, по которым тянулись толстые — литой резины — провода. Он торопливо пробежал до следующей двери с такой же грозной надписью и постучал осторожно.

— Кто? — спросили из-за двери.

— Седьмой, — ответил Мак-Брайт.

Дверь открылась, и он оказался в жарком машинном зале с низкими потолками — какая-то районная подстанция, что ли? За машинами следили всего два человека, и обоих Мак-Брайт знал.

Один из них встретил его, проводил молча — трудно говорить в таком шуме — в стеклянную кабину в конце зала, пультовую, закрыл за собой тоже стеклянную дверь. Двое — усатый пятидесятилетний человек и высокий парень лет тридцати, — в серых комбинезонах, в шапочках с козырьком, с нашивками на рукавах, ждали молча, не задавая никаких вопросов, как ждут приказа.

— Устал, — сказал Мак-Брайт. — Есть что выпить?

— Пиво, — откликнулся усатый. — Будешь?

— Буду, — кивнул Мак-Брайт, — и ты со мной. А Рив перебьется: у него сегодня дело.

— Зачем он тебе, Мак? — спросил усатый.

— Ребята Чивера сегодня играют в полицейских. Бигль проявляет рвение, так мы его опять решили немного опередить.

— Кто сейчас? — спросил усатый.

— Мальчишка. Его приведут.

— Говорить будешь ты?

— Линнет.

Над дверью загорелась красная лампочка, замигала тревожно, и через несколько секунд в зале раздался холодный металлический скрежет.

— Это Линнет, — мигнул Мак-Брайт усатому. — Открой и последи за проходом.

В пультовую вошла, вернее, влетела Линнет — в косыночке, в цветастом платьишке: совсем девчонка с рабочей окраины.

— Наконец-то! — сказал Мак-Брайт. — Пока подождем Чивера: он с минуты на минуту появится. Я уйду в аппаратную, а ты поговоришь с новым мальчиком. Скажешь, что тебе говорил о нем Док. Задание ясно?

— Ясно. Что делать с мальчиком?

— Ты поговоришь, я послушаю. А потом Рив его спрячет.

— Зачем он вам?

— И об этом позже. Если подойдет, будешь готовить.

— К чему?

Мак-Брайт не ответил, закрыл глаза, расслабился: устал, вымотался. Он знал, зачем ему нужен мальчишка, новенький, чистый, в сламе его никто не знает. Бигль будет в ярости: что ж, не привыкать. Первый прикроет, на то он и Первый, чтоб Бигля нейтрализовать. А мальчишка в труппах конечно же обживется, привыкнет.

В пультовую быстро вошел усатый.

— Мак, там Чивер и с ним трое. Один упакован.

— Пусть войдут. — Мак-Брайт встал и пошел в аппаратную. — Поставь блокаду на вход: нам посторонние не нужны.

Он вошел в тесную, заставленную приборами комнату, где уже сидел долговязый Рив. Мак-Брайт приложил палец к губам — тише! — и нажал кнопку у двери. На стенке — белой и непрозрачной — высветился квадрат. Сквозь него видна была пультовая, Линнет на стуле и дверь, через которую двое мужчин вносили что-то длинное и тяжелое, завернутое в парусину. Сзади шел человек, которого Мак-Брайт встретил на вокзале: он там читал расписание.

— Надеюсь, живым довели? — спросила Линнет.

— Даже без царапин.

Мальчишка и впрямь оказался живым, даже слишком. После укола стимулятора он пришел в себя, вскочил, рванулся к дверям и, только налетев на Чивера, остановился.

— Вы кто? — Голос его звучал хрипло.

Линнет улыбнулась мягко и ласково:

— Свои, Ли. Нас послал Док.

Ли всхлипнул, совсем по-детски:

— Док арестован.

— Знаем.

— А чего же вы здесь сидите? — Это уже почти крик. — Его же спасти надо!

Линнет улыбнулась: уж очень трогателен был он в своем волнении.

— Мы не оставляем друзей в беде.

— А кто вы?

— Узнаешь, Ли, все узнаешь. Док просил о тебе позаботиться. Вот и ты должен позаботиться вместе с нами о Доке, о Чивере, о сотнях людей, которых арестовывают только за то, что они не пользуются сомниферами, и за многое другое — за крик недовольства, за неосторожное слово, за опасные мысли. Поэтому инспектор Ли должен исчезнуть. Вместо него появится другой Ли, борец против неправды и зла, подпольщик, сламист. Но для этого нужно время. Рив проводит тебя.

Ли обернулся: огромный Рив в плаще, застегнутом наглухо, ждал у железной двери в машинный зал.

— А вы? — Ли жалобно посмотрел на Линнет, единственную — так он думал — ниточку, связывающую его с Доком.

— Я приду.

Ли шагнул вслед за Ривом. Дверь хлопнула за ними, лампочка над пультом загорелась и погасла. Мак-Брайт встал и пошел в пультовую.

— Ну что? — Линнет ждала решения.

Мак-Брайт пожал плечами:

— Сырой материал, но научится. Всему научится...

Глава 6

в которой говорится о пользе случайных знакомств

Я проснулся ровно в девять, а получасом позже в дверь номера позвонили. Я выключил бритву и пошел открывать. За дверью стоял белобрысый паренек в нейлоновой куртке.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я из рекламного бюро Мак-Брайта: телевизоры, холодильники, радиокомбайны.

— А-а, помню-помню, — протянул я, — что-то было... Ну, заходите, потолкуем о холодильниках.

Паренек вошел следом, подождал, пока я сел в кресло, и осторожно примостился напротив — на самом кончике стула. Я следил за ним, изо всех сил стараясь казаться суровым.

— Как зовут?

— Ли, — ответил паренек.

— Кто тебе дал мой адрес?

— Линнет. Сказала, что будете меня ждать.

— А быть посмелее она тебя не учила?

Ли усмехнулся неожиданно хитро:

— Как же, по-вашему, должен вести себя рассыльный из рекламного бюро?

Я оценил ответ и вспомнил, что Линнет очень хвалила мальчишку: смекалистый, подвижный, осторожный, может быть, чересчур восторженный, но это пройдет, а так по всем данным — отличный связник, лучшего не пожелаешь. Для него я сламист с юга, привычная легенда двухмесячной давности. Зачем я здесь? А это уже тайна, и Ли не должен совать в нее нос, а должен слушаться меня во всем — это боевое задание слама.

— Вот что, Ли, — сказал я, — найдешь Линнет и передашь следующее: «Два часа пополудни, Сороковая улица, кафе «Устрица». Запомнил?

Ли повторил про себя, кивнул согласно.

— А мне что делать?

— Придешь тоже, только сам по себе.

Я не случайно позвал Линнет на Сороковую. Движение электролей там достаточно интенсивно, чтобы я мог показать весь свой водительский класс: мой план «случайного» знакомства с Факетти, вернее, его продолжения, строился именно на умении водить электроли. План этот я придумал еще в баре и тут же поделился придумкой с Линнет. Помню ее высокомерное: «Неплохо. Можно попробовать...»

Я заметил ее еще издали — она пересекала улицу, размахивая рыжей сумкой, непонятным мне предметом туалета, за который упорно цеплялись модницы всех времен.

— Девушка, — закричал я, перегнувшись через барьерчик, отделяющий кафе от тротуара, — сжальтесь над одиноким героем космоса, разделите его трапезу!

Линнет обернулась, засмеялась, узнав меня. Я подвинул ей стул, подозвал официантку.

— Прохладительное, пожалуйста.

Мы обмениваемся любезностями, пока не уходит официантка. Теперь можно перейти к делу.

— Тебе понравился Ли? — Мы перешли на «ты» сразу, без предварительных объяснений.

— Хороший паренек. Кстати, где он?

— Витрина книжного магазина около стоянки электролей. Заметил?

Заметил: тоненькая фигурка в курточке возле книжного развала — студент или школьник.

— Что успела узнать о Факетти?

— Самое существенное. По средам он обедает у отца, временно покинувшего свою резиденцию на Второй Планете и обитающего сейчас в Мегалополисе. Видишь дом с лоджиями?

— Вижу.

— Тридцать седьмой этаж, второй блок. Отец — банкир, глава фирмы «Шахты Факетти». Джин — его единственный наследник.

— Джин?

— Так зовут твоего будущего приятеля. Через полчаса увидишь его воочию.

Каюсь, я не ожидал столь быстрого разворота событий. Через полчаса на улице появится тот, кто тебе необходим, ибо он ступенька к «Шахтам Факетти», фирме, с которой связано задание Центра.

Но почему Линнет так спокойна?

— А зачем волноваться? Видишь электроль на стоянке? Он один, и другого не будет, хотя улица бойкая и диспетчер просто обязан держать здесь не менее пяти машин. Скажешь, просчет? Нет, расчет, прости за каламбур. Утром я говорила с Седьмым: это его работа.

— Давай по порядку. Кто такой Седьмой и в чем его работа?

Она досадливо поморщилась:

— Совсем забыла: ты же еще младенец в сламе. Седьмой — Мак-Брайт, это его позывной. Он связан

с главным диспетчером парка, а тому ничего не стоит держать здесь всего один электроль. Да и тот, честно говоря, неисправен.

— Его же могут в любую минуту перехватить.

— А Ли на что? «Простите, но машина заказана. Стоянка за углом, три минуты ходьбы». Мальчик хорошо знает свою роль...

— Какова неисправность в машине?

— Что-то с управлением, электроль должен сдать на третьей передаче.

Восемьдесят километров в час — скорость приличная, придется рисковать.

— Факетти один?

— Входил один. С кем выйдет, не знаю.

На той стороне улицы Ли застыл у стены дома. Пожалуй, он волнуется сейчас не меньше меня. А может, и больше: для него это — первое серьезное задание. Акция, как говорят здесь. Вот он рванулся от двери, пошел по тротуару.

— Внимание, Лайк!

— Вижу.

Из подъезда вышел высокий парень в красной синтетической куртке — Факетти! Остановился, закурил, ладонями закрывая огонек зажигалки, шагнул к электролю. Еще мгновение — и дверца машины закрылась, электроль резко рванулся с места — включено ручное управление? — нырнул в поток машин. Я помешал ложечкой тающее мороженое: пора!

Посреди площади вспыхнул багровый факел. Визг тормозов, комариное гудение электродвигателей, взволнованные крики — все это мгновенно погасло, выключилось, как звук на экране. Я не слышал, что мне кричала Линнет; просто оттолкнул стол, перемахнул через ажурную ограду кафе, побежал через площадь, лавируя между машинами, туда, где, словно в вакууме (все разбежались, очис-

тили место — погибай, парень!), горел электроль
Джина Факетти.

Я сорвал пиджак, несколько раз с силой ударил им по куполу, сбил на секунду пламя. Обжигая руки — стисни зубы, стерпи! — рванул на себя дверцу машины. Неожиданно она легко открылась. Я схватил за плечи безжизненно повисшего на руле, потерявшего сознание Факетти, потянул из кабины, повалил на мостовую — вовремя. Пламя с новой силой охватило машину.

Факетти очнулся, сел на мостовой. Я помог ему подняться и повел к тротуару, расталкивая любопытных. Он сокрушался вслух:

— Потерял сознание, как мальчишка! Стыд-то какой... — Потом повернулся ко мне: — Вы спасли мне жизнь. Я ваш должник...

— Прощаю вам долг, — сказал я.

Он засмеялся беззаботно, словно не было ни аварии, ни смертельной опасности.

— Не надо: я всегда плачу по счетам. Давайте знакомиться: Джеронимо Факетти, короче Джин. Может, слышали?

— Даже видел.

— Где?

— Кафе «Семь футов под килем».

Он всмотрелся в мое лицо, кивнул утвердительно:

— Верно. Это вы тогда Дикого приложили.

Я назвал. Он присвистнул уважительно, взял меня под руку.

— Мое спасение надо отметить. Вы за?

В тот вечер я поздно добрался к себе в отель: Джин долго не отпускал меня. В общем, можно было считать, что у меня появился в городе друг. А что касается пары ожогов на руках, так это мелочи, не стоящие доброй дружбы.

Глава 7

в которой развлекаются, стреляют и бегут из тюрьмы

С Джином я встретился на другой день на двадцатом этаже стеклянного небоскреба «Шахты Факетти», в созданном по его идее наимоднейшем клубе «При свечах». «У нас особый клуб, старина. Малость ветхозаветный, но тебе понравится».

В роскошных залах, украшенных старинной мебелью, коврами и светом тысяч свечей, нас встретили столь же старомодные туалеты — визитки, вечерние платья дам и сверкающие камни в ушах и на пальцах. Лакеи в напудренных париках и шитых золотом ливреях разносили напитки, гигантский швейцар в красных панталонах и белых чулках объявлял имена сановитых гостей.

Все это не заслуживало бы даже упоминания, если б не две встречи и следовавшие за ними события. Сначала мне пришлось пожать руку Дикому, иначе говоря, Стиву Кодбюри, оказавшемуся сыном начальника городской полиции, причем рукопожатие это не доставило никому удовольствия, кроме Джина, радостно воскликнувшего:

— Вот и прекрасно, мальчики. Теперь нас трое.

— Четверо, — поправил его женский голос.

Особа эта, несмотря на ее ослепительную внешность — рыжие волосы, распущенные по плечам, ровный золотистый загар — в цвет волос, зеленые глаза и зеленые изумруды на шее, — вероятно, не привлекла бы моего специального внимания — мало ли каких красавиц я встречу в компании Факетти, — если б не примечательный диалог между нами, диалог с подтекстом,стораживающим и многозначительным.

Мы стояли с Жаклин Тибо у стены как раз под солидным хрустально-медным канделябром с двумя десятками свечей, и я время от времени с опаской

поглядывал на него: и тяжел и огнеопасен... Жаклин заметила, потянула в сторону:

— Так безопаснее?

Вздыхнул иронически:

— У меня уже проверяли крепость черепной коробки. Боюсь, что второй проверки она не выдержит.

— Где же была первая?

— На Луне.

— Ах да, помню, Джин рассказывал...

Вот тут-то я и прозрел. Дело в том, что Джин не знал о моем приключении на Луне: я не рассказывал ему об этом. Значит, информацию о пилоте Лайке Жаклин получила из других источников, а из каких, я, пожалуй, не сомневался. Факетти-младший слишком примечательная фигура, чтобы Тейлору не заинтересоваться его связями, которые могут стать опасными для отца, владельца таинственных «Шахт Факетти». В окружении наследника должен быть «дятел», который опять-таки должен заинтересоваться новым человеком — мной. Стив Кодбюри? Мелок, злобен и глуп. Остальные не проявляют ко мне никакого интереса: провинция, мускулы без интеллекта. А Жаклин рядом, Жаклин — вся внимание, вполне подходящий сотрудник для Тейлора.

Все дальнейшее на вечер не представляло интереса: Дикий напился, и Джин предложил «сменить обстановку». Решили разъехаться, отвезти пьяного Стива домой, сменить ветхозаветные костюмы на современные и вновь встретиться в ресторанчике «Город снов», где должна была выступать знаменитая Алина.

Выходя на улицу чуть раньше замешкавшихся моих спутников, я вдруг заметил на тротуаре тоненькую фигурку Ли.

— Вам электроль? — склонился он, как принято у парнишек, зарабатывающих услугами богатым клиентам, и добавил чуть слышно: — Я давно жду. Вы нуж-

ны Седьмому. Он будет в полночь на вокзале «Торно», у второго пути.

Электроть он пригнал тотчас же, и я еще до появления Жаклин и Джина успел назвать автомату адрес:

— Вокзал «Торно».

У вокзала я нырнул в одну из крутящихся стеклянных дверей. Замелькали светящиеся таблички: «Перрон 6... 4... 3...» Вот он, второй. Еще издали я увидел сутулую фигуру Мака в плаще с поднятым воротником. Он тоже заметил меня, сложил неторопливо пухлую газету, сунул в карман, медленно пошел вдоль перрона. Я за ним. Он поглядел по сторонам, вошел в вагон, остался в тамбуре.

Когда поезд тронулся, Мак-Брайт молча курил у стены, не обращая на меня никакого внимания. Я пристроился рядом. Он выбросил сигарету и спросил:

— Удивляешься?

— Мягко сказано...

— У нас мало времени: на следующей мне сходить.

Я тебя и так прождал полчаса.

— Ли не мог предупредить меня раньше.

— Знаю. Не в этом дело. Сегодня слам идет на акцию. О Доке слышал? Его сегодня должны вынуть.

Я не понял.

— Наш термин: спасти, вырвать из рук Бигля.

— Буду участвовать?

— Будешь. Только по-своему.

— Это как?

Он не ответил, прикидывал что-то в уме, посмотрел на часы, спросил нетерпеливо:

— Где сынок?

— Факетти? Наверно, в «Городе снов». Ждет меня и чертыхается. С ним некая дива — Жаклин Тибо. По-моему, человек Тейлора.

Он поморщился:

— Худо. Отделаться никак нельзя?

— Можно попробовать. А что?

— Сойдешь со мной, поймаешь машину, вернешься в «Город снов» и убедишь Джина поехать в штаб Бигля.

Я пожал плечами:

— Убедить-то можно, только зачем?

— Я не закончил: сегодня по управлению дежурит старший Кодбюри. Вполне уместно навестить отца задушевного друга. Он с вами?

— Нет, наверно. Когда я уходил, его повезли домой: надрался до бесчувствия.

— Тоже неплохо: беспокойство о моральном облике товарища чаще всего возникает в полупьяном виде — как раз как у тебя с Джином. Приедете, поговорите, а когда начнется тревога — где-то около двух, — примешь участие.

Кажется, я начал что-то понимать: Мак-Брайту был нужен свой человек «на той стороне». Я, пожалуй, сумею сыграть роль.

— Инициатива поездки должна исходить от Факетти. А ты лишь натолкни его на эту мысль. Все понял? — Все.

Он крепко пожал мне руку и вышел.

Я выскочил следом.

У выхода на площадь дежурили два электроля. Я влез в кабину, назвал адрес, взглянул на часы. Еще есть время. Да и опаздываю я ненамного: простят заблудившемуся провинциалу.

Так я и объяснил Джину с Жаклин, стойко охранявшим от публики столик на четверых у самой эстрады.

— Кто четвертый? — поинтересовался я.

— Стив обещал подъехать, — сказал Джин, а Жаклин добавила саркастически:

— Если проспится.

— Губите вы его, ребята. Пить он не умеет, а пьет.

— А мы-то что можем сделать? — искренне удивился Джин.

— Остановить его. Поговорить. Отцу, наконец, сообщить.

Джин задумался.

— Отцу — это идея, — сказал он.

— Опасная идея, — снова вмешалась Жаклин.

И я подумал, что она не слишком любит заносчивого Кодбюри и не скрывает этого. Тут я с ней вполне солидарен, даже союзник. Вот о чувствах Дикого и Джина к ней самой я пока не знаю. Интересно, догадываются они о ее профессии? Джин не дурак, вероятно, догадывается.

— А что может сделать отец Дикого? — спросил я.

— Экономическая блокада — раз. Физическая расправа — два. А три... наш Дикий папашу боится, проверено. Вот и слетаем к папаше, пока Алина не выступила. А ее выход в два. Успеем вернуться.

— Он же на дежурстве, — сказала Жаклин без всякого удивления, видимо привыкшая к моментальным решениям Факетти.

— Ну и что? Поедем в управление. Ему сейчас скучнее, чем нам: попробуй подежурь ночью.

— Ты, конечно, сумасшедший, — пожал плечами Жаклин, — но Бог с тобой, едем. Часа нам хватит?

А Джин хохотнул только:

— Зачем больше? В полчаса управимся.

...Полицейский в бюро пропусков Корпуса безопасности некоторое время внимательно слушал нас, разглядывал водительские права Джинна — все-таки какое-то развлечение, — потом, позвонив куда-то, сказал строго:

— Проходите. Второй этаж, кабинет...

— Знаем, знаем, — прервал его Джин и шепнул мне: — Старик, наверно, решил, что к нему явился Факетти-старший.

— Полагаю, он и младшего жалует, — сказал я.

— Еще бы не жаловал! Все Кодбюри — из породы бесхребетных. Где дорого, там и гнутся. Впрочем, сам увидишь.

Я взглянул на часы: без двадцати семи два.

В приемной сидел мрачный детина с нашивками сверхсрочника и что-то писал. Увидев нас, осмотрел недовольно, нажал кнопку селектора:

— К вам трое.

Из селектора рывкнуло:

— Сейчас выйду.

Огромная резная дверь в кабинет дежурного чуть-чуть приоткрылась, впрочем, достаточно, чтобы я увидел на стене мигающую объемную карту города и огромный пульт посреди комнаты, оттуда выскользнул, именно выскользнул, а не вышел, маленький человечек в шитом золотом полицейском мундире без всяких знаков различия. Он был толст, лыс, коротконог и совсем не походил на Дикого.

— Рад вас видеть у себя, господа, — прожурчал он, сдвинул кобуру с лучевиком на живот, плюхнулся в кресло-раковину. — Как здоровье отца, Джин? Впрочем, знаю-знаю, имел честь говорить с ним вчера... Да вы садитесь, будьте как дома, если можно считать наш Корпус домом... Так что же привело вас ко мне в столь поздний час, когда маленьким детям пора бай-бай? — Вся эта чепуха была выстрелена без малейшей улыбки.

— Маленькие дети уже бай-бай, — сказал Джин, усаживаясь напротив. — Я имею в виду Стива. Собственно, из-за него мы и пришли.

— Что же он натворил, этот шалун? — спросил вкрадчиво Кодбюри-папа, и я успел заглянуть ему в глаза прежде, чем он опустил их. Страшные это были глаза: холодные, жесткие, колючие — они совсем не монтировались с обликом толстяка, этакого доброго гнома — чужие глаза, принадлежащие человеку без жалости, роботу с программой на черствость.

— Как вам сказать, — начал было мямлить Джин, но не успел: над головой детины с нашивками вспыхнула красная надпись «ТРЕВОГА», и плотную ночную тишину здания разорвал вой сирены.

— Простите, господа. Поговорим в другой раз.

Кодбюри встал, расстегивая кобуру, вынул лучевик, щелкнул предохранителем, кивнул сержанту:

— Проводите гостей...

— Послушайте, Кодбюри, — раздраженно сказал Факетти, — можете объяснить, что происходит?

Тот улыбнулся впервые — только дрогнули уголки губ.

— Как слышите, тревога.

— Сбежал кто-нибудь? — Я спросил это, не вставая с кресла, стараясь говорить как можно небрежнее. — Бывает... Вы, кстати, переставьте диапазон на прицеле: у вас там полтораста — все здание разнесет...

Он посмотрел на лучевик, передвинул бегунок диапазонов, спросил удивленно:

— Знакомы с оружием?

— Более чем знаком — в дружбе.

— Он у нас новенький, — засмеялась Жаклин: ей было явно наплевать и на Дикого, и на тревогу, и на самого хозяина. — Пилот-профессионал, герой на половинном окладе, первый друг Джина и Стива. — Дайте ему лучевик — всех врагов перебьет.

Я не был против своевременной идеи Жаклин.

— А что? Давайте попробуем! Я сейчас без работы: понравлюсь — возьмете на службу.

Кодбюри несколько секунд пристально смотрел на меня, потом подошел к столу сержанта, нажал какую-то кнопку:

— Доложите обстановку.

Из динамика на столе раздался взволнованный голос:

— Восточный блок. Круг дубль. Побег заключенного.

— Номер? — отрывисто спросил Кодбюри.

— Девяносто второй.

— Результаты?

— Блок оцеплен. Дополнительных сведений нет.

— Идиоты! — выругался Кодбюри и крикнул в микрофон: — Стягивать оцепление! Иду к вам.

Он оценивающе посмотрел на меня:

— Хотите пострелять, лучший друг Джина?

Я по-прежнему полулежал в кресле — очень уж оно располагало к отдыху, — бросил лениво:

— Буду рад.

— Держите! — Он кинул мне лучевик, я вскочил, поймав его на лету.

— Неплохо. — Кодбюри открыл ящик стола, достал второй лучевик, проверил диапазон. — Дежурный, оставайтесь здесь, следите за тем, чтобы наши гости были в безопасности. — И уже к Джину: — Постараюсь развлечь вашего друга. — И покатился к двери.

А за дверью — по пустому коридору до поворота направо, потом в тесный лифт, вверх, вверх, вверх — сколько этажей? — потом лифт начал двигаться горизонтально и наконец остановился. Мы вошли в такой же, как и внизу, коридор, только ярко освещенный и заполненный черными мундирами. К Кодбюри подскочил верзила в шлеме с защитным забралом, козырнул, отрапортовал:

— Все выходы заблокированы. Им не уйти.

— Жертвы? — быстро спросил Кодбюри.

— Один полицейский внутренней охраны. И еще один ранен. Он-то и поднял тревогу.

— Камера?

— Без взлома. Открыта шифром.

— Где же они?

Полицейский, казалось, даже ростом стал меньше.

— Не знаю. С момента тревоги мы их не слышали — ни стрельбы, ни беготни.

— А может быть, вы их проворонили?

— Никак нет. Все выходы заблокированы.

Он откинул вверх прозрачный намордник, вытер платком лицо.

— Думаю, их всего трое. И заключенный Стоун. Где-нибудь выжидают.

— Где-нибудь... — передразнил его Кодбюри. — Вам бы командовать детским хором, а не особой группой.

— Так точно, — тупо сказал полицейский.

— Ладно, к делу, — начал Кодбюри. — Четверо с лазерами — в блок «Мышь», четверых — к грузовому лифту, взвод — в грузовой двор. Остальным прочесать коридоры. Да, еще... — Он остановил стартующего верзилу: — Изоляция камер?

— Включена на полную. — И спросил нерешительно: — Скажите, вы доложили о происшедшем директору Биглю?

Кодбюри даже позеленел от ярости.

— Какое вам дело? За излишнее любопытство — двое суток ареста. Выполняйте приказ.

Тот щелкнул каблуками, надвинул щиток на лицо и побежал к отряду. Через несколько секунд полицейские с пистолетами и лучевиками пробежали по коридору мимо нас, сворачивая в боковые проходы, и только теперь я заметил в стенах глухие стальные двери, видимо открывающиеся автоматически. Рядом с каждой — прямоугольник щита-распределителя: там, вероятно, механизм двери, пульт наблюдения, черт знает что еще. А над щитами ярко горели зеленые фонарики, кроме одной двери, где лампочка тревожно мигала.

Кодбюри к чему-то прислушивался, как собака на охоте: уши напряжены, сам в стойке, сейчас бросится.

— Что-нибудь слышите?

— Может, и слышу, — сказал он. — Вот что, лучший друг Джина, мы с вами пойдем туда. — Он ткнул дулом лучевика в жерло туннеля-коридора, уходящего в темноту.

— Что там?

— Люк для отбросов.

— Вы думаете...

Он перебил, усмехнувшись:

— Представьте, думаю. Полицейские тоже иногда размышляют. Где искать отбросы? В люке для них. — Он опять усмехнулся, довольный собственной шуткой.

Темный коридор — пожалуй, низковатый для меня: я то и дело стучался головой о какие-то выступы в потолке — мы прошли неторопливо и крадучись, он впереди, я за ним. В конце коридора Кодбюри зажег фонарик, осветив массивную стальную дверь с ржавым замком-засовом и осколки стекла на полу.

— Видите, — он указал на них лучом фонарика, — лампочка. Слабенькая. Люком пользуются редко и в основном днем. А им и она мешала...

— За дверью лифт? — спросил я.

— Нет, обыкновенные ступеньки-скобы, ржавые от времени. Этой части здания лет восемьдесят.

— А этаж?

Он кивнул одобрительно:

— Соображаете... Тридцать седьмой. Высоко. Они, вероятно, еще не успели спуститься...

Он осторожно отодвинул засов, потянул на себя тяжелую дверь, наклонился над темной бездной. Я резко рванул его на себя — вовремя: откуда-то снизу полоснул узкий белый луч, лизнул стальной косяк, как перерезал его.

— Отлично, — сказал Кодбюри, — они здесь.

Он достал из кармана прямоугольный брусочек, сдвинул его, чем-то хрустнув, бросил вниз.

— Что это?

— Игрушка: усыпляющий газ. Я бы хотел взять их живыми.

Внизу в туннеле что-то стукнуло и стихло. Кодбюри выругался:

— Мерзавцы знают этот дом, как свою квартиру: они перекрыли ход.

— Чем?

— Каждые пятьдесят метров — выдвижные крышки для накопления отбросов.

— Что же делать?

— Слушать старших, лучший друг Джина. — Он снова зажег фонарик и тут же погасил его, видимо обнаружив то, что искал. Ударил рукояткой по стене, брызнули осколки. — Здесь кнопка сирены...

Здание вновь наполнил резкий протяжный звук. Кодбюри отпустил кнопку, звук прекратился.

— Поспешим к лифту. Там должны быть наши. Мы перехватим птичек прямо у выхода.

Грузовой лифт, набитый полицейскими — их было не четверо, как приказывал Кодбюри сержанту, а по крайней мере десяток, — спустил нас на первый этаж в две минуты. Грузовой двор, заставленный какими-то ящиками, бочками, непонятными конструкциями из металла, был почти пуст, если не считать четверых полицейских у автоматических ворот, еще одного — в тесной будке контрольно-пропускного пункта и троих людей в серых комбинезонах, суетящихся у огромного мусоровоза.

Когда мы с Кодбюри во главе десятка перепуганных стражей порядка выбежали во двор, эти трое уже закончили погрузку мусора и полицейский в будке нажал кнопку управления воротами. Стальные створки поползли в стороны, серые комбинезоны влезли в кабину, и машина медленно тронулась. Она уже въезжала в ворота, когда внезапно прозревший Кодбюри истошно крикнул:

— Стой! — И полицейским: — Огонь по машине!

Потом рванулся за ней, прицеливаясь на ходу, а мимо него вслед беглецам сверкнули стрелы лазерных лучей. Вряд ли я тогда соображал, что и зачем делаю, но побежал за Кодбюри. Я настиг его у ворот, схватил за плечи, повалил и упал сверху — вовремя: из уходящей на полной скорости машины вылетел такой же лазерный луч, крест-накрест перечеркнул прямоуголь-

ник ворот. Приподняв голову, я увидел, как вспыхнула будка КПП, как, перерезанный пополам, рухнул на землю полицейский, как по темному переулку, завывая сиреной, пронеслись две черные машины управления.

— Кончен бал. — Я поднялся и помог встать придавленному толстяку.

Он засунул в кобуру бесполезный уже лучевик, протянул мне руку.

— Спасибо, вы спасли мне жизнь. А лучше бы вы спасали только свою...

— Почему?

— Моя мне будет дорого стоить.

В молчании мы добрались до кабинета дежурного, он толкнул дверь и вошел в приемную.

Жаклин и Факетти мрачно курили под охраной истукана дежурного. Увидев меня, Джин радостно крикнул:

— Наконец-то! Ну, что там?

Кодбюри перебил его, не церемонясь:

— Он вам потом расскажет. — Взял листок бумаги, что-то черкнул на нем. — Отдайте дежурному у выхода, иначе не выпустят.

Когда мы вышли, я рассказал о своих приключениях. Жаклин иронически заметила:

— Приобрели новую профессию — спасателя. Второй день практикуетесь.

Я отпарировал:

— Надеюсь, вас мне спасти не придется.

— Не ссорьтесь, ребята, — тихо сказал Джин. — Эта история будет стоить места старому Кодбюри: Бигль не прощает ошибок. А это значит, что у Лайка появляется враг...

— Дикий? — спросил я и добавил беспечно: — Он и так меня не терпит.

— Тут другое, — пояснил Джин, — чувство недоброжелательства перейдет во вражду. А как враг Дикий очень опасен.

Время показало, что Джин был прав.

Глава 8

в которой Лайка знакомят со сламом

Проснулся я поздно, долго лежал не двигаясь, не открывая глаз: болела голова, руки как ватные — не поднять, не пошевелить.

Я уже клял себя за то, что ввязался в это дело. В конце концов, я Мак-Брайту не подчинен: мы делаем одно дело, хотя и разными способами. Мы можем и должны помогать друг другу, когда это безопасно. И тут же оборвал себя: не спеши осуждать Мак-Брайта. Сейчас ему прибавились лишние хлопоты — прикрывать тебя. И вряд ли бы он стал рисковать твоим положением, не продумав игры, не взвесив все «за» и «против». А ведь есть еще Первый, который, несомненно, знает и о вчерашней акции, и о моем участии в ней. Значит, оно было обдумано и согласовано. Только зачем — непонятно...

После душа я почувствовал себя значительно лучше, выпил кофе, принесенный горничной, вышел из отеля, поискал глазами Ли. Мальчишки не было. Особенно удивляться не стал, подошел к киоску, купил утренний выпуск «Новостей», перелистал тщательно. Так и есть: о вчерашнем происшествии ни слова. А разве ты ждал иного? Нет, конечно. В этом прекрасном свободном мире отсутствует одна маленькая деталь — свобода. Маленькая-то она маленькая, но без нее как-то неуютно. Хотя многие привыкают, живут, помнят извечное «стерпится — слюбится». А если не стерпится, не слюбится? Вот тогда иди в трущобы, слам, действуй, добывай себе эту свободу, рискуй ежечасно, но помни: в газетах тебя не прославят, в песнях не воспоют, имя твое в речах не рассиропят. Вот почему, к примеру, для приема в клубе «При свечах» колонки не пожалели, и даже некто Чабби Лайк в списке гостей упомянут, а о его посещении полицейского корпуса и речи нет: не событие!

Ну ладно, шутки в сторону. Что будем делать, Лайк?

— Дышишь свежим воздухом?

Резко обернулся, вздохнул облегченно: держи себя в руках, Лайк, не распускайся.

— Доброе утро, Линнет.

Она — в белом платье-тунике, сандалиях с ремешками до колен, волосы схвачены золотым обручем — смеется:

— Хочешь, расскажу, что будешь делать в ближайшие несколько часов?

— Поделись всеведением.

— Повезу тебя туда, где с тобой и о прошлом поговорят, и о будущем поведают.

— Куда поедем?

— Вокзал «Торно», — сказала она в микрофон электроля.

— Я однажды был на вокзале «Торно»...

Она удивленно спросила:

— Когда?

— Вчера. С нашим общим другом. Почему опять вокзал?

Линнет пожала плечами.

— И опять и всегда... Традиционное место встречи.

— Место встречи не должно быть традиционным: это аксиома подпольщика.

— На вокзале «Торно» семьдесят семь перронов. Интенсивность работы предельная: каждые двадцать секунд прибывает или уходит моноэкспресс. Это же главный узел Мегалополиса: он соединяет центр с рабочими «окраинами», с «трусобами», с городами-спутниками. Пропускная способность его — двадцать миллионов пассажиров в сутки. Трудно ли потеряться среди них?

Мы прошли через вертящиеся двери в гигантский распределительный узел, откуда бесчисленные эскалаторы уносили пассажиров в туннели под светящимися табло с номерами вокзальных путей. По одному из них

мы поднялись на второй этаж, прошли мимо цветной шеренги автоматов с газетами, жевательной резинкой и сигаретами, парфюмерией и значками — бляхами — черт знает с чем еще! — и наконец вышли на волю, прямо к подъезду, уткнувшему свой китовый нос в табло с расписанием и указателем «Путь № 7».

— А почему седьмой путь? — поинтересовался я. — Вчера был второй...

— Любой из первой десятки, — пояснила Линнет. — И любая станция по вкусу: от первой до шестой. Сейчас поедем до третьей.

Третья станция ничем не отличалась от первой, на которой я побывал вчера вечером: тот же длинный перрон, те же унылые автоматы, те же турникеты у выхода, та же стоянка электролей, и даже машин столько же — три, магическое число главного диспетчера.

— Поедем, — сказал я, но Линнет отказалась:

— Лучше пешком: спокойнее. Да и недалеко...

Окраина — кварталы бедноты. Здесь в ультрасовременных с виду — только с виду! — зданиях живут те, кто делает Систему сегодня: ее руки. Мне казалось — а по сути, и было так, — что я не раз проходил по теплому асфальту Семьдесят пятой улицы, поворачивая на Сто сорок шестую, шел мимо этого кондитерского магазинчика, ждал кого-то в баре Хиггинса с завлекательной надписью на дверях «У нас всегда есть что выпить!», играл в расшибалочку блестящей монетой с гордым профилем шефа Системы, стоял в очереди в кинематограф с юниэкраном, чтобы увидеть знаменитого Ланни Хоу в бовике «Планета — время любить!».

Повторяю еще раз: я не был в Мегалополисе, но был его жителем и на все вопросы давно получил ответ: и сколько людей в каждом доме, и каковы в нем квартиры (ученический пенал, увеличенный до размеров человеческого роста), и где работают его обитатели («Автомобильный центр», «Сталь Нью-Джи», «Шахты

Факетти», заводы Холлинга — несть им числа!), и как развлекаются они (кружка тэйла по вечерам, киношка или бар с традиционным стаканом, парк увеселительных автоматов или телеварьете на углу Сто пятой и Восемьдесят второй, а по воскресеньям — семейный выезд в центр — мотай свои денежки, рабочий класс!), и как любят, и как дышат, и как смеются — впрочем, как и все люди во всем мире, поделенном на две большие глыбы, бывшие когда-то одним домом, одной Планетой.

— Поспешим, — прервала мои раздумья Линнет, — нас ждут.

— Прости, задумался... Кто ждет?

— Сюрприз.

— Долго еще?

— Пришли, — сказала она, оглянувшись, свернула за угол, потянув меня за руку, толкнула плечом дверь какого-то подъезда. — Сюда.

Мы спустились в полуподвал, открыли скрипящую дверь, прошли по темному коридору со множеством кабелей, протянутых прямо по стенам, подошли к стальной двери с вечной надписью о нежелательности посторонних. Линнет постучала негромко, и из-за двери спросили:

— Кто нужен?

— Почта для Седьмого, — сказала Линнет.

Дверь открылась. На пороге стоял невысокий плотный старик в сером комбинезоне с красной нашивкой на рукаве. На ней были вышиты три скрещенные молнии. «Электрохозяйство района», — догадался я.

Старик отступил, давая дорогу.

Мы прошли через низкий машинный зал, поднялись по ступенькам к стеклянной будочке в конце его.

— Входите. — Голос был мне знаком.

В тесной комнатке — судя по оборудованию, пультавой — на табуретке сидел Мак-Брайт, а рядом на стуле — незнакомый мне человек лет сорока.

— Привет, Чабби, — сказал Мак-Брайт. — Знакомься.

Незнакомец поднялся и, прихрамывая, подошел ко мне.

— Доктор Стоун, — протянул руку.

Я пожал ее, вспоминая, где я слышал это имя, вспомнил и с уважением посмотрел на Стоуна.

— Рад познакомиться. Мое имя Лайк.

— Слышал, — сказал доктор.

— Я о вас тоже...

— Завели канитель, — усмехнулся Мак, — интеллигенция... — И Линнет негромко: — Девонька, погуляй по залу с полчаса, посмотри хозяйство Блисса.

Мы остались втроем в тесной комнатухе, где, кроме трех зачехленных пультов, стояли какие-то ящики, а за ними, в углу, виднелась еще одна дверь.

— Там подсобка, — сказал Мак-Брайт. — Мы одни, не волнуйся.

— Я не волнуюсь, я удивляюсь.

— Чему?

— Что это за игры, Мак? Непонятные приказы, непонятные действия, непонятная конспирация. Заметьте: я не спорил и не спрашивал — подчинился. Хотя зачем — один Бог знает. В конце концов, я здесь не для того, чтобы отбирать лавры у мифических богатырей, у меня несколько иная задача.

Мак-Брайт усмехнулся устало, потер ладонью глаза: они слезились, как после бессонной ночи, даже не одной — нескольких. И я пожалел, что был резок с ним: измучился, измотался.

— У нас одна задача, — сказал он тихо, почти шепотом, и доктор кивнул ему, словно соглашаясь, — и ты ее знаешь, Лайк. Ты мне не подчиняешься, и я не вправе тебе приказывать. Но любой мой приказ — это приказ Первого или с ним согласован. Кстати, твое участие во вчерашней акции — вообще его замысел. Он мне его не объяснил, некогда было. Встре-

тишься с ним — сам спросишь. — Он поймал мой удивленный взгляд, махнул рукой: мол, не перебивай, объясню. — Да-да, встретишься, и скоро — он сам назовет день. И это тоже не моя идея — его... Теперь о главном. У доктора Стоуна есть кое-что по твоему ведомству: послушай, пригодится...

Он замолчал. Доктор тоже молчал, изучающе глядя на меня. Я не любил многозначительной тишины, поэтому немедленно ее нарушил:

— Несколько вопросов, Мак. О вчерашней акции.

Тот кивнул: спрашивай.

— Спрошу кратко. Как? Что? Почему?

— Акция дерзкая, — начал Мак-Брайт, — но не первая, связанная с Корпусом безопасности, точнее — с его тюрьмой. У нас там тоже есть свои люди, и мы всегда осведомлены о внутреннем распорядке, о правилах, о положении подследственных. Даже план тюрьмы со всеми коммуникациями имеем... Расчет строился на привычке людей не замечать будничное, каждодневное. Если мусорная машина из года в год в строго определенные часы дважды в сутки приезжает на грузовой двор, то какой умник заинтересуется ее содержимым сегодня, если и вчера, и месяц назад, и в прошлом году оно не менялось? Конечно, меняются люди: шоферы, грузчики — так у них есть пропуска, которые дежурный всегда тщательно проверяет. Да и погрузка происходит у всех на глазах и занимает минуты три, не больше. И если за эти три минуты из бункера машины в грузовой люк проскользнут два человека, то, ей-богу, этого никто не заметит. Вот почему в четырнадцать ноль-ноль двое моих парней прочно обосновались в этом люке. Они должны были подняться до двадцатого этажа и спокойно дожидаться половины второго ночи, когда у тюремщиков пересменка по графику. Единственное неудобство — это путь наверх: по скобам...

— Знаю, — кивнул я, — видел...

— Вот как? — Мак-Брайт удивленно посмотрел на меня, но, ничего не спросив, продолжил: — Раз уж ты и там побывал, то, наверно, обратил внимание: от люка до камеры Дока — всего метров сорок, сразу за ней коридор поворачивает вправо, и метрах в пятидесяти от поворота сидит дежурный. Он для нас безопасен, ибо его дело — сидеть, а не шляться по коридорам, как это делает рядовой полицейский. А этих рядовых двое: один у камеры, второй у люка. Тот, что у камеры, должен был быть одним из наших...

— Осечка вышла? — поинтересовался я.

— Осечка, — подтвердил Мак-Брайт. — Парня накануне перебросили в другой караул. Что же делать? Отменять акцию? Но Дока не сегодня-завтра переведут в Централ-распределитель, а там — ищи его... В общем, решили рискнуть, а на всякий случай ввести в дело еще одного.

— Меня?

— Тебя. Это Первый предложил, я уже говорил тебе. Какие у него мотивы — Бог знает, а мне твое участие совсем не мешало. Хочешь знать почему? Да потому, что Кодбюри-старший — фанфарон и актер. Любит поработать на публику. Охранник неплохой, злой, решительный, опытный, только ему бы действовать, а не лицедействовать. Ты оказался подходящим зрителем, вероятно, даже подыгрывал, где надо. А время шло. И работало на нас. В общем, главное ты видел. А теперь перейдем к делу, непосредственно тебя касающемуся. Я об этом в Центр донесение послал.

— О чем?

— О золоте на федеральном шоссе. Сын нашего человека был свидетелем довольно странной аварии: перевернулся электрокар на шоссе, а из кузова выпало несколько больших золотых брусков.

— А охрана? — спросил Док. Голос был глуховатый и, пожалуй, слишком тихий: болезнь горла у него или просто усталость?

— Была охрана, — подтвердил Мак-Брайт. — Только странновато одета: в защитных скафандрах. Мальчишка так и сказал: «космонавты». Золото не излучает, так от чего прятаться?

— Любопытно, — сказал доктор, — а еще, пожалуй, любопытнее то, что мои сведения кое-что объясняют в этой аварии. Видите ли, — обратился он ко мне, — я проходил по следственной категории «Семь-главная», иначе говоря, по делам особо важных государственных преступников. В ходе следствия тут могут быть применены любые методы дознания, в том числе и показательный допрос. Не буду утомлять подробностями, скажу лишь, что подвергнутый такому допросу — уже смертник. Спасти его может лишь чудо, — добавил без тени усмешки, — как это и было со мной. И потом уже, допрашивая меня, следователь ничего не скрывал, пытаюсь запугать, заставить просить пощады. Он ведь знал, что ничем не рискует: все государственные тайны были бы похоронены со мной на Второй Планете.

Я даже вздрогнул от неожиданности, и, странное дело, доктор по-прежнему смотрел в пол, даже головы не поднял, и все же как-то сумел уловить, что послал меня в легкий нокдаун.

— Вас не интересует эта планета? Напрасно, пусть заинтересует. — Он поднял голову, и я увидел его глаза — тусклые, холодные, неподвижные. — Приговоренных к смерти у нас не убивают. Гораздо выгоднее растянуть смерть года на два — на три: больше не проживешь, это убивает вернее пули.

— Что именно?

— Руда. А она радиоактивна.

— Где эта руда?

— На Второй Планете. «Шахты Факетти», может быть, слышали?

Слышал, мне ли не слышать...

— Что за руда?

— Не знаю. Знаю только: радиоактивная.

— А точнее?

— Говорю: не знаю. Только такой руды на нашей Планете нет. Металл вырабатывается в лабораториях искусственным путем, а убивает вернее и быстрее любой из наиболее токсичных субстанций, известных нам. И учтите, «металл икс», добываемый на Второй Планете, может оказаться самым эффективным из них. Следователь сказал, что мне не на что надеяться: всех, кто знает об этих разработках, убивают — лишних, конечно.

— Вам известно точно местонахождение разработок?

— Что может быть известно подследственному? Он может только слушать и запоминать. Я слушал и запомнил: адрес — Вторая Планета, владелец — Факетти. Вряд ли следователь врал. Такому, как Док, говорят правду. Все равно ее через неделю-другую воочью бы увидел. Смертников не убивают: государству нужны рабочие руки — любые и побольше.

Нас не баловали сведениями о Второй Планете: слишком мало там сделано и делается с трудом. Первые колонисты в городах-куполах были героями. Их портреты печатались во всех газетах, а имена восторженные мальчишки заучивали наизусть. А дальше пошло как здесь. Выросли города, колонистов стало больше: уже появились дети, рожденные на Второй Планете. Построена обсерватория — крупнейшая в мире, правда. Возник научный центр по изучению Второй Планеты, факультет университета готовит для него специалистов, и, пожалуй, на этом факультете самый высокий проходной балл. Открыто крупнейшее месторождение нефти, разработан проект его эксплуатации. Сейчас он рассматривается в Комиссии по мирному использованию ресурсов космоса — одном из общепланетных институтов с правом решающего голоса.

Все это в нашей зоне влияния.

А что делается в зоне Системы Всеобщего Контроля — совсем туманно. Самый крупный город в зоне — СВК-два. Есть и еще города-спутники с автономным

управлением. А уровень развития тот же, что и у нас, даже пониже. Короче, сегодня — только капиталовложения, которые окупятся завтра или послезавтра.

И вдруг незарегистрированные, засекреченные разработки... Может такое быть? Практически да: Док чуть было не попал в эти закамуфлированные рудники. А теоретически и мы допускали такую возможность: территория огромная, наземные средства контроля под куполами ограничены радиусом действия. Главный совет по эксплуатации Второй Планеты еще лет пять назад отказался от постоянных контролеров с двух сторон и высказался за периодическую инспекцию. Теперь мы посылаем инспекторов в СВК-два, они там сидят, смотрят, что им показывают, слушают, о чем им считают нужным сообщить, — не более того. А не хочется сообщать — так скрыть нетрудно... Агентура на Второй Планете пока бесконтрольна.

Я встал.

— Спасибо за сведения, доктор. Они очень важны. А теперь, извините, у меня пара слов к Мак-Брайту.

Мы вышли в машинный зал. Я не стал напрягать связок, чтобы перекрыть шум, сказал на ухо:

— Его надо лечить: он опасен в таком состоянии.

— Знаю, — согласился Мак-Брайт. — Мы переправим его к нам. А как сведения? Помогут?

— Надеюсь, — сказал я.

— Я тоже надеюсь, — сказал Мак-Брайт.

Глава 9

**в которой Лайк сам начинает верить,
что он счастливчик**

Вернувшись в отель, я сразу же позвонил Джину, но не застал его: «электронный секретарь» сообщил мне, что «хозяин» уехал к отцу в офис. Не успел я отойти, как видеофон снова напомнил о себе. Появилась Жаклин.

— Чем занимаетесь, Лайк?

— Мечтаю пообедать. Хотите?

На мое счастье, она отказалась:

— Не могу, дела. А звоню я вот почему: вчерашняя история заставила сделать выводы не только папашу Кодбюри, но и Факетти-старшего.

— О чем выводы?

— Результат пока не ясен. Дикий посажен под домашний арест вплоть до вынесения приговора. А нашего друга Джина вызвали на допрос к отцу.

— А что с Кодбюри-старшим?

— Пока санкции не было. Думаю, обойдется. Говорят, Бигль с чудачествами. Да и отходчив. А Кодбюри он любит — за глупость, наверно.

Следом за Жаклин на экране видеофона возник Джин, мрачный и осунувшийся.

— Звонил? — лаконично поинтересовался он.

— Звонил, — подтвердил я. — Тебе что, на мозоль наступили?

— Хуже, — тоскливо сказал он. — У меня неприятности, Чабби. Надо поговорить.

— Так поднимайся прямо в ресторан на сороковом этаже. Я займу столик на веранде.

Джин явился быстро — официант еще не успел принести заказ, — но обедать отказался:

— Не до еды, Чабби...

Налил себе рюмку, залпом выпил, сказал обреченно:

— Беда... Мой старик совсем с катушек сошел: устроил мне концерт легкой музыки. Словом, Кодбюри позвонил ему утром, сказал, что мы все здесь катим под уклон, что нас надо спасать, пока мы не дошли до предела. И старик придумал. Поскольку я инженер-горняк по специальности, то меня ждут с нетерпением на рудниках. А ты знаешь, где рудники «Шахт Факетти»?

Я знал, где эти рудники, но сказал осторожно:

— Где-нибудь на юге?

— Как бы не так!.. А Вторая Планета тебя не устроит?

Ох, как бы меня устроила Вторая Планета, гораздо больше, чем Джина!

— Невеселая перспективочка, — присвистнул я.

— Еще бы! СВК-два. Космический рай. Туда всех уголовников ссылают. И условия там — лучше в петлю.

— А ты не преувеличиваешь? — Я старался не выдать волнения. — Привыкнешь, старина. И потом, ведь это не на век.

— А хоть бы и на год: ты бы небось не поехал...

— Я десять лет провел на Луне. Это похуже, чем Вторая Планета.

Клюнет? Клюнул.

— Похуже, говоришь? А ты сам поезжай-ка да посмотри.

— Покупаешь? — Грубее, злее: сейчас нужен именно такой тон. — Я хоть сейчас чемодан соберу.

— А ты не трепись: собери...

Я кликнул официанта:

— Счет, пожалуйста...

Расплатился молча, встал, пошел к выходу.

— Куда? — крикнул Джин.

Бросил не оборачиваясь:

— Чемодан собирать.

Он схватил меня за рукав:

— Да ты не обижайся: я пошутил.

— Зато я не шучу.

Он замолчал, дошел со мной до номера, подождал, пока я возился с ключом, вошел в гостиную, плюхнулся в кресло.

Я сел напротив, закурил — все молча, молча, кто первый не вытерпит? Не вытерпел он.

— Серьезно, Лайк: мне отступить некуда. Отец — человек слова, и он твердо решил отправить меня на Вторую.

— Когда летишь?

— На той неделе, вероятно.

— Ну что ж, — сказал я. — Своих друзей я в беде не бросаю. Только узнай у отца, что он думает по этому поводу. Время у нас есть: тебя не торопят.

Моя осторожность его не обескуражила. Умный парень, он понимал, что моя поездка на Вторую Планету зависит не от меня и не от него. Бигль, Тейлор, Факетти-старший — все они будут принимать участие в решении вопроса.

— Я тебе завтра позвоню, — засмеялся радостно Джин. — Подумай, нас опять трое...

— Кто еще?

— Как кто? Стив, конечно. Думаешь, наши старики зря друг другу морочили головы?

Он вышел, хлопнув дверью, а я не успел задать ему еще вопрос. Зачем Стив? Впрочем, пусть едет. Мне он не помешает: привык уже. Для них это вроде исправительных работ, ссылка для привилегированных. А для меня?.. Я посмотрел в окно: где-то у входа в отель должен поджидать Ли. Он-то мне и нужен сейчас, вернее, не он — Мак-Брайт.

Снова зуммер видеофона, но я не включил экрана: пусть жужжит.

Глава 10

**которой могло не быть,
если бы Лайка не мучила бессонница**

День был явно перегружен событиями: звонок Жаклин, разговор с Факетти, поиски Мак-Брайта (проклятая конспирация!), долгий и скучный спор с ним, наконец, выбор решения — есть от чего появиться бессоннице.

Но ведь от бессонницы спасет великий бог сна — сомнифер, усыпляющий мгновенно и безболезненно! Или я настолько распустился, что позволил себе пре-

небрець гэтай хитроумнай машынкай для аболванівання прастодушных жыхароў СВК? Нет, уважаемыя блюстители конспірацыі, я не пренебрегаю правіламі той краіны, в якую пападаю. І канечна жэ сомніфер стаяў у мяня на тумбочке рядом с криват'ю, і сон я выбраў па каталогу: о Луне, о моем безоблачном прошлом пилота, и лампочка на панельке прибора безотказно горела, сообщая контролеру в департаменте Бигля о том, что в Милтон-отеле обитает вполне лояльный гражданин. Но все дело в том, что сон по каталогу смотрел не я, а специальное устройство, присоединенное к сомниферу и настроенное на альфа-ритм моего головного мозга.

В общем, департамент Бигля — бывший департамент — мною не интересовался, а уж я им — и недавно. Меня волновало другое: мое будущее. Все дело в том, что на этот раз оно зависело не от меня — от Первого. Субординация есть субординация — даже в разведке. После того как я изложил Мак-Брайту свой план, он надолго задумался, замолчал, измеряя шагами комнату, заставленную моделями пылесосов, вентиляторов, кондиционеров и прочей электрочепухи (Ли привел меня в контору Мак-Брайта: это было, безусловно, опасно, но другого выхода я не нашел — спешил). Я ждал ответа, а Мак-Брайт все ходил, курил сигарету за сигаретой, потом уселся в кресле напротив, спросил:

— Ты отдаешь себе отчет в том, что может произойти?

— Что может произойти? — невинно поинтересовался я.

Он обозлился:

— Не играй в дурачка. Сам знаешь, что Вторая — это прежде всего проверка, и не одна.

— Я прошел десяток проверок.

— Не торопись, — он снова закурил — какую по счету? — Это тебе не электроли тушить. Здесь нужны

головы поумнее наших. Во-первых, я должен сообщить в Центр... И еще: сегодня об этом узнает Первый.

Я не спорил. Без санкции Центра я все равно не мог пойти на столь неожиданное продолжение операции. Другое дело, что я был уверен: такая санкция будет, подождем, два дня не срок. А Первый... Что ж, таинственный Первый, видимо облеченный немалой властью — и тайной и явной, — должен знать о моих планах.

Когда меня готовили к переброске сначала на Луну, потом в Систему, я слышал о Первом и о связанном с ним резиденте с кодовым именем Даблю-эй. Мне не давали явки к нему, никто не обещал встречи с ним, никто даже не говорил о том, что и ты, мол, будешь подчиняться ему. Подчинение было чисто символическим: даже Мак-Брайт, непосредственно связанный с Центром, никогда не упоминал ни резидента, ни его кодового имени. Я знал о нем, как и он обо мне, конечно, но в каждой моей акции, требующей помощи слама, подчинялся только Первому и его решениям.

— Быть может, он захочет с тобою встретиться, — сказал Мак-Брайт.

Зеленый огонек сомнифера помигал несколько раз, погас на секунду и вновь загорелся ровным, неярким светом: программа сменила сон. Я пожалел, что прибор не действует на меня: день завтра будет нелегким. Впрочем, на Второй Планете перспектива еще труднее. У контрразведки загребушие руки, достанут меня и там. Ну что ж, пожалуй, я уже привык к опасностям, привык к проверкам, к слежке.

Я подтянул к себе пульт видео, набрал номер Факетти. Он ответил не сразу, но не удивился, увидев меня.

— Разбудил?

Он покачал головой:

— Я еще не ложился.

— Что ж так?

— Еще один разговор с папочкой.

— Простил блудного сына?

— Если это считать прощением. Назначен директором филиала на Второй.

— А Дикого куда?

— Ко мне, куда же еще? Будет, видимо, начальником полиции на рудниках. Должность вполне для него: власть и лучевик в кобуре. По стопам папочки. Кстати, я тебе уже говорил, что Бигль простил Кодбюри-старшего? Стив подтвердил.

— Ты с отцом обо мне говорил? — перебил я: меня не интересовала судьба Кодбюри-старшего.

Джин кивнул:

— Отец не против. Спросил, кто ты. Я рассказал: и о твоей профессии, и о том, как ты меня из машины вытащил... Короче, о визе не беспокойся.

— Отлично, — заключил я. — Завтра созвонимся.

Мак-Брайт сказал: поинтересуйся реакцией Факетти-старшего на твою поездку. Вот уж это меня не волновало, и я оказался прав: Джин сумел уговорить отца. А может быть, и не пришлось его уговаривать. В самом деле, сыну понадобится поддержка — это любой поймет, — а если друзья сына проверены и надежны, то стоит ли искать лучший вариант? Нет, меня волновала реакция Бигля, а Мак-Брайт отмахнулся, сказал: не суетись раньше времени, оставь Тейлора и Бигля Первому. А кому я «оставлю» себя? Нет, Мак, каково бы ни было решение Центра, я буду форсировать события: завтра же объявляю о своем решении лететь с Джином. Что может быть? Если Тейлор или Бигль имеют улики против меня (хотя откуда? Я не успел «наследить»...), Второй Планеты я не увижу. Ну а если улики нет и я вне подозрений, то почему бы пилоту-ветерану не слетать на соседнюю планету с другом-администратором?

В любом случае я не рискую успехом задания. Если Вторая для меня закрыта, то здесь — в СВК — мне делать нечего. Если же Факетти гарантирует визу, задание мое переходит в решающую стадию...

А с Первым я встречу. Отчего не встретиться? И надеюсь, он не будет так сверхосторожен, как Мак-Брайт.

Глава 11

в которой как будто ничего не происходит

Утро, как и прежде, началось с видеозуммера. Вежливый голос спросил «господина Орта» и, получив в ответ традиционное «не туда попали», извинился и замолчал. Экран я не включал: я и так знал, кто мне звонил. Вот почему я собрался с необычной поспешностью, выскочил из отеля, перешел улицу и нырнул в маленькое кафе напротив. Чашка кофе и пара бутербродов — что еще нужно на завтрак? А если за твоим столиком уже сидит некто с бутылкой прохладительной и делает вид, что не узнает тебя, то завтракать становится просто весело.

— Что случилось, Ли? — бесцеремонно спросил я, отрывая мальчишку от коричневой бурды.

— Седьмой, — сказал он, не глядя на меня. — В двенадцать десять, подземная станция «Бэри», головной вход в сторону центра.

...Ровно в двенадцать десять я подошел к скамейке на перроне «Бэри», где уже сидел Мак-Брайт. Я его не узнал, и он меня не узнал — все, как положено, но в вагоне мы оказались рядом: два случайных попутчика, связанных коротким маршрутом громяющей, грязной, душной подземки, такой же, как и десять, и двадцать, и сто лет назад, ибо в этом городе старое отступало с трудом, сопротивляясь изо всех сил, и никому уже не нужная, вытесненная поездками монорельсовых дорог, аэробусами и электролями, почти пустая подземка все еще гремела, лязгала, перевозя редких пассажиров.

— Разрешение получено, — сказал Мак-Брайт.

— Так я и думал, — подтвердил я. — Впрочем, и вы тоже...

Он улыбнулся:

— Я рад за тебя, Лайк. Да и не останешься ты в одиночестве. Хороший помощник у тебя будет.

— Кто?

— Догадайся.

— Ли?

— Холодно, холодно...

— Линнет?..

— Верно.

И буднично, словно пересказывая мне содержание рекламной брошюры о телевизорах (его работа!), безразлично глядя в сторону:

— Инструкции получишь за два дня до вылета. Связь по-прежнему через Ли. С Линнет сейчас лучше не видется. Со мной тоже. Это ненадолго: насколько я знаю, Факетти вылетит на Вторую Планету дней через пять. Ну, да он сам тебе скажет... И еще: я говорил с Первым. Он хочет тебя видеть.

Я недовольно буркнул:

— За что такая милость?

— За послушание. За удачливость. За умение дело делать. Ты не ершишься, слушай. Сегодня вечером, часиков эдак в девять, доедешь до Пятьсот тридцать второго квартала северного района. Найдешь Сотую улицу. Сам найдешь: спрашивать ни у кого не надо. Дом с рекламой «Мотор Гварнет» на крыше. Поднимешься на третий этаж, от лестницы — коридор. Дойдешь до конца, до двери с номером триста один. Она будет не заперта. Войдешь и сядешь, не зажигая света. Понял: не зажигая света. А когда придет Первый, не пытайся рассмотреть его — это приказ! — Он устало откинул голову, прислонившись затылком к холодному стеклу вагонного окна, процедил, не разжимая губ: — Я выхожу сейчас. Ты — на следующей. Не забудь: сегодня в девять...

Я вышел из вагона, обернулся по привычке — «хвоста» нет, поднялся на улицу, похлопал себя по карманам в поисках сигарет. Не нашел, искал монетку для автомата, набрал номер, спросил машинально:

— Джин? Закурить не найдется?

Он удивленно присвистнул:

— Как здоровье, старик?

— Подводит. Нервишки никуда.

— Ну приезжай: обмоем отъезд. Виза есть.

Вот и кончились твои «местные» опасности, Лайк. Начинается новый этап. И кто скажет, будет ли он легче или труднее. Не сорвись, не сломайся.

Джин, неестественно оживленный, встретил меня у дверей.

— Ты вовремя: мы как раз обсуждаем наш космический вояж...

— Кто это «мы»?

— У меня Стив.

Перспектива общения с Диким меня мало радовала, однако пришлось смириться. Я прошел в холл, уселся в кресло, услужливо повторившее мою позу (спецзаказ, огромные деньги!), поздоровался с Кодбюри, спросил:

— Так что же вы обсуждаете?

Джин уселся напротив.

— Преимущества космической работенки.

— И в чем же они?

Ответил Дикий:

— В самостоятельности, во-первых. Ты представить не можешь, до чего надоело под опекой ходить. Где был, что делал, с кем гулял — все выясняют, все осуждают: того нельзя, это плохо... Жизни нет! А там сам себе хозяин. Власть полная!

Джин явно почувствовал себя неудобно из-за не в меру разошедшегося спутника. Усмехнулся недобро, спросил с издевкой:

— Власть, говоришь? А дело ты знаешь?

— Порядок поддерживать? Думаешь, трудности? — усмехнулся Стив. — Оружие есть, люди тоже. Попробуй пикни. Ты лучше о себе подумай: по тебе ли шапка? Справишься?

— Не знаю, — неуверенно произнес Джин.
Я протянул через стол руку.

— Вместе пойдем, Джин, — рука об руку...
Кто знал, что я окажусь пророком?

Глава 12

самая короткая

Я люблю точность, даже если она не нужна. Бывают же случаи, когда точность мешает. Скажем, сегодня: зачем приходиться ровно в девять и торчать в темной комнате дурак дураком, пока кто-то невидимый тебя не окликнет? И все же привычка, отшлифованная временем, заставила меня ровно без двух девять выйти из лифта в длинный коридор, описанный мне Мак-Брайтом. Он был пуст, и закрытые двери ничем не выдавали присутствия за ними жильцов — ни криком, ни музыкой, ни детским плачем. Между тем дом был жилой, многоквартирный: обычный украинный небоскреб-город со своими кварталами, улицами-коридорами, квартирами-пеналами за нумерованными дверями, у которых единственным, хотя и немалым, достоинством была полная звукоизоляция.

Я никого не слышал, и меня не слышал никто. И поэтому я добрался до указанной Мак-Брайтом двери без приключений, ненужных встреч и любопытных вопросов. Толкнув дверь — она действительно оказалась незапертой, — вошел, касаясь рукой стены, и, нащупав задвижку, успокоился: по крайней мере, посторонние без шума не влезут. Пытаясь разглядеть что-либо в кромешной тьме, медленно прошел вперед, налетел на что-то, чертыхнулся и услышал негромкое:

— Это стул. Садитесь.

Как пишут в таких случаях в плохих романах, «я вздрогнул от неожиданности, но тут же взял себя в руки». Плохие романы не врут: я вправду вздрогнул от неожиданности. Но спросил спокойно:

— Там задвижка... Закрывать?

И услышал в ответ:

— Не надо. Сюда никто не войдет. Чужая собственность в СВК неприкосновенна.

— А как же власть предержавшие?

Из темноты усмехнулись:

— Со мной их не было. А с вами?

Я обиделся:

— Не маленький.

Мой собеседник опять ухмыльнулся: весельчак какой-то попался.

— Догадываюсь, что не маленький, хотя и темно-вато здесь.

— В темноте видеть не умеете?

— Не обучили. А вас?

— Я самородок: обладаю инфракрасным зрением, — сказал я и тут же понял, что сморозил глупость.

А невидимый собеседник в отличие от Мак-Брайта глупостей не спускал:

— Вы сначала говорите, а потом думаете, не так ли? Оригинальное свойство для разведчика...

Я не стал задираться: виноват — получи свое.

— Простите: сорвалось.

— Прощаю, — сказал он милостиво, добавил: — Как вы догадались, наверно, меня зовут Первый.

— Я не догадался. Мне сообщил об этом Седьмой...

Ему явно понравилось, что я не назвал имени Мака, хотя мог: Седьмой — это не для меня, а для слама. Готовясь к заданию, я не слишком разобрался в цифровой иерархии слама, да и не спрашивали меня об этом. Мак-Брайт для меня был только Мак-Брайтом, а загадочный Первый, хрипящий из тем-

ноты — астма у него, что ли, или гланды не вырезаны? — был недоступным и невидимым. Вот таким: темно-расплывчатым, немногословным, почти неральным в чернильной темноте комнаты-пенала, где даже освоившиеся без света глаза едва различали очертания: кровать у стены и на ней не фугуру, а нечто мешкообразное, бесформенное.

— Времени я у вас отнимать не буду, — начал он. — И мне и вам оно слишком дорого. О том, что вы сумели сделать, знаю. На комплименты не рассчитывайте: работаете слишком грязно. Пока вам везет, но «пока» не вечно. Удивляюсь, с каких это пор у вас в Центре отдают предпочтение горячим головам. Как правило, они быстро слетают.

Я решил стиснуть зубы и молчать: черт с ним, пускай читает свои нотации. Работать-то буду все-таки я, а не кто-то с «холодной головой»...

А он продолжал сечь, ничуть не заботясь о нервах наказуемого:

— За вами вьется целый хвост квазигероических поступков: драки, стрельба, погони. Эффектно, но подозрительно. Недаром Тейлор приставил к вам одного из своих лучших агентов — Жаклин Тибо. Конечно, вы скажете: подозрения — не улики. Милый мальчик, от подозрений до улик — меньше шага. Не оступитесь: ни Тейлор, ни Бигль ошибки не пропустят. А на Второй Планете вас ждет еще один цербер, пострашнее местных: Крис Уоррен. Запомните. Мак-Брайт подготовит вам «легенду» для него, но берегитесь: он умен и хитер. Здесь мы могли вас страховать. Там это будет сложно. Линнет — искусная подпольщица, но она женщина. Не слишком рассчитывайте на нее: она летит для связи. Так что помните: вы один, и задача у вас по силам лишь одному, как это ни парадоксально. И еще, вам не нужны сведения, вернее, только сведения. Главное — доказательства, да повесомее, чтобы можно было раздавить это гнездо. Поймите: если вы провалитесь, мы

не сможем подобраться к тайне Второй Планеты еще очень долго. Стало быть, вы погубите не себя — дело мира. Себя не жалко? Согласен. Но вы работаете не на себя — на все человечество, как ни громко это звучит. Здесь мы позволяли вам играть в героя. Вы похожи на солдата, обезвреживающего мину: резвитесь, пока не добрались до нее, но, когда она у вас в руках, осторожнее! Чтобы извлечь взрыватель, нужна не лихость, а предельная осторожность. Будьте осторожны, Лайк. — Он впервые назвал меня по имени. — Есть вопросы?

— Два, — ответил я.

— Всего? — удивился он. — Что ж, задавайте...

— Почему вы приказали мне участвовать в освобождении Дока, когда только что так красочно говорили о моей осторожности?

Он хохотнул грубовато, но не обидчиво.

— Ловите? — спросил он. — Не выйдет. Эту акцию я специально придумал для вас. Я знал о замысле слама, знал и то, что он удался этак процентов на девяносто пять. Знал, что Кодбюри постарается выгородить себя в этой истории: кому охота совать шею в петлю? Он не дурак, этот Кодбюри, и прекрасно понимает, что в свидетелях лучше иметь героя, который жертвует животом своим ради безопасности страны. Вы были как раз таким героем, это же в вашем стиле: бежать, стрелять, лезть напролом. Ах, как он расписал ваши подвиги Биглю: хоть роман пиши. А Бигль любит героев, да еще таких, у которых в анкете чисто. У вас как раз чисто. Поэтому, когда речь зашла о вашей поездке на Вторую Планету, Бигль не слишком колебался: во-первых, за вас просил Факетти-старший, во-вторых, аттестация Кодбюри.

— Значит, вы знали о том, что я собрался на Вторую?

— Догадывался: конечная цель вашего задания — именно там. Рано или поздно встал бы вопрос о вашей выездной визе. И в этом случае лучше иметь союзников... — Он помолчал и спросил: — Все?

— Еще один вопрос... — сказал я.

— Говорите.

— Не обижайтесь, Первый, — медленно начал я. — Нотации и советы, быть может, необходимы, но их мог бы передать и Седьмой. Скажите честно: зачем вы меня вызвали?

Он долго молчал — видимо, обиделся все-таки, потом сказал с какой-то грустной усмешкой:

— Вы правы. Простите старика: я просто хотел посмотреть на вас, если это слово подходит к ситуации. Мне уже никуда не выбраться отсюда: разве что провал. А знаете, чего мне бы хотелось? — И, не дожидаясь ответа, закончил: — Поменяться с вами местами. Да и возрастом тоже... — Он засмеялся. — Не слушайте, все это вздор и старческая болтовня. А теперь идите и не оглядывайтесь. Идите-идите, а я, как всегда, остаюсь...

Я встал и пошел. Сначала по коридору с мертвыми дверями, потом по лестнице — не захотел пользоваться лифтом, — потом по улице — под мелким теплым летним дождем. А в голове звучала последняя фраза Первого: «Идите, а я, как всегда, остаюсь...»

Глава 13

в которой пойдет речь об одном совещании

За окнами-стенами верхних этажей Дворца дружбы плыли и кучились облака, упавшие на город. Новое стоэтажное здание Дворца — все из органического стекла без видимых швов и стальных скреплений — было построено еще в первом десятилетии века. Легкое и прозрачное, оно возвышалось над городом, как елочная игрушка великана из космоса, а специальное устройство создавало вокруг него неутихающий вихревой поток, защищавший игрушку от воздушных течений, циклонов и бурь.

В этот хмурый день на заоблачных высотах Дворца, где разместилось руководство объединенных свободных стран, здесь, в кабинете начальника разведывательного Центра Дибитца, встретились его друзья и соратники из разведок других континентов — Шари и Амер.

Все были немолоды — какая же молодость пятьдесят с лишним? — и все знали друг друга добрый десяток лет. И понимали друг друга даже не с полуслова, а со взгляда, с интонации, с мимолетного движения губ. Все трое были профессионалами, да и дело связывало общее, знакомое до мелочей: от психологии разведчика до умелого обобщения частных фактов, что в жизни зовут пустяками, а в разведке объективными данными.

— Вы ознакомились с моим докладом Совету? — спросил Дибитц и в ответ на молчаливый кивок собеседников добавил: — Значит, преамбула не потребуется.

— О рудниках на Второй мы уже слышали, — сказал Шари. — Вербовщики СВК появились не так давно и у нас.

— Рудники, с которых не возвращаются, — усмехнулся Амер. — И у нас побывали эти ловцы человечины.

— Официальный отбор?

— Вполне. Вежливое приглашение от имени «Разработок Синау». Алюминий и медь.

— Чепуха, — сказал Дибитц. — Активность медеплавильных и алюминиевых заводов в СВК не увеличилась. Тут что-то другое.

— А почему они не отправляют на Вторую механизмы? — спросил Амер. — Человечина дешевле?

— Не только. Разные месторождения — разные механизмы. Пошлют машины — мы сразу скажем, какая руда.

— А вдруг золото?

— Едва ли. Какой им смысл скрывать? Их территория — их и золото. На долю в добыче мы не поку-

шаемся. И еще одно: почему не возвращаются с рудников? Нагруженные золотом возвращенцы были бы лучшей рекламой приисков. Новый бум, золотая лихорадка в космосе! Нет, друзья, тут что-то другое. Я не называю, что именно, в докладе Совету, но у меня есть свои предположения.

— Поделишься?

— Для этого мы и собрались. Прибыл связной от нашего резидента в Восточном Мегалополисе. Слушаем?

Он нажал кнопку селектора.

— Кто в приемной?

Светловолосая девушка на экране вежливо проворковала:

— Даблю-би.

— Надеюсь, вы не будете в претензии, если я не раскрою кодовый псевдоним. Имен у него много, а настоящее он и сам забыл, — улыбнулся Дибитц, вставая навстречу вошедшему.

Описывать его мы не будем. Это Мак-Брайт. Он чисто выбрит, подтянут, вежлив и холоден.

— Связной из Мегалополиса, — представил его Дибитц. — Садитесь.

Мак-Брайт, поклонившись, молча сел в подвинутое Дибитцем кресло.

— Рассказывайте.

— Основное я уже изложил в памятной записке.

— Товарищи ее не читали. Повторите вкратце.

— Около полугода назад у нас появились сведения о загадочной активности администрации СВК в сто тридцать втором квадрате юго-восточного сектора Второй Планеты. По официальной версии, речь шла об открытии богатых месторождений меди и алюминия. Однако в геологических кругах сообщение не подтвердилось. А между тем резко увеличилось число грузовых космических рейсов. Проследить прибытие и характер грузов на космодромах СВК, к сожалению, не

удалось. Один космодром на юге мы засекли, но ни проникнуть туда, ни выяснить направление грузовых маршрутов не сумели: охрана почты непреодолима, специальные локаторы и круговой лучевой прострел не позволяют приблизиться к объекту даже на сто километров.

— Судя по данным памятной записки, вам больше повезло с обратными грузовыми рейсами.

— Они проходили в обычных, незасекреченных условиях. Регулярные грузовые рейсы в соответствии с потребностями колонии. Самое любопытное, что из СВК не было отправлено ни одной партии рудничных механизмов — ни экскаваторов, ни драг, ни буров. Только люди. Или завербованные рабочие, или приговоренные к каторжным работам в колониальных геоместорождениях.

— Откуда сведения? — спросил Амер.

— От нашей агентуры в подполье, частично из «космических» источников и непосредственно от Даблю-эй. По его предложению и был нацелен ваш агент на разгадку этой засекреченной операции. Коэффициент секретности ее мы кодируем как шесть к тринадцати — самый высокий уровень охраняемости научных и промышленных тайн. Однако и в ее «стенке» открылась щелка, агентуре связанных с нами сламистов все же удалось в конце концов засечь продвижение грузов специального назначения на стратегическом шоссе Южного Мегалополиса и даже увидеть — к сожалению, случайно! — столкновение электрокаров. Но подойти к месту аварии оказалось невозможно: все было оцеплено кругом на несколько километров. Свидетели аварии были схвачены, сумел бежать только один мальчик лет десяти — двенадцати. По его словам, из разбитой машины выпали на шоссе огромные брикеты, более полуметра каждый, из желтого металла, блестящего, как армейские пуговицы.

— Что же вы предполагаете?

— Металлическую оболочку, футляр. Латунь или краска. Камуфляж под золото. Золото в глазах обывателей объяснит и охрану, и секретность, и жестокость расправы со свидетелями.

— Кто же возглавляет операцию? «Разработки Синау»? — поинтересовался Шари.

— «Разработки Синау» — такой же камуфляж, как и псевдозолотые футляры. Финансирует операцию мультимиллиардер Факетти, президент Восточного банковского консорциума, а суть операции, ее перспективы и характер — пока не разгаданная еще загадка. Над разгадкой ее мы сейчас и работаем. Ваш агент уже успел подружиться с сыном Факетти, прожигающим жизнь балбесом, и его светским окружением в Мегалополисе. Это одна из дорожек к раскрытию тайны, другая — в подполье. Третья — непосредственно в СВК-два, куда и вылетел сейчас ваш агент.

— Я думаю, все, — сказал Дибитц и кивнул Мак-Брайту. — Подождите в приемной. Возможен дополнительный разговор.

Дибитц задумался. Что-то в рассказе Мак-Брайта подсознательно его очень встревожило, но что именно, он бы не мог ответить.

— Я полагаю, — сказал он наконец, — что вас всех волнует одна деталь. Что в брусках? Промышленные тайны уже не тайны, и нужно что-то сверхординарное, чтобы так зашифровать операцию. Предположения, конечно, у нас есть.

Есть и некоторые подтверждения их. Например, мне приходит на память один случай, до сих пор не нашедший объяснения. Месяца два назад к границам нашей зоны на Второй Планете приполз человек. Буквально приполз по холодным пескам планеты. Одежда в клочьях, изъязвленное тело и мутный взгляд умирающего. Он действительно умирал и умер на глазах у пограничников, успев только даже не вымолвить, а выдохнуть с последним вздохом: «Это не золото... Не верьте... Нет...»

— Человек оттуда? — спросил Шари.

Дибитц кивнул

— Отчего же он умер? От истощения, от голода или...

— Вот именно «или»! — вздохнул Дибитц и помолчал, прежде чем закончить: — Он умер от радиации. Скафандр с поврежденной антирадиационной пропиткой.

Когда совещание окончилось, генерал снова включил селектор.

— Даблю-би ждет? Пригласите.

Мак-Брайт снова вошел, такой же подтянутый и холодный.

— Садись, Мак.

Взгляд Мак-Брайта потеплел.

— Спасибо, шеф.

— Брось шефа. Мы одни. И к тому же старые приятели. Вместе учились...

— Теперь я юрист. Торговец.

— Юрист — сопутствующая нашей профессии. Много у нас профессий-спутников. Сегодня юрист, завтра химик. Сможешь?

— Смогу.

— Пока не требуем. Сейчас требуется одно. Сыграть всем партию Лайка. Продумать каждый его ход. А Лайк не промахнется, если увидит цель. Но цель прикрыта, а Лайк открыт.

— Легенда сверхпрочная. Металл.

— И металл подвержен коррозии. Давай откровенно, Мак: так ли безоблачно небо Лайка?

— Облака есть... Одно даже следует за ним повсюду. Жаклин Тибо.

— Тибо... Тибо... — раздумчиво повторил Дибитц. — Рыжеволосая русалка с несходящим загаром. Вспоминаю. Лет десять назад мы накрыли ее как некую Гордон, студентку. Была замешана в деле Темпесты. Но ушла. Дьявольски умная баба. Теперь ей, должно быть, тридцать пять или больше.

— Похоже.
— Опасна?
— Не знаю. По-моему, Лайк справляется.
— Меня пугает не слезка. Я просто не знаю его следующего хода в нашей игре. Мы уже в ней не участвуем.

Глаза Мак-Брайта улыбнулись.

— Как знать? — сказал он.
— Мы же не имеем агентов в СВК-два.
— Кодовых нет. Но цепочка «слама» завязана и на Второй Планете. Кроме того, я посылаю одного вместе с Лайком. Вернее, одну — Линнет Тэкер. Теперь мы будем играть по переписке.

— Космолеты — это месяцы и месяцы, а лазерная связь закрыта для частных лиц.

— Мы протащим нужное в любом ведомственном сообщении. Между строчками или между словами. Смотря как и что кодировать. А первый ход Лайка уже намечен. Выход на Факетти. Прямой и бескомпромиссный.

— Точнее, на его «тень»?

— Естественно.

— Значит, еще одна проверка. Лайк предупрежден?

— Конечно.

— Я старомоден, Мак. Не доверяю я нашей психотехнике. А Крис Уоррен — один из лучших контрразведчиков СВК. Умеет ставить рогатки.

— Мне тоже их ставили по пути сюда. Прошел...

Глава 14

в которой Лайк вылетает на Вторую Планету

Я выбрал ее все-таки по трем соображениям.

Все ощутимее сгущалась вокруг меня атмосфера подозрений, не рассасывающаяся, как северные туманы. Тейлора я чисто не «прошел». Где-то оставил

позади кончик ниточки, которую неумолимо вытягивали чьи-то цепкие пальцы.

Другой причиной, побудившей меня расстаться с Восточным Мегалополисом, было его информационное истощение. Никто по-прежнему не возвращался с рудников Второй, ни один космолет с завербованными не покидал космопорта Мегалополиса, и содержимое интересовавших Центр загадочных металлических брусков, один раз обнаруженных в грузах СВК-два, по-прежнему оставалось загадкой.

Последним толчком, который снял мои колебания перед поездкой, была встреча с Первым в темноте старого трущобного небоскреба. Командировка в СВК-два была обдумана и утверждена, хотя и не обещала мне неперменной удачи. Пройти «тьень» было еще труднее, чем Тейлора. Я не обдумывал заранее всех возможных вариантов проверки — путешествие предстояло неблизкое.

А в салоне космолета меня ждали совсем уже непредвиденные встречи. В стороне от Дикого и незнакомых подонков, с увлечением играющих в «фаро» — кого только Факетти не тащит с собой в свои поездки, — с отчужденным и независимым видом сидела Линнет. Синие глаза ее из-под мальчишеской челки скользили по страницам иллюстрированного журнала, не обращая на меня никакого внимания. Мне следовало обрадоваться, а я недоумевал. Случай это или запланированное мероприятие? Выяснить следовало сразу, и я сел рядом, презрев конспирацию.

— На Луну или дальше? — в упор спросил я, даже не поздоровавшись: церемонии между нами были излишни.

— На Вторую, — ответила она, синие глаза смотрели строго, без удивления. — И не с тобой. Я сама по себе. У меня в СВК-два тетка, врач-психиатр.

— Интересно, — сказал я, — может пригодиться.

— Тебе — да. — Она произнесла это без малейшей иронии, даже без улыбки.

Значит, все-таки запланированное мероприятие. Вероятность психопроверки, оказывается, предусмотрена: выводят на рудники. Только почему Первый позаботился о явке и связном, но ничего не сказал о возможной психопроверке? Должно быть, решили не ограничивать моей свободы действий, а выход на связь предоставить инициативе связного.

И я переменял тему:

— Я давно хотел спросить, откуда ты знаешь Факетти?

— Кого я только не знаю! Мой киоск в космопорте — все равно что бар в районе центральных улиц.

— Он что-то опаздывает.

— Кто? Факетти? Он уже давно здесь. В кабине экипажа. Сейчас выйдет.

Но вышел не он, а... Жаклин, как всегда, элегантная, в легком туристском костюме. Научились мы все-таки обходиться без скафандров в космических путешествиях.

Она присела на ручку переднего кресла. Линнет мгновенно замаскировалась в ледяной отчужденности.

— На Вторую вместе с Джином? — Дурацкий вопрос, как будто она не знает...

— Угу. А вы?

— Тоже. Я года три не была на Второй. Люблю этот «золотой ад».

— И я, — сказал я сквозь зубы.

— Почему вы так лаконичны? Помешала?

— Не говорите глупостей, Жаклин.

— Тогда хоть познакомьте меня с вашей дамой.

— Линнет Тэкер, — сухо представилась Линнет, не давая возможности этого сделать мне. И очевидно, с умыслом, потому что продолжила она совсем неожиданно: — Однако вы ошибаетесь, госпожа Тибо, я не его дама. Мы только что познакомились.

— Вы меня знаете? — удивилась Жаклин. — Я вас не помню.

— Вас знают многие, а меня трудно вспомнить в сутолоке космопорта. Вы не раз покупали у меня журналы в киоске.

— Значит, ищите интересных знакомств?

Прозвучало грубовато. Не в духе Жаклин. Но я промолчал, ожидая ответной реплики. Она не замедлила:

— Преимущественно интеллектуальных.

— Что ж, Лайк подходит.

— Вы тоже подходите.

У Жаклин опять появился знакомый мне пристальный, буравящий взгляд.

— Не знаю, что вы можете извлечь из знакомства со мной.

— Другие не менее интересные знакомства, госпожа Тибо.

— Среди мужчин, конечно?

— Преимущественно.

— Женихов или поклонников?

— Ограниченный диапазон, мадам. Я включаю в него и друзей, и партнеров за ужином, и просто умных и внимательных собеседников.

Подошел Факетти.

— Чабби, как всегда, окружен женщинами. Уступи хоть одну, дружище. Нам нужна партнерша в «фаро».

Он подхватил Жаклин под руку. Жаклин поморщилась: ей не хотелось уходить.

— Когда же мы полетим? — спросила она, сдерживая зевок.

— А мы уже давно летим, — засмеялся Джин. — Вот что значит иметь космолет-модерн. Никаких перегрузок и невесомости.

Когда они удалились, Линнет шепнула, оглядываясь:

— Я не пересолила?

— Отлично, — шепнул я в ответ, — но лучше бы тебе сыграть глупышку.

— Какая разница? Меня же засекли в разговоре с тобой.

— Увы. Теперь со Второй Планеты пойдет запрос о тебе и твоих знакомствах. Жаклин — матерая волчица сыска.

— Во-первых, на Второй это не страшно. Волчиц бьют из лучевых пистолетов или топят в зыбучих песках. Во-вторых, вряд ли она летит только из-за тебя: здесь и Факетти, а она явно приставлена к нему.

— И к нему и ко мне. Но черт с ней: я привык. Лучше скажи: как мы увидимся?

— Я найду тебя, когда понадобится. Дашь объявление в вечерней газете в колонке «персоналия». В тексте упомяни любой номер «Новостей» и какие-нибудь данные, подразумевающие время и место встречи.

Я так и предполагал. Разведчик с тенью. Тень следует за ним, помогает, страхует и бережет от опасностей.

— Тебе дадут все нужное в гостинице космопорта, — сказала она. — Кстати, и лучевой пистолет.

— Пистолет — это хорошо. Даже отлично. Но почему в гостинице космопорта? Я же еду с Факетти.

— В космопорте на Второй тебя задержат. Проверка им ничего не даст — фактов нет. Но попадешь в СВК-два уже после Факетти.

— Джин сорвет все их замыслы.

— На Второй он в руках папочки и его второго «я» — Уоррена. Не тормошись — это еще не самое страшное. В гостинице космопорта можно что-то узнать. Тсс... она возвращается.

Жаклин подкралась к нам с беззвучностью кошки, но Линнет все же ее заметила.

— Где вы останавливаетесь в СВК-два? — спросила Жаклин.

— У больной тетки. Я ее единственная родственница, а ей нужен уход.

— Не лучше ли нанять сиделку, а самой поселиться в гостинице?

Линнет сымпровизировала наивный испуг:

— Я боюсь этих гостиниц. Вы сами сказали: «золотой ад». Повсюду стреляют, как в тире.

Кажется, она решила все-таки сыграть глупышку. Не поздно ли? Должно быть, это заметила и Жаклин, потому что следующий ее вопрос был задан уже тоном следователя:

— Почему ваша тетка живет на Второй?

— Она там работает.

— Кем?

— Врачом.

— Вы сказали, она больна. Чем?

— Результат аварии аэробуса. Переломы и прочее.

— И долго вы там пробудете?

— Как поживется. Я взяла длительный отпуск за свой счет.

— И вам его дали?

— Помог Факетти.

— А откуда вы его знаете?

— Я бы могла задать тот же вопрос и вам.

«Следователь» на минуту задумался, отыскивая брешь в показаниях «допрашиваемой». Я воспользовался этим и демонстративно зевнул:

— Спать хочется.

Меня действительно что-то убаюкивало, как мелодия, доносившаяся из глубин космоса.

— И меня клонит ко сну, — обрадовалась Линнет.

Жаклин поморщилась:

— Надо было выпить вербены. Тогда бы вы продержались дольше. Они выпустили снотворный газ... Теперь вы проспите все путешествие.

Я даже поежился от удовольствия. Какое счастье лететь с таким предупредительным экипажем.

Глава 15

в которой Лайк совершает вынужденную посадку

После посадки у космовокзала СВК-два металлический голос диктора объявил:

— Всех поименованных в списке пассажиров ожидают въездные визы в сервис-бюро вокзала. Непоименованных просят пройти в гостиницу. Регистрация не обязательна.

Голос откашлялся и прочитал список. В списке меня не было. Мы переглянулись с Линнет, и глаза ее сказали: «Я же предупреждала. Выходи последним».

Ко мне подошел явно смущенный и растерянный Джин.

— Ничего не понимаю. Я сам продиктовал список в лазерограмме.

— Может быть, здесь перепутали?

— Ты подожди в отеле. Надеюсь, все тут же будет исправлено.

По стыковому туннелю эскалаторная дорожка доставила нас прямо в холл космовокзала под высоким стекловидным куполом, открывающим тусклое небо. У киоска с местными сувенирами она разветвлялась — правая с теснящимися на ней пассажирами уходила в сервис-бюро, левая уводила меня одного в привокзальный отель. Я поймал утешающий взгляд Линнет: «Не волнуйся. Все будет как надо».

Незаметно и неизвестно откуда на мою сиротливую панель вскочил атлет в белом мундире и таком же шлеме с буквами «ПОЛ». Полиция СВК-два, расшифровал я. Он подхватил мой чемодан и перескочил на другую ответвляющуюся дорожку: «За мной!»

Завернув у бара, дорожка взвилась вверх и снова выпрямилась на втором этаже, минуя поочередно строй выпуклых белых дверей, похожих на сейфы или холодильники. У одной из них мой спутник поднял руку и соскочил на уложенную цветными

плитками площадку. Дверь «сейфа» вела в мой гостиничный номер из двух комнат и ванной, где мне предстояло ожидать решения судей: чист я перед властями или нет.

— Шон Лири, сержант службы безопасности, — представился мой беломундирный спутник, войдя в комнату, служившую, по-видимому, гостиной или домашним баром, и снял шлем. Без шлема он оказался здоровым, рыжим веснушчатым парнем, всосавшим вместе с молоком матери древний наказ «держат улыбку». И он держал ее, не снимая в течение всей последовавшей процедуры.

Сначала нажал кнопку на стене, и копия знаменитых «Сумерек» Уонтона в серебряной раме сдвинулась вправо, открыв ряд замаскированных полок, наподобие древнего бара, модного лет сто назад. С одной из полок он снял что-то вроде сброшенной шкуры змеи, оказавшейся свернутым комбинезоном-скафандром, длинноствольный пистолет-лучевик и знакомую рацию космолетчика на чужих планетах: приемник — серьга и передатчик — часы-браслет.

— Получите весь набор, о вас уже позаботились. Только заполните и подпишите обязательство вернуть все при отбытии назад. — Он подбросил пистолет в руку, ему, видимо, не хотелось уходить. — Пистолет гиперзвуковой на двести молний. Заряжать не нужно, наводка автоматическая. При попадании, если вы предварительно переключите вот этот рычажок на панельке, трансформированный луч не убивает, а только выводит из строя на несколько часов без членовредительства. У меня такой же. — Еще шире улыбнувшись, он сунул руку под мышку.

— Все это мне знакомо, — зевнул я. — У меня сухость во рту после спячки в космосе. Есть чем горло промочить?

Сержант бросился к панели вполне уже современного бара, поколдовал стрелкой на шкале и принес

бутылку с блюдечком на подносе. В блюде чернели сморщенные горошинки.

— Чилит, — сказал Лири, — местный земляной орех, поджаренный между прочим. Жует между выпивками.

Я пожевал. Приемлемо. Выпил. Тоже приемлемо. Спросил у сержанта:

— Значит, въездных ждут здесь? А выездных?

— Выездные редко кому дают. Чаще совсем не дают. На родной Планете возвращение не жалуют — перенаселенность. Приехал работать — работай!

— Где?

— Есть назначение — где положено. Нет — отправляем в «Синау» или Лоусон.

— «Синау» — это понятно. Медные рудники, — сказал я. — А Лоусон?

Полицейского словно подменили. Он даже не пробормотал, а промычал сквозь ореховую жвачку:

— Не понимаю.

— Ты назвал только что «Синау» и Лоусон.

— Вы ослышались. Я назвал «Разработки Синау».

— А Лоусон?

— Не знаю, что вы имеете в виду.

Проболтался, шельма! Обронил карту и теперь отчаянно тянет ее назад. Я мысленно плюнул и кивнул на дверь. Его как водой смыло!

Лоусон! Когда-то это был и вправду «золотой ад». Почему вдруг на карте Второй Планеты повторилось имя достопочтенного ныне города, где давно уже забыли о выстрелах, а золото видят только в зубных коронках и украшениях? Может быть, старожилы СВК-два открыли новый золотоносный район? Брусски, выпавшие из электрокара на стратегическом шоссе Южного Мегалополиса, тоже матово блестели, как золотые. Правда, Мак-Брайт не без основания отрицал их золотоносное происхождение, но почему же все-таки Лоусон? Сержант не оговорился, а прогово-

рился — он очумел от страха, как зверек в капкане. Нет, Линнет права. И в космопорте можно узнать кое-что существенное, я уже узнал, хотя тайну Лоусона берегут, как ключи от города. Но я найду их, черт побери, где б они ни звенели — в сейфе ли у Факетти или прямо на рудниках.

Черные орешки возбуждали аппетит, мне захотелось есть. Я пошел к той же панели, где несколько минут назад колдовал рыжий парень. Стрелка снабжения шла по кругу, в секторах которого значились блюда и напитки, какие можно было получить немедленно, не спускаясь в ресторан. Тут-то меня и настиг Факетти.

— Неважно, Чабби, — вздохнул он.

— Въездной визы не дают?

— Я бы им весь СВК-два перевернул, если б не дали. Потерпи денек — передадут визу по телексу. Ты в списке есть — все в порядке. Только тобой заинтересовался почему-то сам Крис Уоррен.

— «Тень» никогда не наводит справок попусту.

— Если останешься на Второй, не произноси вслух этой глупой и бессмысленной клички. — Теперь Джин уже злился.

Он замолчал, перебирая пальцами скатерть. А мне было смешно. Я раскусил, что его огорчало. Избалованный и капризный, он боялся потерять игрушку-друга, собутыльника, напарника в лихих кавалерийских набегах на рестораны и бары. В СВК-два не любят празднующихся, а я был типичным празднующимся, отпускным космиком, баловнем счастья в долгосрочном отпуске, полным хозяином своих часов и минут. Так думал Джин. Его заставили работать, а меня никто и ничем заставить не мог. Я мог сказать: «Плевать я хотел! Что-то не нравится мне сидеть в тухлой гостинице в пустыне под куполом и жевать вонючие орешки». Только одного не знал Джин, что именно так я никогда не скажу, а согнусь в три погибели, если нужно, чтобы получить заветную визу, и буду

гнутья так перед любыми уорренами и факетти, чтобы хоть доползти до засекреченного города с именем Лоусон. Бедный-бедный, наивный Джин!

— Тебе дадут бессрочную визу, — сказал он.

— Ценю.

— Но в один прекрасный день спросят, что ты собираешься делать дальше.

— Поглядим. Может, мне и не захочется с тобой расставаться.

Джин вскочил, протягивая бокал.

— За что пьете? — спросила Жаклин у двери. Она вошла без стука.

— За прекрасную, прекрасную, прекрасную Вторую Планету, — сказал я.

— Тебя ждут в баре, Джин, — деловито произнесла Жаклин, подойдя. — «Песчанка» уже стыкуется.

«Песчанка» — песчаный корабль, сообразил я и с трудом сдержал вздох: на этом корабле для меня не было места.

— Мы придем за тобой специальный, — понял меня Джин. — И с жильем порядок: я законтрактовал целый этаж в отеле.

— Иди, иди, — подтолкнула его Жаклин, — я догоню. Мне еще надо проститься с Чабби.

Мы остались одни.

— Повезло с визой? — усмехнулась она.

— Вопреки вашим стараниям, мадам.

— Неужели вы думаете, что я летела на Вторую только из удовольствия увидеть, как вы останетесь с носом? Смешно и наивно. Вы плохой психолог.

— Не нужно быть психологом. Я знаю все виды ищек.

— Грубо.

— Что заслужили. Я бы сказал это вам еще в космолете, да мешала Линнет.

— Вы явно не в духе, Чабби. Вы даже не спросили, почему я сейчас у вас.

— Я это знаю. У всех пассажиров была цель. Одни ехали к родственникам, другие на работу. Только у меня ее не было и нет.

— А если появится?

— Цель?

— Нет, работа. Неужели старого космика не тянет к своей профессии?

Я подумал и спросил:

— Что же мне они предлагают? Летать?

— Если вас тянет — летать. Пилотировать транспортные космолеты. Если хочется пожить в местных условиях, могут предложить контроль грузов на космодромах. Нечто вроде инспекционных осмотров перед полетом.

— Вы сказали: на космодромах. Я не ослышался?

— Не ослышались. У нас их несколько.

— Не секрет, где еще?

— Секрет. Узнаете после проверки.

— Значит, будут опять проверять?

— Будут, Чабби, — сказала она твердо. — И серьезнее, чем вы думаете.

Глава 16

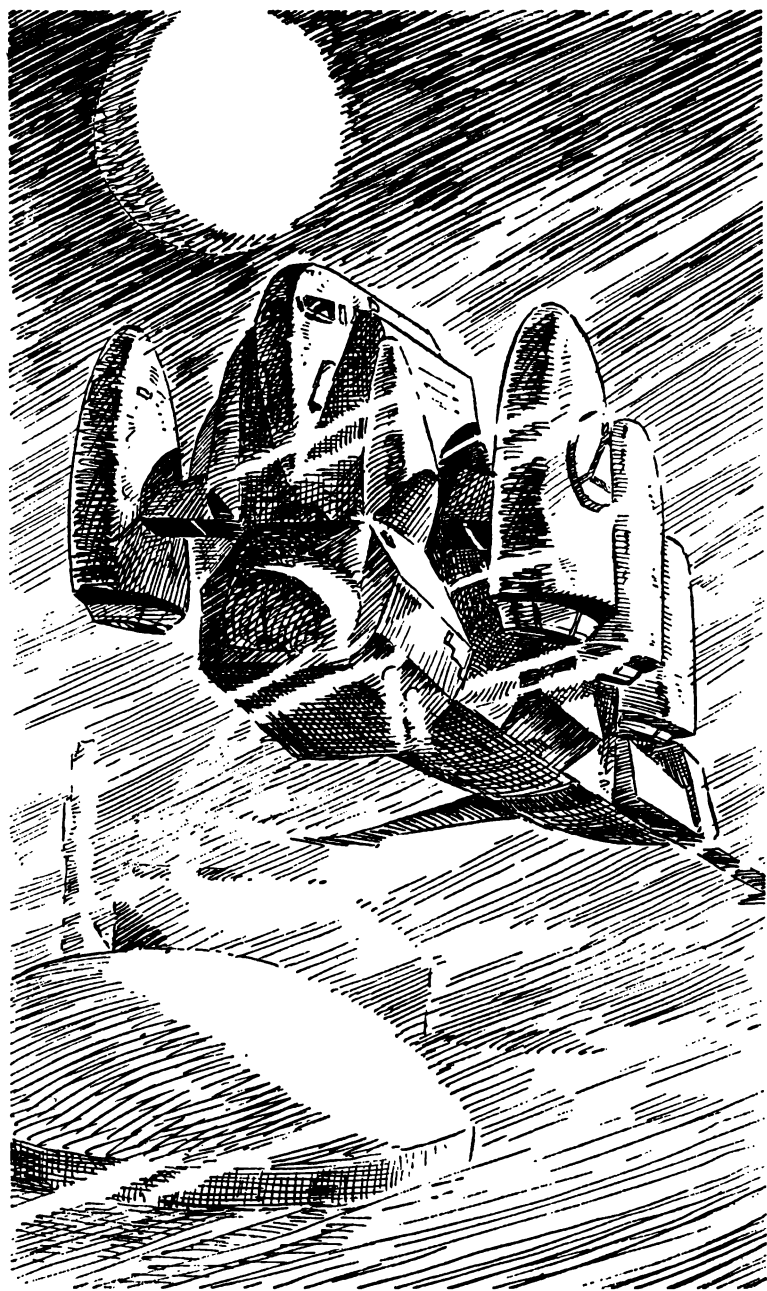
в которой пойдет речь о превратностях детской игры в «горячо-холодно»

Одно из окон моего двухзального номера выходило на территорию космовокзала, вернее, отражало ее с помощью невидимой системы зеркал, другое окно-стена было частью накрывающего вокзал купола. Сквозь его суперглассовую толщу далекое солнце казалось еще более холодным и блеклым, а кирпичная пустыня до горизонта и нависшее над ней мертвенно-лиловое небо только завершали пейзаж, от которого даже у здорового человека сводило челюсти. За толщей купола свирепствовала песчаная буря, взды-

мая валы песка, как морские волны. Сквозь этот пыльный туман можно было рассмотреть, как внизу под окном у стыковочного шлюза в синюшной траве пришвартовался песчаный корабль, а проще говоря, аэробус на воздушной подушке. С такими же стекло-видными стенками, как и наш купол, он отчетливо просматривался, и даже сквозь пылевые вихри можно было видеть, как рассаживались в креслах пассажиры, мелькнула мальчишеская стрижка Линнет, космы Джина и латунные пряди Жаклин. На меня никто не взглянул, вероятно не предполагая даже, что я наблюдал за ними, стыковочные швы разошлись, и «песчанка», похожая на стеклянного жука, убрал стойки, поплыла над кирпичной пустыней.

Холл космовокзала вдруг словно вымер — смотреть было не на что, а меня после дрянной выпивки неудержимо клонило ко сну.

Чтобы не заснуть — до ночи было еще далеко, хотя на потемневшей мертвенности неба уже заблестел узенький серп спутника, — я переоделся и спустился вниз, в привокзальный бар, в надежде на глоток чего-нибудь настоящего, несинтетического, продукта природы, а не химии, а спустившись, подивился, до чего же этот бар не похож на привычный. Там вас встречал расторопный бармен, молниеносно орудующий смесителем и бокалами, а кокетливые девицы в крахмальных наколках с пусть заученными, но такими приятными улыбками и с такой любезной готовностью принимали любой ваш заказ за цветным глянцем столика. Здесь же орудовали машины — автоматическая кофеварка, автоматический смеситель, кнопочная выдача заказов и разъезжающие по залу столики-роботы с готовым набором блюд и напитков. На какое удовольствие можно рассчитывать, когда тебя автоматически подбросит вверх внезапно выросший стул, когда бокал автоматически поедет от одного крана к другому и так же автоматически польется из этих кранов то что-ни-

будь крепкое, то что-нибудь прохладительное, а в лучшем случае не та, а спьяну нажатая кнопка выбросит вам сосиски вместо желаемых сигарет.

Пытаясь разнообразить это безмолвное удовольствие, я пробовал подсесть к столикам, где харчевались редкие посетители, чего-нибудь ожидающие, — вроде меня пассажиры, но один говорил: «Прошу пересесть — свободных столиков много», — другой молчал, упорно игнорируя все попытки к сближению, а третий просто сам пересаживался за пустой столик, захватив свой бокал с местным пойлом или жестянку с привозным. В конце концов мне это надоело, и я снова перебрался к стойке бара на выросший стул.

И тут за стойкой внезапно возник не бармен, нет, хотя белая куртка и могла ввести в заблуждение. То был техник-контролер, наблюдающий за работой раздаточных автоматов. Не все же здесь некоммуникабельны, в конце концов! И я сделал робкий шаг к общению:

— Вторая смена?

— Подменяю товарища. Обычно я работаю утром.

Ответ любезный, даже доброжелательный. Сделаем еще шаг.

— Скучно у вас с машинами. Даже о погоде не перемолвишься.

Он подмигнул:

— А с посетителями?

— С вашими молчунами заплачешь.

— Визу ждешь? — вдруг спросил он, игнорируя мою реплику. — Въездную, наверно?

— Почему «наверно»?

— Потому что парень веселый, компанию любишь, поговорить охота. Первак, одним словом. Все перваки такие. Если б въездную ждал, ни с кем бы не разговаривал.

— Интересно, — откликнулся я. Мне действительно было интересно, но спросить — почему? — не рискнул.

Он сам сказал:

— Потому что на рудниках тебе бы горло пробкой заткнули, чтоб не болтал. А сболтнешь — не уедешь.

Я задумался. Почему так откровенен со мной этот румяный техник, похожий на парня с рекламы «лучшей в мире электробритвы», почему он с полуслова открывается первому встречному, в то время как другие, даже полицейские, каждое слово берегут, как жетоны для автомата? Из-за лишней доверчивости, наивной доброжелательности или, быть может, просто от скуки, от которой изнывают здешние «первопроходцы»? Это копилка ценнейшей информации, если ее умело извлечь, не испортив замка. Ключ к нему я, кажется, подобрал.

— Угощаю, — предложил я, потянувшись к кнопке. Она выдала два бокала.

— На работу? — спросил он, причмокнув.

— Летать. Я же космик. Буду грузы возить.

— С рудников?

— Не знаю. Сначала в СВК-два, а там уж куда пошлют.

— Вот что, парень, не знаю, как тебя зовут, и не спрашиваю. — Он доверительно перегнулся через стойку и почему-то включил смеситель. Аппарат загудел.

— Зачем? — спросил я.

Он скосил глаза на край стола.

— Микротелепередатчики. Изображение передаст, а то, что говорим, не услышат. А ты слушай. Есть рудники на юго-востоке с собственным космопортом. Транспорт прямо домой, на Планету, минуя Луну. Где посадка, не знаю. Так что увиливай.

— А что, плохо?

— Гроб.

— Так я же космик. Погрузи и лети.

— Смотря что грузить.

Я сделал вид, что понял, и заговорщически подмигнул:

— Есть слушок — золото. В брусках, как в банке.

— Не все то золото, что блестит. В старые годы золотоискатели на Планете не мерли от радиации.

— А у вас мрут?

— Каждый пятый. Могилы — прямо в «зыбучке». В больнице койки стоят в строю, как солдаты. Даже на лестничных площадках ютятся. Один сбежал — рассказывал.

— Поймали?

— Ясно. Тут же и кончили. Вокзал на замок, охранники в белых балахонах — кто со счетчиком, кто с пистолетом. Я у заградительной сетки был — успел прорваться, пока не хлопнули. Ты на каком этаже?

— На втором.

— Завтра транспорт в шесть утра. Давай пораньше, пока лестницы не закрыли. Может, прорвешься. Спектакль увидишь — не пожалеешь.

Я сделал вид, что раздумываю.

— Страшновато.

— Как знаешь. Я лично не пойду — видел. А ты незнайку сыграй, если схватят. Скажешь, что кнопки в номере не работали — вот и сгонял в бар за кофе с котлеткой. Не поверят — отлупят. Только и всего.

— Масса удовольствия.

Румяный техник заржал как лошадь:

— Дело твое, конечно. Может, и не отлупят. Все-таки космик. Зато «их» увидишь.

— Кого?

— Обреченцев. Только они еще не знают про это. Жмут кнопку за кнопкой. Перваки... — И вдруг осекся, замолчал.

Бывает, страх, как молния, высветляет сознание, когда спяну проговоришься о чем не следует. Хмельной блеск в глазах его погас, и розовые щеки поблекли.

— Мне завтра в первую смену, — пробормотал он, заикаясь, и сполз со стойки.

Я ответил ему ободряющим взглядом: не роняй слюни, парень, я не дятел. Поймет, не поймет — его дело. Должно быть, понял, потому что опять порозовел, когда уходил, пятясь за автоматы.

Утром будильник поднял меня в половине шестого. Космолет уже сел — шла стыковка со шлюзом вокзала. Штаны и рубаха на «молниях» отняли не больше минуты. Столько же — ботинки с противопесчаной наслойкой: песок здесь, как ржавчина железо, разъедает любую кожу. Пластиковые подошвы делали шаги бесшумными, и полицейский, спешивший к панели, где включался механизм заградительных решеток на лестницах, меня не услышал. Резкий удар ребром ладони по шее, чуть пониже затылка, выбил из него дух по крайней мере на четверть часа. За это время я уже успел добраться до холла, пересеченного движущимися дорожками. Стыковка закончилась, и центральный эскалатор, гостеприимно журча, нес толпу пассажиров к завтраку. Кроме полицейских, в зале никого не было — ни служащего, ни продавца. Работали только автоматические киоски да сервис-сигналы, указывающие направление.

Я присоединился к толпе незаметно — при таких мерах предосторожности полицейские даже не предполагали присутствия постороннего. А посторонний в это время уже смешался с людьми, теснившимися на дорожке. Не было среди них ни юнцов, ни пожилых — все среднего возраста, от двадцати пяти до сорока, кое-как одетые, в заштопанных куртках и потертых штанах, они, однако, не производили впечатления хилых и заморенных: набирали их, должно быть, по росту и ширине плеч. Я огляделся и толкнул соседа с русой бородкой до ушей, давно уже не стриженной.

— Откуда, приятель?

— С юга.

— А здесь куда?

— В Лоусон, как и все. А ты? — Он пристально оглядел меня с ног до головы — мои «противопесчаные» ботинки явно смутили его. — Я что-то не припомню тебя на посадке.

У Лоусона собственный космопорт, принимающий транспорты прямо с Планеты. Значит, эти летели по трассе Луна — Вторая Планета.

— А я на Луне сел, — сказал я как можно небрежнее. — В СВК-два.

— Значит, в командиры? За назначением? — В его тоне прозвучала нотка отчуждения.

Я поспешил убрать ее.

— Оставь, парень. Просто увильнуть хочу.

— От чего?

— От рудников.

— Работа везде работа, — пожал он плечами, — в скафандрах или без. Дышать дают, заправку тоже.

Вербовщики, понятно, осторожничают. Полная секретность и прямой обман.

— Ты хоть знаешь, что добывать будешь? Медь или золото?

— Говорят, какой-то редкий цветной металл. На Планете его нет.

— Не люблю цветных металлов, — поморщился я. — Возня с ними. Может, что полегче найду.

— Не ты найдешь, а тебя найдут. Через час перекличка, чудак. Зачитают список по радио. Не откликнешься — щупом найдут. Есть у них такой приборчик.

— За час многое может случиться, а пока закусим. Чабби Лайк, — представился я.

— Айк Стивенс.

Мы весело сцепились ладонями и двинулись в бар. Полупустой вчера, сейчас он был переполнен. За каждым столиком гудели длинноногие парни, запивая сосиски тэйлом. Я был не совсем уверен, что сосиски произошли не от песчаного суслика, а тэйл не из мест-

ной синюхи. Но Айка больше интересовали кнопки: «Целая азбука — запутаешься». «Нехитрая азбука, все обозначено. Жми и глотай». И мы глотали и жали — он самозабвенно, а я с оглядкой: не случится ли что по близости. И случилось. Голос по радио объявил: «Спокойно. С мест не сходить. Проверка». Одновременно вошли полицейские и явно высший чин — в штатском. Я услышал вопрос и ответ: «Имя?» — «Мэллори». Взгляд в карточку с увеличительной линзой и тот же вопрос к следующему. Искали, видимо, меня — кого же еще? Мысленно подсчитал, что до нас они доберутся не раньше чем через четверть часа, и шепнул Айку:

— Не обращай внимания. Возись с кнопками. А меня уже нет. Ухожу.

— Куда?!

— Тише, черт! Найду тебя в Лоусоне, если что.

Я подтянулся на руках, опираясь на стойку, и мгновенно перебросил тело через панель с кнопками. Я еще тогда, когда пятился за автоматами техник, заметил служебный вход.

Что произошло в зале, я не слышал. Вероятно, мой гимнастический бросок попросту не заметили. А я уже был у грузового лифта, закрыть который забыли или не догадались. Скачок на второй этаж был недолог, хотя лифт тащился еле-еле. Но всего один этаж! Я бесшумно открыл дверь и выглянул в коридор. Двое полицейских спешили ко мне навстречу мимо дверей-сейфов с явно заинтересованным видом.

— Откуда?

— Из двадцать первого.

— Сколько дней в космопорте?

— Полтора с нынешним утром.

— Из-за чего задерживаешься?

— Въездная виза. Должны передать по видео из СВК-два.

— Почему разгуливаешь?

— Искал техника. Не работает кофеварка.

— Не выходи в течение часа. Не то... — Он выразительно помахал электродубинкой.

— Будьте спокойны, господа.

Ушли. Вероятно, не ведали, что именно я на втором этаже нокаутировал их коллегу.

Глава 17

о первых шагах Лайка под куполом СВК-два

Я сидел в номере, как говорится, наострив уши, все время ожидая стука в дверь или жужжания дверного зуммера. Но ни стука, ни жужжания не последовало. Полицейские в баре, пересчитав перваков, должно быть, успокоились, а их коллега, сбитый мной, вероятно, даже не смог объяснить причины обморока.

В куске красной пустыни, вырезанном окном-фильтром, песчаные вихри еще бушевали, но уже с меньшей силой, позволяя отчетливо разглядеть огромную серебристую «песчанку», соединенную стыковочным туннелем со шлюзом вокзала. На этот раз черепаха была искряще-матовой и нигде не прозрачной: импортеры перваков явно оберегали их от невеселых путевых впечатлений. Пассажиров видно не было: должно быть, их уже согнали на корабль после проверки, потому что «песчанка» расстыковалась и, убрав лапы, поплыла к пыльно-лиловому горизонту.

Я вытянулся в кресле и зевнул, а через час меня разбудили. Розовощекий сержант Лири радостно сообщил, что моя въездная виза уже с утра находится в сервис-бюро, а специально посланный за мной «карманый» кораблик уже дожидается на выходе.

Лири помогал мне укладывать чемоданы с такой назойливой и неумелой готовностью и с такой поспешностью поволок их к выходу, что я тут же почувствовал дружескую руку Джина Факетти. Она чувствовалась и в окошке сервис-бюро, где мне вру-

чили заветную визу и предупредительно сообщили, что все счета мои в космовокзале уже оплачены, а у выхода служебного шлюза меня уже поджидала совсем крохотная «песчанка», похожая на детскую игрушку из прозрачной пленки. Водителя в этой четырехместной «игрушке» не было, но старый космик Лайк не растерялся бы перед скромной панелью управления. Не растерялся и я. Указатель направления уже стоял на словах «СВК-два», кислород автоматически поступал в кабину, и мне оставалось лишь нажать рычажок «воздушной подушки».

«Песчанка», подняв тучу пыли, подпрыгнула и понеслась в кирпичную даль. Ветер смыл облако, превратив его в шлейф, и даль открылась. Красно-рыжая, будто утрамбованная катками пустыня, ключья голубоватой травы, чугунно-синие заросли колючих кустарников и — ни лужицы, ни озера прозрачной воды между ними, только лиловые полосы зыбучих песков, которые, по словам румяного техника, заменяли здесь и крематорий и кладбище. Иногда преграждали путь стены гигантских кратеров, удивительно похожих на лунные, но моя «песчанка» проворно объезжала их, уклоняясь в сторону на добрую сотню километров. Страшновато — кто спорит, но то был ландшафт, где мне надлежало прожить неделю, а может быть, и месяцы, и я цепко вглядывался в двухцветную близь и даль. Рулевое управление в машине было, но она управлялась автоводителем и ни разу не ошиблась, педантично объезжая все препятствия, которые не могла перепрыгнуть.

СВК-два вблизи оказался гигантским и прозрачным куполом, почти стометровой высоты в центре. Многоэтажные здания расходились веером от двадцатиэтажного административного корпуса в центре к одноэтажному кольцу магазинов, складов, гаражей и спортивных залов на краю купола. Ближайшие здания и перспектива улиц хорошо просматривались, но мет-

ровая толщина суперглассовой крыши, опирающейся на сетку стальных перекрытий, сообщала городу дымчато-ажурную остраниенность. Все это промелькнуло довольно быстро, хотя мой песчаный кораблик явно тормозил при подходе к стыковочному кольцу шлюза. Если издали разница между СВК-два и космовокзалом соответствовала той же разнице между половинками яблока и горошины, то вблизи никаких различий я не заметил. Тот же выдвижной стыковочный шлюз, присасывающийся краями к дверце машины, та же эскалаторная дорожка, выводившая в холл городской станции, те же киоски, сервис-бюро и бары. Никакой регистрации и таможенного досмотра, никаких встреч в знакомой пустыне холла, и вот уже я, минуя ненужные мне киоски, вылетаю на эскалаторе в город...

Город ультрасовременный, архитектурно-модерновый, с перерезывающими дома садами, движущимися лентами улиц и переулков, эстакадами бесшумных пневматических дорог, трубы которых на высоте двух этажей протянулись по радиусам улиц, придавая местному урбанистическому пейзажу что-то новое, незнакомое. При этом все увеличивалось к центру: и дома, и дорожные эстакады, и стальные шнуры пневматических труб. Кольца переулков пересекали радиальную систему улиц, и нигде я не заметил ни одного экипажа, ни одной машины, из-за обилия которых переходить улицы в каком-нибудь нашем Мегалополисе можно только по висячим мостам. Здесь все двигалось само: и улицы с убыстряющими бег дорожками, и переулки, ныряющие на перекрестках под землю, и подземные эскалаторы переходов. Не двигались в городе только полицейские, следившие на перекрестках за эскалаторной суетой.

Лайк никогда не был в СВК-два, и его знакомство с планетой ограничивалось космовокзалом и ландшафтом, который он мог наблюдать из гостиничного окна. Поэтому и мне не требовалось разыгрывать роль

старожилы: я получил в сервис-киоске адрес отеля «Ороно», примерное описание эскалаторных маршрутов и минут через двадцать нашел шестнадцатипятиэтажный отель, почти прилипший к центральной площади. Седой, благообразный, совершенно «некосмический» управляющий лично проводил меня на шестой этаж в предназначенные мне трехкомнатные апартаменты.

— А нет ли у вас чего-нибудь поменьше? — поморщился я. — Извините — не привык.

Управляющий обиделся:

— Есть однокомнатные номера для прислуги, но...

— Давайте без «но». Посмотрим.

Искомый номер оказался тесноватым, с одним душем, без ванны, а кнопочная система сервиса не подавала горячих блюд. Зато мой электронный шуп, подключенный к часам-браслету, не обнаружил наличия микротелепередатчика: прислуга не интересовала ведомство Уоррена.

— Подходит, — сказал я, подтолкнув ногой чемодан в комнату. — А кстати, где мистер Факетти?

— Уехал с компанией в пустыню.

— Зачем? — удивился я.

— Сафари...

Мне определенно везло. Я бесцеремонно выпроводил управляющего и тут же достал из чемодана электронный затвор, запирающий дверь изнутри. Теперь снаружи ее открывал только особый ключ — любая отмычка была бесполезна. Не переодеваясь, я спустился вниз, узнал у портье адрес единственной вечерней газеты в городе и помчался по эскалаторам в редакцию. Часы показывали половину двенадцатого: успею. В окошке отдела объявлений спросил:

— Список прибывших сегодня в город будет опубликован вечером?

— Да.

— Я успею дать объявление, чтобы оно появилось в этом же номере?

— «Персоналия»? Диктуйте.

И я продиктовал:

«Историку, работающему над диссертацией об экономическом освоении Второй Планеты, требуется номер «Новостей» с отчетом о первой промышленной экспедиции на планету. Вознаграждение по договоренности. Доставшего газету будут ожидать сегодня в вестибюле отеля «Ороно» в 18.30».

В половине седьмого я услышал жужжание видеозуммера.

— Не включай экран. Ты один?

— Поднимайся. Шестой этаж. Дверь открыта.

Линнет появилась в строгом костюме и тектоновых туфлях с искусственными бриллиантами на пряжках. Камуфляж для великосветского отеля был превосходен.

— Догадалась сразу? — спросил я.

— Конечно. Ноль отбросила, осталось сто восемьдесят три — номер твоей комнаты.

Я передал ей шифровку для отправки в Центр.

— По лазеру, — добавил я. — Обеспечишь?

— Есть, капитан. Много узнал в космопорте?

— Кое-что. Кажется, мне все-таки придется принять предложение Факетти.

— Мы это предполагали. Где будешь базироваться? В СВК-два?

— Нет, в Лоусоне.

— Я не знаю такого места здесь. — Реплика ее прозвучала явно растерянно.

— Теперь будешь знать. Засекреченный рудничный город с собственным космопортом, откуда, минуя СВК-два, доставляются засекреченные грузы на засекреченный космодром где-то на юге Системы. Служба Криса Уоррена работает почти идеально.

Я подчеркнул слово «почти», и Линнет тотчас же ухватилась за подсказку:

— Почему почти?
— Потому что я кое-что рассекретил.
— Сомневаюсь, — сказала Линнет.
— В том, что есть такой город?
— Нет, в том, что тебя туда пустят.
— Почему нет? Пройду проверку. Попытка не пытка.
— Боюсь, что пытка. Ты не знаешь, как проверяют людей в системе Уоррена.

— Меня подготовили.

— Когда?

— Полгода назад.

— Здесь новые методы. Иные машины и другая химия. Тебе надо встретиться с моей теткой, Эллен Мит. До катастрофы она работала психиатром в той же системе.

— До какой катастрофы? — насторожился я.

— С автобусом. Перелом бедра и голеностопного сустава. Сейчас она поправляется.

— А ей можно доверять?

— Абсолютно.

— Когда можешь устроить встречу?

— Хоть сейчас. Она никуда не выходит.

— Тогда поехали, — решил я. — Лучшего времени для встречи не будет. Весь этаж гуляет в пустыне, а меня, по-видимому, еще не засекли.

Эллен Мит оказалась пятидесятилетней сухопарой южанкой, похожей на директрису пансиона для благовоспитанных девочек. Умные, внимательные глаза и жестко очерченный рот. За все время нашего разговора она ни разу не улыбнулась.

Разговор начался без преамбулы.

— Чабби Лайк должен пройти проверку в системе Уоррена. Нужна консультация, — сказала Линнет.

— Кто будет проверять? — последовал строгий вопрос.

— Возможно, Уоррен лично.

— С какой целью?

— Определить готовность для ответственной, очень важной и очень секретной работы.

— Значит, проверка досье, детектор лжи, сомнифоксы и химия.

Я молчал: ей лучше знать.

— Его уже готовили для такой проверки, — пояснила Линнет. — Не важно где, но готовили. Полгода назад.

— Легенда закреплена гипнотически? — спросила Мит.

— Да. Теперь она уже часть моего сознания, — ответил я.

— Есть еще подсознание.

— Психологический барьер, созданный непосредственно в мозговых клетках, сможет противостоять любой вторичной попытке гипноза.

— Какие химические средства применялись для закрепления такого барьера?

Я облизал пересохшие губы. Вопросы задавались знатоком своего дела, отбирающим самое существенное.

— Сначала препараты из группы барбитуратов, чтобы отключить сознание, вызвать длительный мозговой шок. Потом амальгебоид.

— Сомнифоксы учитывались?

— Сомниферы? — поправил я неуверенно.

— Сомниферы наводят по заказу любые галлюцинации, сомнифоксы просматривают ненаведенные сны. В первом случае — наводка, во втором — контроль, — пояснила она без улыбки.

— Контроль учитывался.

Она встала и прошла по комнате, тяжело опираясь на палку.

— Сейчас амальгебоид — это вчерашний день, — произнесла она тоном лектора. — Действие его целиком снимается глизолом. Когда вас готовили, глизол еще не был открыт.

— И вы думаете, что его применят?

— Уверена.

— А зачем? Меня будут проверять не для того, чтобы найти замаскированного сламиста псевдо-Лайка — это уже было! — а чтобы узнать, годится ли Лайк — настоящий, конечно! — для сверхсекретной работы.

Она усмехнулась:

— Они и будут проверять настоящего Лайка — так всегда поступают с кандидатами на секретную работу, — а вы или в бессознательном состоянии, или во сне расскажете всю правду, тщательно упрятанную в мозговых клетках.

— Значит, провал?

Она ответила не сразу:

— Если бы вы с Линнет не обратились ко мне, я сказала бы: да, провал. Почти неминуемый. Но и против глизола есть средство. Назовем его... Впрочем, зачем вам это? Не надо перегружать вашу память. Вам нужно действие, а не название. Линнет, приготовь шприц, а я возьму ампулу.

Укол. Почти безболезненный и точный: вену она нашла сразу и безошибочно.

— Ну как? — спросила Эллен.

Я пожал плечами:

— Никак. Ничего не чувствую. Может, не подействовало?

— Нет, — сказала она опять без улыбки. — Миллионы крохотных стражей входят сейчас к вам в мозг и занимают оборонительные позиции. Ни один реагент глизола даже близко не подойдет, а почки и потовые железы выбросят его — обезвреженного. Но не показывайте виду, что вы вооружены. На ввод глизола ответьте псевдопотерей сознания и работой воображения — как вам будет выгодно.

Я низко поклонился и поцеловал ее сухую узкую руку. Еще один союзник в осином гнезде врага.

Глава 18

в которой Лайк проходит первое испытание у «Тени»

Утром я встал поздно и с головной болью: сказались все-таки остаточные явления вчерашнего препарата. Половина одиннадцатого. Джин, вероятно, уже прибыл и отсыпается в своих апартаментах. Звонок по видео подтвердил предположение. Хриплый голос машины сообщил в ответ, что господин Факетти спит и просил не беспокоить его до трех часов дня. Но завтракать одному мне не пришлось. Пока я орудовал кнопками, выбирая холодные блюда — горячих моя система «для прислуги» не подавала, — появилась Жаклин. Свежая, завитая и косметически выхоленная, как на официальный прием.

— Когда это вы успели? — удивился я.

— Я мало сплю, Чабби. Привыкла. А почему вы отказались от предложенных вам апартаментов?

— Привык, Жаклин, — ответил я тем же тоном, — к тесноте привык, увы.

— Не кривите душой. Я ведь знаю, чем отличаются помещения для гостей от комнат для прислуги. Впрочем, это меня не касается. Закажите коктейль, пока завтракаете, — мне достаточно.

— Визиты вежливости не в ваших привычках, Жаклин. Я вам нужен. Зачем?

— Сначала новость: Джин назначен генеральным директором рудников СВК.

— Понятно. Но эту новость я мог бы узнать и позже.

— А мне нужно, чтобы вы узнали ее раньше. Ведь вы будете работать с Факетти, — вероятно, будете работать с Факетти, — повторила она, подчеркнув «вероятно».

— Согласен на «вероятно». Имею право подумать и отказаться. Но вы-то при чем?

— Чтобы сообщить вам, что вы, по-видимому, не сможете подумать и отказаться. И не надейтесь на Факетти, Чабби. Вами заинтересовался Уоррен.

Я обозлился:

— Ясно: значит, из аппарата Тейлора в ведомство Уоррена?

— Увы, Чабби, я уже давно не в аппарате Тейлора. С его подчинением Биглю отпала необходимость не только во мне. У Бигля свой аппарат и своя агентура. Но дело не в том: при чем здесь моя работа? Как-то Уоррен попросил Тейлора подыскать ему подходящие кандидатуры летчиков-космонавтов для специальной работы. Вы подходили по многим данным: холост, бездетен, не стар и с отличной профессиональной характеристикой. Учитывалась и ваша дружба с Факетти. Итак, уже ваша экскурсионная поездка на Вторую явилась поводом для знакомства с Уорреном. Теперь от повода для знакомства можно перейти к самому знакомству. Словом, Уоррен ждет вас сегодня к часу, и моя миссия на этом кончается.

На свидание я не спешил. Времени было достаточно — я мог присмотреться к городу, к его витринам и вывескам, уличным кафе и бистро. СВК-два не походил ни на один город Системы. Не только из-за отсутствия экипажей и светофоров, бульваров и памятников и не только из-за пирамидальной формы общей архитектурной конструкции. И не эскалаторная суетня была главным отличием СВК-два от его коллег на Планете. Нет, таким отличием был искусственный климат под куполом, вечное лето, не жаркое и не слишком прохладное, а ласково-теплое. Воздух прозрачный и чистый, напоенный озоном, совсем как в лесу после грозы, не задымленный и не провонявший обычными миазмами города, воспринимался как курортная благодать после наших очагов дыма и копоти. Растительности, однако, было мало: не хватало места для парков, да и почвенный грунт надо было ввозить с Планеты, и улицы здесь украшались кустарником и цветами, а не деревьями, требующими простора для своих корневых систем. На местной же почве не росли наши обычные

деревья, а редкие местные погибали в искусственной атмосфере.

Двадцатиэтажное административное здание возвышалось в центре пирамидальной конструкции города, окруженное плотным кольцом кустов, на которых уже атели длинные сочные ягоды. В двух местах дом, как и многие другие здания, пересекали этажи-сады с короткоствольными фруктовыми деревьями, третий сад с бассейном и солярием находился на плоской крыше, куда мне и надлежало прибыть. Здесь, с часу до двух, принимал Кристофер Уоррен, управляющий делами концерна «Шахты Факетти», а фактически некоронованный король СВК на этой планете.

Уоррена я нашел сразу в саду, куда выбросила меня клетка лифта, в ухоженном и цветущем саду в каких-нибудь тридцати — сорока метрах от искрящегося на солнце купола. Он полулежал в соломенном кресле перед столом с напитками, удовлетворившими бы любого томимого жаждой.

Я подошел ближе, вытянулся и спросил, не «снямая» улыбки, — должно быть, она получилась у меня независимой и нахальной.

— Господин Уоррен?

Не поднимаясь, Уоррен ногой подвинул ко мне такое же кресло.

— Садитесь, Лайк, и угощайтесь без церемоний. Вы в гостях.

Я сел и без церемоний принялся рассматривать собеседника, благо посмотреть было на что. «Тень» отнюдь не был серой тенью, бесшумной и незаметной. Двухметровый гигант с соответственной шириной плеч и внушительной игрой мускулов, заметной даже под облегающей торс серебристой рубашкой, и совершенно бритой головой, неуместно голой в наши дни, когда искусственное возвращение волос стало доступным каждому лысому. Большое, без единой морщинки лицо скрывало возраст — я бы не рискнул дать

ему больше сорока, учитывая, что до сорока сейчас лысеют сравнительно редко.

— А вы не из разговорчивых, — сказал он после паузы — тоже меня рассматривал.

— Жду. — Я дернул плечом. — Спрашивать, зачем я вам нужен, бессмысленно. Я это знаю.

— Отлично. Люблю здоровый лаконизм, когда он не тормозит разговора. Мне нужен космический летчик для доставки специальных грузов на Планету. Хороший профессионал, знающий свое дело и не страдающий любопытством к тому, что не входит в его компетенцию.

— Иначе говоря, не задающий вопросов: каких грузов, с какой целью и кому адресованных. Понял вас.

— Тем лучше. Оплата, втрое превышающая вашу оплату на государственных рейсах и вдесятеро ваши отпускные. После полета и возвращения — двухнедельный оплачиваемый отдых. Королевские условия.

— Допустим, что я согласен, — сказал я. — К чему же мы приходим?

— К проверке, дружок, к проверке. И должен сказать, что кандидаты на секретную службу проверяются у нас особенно строго.

— Меня уже проверяли, — отмахнулся я.

— Знаю, — сказал он и поднялся во весь свой двухметровый рост, — то были цветочки, а теперь вы полакомитесь ягодками.

Все стало ясно: я был нужен Уоррену как бывший космический летчик Лайк, а бывший космический летчик Лайк требовался как зеркало, перед коим собирались поставить меня. Здесь мне могло очень не повезти, если моя легенда не будет в чем-то соответствовать образу, извлеченному из бездонных архивов службы безопасности.

Комната, куда меня привели, меньше всего напоминала камеру пыток. Скорее кабинет врача-диагноста с кибернетическим устройством для проверки

всяческих хвороб пациента. И кресло было врачебное, в меру удобное, в меру пугающее, с хитроумным венцом над головой сидящего и отводными от венца змейками-шлангами. Без змеек он чем-то напоминал театральную корону, но надевался мягко, как шляпа, плотно охватывая голову незаметными и неосязаемыми присосками-датчиками.

Уоррена не было, он куда-то исчез по пути, передав меня трем ассистентам или лаборантам в белых медицинских халатах. Один из них подогнал мне венец, другой встал у экрана со стрелкой, несколько раз нажал на какой-то рычаг, проверил ход стрелки — она тотчас же легла поперек, соединив синюю и красную точки, расположенные как двенадцать и шесть на часовом циферблате.

— Шприц, — сказал третий, лица его я не запомнил — только улыбку, вежливо-равнодушную и необязательную. Психиатр, решил я. Шприц, значит, химия и, вероятно, глизол.

— Больно не будет, не бойтесь.

Я пожал плечами:

— Почему вы решили, что я боюсь? Я не в застенке, надеюсь?

Он, не реагируя на реплику, молча ввел мне в вену прозрачное содержание шприца. Боли действительно не было — так, легкий жар в крови, когда чем-нибудь возбужден или взволнован. Потом расслабленность, но без обморока. Впрочем, я его симулировал. Закрыв глаза и бессильно опустил руки.

— Отвечать будете коротко, не обдумывая ответа.

Я промолчал.

— Сознание уже подавлено, — сказал человек у экрана со стрелкой.

— Подавлено, — кивнул второй, и тут же последовал вопрос: — Вы родились в зоне СВК?

— Да.

— Где?

- На севере Системы.
- Вы разведчик ОСГа?
- Что такое ОСГ?
- Объединение свободных государств. Повторяю вопрос. Вы разведчик ОСГа?
- Нет.
- Кто же?
- Бывший космический пилот на рейсах Плана-та — Луна — Вторая Планета.
- Лайк?
- Да.
- Как стрелка? — спросил психиатр, по-видимому, у ассистента, стоявшего сзади.
- Все ответы на синей точке.
- Значит, правда.
- Конечно. Вы думали, сюда может проникнуть разведчик? Сомневаюсь...
- Разбудите.
- Совсем?
- Нет-нет. Неполное пробуждение. Интервал между снами.
- Переключение на сомнифокс?
- Попробуем.

Мне освободили зажим венчика. Я сымитировал пробуждение и полуоткрыл глаза.

— Спите, спите, — строго сказал психиатр. — Вам хорошо. Голова не болит. В глазах — туман. Постепенно розовеющий. Вспоминаете детство.

Должно быть, ассистент нажал где-то нужную кнопку. Легкий укол в висках, и — ничего. Миллионы невидимых частиц-стражей, введенных в мой мозг Эллен Мит, снова отбросили агрессора. Сознание не выключилось. Я мог с любой картинностью представлять свое детство по своему выбору. Лайк в детстве играл с теткой в мяч. Пожалуйста! Я отчетливо представил себе бледнеющий к центру розовый туман, а в центре в разрыве стройную фигуру молодой женщины в белом —

золотой обруч, как мой венец, обхватывал падающие на виски волосы. Он бросала мне мяч. Я возвращал его, но, должно быть, не точно, потому что женщина вдруг вскрикнула, вернее, я представил себе этот голос и эти слова: «Куда бросаешь, Чабби? Почему в сторону?» Я повторил бросок, себя не видя. Женщина со смехом поймала, отступив по зеленеющему газону лужайки.

Мужской голос рядом заметил:

— А у него цветные сны. Любопытно.

— Не очень, — сказал психиатр. — Нет локальности. Может быть, это из книжки. — И добавил, повысив голос: — Детство, Лайк, детство! Дом, улицу, вывески.

Я тут же представил себе черную, матово отполированную, как ружейный ствол, дорогу сквозь мутное от дождя ветровое стекло машины. Лес, лес, лес, потом коттеджи с черепичными крышами в глубине садов за ажурной решеткой заборов и рекламные вывески на придорожных столбах: «Электроника «Ди-Ти» у вас дома» и «Лучшие в мире собачьи галеты Деккера».

— Пейзаж? — услышал я.

— Пожалуй, север континента. «Электроника» рекламируется только там. Да и слишком уж много леса.

Психиатр не вмешивался, молчал.

А я уже сменил кадры фильма о детстве и юности Чабби Лайка, экс-космонавта СВК. Затемнение. Из затемнения. Поле с воротами в виде широкой буквы «Н» и суэта здоровенных парней в красных и синих свитерах и шлемах, как у автогонщиков. Я вырываюсь из гущи схватки и бегу к воротам, обняв драгоценную дыню-мяч. Мне бросаются под ноги парни в синем и валят на землю. Затемнение, скорее затемнение! Я ведь никогда не был на поле во время игры. А из затемнения — сад колледжа во время экзаменов — сколько раз я видел эти колледжи в фильмах: кусты барбариса, клены, скамейки, коротко стриженные девушки в шортах и парни с катушками микрофильмов.

А психиатр все молчит, но в конце концов забава начинает надоедать и мне и ему.

— Разбудите, — говорит он.

— Совсем?

— Совсем.

Я открыл глаза и увидел его хмурое, разочарованное лицо.

— Проснулись? — спросил он равнодушно.

— Выспался, — ответил я и потянулся для достоверности.

— Сны видели?

— Конечно. Вы их тоже видели.

— Почему? — встрепенулся он.

— А зачем же было подключать меня к этой штуковине? — отпарировал я. — Не ребенок — понимаю, где я и что к чему.

— Тогда проводите объект проверки к господину Уоррену, — сказал психиатр ассистенту у кресла.

Вот я и стал не человеком, а объектом проверки. Был объектом наблюдения, кем стану? Объектом подчинения интересам службы безопасности. Цель почти достигнута, сказал бы мой учитель. Ну что ж, пошли.

Мы дошли до огромного кабинета Уоррена со стенами-окнами, выходящими на пирамидальный мир движущегося города. Уоррен, массивный, мундирный, возвышался за столом, как божок со сложенными на животе руками.

— Отмучились? — спросил он.

— Вам лучше знать, — сказал я.

— Жалобы есть?

— На что?

— На процедуру проверки, обращение контролеров, на то, что вам бы хотелось назвать оскорблением человеческого достоинства.

— У меня нет такого желания, — сказал я, — и нет ощущения оскорбленного достоинства. Процедура

проверки хитроумна, но безвредна. Обращение вежливое.

— А вы хитрите, Лайк.

— Зачем? — спросил я. — Зачем хитрить? Не я ищу места у Факетти. Меня ищут. А если не подхожу, пойду к Факетти за выездной визой. Оснований для задержки не вижу.

Гигантская длань опустилась мне на плечо и вдавила в кресло.

— Не обижайтесь, торопыга. Шучу. Проверку вы прошли по всем пунктам и считайте себя уже на службе. Вот ваше заявление. — Он достал из черной папки на столе мою карточку с отпечатанным на диктографе текстом и оттиском большого пальца на месте подписи. — Ваш оттиск внизу, а мой я поставлю сверху против слова «утверждаю». — И, коснувшись пальцем подушечки с краской, он сделал оттиск на карточке. — Вот и все, Чабби Лайк. До понедельника вы свободны. Можете отдыхать и развлекаться, хотите — здесь, хотите — в Лоусоне. А в понедельник с утра явитесь к директору космопорта и покажете ему вот этот жетон. — И он протянул мне плоский золотой кружок.

На его тускло поблескивающей поверхности был барельеф доисторического летающего ящера. И я, кажется, понял почему.

— Желаю успеха, — сказал Уоррен.

Наши желания определенно совпадали.

Глава 18

вводящая в атмосферу «золотой лихорадки» на Второй Планете

В Лоусон мы выехали вдвоем с Джином Факетти на том же автоматическом песчаном кораблике, который доставил меня в СВК-два. Прихлебатели Джи-

на, прибывшие вместе с ним на Планету; предпочли пьяную карусель в отеле, где у семьи Факетти был открыт неограниченный счет. Единственным, кроме меня, выбравшим Лоусон был Стив Кодбюри, но он выехал туда раньше, получив назначение на пост начальника рудничной стражи. Джин был неподдельно обрадован тем, что мы оба не покидаем его «в беде», он так и выразился, считая бедой все, что ожидало его здесь. Но мое назначение он подписал туго, не без сопротивления, и когда я спросил его, почему он все-таки подписал, он вместо ответа извлек из кармана виточек магнитной ленты, вложил в корабельный передатчик и включил запись.

На экране возник Джин вместе с его выхоленным, чуточку обрюзгшим отцом. Тот прилетел в СВК-два на несколько дней раньше и, как оказалось, ненадолго. Запись началась с его недовольной реплики:

— Какая тебе разница? Он же остается на Второй.

— Кем? Пилотом, — скривился Джин. — Почти год в полетах и каких-нибудь два месяца отдыха. А мне скучно без друзей в этом кукольном городке под куполом. Не развернешься. Один приличный бар на всю посуду.

— Два, — сказал Факетти-старший.

— Второй еще хуже. Там после третьего стакана уже поножовщина. Из десяти дежурных гробов к утру больше половины заполнены.

— У твоей ложи в обоих барах защитные бронированные стекла. А друзья найдутся. Стив каждый вечер к твоим услугам.

— Со Стивом в порядке. Но мне нужен и Чабби.

— Он нужен Уоррену.

— Кто кому подчинен? Я Уоррену или он мне?

— Боюсь, что сопоставление не в твою пользу.

— Но я директор рудников Лоусона.

— А он — безопасность всей СВК на Планете.

— Так вмешайся ты. Все-таки «Шахты Факетти».

— От фирмы осталось одно название. Я вынужден уступить контрольный пакет акций.

— Кому?

— Шефу СВК.

— Значит, Уоррен — хозяин?

— Увы.

— А что добывают в этой проклятой Богом дыре?

— Металл, которого на нашей Планете нет.

— Дорогой?

— Дороже золота.

— Почему крутишь? Назови.

— Узнаешь, когда приступишь к работе. Я не имею права выдавать тайн Лоусона.

— А если я плюну в лысину его хозяину и пошлю к черту директорство? Не хочу быть пешкой на чьей-то доске.

— Ты не пешка. На доске есть фигуры. Разного достоинства и разных преимуществ. Лучше носить корону здесь, чем ходить дома в отцовской шляпе.

Джин как-то странно хмыкнул, не то зло, не то грустно, и выключил запись.

Я не ответил. Зачем? Он не сообщил мне ничего нового. Я и без магнитной записи знал, что Уоррен — это хозяин и что Лоусон — его кладовая. Теперь предстояло узнать, что добывается в этой кладовой. Что это за металл, которого нет на Планете и который дороже золота, но в золотой упаковке. И для чего добывается — для одарения или устрашения человечества. А тем временем мы уже стыковались в одном из входных шлюзов лоусоновского купола. Кладовая открывала двери, приглашая к столу.

Лоусон был уменьшенной копией СВК-два, только без движущихся тротуаров и улиц — его полуторакилометровый диаметр можно было без труда одолеть пешком, а от любой точки до выходного шлюза было и того меньше: самый длинный путь не дотягивал до километра. По окраинным кольцевым линиям жили за-

вербованные горняки, а в центре — администрация и работники сферы обслуживания. Все это было привычно и современно, но сама атмосфера города дышала тщательно репродуцированным духом «золотой лихорадки». Шляпы с широкими, загнутыми по бокам полями и клетчатые цветные рубашки, грубые сапоги и пистолеты у пояса возрождали ту же старинную картинку.

— Куда направляешься? — спросил Джин, когда мы входили в город.

— Разыщу директора космопорта, — сказал я.

— Подожди до завтра.

— Я же на службе.

— Под мою ответственность. Остановишься у меня в «Мекензи». А вечером поужинаем под свист в салуне.

— Почему под свист?

— Здесь всегда свистят, предупреждая брошенный нож или пистолетную вспышку.

— Так ведь закон запрещает входить с оружием в общественные места.

— Закон всегда молчит, когда умеют его обходить.

Нечаянно или нарочно «Мекензи» подражал древним гостиницам. Однокроватный номерок с умывальником, но без душа и ванны — вода здесь ценилась дороже вина, — никаких кнопочных радостей и электронного сыска.

— Новый город, — пояснил Джин, — строился наспех у рудничных разработок. Строить здесь со всеми удобствами невыгодно: основной контингент населения — работяги. Патрицианское меньшинство обосновалось в двух-трех зданиях, оборудованных соответственно нашим привычкам. Уедет отец — переберемся на его пепелище. Места хватит.

В салуне было дымно и чадно от поджаривающегося тут же в зале мяса, от тлеющих сигар, трубок и сигарет. У стойки не протолкнешься: пили стоя, облокачась о прилавки из твердой пластмассы, — даже

молнии лучевиков не оставляли на ней следа. За столиком шумело по пять-шесть человек, десятки столиков в зале, десятки в ложах справа и слева. Джин получил столик тотчас же, как только его заметил рыжебородый директор, этакий штангист. Преобладали куртки и ковбойки, буквально затоплявшие дымный простор салуна. И тотчас же за столом к нам пригостился Стив.

— Без меня счастья не будет, — хохотнул он.

— Подумаешь, фортуна в брюках, — сказал Джин.

— А что? Я антипод Лайка. Где Чабби — там одни неприятности, где я — удача.

Я молчал. Не хотелось связываться. Подали виски, и, отхлебнув из бокала, Дикий снова вышел на тропу войны.

— В секретари взял Чабби, а?

— Он мне даже не подчинен, — сказал Джин. — Он космолетчик.

— Где?

— У лысого Криса.

— И проверку прошел?

— Представь себе, с блеском.

— Ого! — В голосе Стива на миг прозвучало почти уважение, впрочем тотчас же сменившееся былой нетерпимостью. — Значит, брикеты будешь возить?

— Буду, — сказал я сквозь зубы.

— В золотой одежке. Думаешь, золото?

— Не думаю.

— А что внутри, знаешь?

— А ты знаешь? — спросил Джин.

— Знаю. Металл «икс».

— А чему равен икс в этой задачке? Чему служит, знаешь?

— Нет, конечно. И не интересуюсь — незачем. Мое дело — охрана порядка. Все надсмотрщики рудников. Подобраны из профессионалов. Вон посмотрите — гуляют.

За два-три столика от нашей ложи шестеро мордастых, плечистых парней с бычьими шеями, лениво раскачиваясь то вправо, то влево, монотонно тянули даже не песню, а одну только фразу из песни: «Хорошо жить легко, широко... Хорошо жить легко, широко...»

— Вот мы им и даем эту легкость и широту. Пистолет, хлыст и кредитные билеты Системы в здешнем банке. Билетов много, но и работенка не сахар. Металл «икс» радиоактивный, мощнее урана и гораздо токсичнее. Излучает и после очистки на обогащительной фабрике. Трудно тебе будет с рабочими, директор. Мрут, как в эпидемии.

— Где же их лечат? Я не видел больницы, — сказал Джин.

— Ее и нет. Здешние лейкозы неизлечимы.

— Значит, крематорий или просто кладбище?

— Зачем? А «зыбучка» на что? Недалеко, всего километра полтора. Швырнешь в лиловый песок, и затянет. Как ложку в киселе.

Дикий так и сиял, удивляюсь, как меня не вытошнило.

— Какая гнусь! — не сдержался я.

— Здесь нет электронной записи, Чабби, но я могу ее заменить. Так сказать, в индивидуальном порядке.

— Заменяй. Ты уже ползал у меня на четвереньках. Поползаешь еще раз.

— Не выйдет, Чабби.

— Ты думаешь? — холодно спросил я и тем же приемом — ребром ладони — стукнул его по шее.

Он свалился тут же, хлюпнул и затих.

— Зря ты его, — поморщился Джин.

— Встанет, — зевнул я.

— Кто встанет, мальчишки?

Гладкая, как бильярдный шар, голова склонилась над нашим столиком. Уоррен был в замшевой курточке с золотой бляхой начальника службы безопасности.

— Не поладили, — дернул подбородком Джин, указывая на барахтающегося под ногами Дикого.

Уоррен не спеша подсел к столу.

— Если ты еще не в раю, Стив, вставай и не симулируй, — сказал он.

Стив Кодбюри, кряхтя, поднялся, вытер слезы и слюни и сел молча с отрепетированной поспешностью.

— Значит, не поладили, — продолжал Уоррен, — а почему? Тебе слово, директор.

— А что говорить? — нехотя откликнулся Джин. — Стив рассказал о том, как хоронят в «зыбучке» умерших от радиации. С таким увлечением рассказывал, что Чабби не выдержал.

Уоррен уже не улыбался.

— А о чем еще он рассказывал?

— О радиоактивном металле «икс», — вмешался я, — и о неизлечимых лейкозах, об отсутствии медицинской помощи, о массовой смертности в городе. Ну, я и наказал его как умел.

— Правильно сделали, Лайк. Болтунов надо наказывать. Утри рот, Стив, и считай, что еще дешево отделался, — я бы наказал строже. А металл действительно радиоактивный. — Уоррен уже адресовался ко мне, игнорируя Кодбюри. — Работать придется в специальном скафандре, даже вам, летчикам. Кстати, вы уже были у директора порта?

— Я просил его задержаться на день. Под мою ответственность. Надеюсь, ничего страшного, — виновато улыбнулся Джин.

— Страшного не произошло, — отчеканил Уоррен, — но мои приказы не отменяются, господин Факетти. Никем, — подчеркнул он. — Запомните. А вам, Лайк, надлежит явиться уже не к директору космопорта, а, поскольку я здесь, ко мне непосредственно. Уйдете на Планету не сегодня и не завтра. Пока транспорт готовится к полету и погрузка толь-

ко началась, понаблюдайте за процессом подготовки рейса. Вы его хозяин — вам и отвечать. Привыкайте. А ты, Стив, — обернулся он к послушно выжидающему Дикому, — завтра же покажешь директору все его хозяйство. Оно не ограничивается, как у Лайка, одной территорией. Начните с открытых карьеров, побывайте на обогатительной. У конвейера не задерживайся — побереги директора хотя бы от радиации. Без охраны пойдешь?

— Возьму двоих — хватит, — буркнул Стив.

— Тогда все, — резюмировал Уоррен. — Вам тоже не советую сидеть здесь допоздна. Денек будет шумный.

Он вышел, за ним Стив, даже не простившись с Факетти. Он, видимо, спешил объясниться с Уорреном. Джин сидел хмурый, скорее опечаленный, чем недовольный.

— Не нравится мне все это, — сказал он.

— А ты не складывай лапки, — усмехнулся я. — Привыкай, присматривайся. Накапливай материал. Уоррен не Бог, да и ты не комарик. Для начала снимми скрытой камерой все, что увидишь. Пригодится.

Глава 19

о том, как добывается и переправляется на Планету псевдозолото Лоусона

Уоррен был точен. Я тоже. Ровно в девять раздвижные створки дверей впустили меня в «святилище». Уоррен ожидал на полдороге к столу, молча подвел меня к молочно-белой, без всяких украшений глянцевой стене, молча нажал кнопку, и стена превратилась в подсвеченную изнутри карту владений СВК на Планете, страны Чабби Лайка, уступившего мне свою биографию. По мере нашего приближения карта менялась, континент рос, вытесняя все к нему примыкающее. Города приобретали рельеф-

ность, реки — синеву, а дороги трехмерность, какую дают плоским лентам шоссе движущиеся по ним экипажи.

Так же молча Уоррен взял указку, обыкновенную школьную указку, похожую на бильярдный кий, и ткнул ею в квадратик на территории южной пустыни.

— Здесь, — сказал он, — будете приземляться. Локаторы укажут место. Проследите за разгрузкой, или, вернее, перегрузкой брусков на электрокары и проследуйте вместе с ними по трем номерным шоссе вот сюда. Это форт «Икс» без названия, где и хранится металл. Отдых два дня в любом районе Восточного Мегалополиса. Продление исключается.

— Все бруски заgrimированы под золото? — спросил я.

— Все. Удачный камуфляж, не правда ли?

— Не знаю. Золотой грим может вызвать повышенный интерес искателей приключений. Глухой район. Пустыня.

— Транспорты следуют с такой охраной, что любое нападение практически исключается. Извне, — подчеркнуто прибавил он. — Если же кому-либо удастся проникнуть в бригаду сопровождения, известный риск, конечно, имеется. Но его всегда можно предупредить.

Я молча глядел на черный квадратик в пустыне. Именно здесь наиболее вероятна удача акции, какие бы силы ни стояли на страже. А что нужно, в конце концов? Всего один кусок металла весом в десять — двадцать килограммов. И еще только смелость, изобретательность и находчивость.

Так я беспечно размышлял у карты, еще не видя этих брусков. Меня преследовала навязчивая мысль: почему Уоррен намекнул о возможности нападения изнутри? Действительно ли он предполагал такую возможность или провоцировал меня? Может, да, может, нет, ответить я не мог, но учесть был обязан.

А между тем мне еще предстояло участие в новом эпизоде задуманного Уорреном спектакля. Не спе-ша облачились в специальные скафандры из плот-ной ткани, пропитанной каким-то неприятно пахну-щим химическим препаратом. «Защита», — пояснил мой начальник. От чего — от яда атмосферы или от псевдозолотых слитков? «От того и другого». С этим веселеньким напутствием я и вышел на простор под сиреневым небом. Черная, воронено поблескиваю-щая дорожка довольно быстро пронесла нас мимо стекловидной крыши, выдолбленной в скальном грунте рудничной обогатительной фабрики, на серую площадку космодрома, где уже возвышалась знако-мая мне от верхушки до лап синяя транспортная ракета. Другие более широкие металлические дорож-ки подвозили к ней штабеля желтых, тускло поблес-кивающих брусков. А что, если каждый из них ве-сит не десять и не двадцать килограммов, а более центнера? Тогда украсть такой брусок незаметно, как я планировал, будет совершенно невозможно. «Попробуйте счетчиком», — усмехнулся Уоррен, за-метив мое любопытство. Счетчик показал смертель-ную дозу излучения: псевдозолотые бруски убивали скоро и верно, и только скафандры с антирадиаци-онной пропиткой позволяли нам находиться рядом в полной безопасности. Я сразу почувствовал себя как студент, решивший труднейшую математическую задачу, или как криминалист, разгадавший тайну самого зловещего преступления года. Скорее как криминалист, которому именно сейчас стали извест-ны результаты экспертизы. Пока на Планете на специальных заводах с помощью сложнейших меха-низмов физико-химии отчаянно трудятся, выраба-тывая килограммы искусственно синтезированного блистона, здесь добывают его из недр Планеты тон-нами, как руду. Хорошо еще, что полет на Планету длится несколько месяцев и ракета не принимает

больших грузов. Но два-три года такого хищнического накопления блистона позволят компании Факетти (или кто там за ними стоит?) реально захватить власть в СВК. Блистон сегодня дороже золота, в тысячи раз дороже, а значит, это власть, и неограниченная, подчиняющая себе промышленность, экономику и, следовательно, политику. И это опасно — сосредоточение власти в одних руках, к тому же не очень чистых. Мой учитель был прав, предполагая авантюру с мировым резонансом. И я должен был сорвать ее, именно я, и никто другой.

Я уже думал об этом раньше. Мне был необходим всего один брусок, чтобы «Свободное содружество» могло обвинить СВК в нарушении договора о геологических разработках в космосе. Но как незаметно украсть кусок металла весом около центнера и — что еще труднее — столь же незаметно переправить его на один из наших континентов? Срочно требовалась связь. В Лоусоне ее не было — оставались Линнет в СВК-два да Мак-Брайт в Мегалополисе. Смотря куда я сумею добраться раньше.

А вечером на квартире Факетти-старшего, оставленной им в наследство сыну-директору, разговор о металле «икс» был продолжен. Джин записал на магнитную пленку все, что услышал и увидел. Против обыкновения он был мрачен и неразговорчив.

— Будешь комментировать?

— Спрашивай, — нехотя отозвался он, — мне и самому не много объяснили.

Первые же кадры цветного микрофильма показали глубокий вырез в скальном грунте на краю уже не песчаной, а каменистой пустыни, широкий ступенчатый каньон, наподобие рудных или соляных карьеров, с той лишь разницей, что цвет породы был мышино-серый с вкраплениями тускло поблескивающего металла, почти черными, как мазки туши. Это и был блистон, добываемый только в лабораторных условиях,

ценнейший металл, совершивший переворот в атомной энергетике и породивший цепную реакцию международных соглашений, обуславливающих его разработку и применение. На ступенчатых склонах этого искусственного каньона суетились люди в зеленых, а порой до серости запыленных скафандрах, откалывая и размельчая породу отбойными молотками.

— Я и сам удивился этой древности, — ответил на мой недоумевающий взгляд Джин. — Оказывается, из-за секретности разработок сюда не ввозят современных рудничных машин. Все делается, как и встарь, молоточной пневматикой, а металл с кусками измельченной породы грузится на конвейерные ленты лопатами.

Похожие на лягушек люди с зелеными спинами и серой от пыли грудью своей скафандровой кожи, повинувшись какому-то навязанному им ритму, бросали на движущуюся ленту транспортера широчайшими алюминиевыми лопатами размельченную молотками породу. Все делалось молча, не слышалось ни вздоха, ни голоса — только дробный стук молотков и скрежет лопат о камень.

— Почему они молчат? — спросил я.

— Они не молчат. Только у них в скафандрах нет приспособлений для открытого разговора. Они общаются на микрорадиоволнах. Я их тоже записал.

Не выключая телезаписи, он включил другое микроустройство. И я услышал:

— ...двадцать шестая волна... двадцать шестая... Торди, ты? Слышишь?

— ...слышу... не нуди... у меня пальцы немеют в скафандре...

— ...это от молотка... вибрация... а почему Грэм молчит? Включаю двадцать девятую...

— ...Грэм здесь... кто говорит?

— ...Джонни... попроси перекур...

— ...сам проси... Буль, поганый зверь, переведет на ленту... сломаемся...

— ...сорок третья... сорок третья... встречаемся в шлюзовой очистке...

— ...говорит Буль... откуда взялась сорок третья? Узнаю — на ленту без ужина!

— ...пальцы немеют... прошу перекур...

Джин с сердцем выключил пленку.

— Понравилось? Мне тоже. Впору самому просить перекур. А на обогатительной еще слаще. Смотри.

Он снова включил телезапись. На обогатительной фабрике в пылающей пасти подземных печей выжигалась порода и очищенный металл поступал в плавильни, откуда на ленту конвейера вылетали знакомые бруски, еще не окрашенные. Красильщики в зеленых лягушачьих скафандрах красили их длинноствольными распылителями.

— Рядом стоять опасно даже в специальных скафандрах. Иногда подводит пропитка, — пояснил Джин.

А минуту спустя я как раз это и увидел. Один из красильщиков то ли споткнулся, то ли неловко сманеврировал распылителем и чуть не упал на брусок, едва успев подставить ладонь в перчатке скафандра. Но, видимо, пропитка в ней была недостаточной. Он бросил краситель и выпрямился, да странно как-то выпрямился, не сразу, а шатаясь, словно ища опоры, чтобы не упасть. Никто не подошел к нему, лишь надсмотрщик нагнулся и выключил краситель, а пострадавший медленно побрел куда-то из кадра.

— Вот так и подводит пропитка, — сказал Джин. — Смертельная доза облучения. Его уже на «зыбучку» свезли.

— Живого?!

— А что? Так даже гуманнее. — В глазах у Факетти прыгали предательские искорки.

— Выпей, — промолвил я, протягивая ему бокал. — Успокойся. Что-нибудь придумаем.

Джин встал, неожиданно успокоенный, даже холодный.

— Я уже придумал, — сказал он.

— Что?

— Полечу с тобой.

Глава 21

**в которой сбывается предупреждение Уоррена,
а Лайк неожиданно теряет друга**

Почти пять месяцев спустя после этого разговора я посадил космолет в южной пустыне в Системе, посадил мягко и профессионально, словно всю жизнь только этим и занимался. Сигнализировал в грузовой отсек автомеханику о подготовке к выгрузке и спустился по трапу на желтый песок. Следом за мной сошел и Джин. Оба мы были в защитных скафандрах, и только это помешало обоим уткнуться носом в теплый пушистый песок родимой планеты.

— Пошли, — сказал я Джину через внешний разговорник скафандра, — разгрузят и без нас. За эти месяцы мне, признаться, изрядно надоели и скафандры, и радиация, и пресловутый металл «икс», и Уоррен.

— Мне тоже, — поддакнул Джин.

И мы не спеша пошли к зданию космовокзала — комбинации нержавеющей стали и пластмасс. В этом засекреченном уголке цивилизации — на сто миль в окружности не было никаких признаков человеческого жилья, а широкое применение на транспорте беспроводной передачи электроэнергии сделало ненужными даже бензоколонки — царила прохлада и тишина. Автоматический кнопочный бар снабжал всеми видами синтетических блюд и напитков, и не было рядом ни микрофонов, ни соседей по стойке. Мы были одни, освеженные душем, освобожденные от надоевших скафандров, трудностей перелета, и, хотя, каза-

лось, должны были смертельно надоест друг другу в пятимесячной изоляции, искренне радовались, как друзья, встретившиеся после долгой разлуки.

— По второму кругу! Пошли.

— Хоть по третьему.

Но радиоголос тотчас же объявил нам, что погрузка закончена и электроль ждет нас у выхода. Наш кортеж состоял из двадцатитонного электрокара с надежной противорадиационной изоляцией, куда был втиснут весь зловещий груз нашей ракеты, небольшого аэробуса с вооруженной охраной и нашего бронированного электроля, замыкавшего шествие. Двигались мы вдоль шоссе не только потому, что оно служило нам ориентиром, но и потому, что мощные струи сжатого воздуха при столкновении с измельченной ветрами и солнцем почвой пустыни создавали такие пылевые туманности, что терялась не только видимость, но и скорость.

— Как хорошо! — вырвалось у Джина.

— Что хорошо? — спросил я.

— И пустыня, и песок, и даже эта чертова поездка. Как мне надоела Вторая!

— Она мне тоже надоела, но ничего хорошего в этой поездке не вижу. Кстати, Уоррен упрямо и настойчиво предупреждал меня, что наше «золото» легко может стать приманкой для разбойничьих шаек.

— Глупости. Ты просто мнителен.

— Поживем — увидим.

Окружающая нас пустынная глушь была даже красива в своей величавой изменчивости. То растекалась к горизонту палевая мягкость песка, то подымались невысокие, выветрившиеся, причудливой формы скалы, будто раскрашенные мелками трех различных цветов — красно-рыжего, коричневого и синего. Только пастель обладает такой успокаивающей сдержанностью цвета. Но успокаиваться как раз и нельзя было. Впереди в нескольких километрах от нас ска-

листые формации сближались, пропуская дорогу, и я невольно подумал, что именно здесь могло бы и произойти нападение, о возможности которого говорил Уоррен.

И не ошибся. Когда мы въехали в скалистую полуарку, уже издали было видно, что дорога впереди завалена огромными камнями, через которые наш перегруженный электрокар, конечно, перепрыгнуть не мог: мощные струи сжатого воздуха приподнимали его от земли не выше чем на полметра. Он и остановился, выбросив три толстые короткие лапы. А дальше начались странности. Грузчики в скафандрах, сопровождавшие бруски, выбрались из отсека электрокара через люк в поддоне, но вместо того, чтобы занять огневые позиции, поползли безоружные под прикрытие скал. Охранники же в аэробусе почему-то не подъехали к остановившемуся электрокару, а, выскочив, разбежались кто куда. Трех-четырех замешкавшихся полицейских срезала очередь из-за ближайшего, наклонившегося над шоссе утеса, остальным удалось добежать до зарослей кустов в обломках выветрившегося камня и занять оборону. Но их и не трогали. Людей в штатском с голубыми повязками на рукавах, вооруженных не лучевиками, а дальнобойными беззвучными автоматами, интересовали не охранники, а бруски в фургоне. Кстати, полицейские не сделали ни одного выстрела, радушно позволив нападающим открыть заднюю стенку фургона и добраться до нашего псевдозолота.

Все это мы наблюдали, остановившись примерно метрах в пятидесяти от электрокара, в пасти которого уже скрылось несколько человек в голубых нарукавниках.

— Они с ума сошли, — простонал Джин. — Там же смерть!

Он рванулся к открытой двери машины, но я удержал его:

— Не торопись. Здесь мы в безопасности, а им все равно уже не поможешь.

— Надо же предупредить о радиации!

— Нам не поверят.

Он продолжал вырываться с перекошенным от гнева лицом:

— Пусти. Еще есть время.

— Нет времени. Они уже полутрупы. Почему, ты думаешь, не стреляет охрана? Боится? Чепуха. Каждый стражник по умению владеть оружием стоит трех нападающих. Но он знает, что открывшие фургон уже не выживут.

— Я еще успею предупредить остальных. Гляди, они уже падают.

Я не успел остановить его. Размахивая руками, он бежал мимо оставленного охраной автобуса к электрокару.

— Оставьте брусочек! — кричал он. — Это не золото! Это не золото!

— Джин, назад! — отчаянно крикнул я.

Поздно! Подкошенный смертельной очередью остановивших фургон автоматчиков, Факетти рухнул на шоссе, даже не вскрикнув.

...Глупый мальчик. Кого он хотел предупредить и кто бы ему поверил? Псевдозолото убеждало само и наверняка. Не прошло и десяти минут, как успевшие осознать это и не прикасавшиеся к брускам нападающие скрылись за скалами, даже не попытавшись помочь оставшимся на шоссе. Люди, должно быть, сообразили, что эти полутрупы сами таили в себе опасность и любое прикосновение к ним угрожало жизни. Не заинтересовались ими и вернувшиеся охранники. Брусочек снова погрузили в электрокар люди в скафандрах, замкнули заднюю стенку и, не общаясь с охраной, скрылись внутри через люк в поддоне.

Заметив лежавшего на шоссе Джина, один из охранников подошел к моему электролю.

— Убит? — спросил он равнодушно.

Я пожал плечами: сам видишь.

— Это тот, который кричал и махал руками? — спросил он. — Так ему и надо. Кто он?

— Факетти, — сказал я. — «Шахты Факетти». Младший.

Охранник свистнул.

— Пожал то, что посеял старший.

— Не говори лишнего, — сказал я.

Он выпрямился и козырнул:

— Есть не говорить лишнего. Разрешите забрать труп?

— Положите его ко мне в машину.

И мы двинулись дальше в том же порядке. Трупы не убрали — их снесли с дороги воздушные струи наших машин. Я даже пожалел этих людей: ведь они погибли, уверенные в правоте своего дела. И Джина убили с той же уверенностью. А я ехал с сухими глазами — плакать не мог, не умел! — сознавая, что потерял друга, любившего меня, верившего мне безоговорочно и всегда готового выслушать и помочь.

Глава 22

о том, как можно иногда обмануть смерть

Мне оставили мой электроль, чтобы я мог добраться до Милтон-отеля и сдать машину в гараже под расписку. После бюрократического оформления сдачи груза в засекреченном форте «Икс», где меня не пустили дальше приемной дирекции, у меня оставалось всего два дня до отлета на Вторую. За сорок восемь часов я должен был разыскать Мак-Брайта и передать ему всю информацию о рудниках и об их назначении. Путь к Мак-Брайту лежал через Ли, а путь к Ли через одну-единственную явку у ремонтно-заправочной станции, где Ли работал механиком. Последняя ни-

точка связи, и я молил всех богов, чтобы ее не успели оборвать.

Дорога на Мегалополис напоминала улицу в часы «пик», только с ускоренным втрое движением. Я гнал свой электророль со скоростью не меньше двухсот пятидесяти километров в час, но меня то и дело обгоняли более скоростные машины. Все дороги в эти дни строились с широкими полосами отчуждения — арендованными или закупленными у правительства лугами и огородами, только без обычных проволочных ограждений, чтобы машины на воздушных подушках в случае необходимости могли маневрировать, уклоняясь в сторону от шоссе. Видимость была превосходной, рекламные щиты, подвешенные высоко над дорогой, не мешали обзору, автоматическое управление работало безупречно, и, казалось, ничто не предвещало опасности. А она между тем нежданно-негаданно следовала позади с неотвязной настойчивостью.

Однако я все же ее заметил. Большая, черная, тупорылая машина двигалась за мной, сохраняя неизменную полукилометровую дистанцию между нами. Похожая на дельфина, она и двигалась, как дельфин, грациозной синусоидой, взлетая и снижаясь над широким шоссе. Я увеличил скорость, рассчитывая уйти от преследования. Напрасно: дистанция между нами оставалась прежней. Замедлил — черный дельфин сделал то же самое. Тогда я выехал на обочину и остановил машину, мягко севшую на клеверный луг. Оглянулся, черный дельфин прильнул к земле на той же дистанции.

Я задумался. Преследование или осторожно подготовленное нападение? Вернее последнее. Управление безопасности — а кому же, кроме ведомства Бигля—Тейлора, была нужна моя персона? — могло засечь каждый мой шаг на территории Мегалополиса, а следовать за мной по пути в город было пустой тратой времени: ведь конечной цели поездки я ни от кого не

скрывал и с момента посадки на космодроме никакими видами связи не пользовался. Значит, нападение. Тогда с какой целью? Похитить или уничтожить? Похищать бессмысленно: легче открыто арестовать меня до или после сдачи злополучного груза. Уничтожить? Возможно. Решение устранить меня могло быть принято без ведома Уоррена непосредственно по прибытии моем на Планету. Конечно же Уоррен ничего об этом не знал: я-то ему был нужен...

Почему же они не нападают? Должно быть, из осторожности. Видимо, устранить меня следует незаметно, без лишнего шума и без свидетелей. А на дороге слишком много машин, полицейских и контролеров, проверяющих лицензии на право проезда по федеральным шоссе. Вероятно, нападение произойдет после поворота. Основная магистраль тянется к Брего — южным воротам Мегалополиса, и поворот на север сразу сократит транспортный поток вдвое. Я знал этот поворот — у рекламного щита с названием любимого детского лакомства — конфет «Коми». От этого щита до рекламы спортивных товаров на пятисотметровом отрезке по обеим сторонам шоссе ровный некошенный луг, на который не составит никого труда сбить с дороги попутную или встречную машину, в особенности если у тебя прочный бампер.

Я мысленно подсчитал. Если я увеличу скорость до трехсот шестидесяти, меня занесет на повороте на всю луговину и я успею сделать петлю. За пять-шесть секунд я успею пройти петлю как раз там, где дельфин на еще большей скорости вырвется на боковое шоссе. Затормозить и ударить с расчетцем он уже не успеет, а столкновение на такой скорости — катастрофа для обоих. Единственное, что может спасти его, — это прыжок над моей машиной. На это я и рассчитывал.

За четверть часа до поворота я резко повысил скорость: триста, триста тридцать, триста шестьдесят. Дельфин отстал. Сейчас будет наверстывать. Но я уже

не видел его — передо мной за поворотом была луговина, куда меня здорово занесло. Не понижая скорости, я сократил петель отрезок шоссе в тот самый момент, когда на него черным смерчем вылетел тупорылый дельфин. Все произошло, как я и планировал. Затормозить и ударить он не успел, я услышал дробный стук пуль, отраженных броней моего электроля, и тут же — свист мощных воздушных струй.

Этого мгновения я и ожидал. Сквозь щель, образованную чуть приспущенным ветровым стеклом, я полоснул по пронесшейся надо мной черной тени молнией своего пистолета-лучевика. На броне она бы только запеклась металлической корочкой, но незащищенное брюхо машины вскрыла, как нож консервную банку. Черный дельфин скособочился в воздухе и грохнулся у шоссе, перевернувшись в траве несколько раз.

Ли я нашел на ремонтно-заправочной станции уже вечером, когда поток электролей и электрокаров обмелел и утих. В форменной тужурке и фуражке с круглым большим козырьком Ли узнать было трудно. Косметологи вывели веснушки, подбородок окаймила неухоженная бородка, у губ легли жесткие складки. Только глаза еще напоминали о когда-то наивном и доверчивом мальчишке. Сейчас исчезла и доверчивость.

— Что угодно? — спросил он, не узнавая меня или не желая узнавать.

— Мне угодно, Ли, срочно видеть Мак-Брайта.

— Не знаю такого.

— И меня не знаешь?

— Не знаю.

В прищуренных глазах его, мне показалось, блеснула усмешка. Я понял. Требовался пароль.

Я знал его. Но с тех пор прошел год. Пароль могли изменить, а выхода у меня не было.

— Боковые батареи вот-вот выйдут из строя, — сказал я.

— Когда вы это заметили?

— Два часа назад на муниципальном тракте.

— Левая или правая? — продолжалась игра.

— Левая. Особенно в дождь.

— Я к вашим услугам, господин Лайк, — тотчас же откликнулся Ли. — Пароль заменен, но я понимаю, что вы могли об этом не знать. Были на Второй?

— Был, парень. Поэтому и требуется Мак-Брайт. Через тридцать шесть часов опять улетаю.

— Можете подождать до конца смены?

— Не могу. Дело не ждет.

— Тогда вам придется поработать механиком, — сказал он, подумав. — Покуда меня не будет. Не так уж трудно. Я вам все объясню.

— Не надо. Справлюсь.

— Примерьте. Может, подойдет. — Он скинул куртку и снял форменную фуражку.

Я с трудом напялил курточку худенького Ли на свои плечи. Застегиваться, естественно, не стал. Сойдет.

— Если подъедет контролер, скажите, что вы новый диспетчер, — добавил Ли. — Да они и не интересуются ничем, кроме счетчиков.

Я сел на трехногую табуретку у двери станции, проводив глазами скрывающуюся в темноте крохотную машину Ли. Тишина и темнота окружали меня, как в склепе. Город в этом районе уже спал, а поздними вечерами улицы освещались плохо — старая энергосистема не выдерживала возросших нагрузок. И тут же полоснули светом два передних прожектора электроля. Он подрулил к тротуару, выбросив лапы, и женский голос из окна деловито спросил:

— Вы механик?

— Я.

— Проверьте аккумуляторы и давление в трубах.

— Сию минуту.

Женская голова в цветной косынке высунулась из окна, и знакомый голос протянул удивленно:

— Чабби, Бог мой! Что за маскарад?

Я взгляделся: Жаклин.

— Когда же вы успели? — воскликнул я. — Вылетели вслед за мной?

— Я не согласовываю своих передвижений с вашими, Чабби. Но вы не ответили на мой вопрос. Почему вы здесь в этой шапке?

— Поступил механиком в компанию. Разве нельзя?

— Бросьте шутить. Я серьезно.

— И я серьезно. Не люблю неуместных вопросов, Жаклин.

— Тогда проверяйте аккумуляторы.

Я проверил и зарядил. Не спеша, молча, не обращая внимания на вылезшую из машины и наблюдавшую за мной Жаклин. Вытер руки тряпкой, висевшей у изоляторов, наклонился и сказал:

— Готово.

Она протянула мне деньги, села в машину и, закрывая дверь, сказала с воркующей нежностью в голосе:

— Вы забыли мое имя, Чабби. Это во-первых. Во-вторых, для меня ничего не изменилось, и я не проявляю интереса к вашей новой профессии. И в-третьих, хочу встретиться с вами, как бывало, наедине.

— Послезавтра я вылетаю обратно, — отрезал я.

— А сегодня вечером?

Отказаться? Грубо. И слишком уж демонстративно-загадочно. В моей профессии следует избегать загадочных ситуаций. Достаточно уже этой куртки и проверки аккумуляторов. Я снова поклонился и сказал:

— Если вы настаиваете, не возражаю.

— Не будьте сухарем, Чабби. Вы где остановились? В «Милтоне», как и раньше? Я тоже. Десятый этаж, сто двенадцать. Когда?

Я мысленно прикинул, сколько времени займут у меня встреча с Мак-Брайтом и переезды по городу, и не очень твердо проговорил — авось откажется:

— Часа через два примерно. Могу опоздать немало.

Но она не отказалась:

— Обязательно, Чабби. Не подводите. Жду.

Ли не задержался. Он прибыл через десять минут после отъезда Жаклин.

— Мак-Брайт в баре «Омпала». На сороковом километре по дороге в Мегалополис. Пароль не нужен — бармен свой. Скажите, что прислал я.

— Гениально, — сказал я. — А тебе надо уходить отсюда немедленно. Исчезнуть. Я завалил твою явку, мальчик. Так уж случилось — не вини. Меня узнали.

Ли не стал вдаваться в подробности.

— Сейчас уходить? — спросил он.

— Сейчас. Я подвезу тебя. Только не домой — квартира исключается. Выбирай другую нору и другое обличье.

Я высадил его, не доезжая до моста. По-моему, он был не огорчен, а даже обрадован этой неожиданной перемене в судьбе. Я же был смущен и встревожен: в трудной жизни Мак-Брайта прибавится еще забота о восстановлении явки.

Я нашел его на верхней галерее шумного окраинного бара, где легко было затеряться среди захмелевших разномастных людей. В полуоткрытой кабинке на двоих разговаривать можно было свободно — Мак-Брайт и «свой» бармен об этом позаботились.

— Долго тянешь, Лайк, — начал Мак без приветствий.

— Связи нет.

— А Линнет?

— У нее нет связных в Лоусоне. Он засекречен, как форт «Икс» на Планете.

— Что еще за форт «Икс»?

Я рассказал.

— Значит, все-таки блистон, — проговорил, помолчав, Мак-Брайт.

— Увы.

— Твой транспорт — второй по счету с начала работок. Мы проследили.

— Учитывая грузоподъемность космолетов, два транспорта — это почти тридцать тонн.

— Нам нужен всего один брусок. Охрану можно перебить, электроль не проблема, скафандры тоже.

— С антирадиационной пропиткой. А это уже проблема. Коэффициент излучения очень высок.

— Ты когда вылетаешь? — задумался Мак-Брайт.

— Завтра вечером.

— Придется доложить Первому. Может быть, еще сегодня. Об инструкциях сообщим.

— Пароль, явка?

— Не будет. Найдем тебя, когда будет нужно. Кстати, с этой минуты каждый твой шаг с нашей страховкой.

— Тейлор? — спросил я понимающе. — С Уорреном мы поладили. Он мне доверяет.

— Вот именно поэтому Тейлор, видимо, решил, что ему удобнее тебя устранить. Они же с Уорреном терпеть друг друга не могут.

— Знаю, — усмехнулся я и рассказал о схватке с черным дельфином.

Мак-Брайт встревожился:

— С электролем они нас предупредили. Но с булавкой мы еще успеем.

— Какая еще булавка? — не понял я.

— Обыкновенная. Заколка для бантов и галстуков. С золоченой головкой, каких сотни в любом универмаге. Только эта не в фирменной упаковке, а в стеклянном тюбике от таблеток «Альфа» и смазана особым химическим составом.

— Яд?

— Не смертельный. Но даже легкая царапина вызывает истощение нервной системы. Ухудшаются слух и память, слабеют соображение и реакции. А через ме-

сяц ты уже ни на что не способен — разве только что ставить штампы на почтовых конвертах или подметать улицы.

— Кому же поручен укол?

— К сожалению, нам не удалось выяснить личность агента. Но известно, что он встретится с тобою сегодня.

— Сегодня вечером я встречаюсь с Жаклин Тибо. Личность, по-моему, уже выяснена. Интересно другое: я только полчаса назад условился об этой встрече, заменяя Ли на ремонтной станции. Жаклин нашла меня там неожиданно для себя самой.

— Возможно, что и неожиданно. Но встреча с тобой сегодня вечером была запланирована у них на случай неудачи дельфина. Они знали, куда ты едешь, и, несомненно, проинструктировали Жаклин.

Я вынужден был согласиться.

— Где состоится встреча?

— У нее в Милтон-отеле.

Мак поморщился.

— В трехкомнатном номере люкс миллион способов спрятать крошечный тюбик с булавкой. У нас нет шансов его найти, даже если удастся провести обыск. Придется устранить Жаклин, не кривись.

Возражать Мак-Брайту было бесполезно, да и чем бы я мог мотивировать свое возражение. Враг есть враг.

С чувством нарастающего беспокойства я добрался до отеля и поднялся в номер. Света не зажигал: в темноте лучше думалось, а подумать нужно было о многом. Еще одно препятствие удалено с пути, а сколько таких препятствий еще ожидало меня на Второй. Время шло, я не считал ни минут, ни часов и уже собрался было зажечь свет, чтобы почитать на ночь, как чей-то глухой, странно знакомый голос остановил меня:

— Не старайтесь, Лайк. Ток отключен.

— Кто здесь? — спросил я, осторожно вынимая пистолет.

— Спрячьте его в карман, Лайк, — снова услышал я. — У меня очки, позволяющие видеть в темноте. К тому же в своих не стреляют.

— В своих? — повторил я удивленно.

— Когда-то мы уже беседовали.

Я вспомнил трущобы Мегалополиса, длинный коридор и дверь, которая открылась без скрипа, комнату-пенал в темноте и хриплый мужской голос. Этот же самый глуховатый, властный голос привыкшего руководить человека.

— Первый? — спросил я, замирая.

И услышал ласковое, родное:

— Ты не ошибся, сынок. Это я.

Я даже онемел от удивления. Оказывается, Первый — мой соотечественник. Земляк, законспирированный в диктаторской резиденции. Жизнь — риск, жизнь — борьба, жизнь — подвиг. Один неверный шаг...

— Как вы рискнули прийти сюда? — вырвалось у меня. — В электронную мышеловку! На базар, где вас знает каждый!

— Мышеловку можно разрядить, а на базаре преобразуют грим и костюм. На мне сейчас, например, табачный пиджак отельного сыщика. А свет отключен потому, что не хочется, чтобы у тебя создалось обо мне ложное впечатление. Внешность моя сейчас, мягко говоря, мало согласуется со словами.

— Вы же могли послать Мак-Брайта.

— Твои сообщения настолько важны, что Мак-Брайта пришлось срочно послать в ОСГ — наша подпольная дорога туда еще пока действует. Но вернется он с ответом лишь через несколько дней. Поэтому и пришлось рискнуть мне. Другой связи нет, а ты вылетаешь завтра.

— Утром, — сказал я.

— Тем более. И несколько месяцев в пути. А передать инструкции на Вторую — сложное дело. Если их утвердят, сигнала не будет. Если нет — уведомим.

— Что требуется?

— Один брусок блистона. Взять его здесь трудно — согласен. Еще труднее — переправить в ОСГ. Усложняет все радиация. Поэтому и решили сделать это на Второй Планете. Проще взять и проще переправить...

— Куда?

— На контролируемый нами сектор Планеты. План твой, средства обеспечит Линнет, помощников найдешь сам: в Лоусоне недовольных полгорода.

— И Лайк исчезнет?

— Исчезнет Лайк, родится другой. Ты же не собираешься менять профессию?

— Пока она еще нужна, — вздохнул я, — а завтра, быть может, уже не понадобится.

— Вполне вероятно, но до завтра еще есть время. И человеку твоей профессии понадобятся не только ум и отвага, но и оружие. Разное оружие. Даже такое. Возьми.

Я протянул руку в темноту и ощутил на ладони что-то маленькое и гладкое, похожее на тюбик губной помады. А голос продолжил:

— Булавка Тейлора. Я воспользовался случаем, чтобы передать тебе ее лично — не хотел подпускать к тебе незнакомых связных. Держи тюбик при себе — он из прочного неразбивающегося стекла — и никогда не открывай, пока не понадобится. А теперь прощай. Свет включают тотчас же после моего ухода.

Минуту спустя я увидел булавку, вернее, только тюбик из черного, похожего на металл стекла. Но раскрывать его я не стал.

Ах, Жаклин, Жаклин!.. К сожалению, я не умею писать надгробные эпитафии.

Глава 23

в которой Лайк находит друга на рудниках Лоусона

Неприветливым, настороженным и холодным показался мне Лоусон. Теплота дружбы Джина Факетти как-то скрашивала мое пребывание в этой дыре с искусственной атмосферой и климатом. Теперь же меня ожидало одиночество в тягостно чужом и неприязненном мире, равнодушие окружающих, их незаинтересованность и душевная глухота. Кто мог помочь мне найти выход из лежавшего передо мной лабиринта? Уоррен? Возможно, и он, негативно, конечно. В какой-то степени он мог стать пружиной придуманного мной механизма. Встретил он меня внимательно, даже радушно, живо интересовался подробностями гибели Джина Факетти, даже упрекнул меня в том, что я недостаточно энергично удерживал Джина от бессмысленного предсмертного шага, и вдруг в заключение разговора спросил:

— Вы, наверное, знали его подругу Жаклин Тибо?

— Конечно, — сказал я, — только впервые узнаю о том, что она была его подругой.

— Они скрывали это, чтоб не раздражать старшего Факетти. Старик не особенно одобрял эту близость.

И правильно, что не одобрял. Только никакой близости не было, Уоррен почему-то соврал.

— Вы встречали ее перед вылетом? — спросил он.

— Нет. — Тут я мог не бояться соврать: она ни с кем не встречалась и никому не звонила — это проверили. Видимо, хотела сделать сюрприз своему шефу. — А почему вас это интересует?

— Она исчезла.

— Вероятно, уехала куда-нибудь развлекаться, — продолжал я игру в той же манере.

Но Уоррен уже не скрывал своей озабоченности.

— Ни на Юге, ни на Западном побережье, ни вообще в пределах СВК ее не нашли.

— Лазерная связь, вероятно, стоит больших денег?

— Безусловно, — согласился он, — но почему вы об этом спрашиваете?

— А стоит ли тратить их ради такого события, как исчезновение Тибо?

Уоррен мгновенно понял игру.

— Вы очень догадливый человек, Лайк. Но не злоупотребляйте своей догадливостью. Жаклин не доверяла вам, она никому не доверяла, кроме своего разлюбленного Тейлора. А я вам верю. И цените это. — Он встал, массивный и картинный, позволяя мне откланяться и уйти.

Что преследовал этот допрос о Жаклин? Не считали же они меня виновным в ее исчезновении. Чушь какая-то... Но за мной сейчас, несомненно, будут присматривать. Пусть! В Лоусоне мне пока ничто не грозит...

Но я ошибся. Вечером от нечего делать я отправился «отдыхать» в один из двух лоусоновских салунов. Я выбрал второразрядный — во-первых, потому, что в «Мекензи» уже был, а во-вторых, потому, что не хотелось встречаться со Стивом Кодбюри: вероятно, новый генеральный директор рудников выбирает для своих развлечений более аристократические притоны. И я опять ошибся.

Но об этом потом. Салун встретил меня воем электроджаза, пьяным галдежом за столиками, клубами дыма у потолка и полированной стойкой бара, по которой можно было гонять кружки с пивом, как кегельные шары. Я присмотрелся к ней, поймал полную кружку и оглянулся на молча сосущего пиво соседа.

— Айк? — спросил я.

Ко мне обернулось обросшее русой бородой лицо моего недавнего знакомого, «первака» из бара центрального космопорта. Он не сразу узнал меня: в своем живописном мундире пилота я мало походил на

прощелыгу, перемахнувшего через стойку, чтобы удрать от проверки.

— Значит, не сцапали? — улыбнулся он.

Я свистнул:

— Не от таких уходил.

— А теперь кто ты?

— Космик. Вожу вашу бодягу домой.

— Бруски?

— Ага.

— Будь они прокляты! Сбежал бы, да некуда.

— А ведь говорил: не все ли равно, что в скафандрах. Дышать дают, заправку тоже.

— Дают. Контракт на пять лет, а ты уже через год инвалид.

Я задумался. Кажется, открывался рычаг воображенного мной механизма.

— Говоришь, сбежал бы, да некуда. А вдруг есть куда?

— Может, с собой возьмешь? Спрячешь в машине?

— Приземлимся на военном космодроме. Только сядем — схватят.

— Так куда же бежать? Кругом пустыня. «Зыбучка» да камень.

— А за пустыней?

— В зону Содружества?

— А что тебе их бояться? Думаешь, местные слаще?

— Не думаю... А как сбежишь? Ножками? На второй день свалишься. Да и в баллонах сжатого воздуха часов на восемь, не больше. Нужна машина, Чабби. А где ее раздобудешь?

Я огляделся по сторонам и сказал, понизив голос до шепота:

— Подумаем. У меня здесь, между прочим, тоже не рай. Тсс...

Я предупредил ответ Айка. К нам подходил Стив Кодбюри в кожаном пиджаке с дубинкой у пояса. С такими же эластичными, шоковыми дубинками ша-

гали позади трое его телохранителей — ражие парни, косая сажень в плечах.

— Привет блудному сыну, — усмехнулся он нагло-вато, — в честь возвращения прикажу, пожалуй, зажарить барашка.

— Не фиглярничай, — сказал я. — Противно.

Он присел возле меня у стойки. Телохранители стали сзади.

— Противно? — повторил он с издевкой. — А как мне было противно слушать Жаклин.

— О чем же? — спросил я невинно.

— О волке в овечьей шкуре. Она тебе никогда не верила. Только здесь молчала.

Я оглянулся. Телохранители выстроились угрожающим веером. Аик куда-то исчез. Вероятно, не захотел связываться с директором. Что ж, по-человечески это понятно.

Я решил отбиваться, пока есть время.

— Бред собачий. Кто поверит психованной бабе? Даже Уоррен не верил.

— Я поверил.

— К счастью, ты не всемогущ.

— Достаточно силен, чтобы проучить тебя здесь и отвезти на «зыбучку».

— Не рискнешь. Я еще нужен Уоррену.

— А что он узнает? О пьяной драке в салуне, где не слишком уважают законы?

— Есть свидетели — зал полон.

— Кто из них рискнет пойти против меня в открытую? Тебе конец... Я только свистну...

Но свистнуть он не успел. Я сбил его одним ударом с табурета, успев стать к стойке спиной. Маневр был своевременный, потому что один из телохранителей тотчас же ринулся на меня как таран. Я отбросил его ногой. Но парировать дубинку второго не успел — только отклонился чуть-чуть так, что удар пришелся в плечо. Укол электрического тока сковал меня, в

глазах потемнело, защищаться я уже не мог — только обхватил голову руками, чтобы смягчить еще удар. Но удара не последовало: кто-то отшвырнул охранника с такой силой, что тот опрокинул в падении соседний стол. Я поднялся, сообразив, что у меня появились союзники. И не ошибся.

Десятка полтора завсегдатаев салуна, сидевших в зале — в дыму я не сумел сосчитать точно, — буквально навалились на банду Дикого, обезоружив и выловив каждого поодиночке. В пять минут все было кончено. Стиву плеснули чем-то в лицо, от чего он буквально взвыл, стоя на коленях и протирая кулаками глаза. Так его, «коленипреклоненного», и вынесли за дверь, выбросив вслед и его растерявших дубинки охранников. Я даже не успел поблагодарить неожиданных избавителей — они тут же разошлись к столикам в зале, вероятно заняв прежние свои места. Возле меня остались только Айк и рослый белобрысый малый со шрамом на лице и пудовыми кулачищами, которые, как оказалось, и отшвырнули парня с дубинкой.

— А я думал, что ты смылся, — сказал я Айку.

— Смылся, чтобы людей собрать. Сразу учуял, чем пахнет.

— Мы друзей не бросаем, — вступил в разговор парень со шрамом.

— Род Мэллори, — представил его Айк, — мы с ним бок о бок в карьере работали.

— Сейчас я на обогатительной, — пояснил Род, — зову Айка напарником, а он не идет.

Я мгновенно учел ситуацию. Именно на обогатительной мне и требовались помощники.

— Соглашайся, Айк, не прогадаешь. К воскресенью чтобы ты уже был на обогатительной. Кто там у вас контролером на шлюзе?

— Индюк Гиш, — сказал Род.

— Индюк — это имя?

— Нет, кличка. Такой же надутый и жадный.

— До денег?

— Еще как!

— Подходит, — сказал я, не объясняя ребятам, что я задумал: поймут позже. — Значит, до воскресенья, здесь же. А сейчас расходиться, пока Стив не вернулся.

— Он не вернется. В салунах свои законы, и не ему их отменять.

— Подстережет в карьере.

— Подстереги лягушку на болоте, — усмехнулся Айк. — Все зеленые, все в скафандрах.

Но меня могли подстеречь у отеля. Поэтому я прямехонько из салуна направился в шлюзовой зал. Все уже спали, и заспанный дежурный в гараже долго разглядывал мой пилотский жетон, прежде чем завести машину. Но, проснувшись, завел ее без промедления и даже не перепутал пропускные кнопки в шлюзах.

— Энергии хватит? До СВК-два?

— Всю пустыню пройдет в любом направлении. А на СВК-два ставьте курс 114 и спите спокойно, — зевнул он.

К утру я уже шлюзовался у купола СВК-два. Служба безопасности, несомненно, была осведомлена о моем прибытии, и потому, не играя в прятки, я публично заказал по видео номер в отеле, добавив, что выезжаю немедленно. Пусть присылают наблюдателей. Сам же пошел к открывшимся уже киоскам, нашел журнальный и, как и предполагал, сразу увидел Линнет. Она деловито развешивала по стендам журналы в пестрых обложках.

— Надеюсь, мне уже не придется вспоминать о старых номерах «Новостей»? — спросил я, не здороваясь.

Линнет не удивилась:

— Приехал за деньгами?

— Откуда ты знаешь?

— Догадалась. О твоём задании мне известно. Для этого нужны люди и деньги. Людей ты найдешь сам или уже нашел на месте, а за деньгами приехал ко мне. Я даже скажу, сколько тебе нужно.

— Пять тысяч.

— Возьми десять.

— Вы щедры, моя милая.

— Не я, Чабби. Первый. Когда ты хочешь их получить?

— Сейчас.

— В отеле?

— Нет. В отель я не поеду. Опасно: могут следить.

— А где же передать деньги?

— Выезжаю на электроле немедленно, но со скоростью черепахи. Догонишь в дороге.

Пакет с деньгами был вручен мне на пятидесятом километре от СВК-два.

Глава 24

в которой Лайк переигрывает Уоррена и выполняет задание Центра

Линнет не переборщила с деньгами: десяти тысяч хватило в обрез. Индюк запросил шесть, да по две пришлось обещать шлюзовым механикам, выпускавшим и выпускавшим металл с обогатительной фабрики. Мой механизм должен был действовать так: за одну-две минуты до полудня, когда работа прекращалась на обеденный перерыв, Индюк выпустит на транспортере один брусок за пределы купола в сопровождении Айка и Рода. Транспортер тут же выключается, и брусок мгновенно перегружают на ожидающий у шлюзового выхода электроль. Я включаю управление, и мы со своей добычей уходим в пустыню. А время работает на нас: сигнал тревоги

из-за обеденного перерыва запаздывает, надсмотрщики прохлаждаются в баре, гараж закрыт, и мы выигрываем у погони не меньше ста километров.

План был прост и рассчитан на мгновенность и согласованность действий. Самым уязвимым его местом был электроль. Требовался бронированный, чтобы предохранить от обстрела из дальнобойных пулеметов погони, а единственный бронированный электроль в Лоусоне принадлежал Уоррену. Любой ценой я должен был получить его, обеспечив свободу действий после этого по крайней мере в течение часа. Но как? Подделать подпись Уоррена на письменном приказании о выдаче машины? К сожалению, у меня не было под рукой человека, способного сделать это с достаточной точностью. Да и Уоррену самому мог потребоваться электроль именно в это время. Убить его? Где? В служебном кабинете, куда каждую минуту мог заглянуть любой из его подчиненных? Бред. Удобнее всего было бы выманить его в пустыню на той же машине, вспороть ножом скафандр и выбросить тело задохнувшегося в здешней атмосфере где-нибудь по дороге на космодром. Но такая операция потребовала бы точно рассчитанной и длительной подготовки, а в моем распоряжении не было и полных суток. Можно временно вывести из строя Уоррена — у меня имелись ампулы с нервно-паралитическим газом и сигареты, погружающие в сон с одной затяжки, но под каким предлогом я могу получить у него необходимое мне распоряжение о выдаче электроля? И тут я вспомнил о булавке Жаклин.

Впоследствии Дибитц назвал мой план чистойшей воды авантюрой, непростительной для разведчика, обязанного действовать только наверняка. Я же рисковал отчаянно и безрассудно, надеясь лишь на сопутствовавшую мне удачу, решительность и внезапность маневра и скрытую под маской всесильного

повелителя обыкновенную человеческую трусость. С таким вызовом я и шел к Уоррену примерно за час до начала операции на обогатительной фабрике.

Уоррен принял меня сдержанно и чуть-чуть удивленно:

— Соскучились по работе, Лайк?

Я решил не тянуть время.

— У меня неотложный и важный разговор. Кстати, важный не только для меня, но и для вас. Поэтому дайте световой сигнал на дверях, чтобы вас не беспокоили. — Я посмотрел на часы. — Сейчас десять минут двенадцатого. Скажем, до часу.

— Я не предвижу разговор такой длительности. Даже с вами, Лайк, — сказал Уоррен.

— Разговор будет недолгим. — Я подошел ближе. — До часу вы пробудете в одиночестве.

— Вы, кажется, угрожаете, Лайк?

— Не буду обманывать, да.

Я тут же извлек из нагрудного кармашка стеклянный тюбик, добытый у Жаклин, и вынул булавку.

— Узнаете?

— Булавка Жаклин. — Толстые губы Уоррена побелели. — Откуда она у вас?

— Профессиональный секрет. — Я поиграл злополучной булавкой. — Так вам знакомо действие препарата? Руки! — крикнул я, когда Уоррен потянулся к сигнальной клавиатуре. — Сидеть смирно. Вот так. Мне даже не понадобятся оправдания, когда вас, парализованного, найдут в кресле. Любой из ваших врачей поставит один и тот же диагноз — инсульт. Вы же гипертоник, по комплекции видно.

— Вы пока переиграли меня, Лайк, — очень спокойно проговорил Уоррен. — Но я не торгуюсь. В моем положении это абсурд. Итак, что вам требуется?

— Небольшая услуга, значительно дешевле вашей жизни. Но я тоже не торгуюсь. Прежде всего набери-

те сигнал о том, чтобы вас не беспокоили. До часу. Только никаких тревог и прочих фокусов.

Уоррен покорно набрал на клавиатуре требуемый сигнал.

— Теперь предписание о немедленном предоставлении мне вашего электроля на неограниченный срок.

— Решили бежать?

— Вы угадали.

— В зону Содружества?

— Поразительная догадливость. Диктуйте.

И снова покорно подчинился Уоррен, выдав мне с диктографа требуемое предписание.

— Что еще?

— Пустяк. Крошечная штучка, которая продержит вас в состоянии неподвижности, — я взглянул на часы, — час сорок минут.

Я блефовал с лицом завязанного картежника, прикрепляя к ребру письменного стола миниатюрный микрофончик — крохотный металлический кубик с присосками и фальшивым циферблатом.

— Это взрывное устройство с циферблатом включено на требуемое нам время. При малейшем вашем движении оно немедленно придет в действие. Не тянитесь ни к клавиатуре, ни к радио. И твердо помните, что полностью выключить механизм вы можете только в час дня. Ни секундой раньше.

С этими словами я вышел, оставив всесильного директора в состоянии боксера после нокаута. Я уже точно знал, что полтора часа с лишним он не примет никаких направленных против меня мер.

Но в одном я ошибся, и ошибки моей он не поправил. Обнаружил ее я уже в гараже, получая требуемую машину. «Броненосная и самая быстрая», — восхитился я, но дежурный механик заметил меланхолично: «Не самая. Ракета, на которых стреляют песчанок в пустыне, вдвое быстрее». Песчанок — пушных зверьков Вто-

рой Планеты — я в пустыне не видел, такой ракетой не пользовался, да и менять что-либо сейчас было уже поздно. И, получив золотистый электроль Уоррена, я ровно в двенадцать подал его к выходным шлюзам обогатительной фабрики.

Двенадцать часов одна минута. Шлюз закрыт.

Минута двадцать секунд. Я жду.

Полторы минуты. Начинаю тревожиться.

Две минуты. Входной шлюз выпускает на транспортере укороченную платформу с одним бруском и двумя сопровождающими в таких же, как и мой, зеленых скафандрах. С разговорником: я об этом уже позаботился.

— Грузи в багажник, — приказал я, открывая крышку.

Молниеносно брусок с платформы был перегружен в багажник машины. Крышка захлопнулась.

— По местам, живо!

С такой же быстротой три зеленые лягушки скрылись в пасти золотистого электроля. Указатель я поставил раньше: курс сто девятнадцать. Точно по карте. Оставался пуск. Я не замедлил ни секунды, и машина рванулась с места со свистом воздушных струй, набирая скорость.

Ничего не произошло. Ни суеты у шлюзов, ни сигнала тревоги, даже очевидцы, какие были, должно быть, не поняли, что к чему. До освобождения Уоррена из ложного плена осталось около пятидесяти минут. Значит, при скорости до пятисот километров в час мы выигрывали не менее четырехсот километров. Две тысячи километров отделяли нас от зоны Содружества — четыре часа пути. Много. Ракета при всех возможных задержках догонит нас на полдороге. Я взял карту: лиловая лента пересекала наш путь примерно на тысячном километре — «зыбучка». Надо менять курс, чтобы обойти ее где-то справа или слева — лишние триста километров пути.

— Не меняй курса, — подсказал Айк, заглянув в карту.

— «Зыбучка», видишь? — пояснил я.

— Ну и что? Я знаю.

— На «зыбучке» не может быть воздушной подушки. Лиловый песок не оказывает сопротивления воздушным струям, свободно опускаясь под их давлением. А ширина какая! Посмотри по масштабу — не менее пятидесяти километров. Никакой инерции не хватит даже при такой скорости. Не перескочишь.

— И все-таки повремени с курсом. Там кромка синюшника — я помню. И «зыбучка» суживается горловиной почти вдвое. Подойдем ближе — объясню.

Я согласился. Айк не безголовый — зря рисковать не будет. Подождем, если просит. А на обзорном экране, отражающем всю дугу горизонта позади машины, в рыжем пространстве пустыни возникла черная точка. Она двигалась, вырастая до размеров крохотного черного пятнышка. Погоня.

— Не рискуем, Айк? — обеспокоился Род.

— Они будут обходить нас справа, сокращая угол. Рассчитывают, что мы пойдем вдоль кромки синюшника. О «зыбучке» они тоже знают.

Зажужжал зуммер видео. Я откликнулся, не включая экрана:

— Кто?

— Боишься взглянуть мне в глаза, Чабби, — ответил динамик голосом Стива. — Включи экран.

— Зачем? — сказал я. — Ты мне надоел давно и достаточно.

— Не хорохорься, Чабби, — продолжал динамик, — тебе и твоим друзьям конец. Утопим в «зыбучке». Сдача на милость не поможет. Милости не будет.

«Хорек, — подумал я. — Злой и вонючий хорек. Знает, что на его стороне скорость». Динамик, всхлипнув не то от радости, не то от злости, умолк. Я включил видео.

— Будем отстреливаться? — спросил Род, перебираясь к щели скорострельного пулемета. — Я знаком с этой штукой.

— Подожди, — прервал Айк, — до «зыбучки» они нас не догонят.

Панорама впереди чуточку изменилась. Красный песок на горизонте искривился темной полоской. Приближалась «зыбучка». Она походила на лиловую реку или стоячую болотную гладь, окаймленную кустами синюшника. Приближалась она с чудовищной быстротой, пестрея косыми рыжеватыми полосами, как будто сотворивший ее создатель мазанул желтой кистью по фиолетовой грязи.

— Вышли правильно. Здесь, — удовлетворенно промолвил Айк. — У тебя сто девятнадцать на курсе? Убавь до ста восемнадцати, чуток влево. Именно здесь мы и нашли брод.

— Какой брод? — удивился я.

Какой брод мог быть в толще зыбучих песков, не выдерживавших никакой тяжести?

Айк объяснил:

— Когда меня, штрафника, сунули в похоронную команду, именно сюда мы и поехали. Взяли с напарником одного мертвяка и швырнули метра за три в песчаную топь. А он не тонет. Лежит в песке и не всасывается. Я пнул багром — есть у нас такие багры для захоронки — чую: грунт не то камень, не то глина. Положил багор, перебрался на рыженькую полоску, где мертвяк лежал, — стоять можно. Метра два шириной под ногами, будто каменная стена в песке. Прошел метров пятьдесят — то же самое. Под ногами твердь, и конца нет, а по краям «зыбучка». Потом один из наших ребят до конца прошел, должно быть, километров десять: здесь «зыбучка» горловиной суживается. Ну а мы, понятно, об этом молчок, пригодится, думали, а шефа, который с нами был, сунули мордой в «зыбучку», да еще баг-

ром помогли. Вон, видите, синюшник по краю, а дальше полоска рыженькая. Здесь и проскочим.

— Так и они проскочат, — сказал я.

— Они загодя нас обходят, под углом. А справа брода нет. Либо в «зыбучку», либо в обход, если сообразят. А вернее, не успеют. Увидят, что мы прошли, и рванут. Где на такой скорости сообразить — не те головы.

Айк предсказал точно. На той скорости, с какой мы летели над песчаной пустыней, даже рассмотреть что-либо внимательно было трудно. Лиловая матовость песка впереди, кромка синюшника, бесконечно тянувшаяся куда-то влево, желтые песчаные проплешины на фиолетовой глади, уходившие рваной полоской к горизонту. Они приближались так быстро, словно несло их навстречу ураганом пустыни. А справа в обзорном стекле уж виднелась черная ракета, превратившаяся из куриного яйца в причудливо согнутый бочонок. Она действительно обходила нас справа в расчете на то, что мы повернем вдоль синюшника и тут они нас и достанут. Конечно, пробить стенки нашего электроля нельзя было даже бронбойным снарядом, но длинный черный бочонок, вдвое больше нашего золотистого, мог пойти на таран, опрокинуть нас кверху брюхом и тогда уже пробить и дюзы, и баллоны со сжатым воздухом. В предварительной перестрелке мы и сами легко могли пробить машину Дикого; он, вероятно, допускал это и соответственно подготовился, но едва ли мог предполагать, что, не сворачивая, мы с той же скоростью пойдем над «зыбучкой». Он даже притормозил, увидев наш прыжок в лиловую песчаную муть, но раздумывал недолго. Дикий был глуп, но смел до неосторожности. «Они прошли? Прошли. Так почему бы и нам не рискнуть? Скорость у нас вдвое выше». Так, вероятно, сработала его первая и все решившая мысль.

На скорости, с какой мы шли над «бродом» в «зыбучке», можно было увидеть только черный бочонок, похожий на кота в прыжке, метнувшийся над коварной гладью и терявший скорость с каждым мгновением. Он скользнул по песку и ушел в него, как торпеда. Две-три секунды — и все было кончено. Вероятно, они и вскрикнуть не успели, хотя жили в своей песчаной могиле до тех пор, пока не достигли дна или пока не иссяк кислородный запас.

Мы шли уже не так быстро, и все внимание наше было приковано к рыжим проплешинам «брода», а гибель преследователей была столь молниеносной, что мы на нее даже не реагировали. Только Род протянул «Н-да...», но, не услышав отклика, тоже умолк. Лишь когда прошли «зыбучку» и песок привычно покраснел до самого горизонта, я, глубоко вздохнув, посмотрел на часы. Два с четвертью. Почти полтора часа осталось до цели.

— Я шел наверняка, а все-таки страшно, — задумчиво сказал Айк, — вот так, как они...

Я не ответил. Дикий, Уоррен, Жаклин и все с ними связанное стало вчерашним днем, о котором не думалось. Разведчик, как шахматист, не вспоминает уже сделанных ходов, а рассчитывает варианты дальнейших. Я и рассчитывал, уже мысленно шифруя лазерограмму Дибитцу о выполнении задания.

Но Рода, должно быть, неотступно преследовала мысль о погибших преследователях.

— Бросьте вы об этом, — прервал я его, — еще сорок минут, и мы дома.

— Ты дома, а мы? — сказал Айк.

И снова застрекотал зуммер видео. Я даже обомлел. Откуда?

— Кто говорит? — спросил я.

— Включите экран, — услышали мы чей-то приказ.

— Подожди, не включай, — шепнул Айк. — Вдруг это Лоусон?

— Лоусон далеко, а кругом пустыня. Включаю, — решил я.

На экране в незнакомом военном мундире возник человек лет тридцати у пульта с клавишами.

— Говорит пограничная служба Свободной зоны. Сектор второй. Кто вы и откуда?

— Соедините меня с начальником службы безопасности, — потребовал я. — Уполномочен доложить только ему.

— Не вижу оснований для переключения.

— Сообщите, что говорит Даблю-си.

Человек подумал немного и сказал с плохо скрытым недовольством:

— Хорошо. Переключаю.

Начальник службы безопасности, тоже в мундире, оказался лет на десять старше передавшего вызов пограничника.

— Кто из вас Даблю-си? — спросил он с экрана.

— Я.

— А остальные двое?

— Рабочие рудников Лоусона. Поскольку оба в скафандрах, отличить их нельзя. Помогали мне в исполнении приказа Центра и просят политического убежища в нашей зоне.

— Что можете сообщить дополнительно?

— Со мной брусок «икс-металла», добываемого на рудниках Лоусона. Брусок окрашен в золотой цвет, но это не золото. Металл сильно излучает, и касаться его или находиться поблизости можно только в скафандрах с антирадиационной пропиткой. Если таковых нет, изолируйте электроль до отправки бруска на Планету. И еще одно... — Я помялся.

— Говорите. Нас никто не слушает.

— Надо срочно передать лазерограмму на Планету. Я продиктую ее сейчас в зашифрованном виде.

И я продиктовал длинный ряд колонок с пятизначными цифрами.

— Будет сделано, — сказал начальник службы безопасности. — Скафандры у нас есть, брусок выгрузим и изолируем до отправки. Если поручитесь за ваших спутников, можете передать им, что после необходимой проверки право убежища будет им предоставлено.

Когда экран отключился, Айк спросил:

— Ты говорил о нас. Что он ответил?

— Что вам обоим будет и кров и работа.

На горизонте показался сверкающий на солнце, как гигантский алмаз, прозрачный купол большого города.

— Это их город? — взволнованно спросил Айк.

— Это больше, чем город, — сказал я. — Это свобода.

Глава 25

**в которой Лайк убеждается,
что его профессия еще нужна**

Световой сигнал на двери приглашает войти.

Я медлю, оценивая ситуацию. Вторая Планета позади, Айк и Род посланы на курсы механиков, мой брусок и документация — микрозаписи и микросъемки — ушли на Планету на два месяца раньше меня. А я вынужден был отлеживаться в госпитале, избавляясь от остаточной радиации, которая все-таки доконала меня, должно быть из-за плохой пропитки скафандра.

И вот я прибыл домой, как говорится, к шапочному разбору. Что же я узнаю, прочту или услышу? Отворяю дверь и вхожу в кабинет, в котором неоднократно бывал. За последнее время события нагромождались кучно и вразбивку, создавая мелодию

суетливой, напряженной, путаной, тревожной и радостной жизни, где все служило победе, на которую и был запрограммирован хитроумный и удачливый Чабби Лайк.

За столом сидел тот же Дибитц, может быть, в той же поношенной замшевой куртке, и высокий белый лоб его так же морщился над умными глазами, которые могли заморозить или согреть. Тот же Дибитц, придумавший Чабби Лайка, вдохнувший в него жизнь и бросивший ее в океанские и космические дали, как ракету, не промахнувшуюся до цели. Только вены на руках его чуть-чуть набухли да поредели, пожалуй, прядки в каштановом хохолке на лбу.

— И ты не помолодел, мальчик, — сказал он, встав и подвинув кресло вплотную к столу.

— Вы научились уже и мысли читать, — откликнулся я.

— Нетрудно. Ты взглянул на мои руки и волосы — они первыми свидетельствуют об утраченной молодости. Здоров?

— Уже.

— Могу поздравить тебя с ~~возвращением~~ и победой. Правда, пока еще подспудно, втайне, для окружающих ты по-прежнему Чабби Лайк.

— Чабби Лайк умер.

Дибитц вздохнул:

— И рад и жалею. Рад потому, что Лайк сделал невозможное, а все-таки жаль, что он уже полностью рассекречен. Портреты твои, милок, обошли все газеты мира — увы! Но кто, в сущности, помешает тебе воскреснуть?

— Так меня же каждая собака узнает.

— Собака, может быть, и узнает, а человек — нет. Есть средства, неузнаваемо меняющие внешность, есть биографии, которые ждут воплощения, и дела, требующие твоего ума и таланта. Но о будущих делах

потом. Поговорим о сделанном. Ты уже знаешь о результатах?

— Кое-что из газет.

— Дополню штрихами, так сказать, закулисными. Твой блистон был расшифрован сразу. И нашими лаборантами, и международной комиссией физико-химиков. В СВК заартачились: лабораторные анализы, мол, проведены без их участия. В скафандрах работать отказались, потребовали специальной изоляционной камеры с манипуляторами. Только не помогли уловки. Блистон чистенький, беспримесный. Состоялась встреча на высшем уровне. Ну и согласились: с золотой маскировкой покончить, излишки добытого блистона изъять на потребу мирного строительства, рудники в Лоусоне взять под международный контроль. Расписались под документом, пожали руки и признали инцидент исчерпанным. В кулуарах похвалили тебя за ум и хитрость — еще бы, переиграл начисто их гроссмейстеров контрразведки! Гроссмейстерам, конечно, дали по шапке — Уоррена перевели куда-то пониже, Тейлора подобрали промышленники — где-то командует у них сыском и черными списками, ну а Бигль пока не у дел. Ждет назначения.

— Мак-Брайт уцелел?

— К счастью. До него так и не добрались — не оставил следов. А Док у нас.

— Слышал.

— Такому трудно в подполье — слишком заметен. Но рвется назад. Не знаю, может быть, согласимся — пошлем.

— А Даблю-эй?

Генерал прищурился и помолчал, как-то странно помолчал, сквозь улыбку, не то чтобы насмешливую, но с предвкушением явного удовольствия. Потом вызвал по видео приемную, всмотрелся во что-то на экране и сказал:

— Просите.

И в комнату вошел — у меня рука не подымается написать кто...

Бигль!

Разведчик привык к неожиданностям, ему не положено открыто выражать свои эмоции — удивление, страх или радость, он всегда собран и готов к самому удивительному, чего и предположить не мог. Но я так и застыл с открытым ртом, как школьник в кинотеатре. Все, что угодно, только не это, но Бигль вошел, чудной и непривычный, в штатском, такой же грузный, седой и величавый, каким я привык его видеть на фотографиях или в тех редких случаях, когда он появлялся публично — на юниэкранах.

Бигль, кряхтя, уселся напротив, молча, с какой-то хитринкой подмигнул шефу, а тот сказал:

— Теперь закрой глаза, бывший Лайк. На минутку. Только по-честному.

Я повиновался и вдруг услышал до жути знакомый голос:

— Ну вот мы и снова встретились, сынок.

Первый!

Я онемел.

Бигль — Первый?!

Бигль — Даблю-эй?!

И Бигль — душа Соппротивления — «слама», впитавшего в себя все оппозиционные группы и партии, всю ненависть народа к последней олигархии на Планете! Чудеса!

— Обалдел, — усмехнулся Дибитц. — А еще разведчик.

— Классный разведчик, — сказал Бигль. — Не смейся. Первого он знает по голосу, а по кодовому обозначению я был для него невидимкой.

— Если кодовое обозначение открыто, значит, больше не встретимся, — вздохнул я.

— Как знать, сынок. Твоя профессия еще нужна. Пока нужна. Мы уже с тобой говорили об этом. СВК — как гнилое яблоко: снаружи румянится, внутри — труха. Слам становится силой, с которой уже трудно совладать. А партия, сынок, наша партия знает, как и куда направить эту силу и как умножить ее. Не помешали старые Тейлоры и Уоррены, не помешают и новые.

— А где же будет старый Бигль?

— Найдется работенка. Пока я им тоже еще нужен.

— Как же вы рискнули приехать сюда? А если хватятся?

— Не хватятся. Для них я где-то отдыхаю. А где именно — у меня еще есть привилегия не сообщать о своих маршрутах.

Шеф вынул из сейфа папку в черной обложке. Я понял, что разговор окончен, и встал.

— Тебе бы отдохнуть, — сказал Дибитц, — воспользоваться передышкой. Месяц-другой. Где-нибудь на море.

— У тебя и спутница есть для отдыха, — добавил Бигль. — Я привез с собой Линнет. Ей тоже нужно отдохнуть и сменить перышки.

С крутого берега мы глядели на море. Стальное с белыми гребешками зыби, оно не ласкало и не манило. И гул прибоя не вызвал к курортной расслабленности.

Высоко над головой тянулись электрические провода к белой санаторной вилле между пиками деревьев. По проводу, тихонько пересвистываясь, прогуливались две крохотные птицы, именно прогуливались, не падая и не взлетая.

— Пернатые канатоходцы, — сказал я.

— Как в цирке, — улыбнулась Линнет.

— Там сетка. А на земле ее нет.

— Ты имеешь в виду — в жизни?

— Конечно. Мы же канатоходцы. Только без страховочного троса и без баланса. И уж конечно без предохранительной сетки. Вот так. А пока мы просто в отпуску.

— Отпуск кончился, Чабби, — вздохнула Линнет. — Возвращаюсь к канату.

— Получила вызов?

— Еще утром. А вечером улетаю.

— Завидую, — сказал я.

— Равнодушно завидуешь.

— Почему равнодушно — уверенно. С надеждой, что и я получу такой же завтра или послезавтра.

— Грустно, не правда ли?

— Профессия.

Перерыв, который и отпуском-то назвать нельзя было, подходил к концу.

И у Линнет и у меня.

Встретимся ли?

Э п и л о г

— Директора Бигля просят обождать три минуты в приемной, — пропел мелодичный невидимый голос. — Следите за световым табло.

«Пока еще директор, — внутренне усмехнулся Бигль, — только интересно, какого ведомства. Санитарного или кладбищенского? И всего три минуты. Что ж, обождем».

В приемной, как всегда, было пусто. Шеф СВК принимал лишь в крайних, исключительных случаях — обычно разговаривал только по видео. Но случай с Биглем был исключительным. Он уже не занимал никакого поста, и видео у него не было.

Нескрываемо ухмыляясь — пусть снимают хоть все закамуфлированные телепередатчики, — Бигль подошел к стене-окну, откуда открывалась панорама горо-

да. Новые улицы и площади вытеснили старые уголки: сохранившиеся еще с прошлого столетия здания казались старомодными провинциалами среди изысканных светских львов — причудливых сооружений, капризных геометрических форм, пересеченных садами и парками, вмонтированными в стальной или пластиковый каркас этажей. Все знакомо до мелочей. Родной город, родной дом. Даже в этой приемной все памятно — и масштабы манежа, и сверкающая эмалью и никелем пустота. А сердце сжимается от гнева и горечи за это издевательство над словом *родной*. Третий десяток лет он здесь, в чужой шкуре, в чужом стане, и все приглядевшееся, привычное, примелькавшееся не могло стать и не стало близким. Мир этот не отмылся оттого, что он, Бигль, живет по кодексу его законов, традиций и правил, и даже поношенный мундир свой надевает с утра с ненавистью, подавить которую бессилен, несмотря на все ухищрения мимикрии. И сейчас после потаенной поездки домой эта ненависть обращивается физической тошнотой, перехватывающей горло. Три минуты! Что ж, он подождет эти три минуты, хотя они и кажутся ему часами, как в хирургической палате перед операцией.

Световое табло заиграло всеми красками спектра. Бигль подтянул мундир, поправил сбившиеся волосы и шагнул к неотличимой от стены двери.

— Я жду, Бигль, — сказала она знакомым голосом.

Над столом, как желтый фонарь, сияло одутловатое лицо шефа.

— Садитесь, Бигль.

Бигль сел, сохраняя почтительную неподвижность.

— Мне бы очень не хотелось, Бигль, чтобы вы затали обиду.

— На что? — пожал плечами Бигль. — За то, что я упустил Дока и прозевал связи слама с разведчиком? Грубейшие ошибки и, естественно, закономерные последствия.

— Я уважаю строгость вашей самооценки, Бигль, — сказал шеф, — но вы преувеличиваете. Последствия не столь уж трагичны. Вы просто возвращаетесь к своим сомниферам. Чему вы улыбаетесь?

— Вспомнил ваши слова: «Вы переросли их, Бигль». Значит, не перерос.

— Вернее, мы их недооценили. Они помогут не только выявлять сопротивляющихся, но и воспитывать подчинявшихся. Есть новые модели с гипноэффектом, запрограммированные на воспитание поощряемых навыков — не мысли самостоятельно, доверяй ведущим тебя, пресекай крамолу даже у себя дома и не жди, когда на тебя донесут, — доноси первым.

— Это эксперимент? — спросил Бигль.

— Пока да. Но мы надеемся на его успех.

Надейтесь, подумал Бигль. Во-первых, сомнифер, как и любой механизм, можно реконструировать. Снять гипноэффект или заменить программу. Во-вторых, электронное воздействие требует электронного же контроля — новых массовых серий машин, способных проверить программную направленность сомниферов. Таких машин еще нет. И будут ли? Эксперимент явно строился на песке, но Бигль перехватил восторженный взгляд шефа и сразу понял, что от него хотят.

— Полезный эксперимент, — сказал он. — Попробуем. — И встал.

Шеф тоже встал.

— Кстати, — добавил он, — ваше ходатайство о возвращении Ли Джексона на работу удовлетворено. Перебежчик, вкусивший сладости слама, может оказаться полезным. Возьмете его к себе с организацией тщательной проверки и наблюдения.

— Будет исполнено, — заключил Бигль.

Ему очень хотелось взглянуть на преображенного Ли, и он не разочаровался. Ли похудел, вырос и научился скрывать свои чувства. Ничего не отразилось на лице его при виде Бигля.

— Младший блок-инспектор Ли Джексон к смене готов, — отчеканил он.

— Не будем ворошить прошлого, сынок, — сказал Бигль. — Приступай. Работа знакомая. Рутина.

Мальчишка уже многому научился — не только чувства скрывать. Ретив. Вдумчив. Нацелен. Хорошо. Сколько таких Ли пройдет через Бигля, одинаково его презирающих и готовых отдать жизнь по приказу Первого. Метаморфозы Бигля им неизвестны.

Но в этом и состоит своеобразие его пока еще нужной профессии.

ВОЛЧОК ДЛЯ ГУЛЛИВЕРА

ПОВЕСТЬ

Глава 1

СЕДЬМОЕ ЧУДО ВЕКА

Когда Майк Харди, старший конструктор фирмы электронных приборов, двадцатидевятилетний холостяк, вернулся с работы много позже обычного, он устало плюхнулся в кресло, вытянув ноги к электрообогревательному камину, горящему, несмотря на летний угасший день. Летним, впрочем, он был только по времени года — с утра в Лондоне лил мелкий осенний дождь и зловеще протяжно, как в романах Анны Рэдклифф, завывал ветер за разошедшимися от старости створками окон — ох уж эти мне древние английские дома, не желающие умирать даже к самому концу века! Но комната все же хранила тепло и уют: не вставая, можно было взять сигару или сигарету, виски и лед из висячего бара с морозильником и даже просмотреть программу миниатюрного телевизора, укрепленного на ручке кресла под линзой с прогрессирующим увеличением. Но Майку не хотелось ни есть, ни пить — он поужинал по дороге домой в баре напротив, — не хотелось курить и даже просто думать о чем-нибудь занимательном. Идея нового изобретения, терзавшая его уже два с лишним месяца, наконец оформилась, и он чувствовал себя опустошенным, как кухонный холодильник после очередного налета гостей.

В этот момент и проник в полусонную тишину вечера чуть приглушенный зуммер видеофона. Майк не включил экрана — не захотелось.

— Ну? — сказал он лениво.

— Харди? — спросила трубка.

— Мистер Харди, — поправил Майк.

— Говорит представитель «Хаус Оушен компани», — властно сказала трубка, игнорируя назидательность реплики. — Почему не включаете видео?

— Не хочется.

— Ваше дело. Пока мы не имеем права настаивать, — «мы» и «пока» прозвучали явно подчеркнуто, и Хард тотчас же это учел, — но мне бы хотелось встретиться с вами не откладывая. Встреча может быть интересной и для нас и для вас.

Майк, не очень довольный своими делами в фирме, оживился. Неожиданный разговор что-то обещал.

— Где и когда? — спросил он.

— Скажем, завтра. Позавтракаем вместе в двенадцать.

— Невозможно, — вздохнул Харди, — завтраки доставляют нам из бара «Думсдей». Шеф не любит, чтобы мы покидали лаборатории.

— Плюньте на вашего шефа. До завтрака он будет уволен.

— Не понимаю...

— Поймете. Вы любите французскую кухню?

— Люблю, — растерянно откликнулся Майк, — но...

— Включите экран.

На экране возник холеный седовласый джентльмен с модными в этот сезон викторианскими бачками.

— В двенадцать в Сохо, — сказал он. — У Жюля Леметра. Третий стол у окна.

Экран погас.

Майк встал и прошелся по комнате, нервно потирая руки. Предстоявшая встреча с «Хаус Оушен компани» взволновала бы каждого. Ведь само название это было

производным от слова «Хаус» — «Дом» с большой буквы — седьмого чуда света в последние десятилетия двадцатого века. До рождения Дома таких чудес было шесть. Туннель под Ла-Маншем, накрепко привязавший Британию к континенту, и пластмассовый мост через Каспийское море, соединивший Баку с Красноводском; пятикилометровая вонзившаяся в небо игла — парижская телебашня, сменившая старенькую игрушку Эйфеля, и свободно плавающий остров-курорт Майами Флай-Айленд; международный космопорт на Луне и постоянно действующая советская автоматическая беспилотная станция на Венере. Дом был седьмым. Седьмым чудом уходящего века, воздвигнутым инженерным гением Доминика Лабарда за шесть лет до начала третьего тысячелетия живущего по григорианскому календарю человечества.

Майк знал о Доме все или почти все, о чем буквально вопили мировая печать и радио, видел Дом на кино- и телеэкранах, на рекламных плакатах и журнальных фото. Двухкилометровой высоты, полтора километра в диаметре поперечного сечения, он походил на гигантский волчок, поставленный на крохотном островке-рифе в Атлантическом океане таким космическим Гулливером, сошедшим со звезд к земным лилипутам. «Волчок» вращался, не прекращая движения ни днем ни ночью, и, говорили, именно это и обеспечивало ему устойчивость и недоступность для ветров и бурь. Построенный за пределами американских территориальных вод, этот дом-город в 450 этажей, с трехмиллионным населением и собственной индустрией был не государственным, не национальным, а частным владением, личной собственностью миллиардеров Грэгга и Хенесси, контролирующих две крупнейшие и перспективнейшие отрасли американской промышленности — электронную и автотранспортную на воздушных подушках, вытеснившую к концу века почти все виды морского и сухопутного транспорта.

Создание Дома было ответом на предсказания ученых о демографическом взрыве, который якобы вот-вот последует. Так, по мнению строителей дома, могла быть освобождена земля от перенаселяющих ее городов. А города росли и укрупнялись, образуя могучие агломерации, связавшие десятки городов-карликов в единый гигант Мегалополис. С восточным Мегалополисом, объединившим добрую сотню городов от Бостона до Балтимора, был связан и Дом пуповиной-тюбом, ежедневно выбрасывающим с гиперзвуковой скоростью вагоны-поезда на центральных вокзалах Нью-Йорка и Вашингтона.

Майк знал и больше — ведь рекламные проспекты «Хаус Оушен компани» распространялись по всему миру, — он даже представить себе не мог, чем он, Майк Харди, безвестный конструктор фирмы «Притчардс и Притчардс», никогда не сообщавшей, кто является автором запатентованных ею электронных новинок, чем мог он заинтересовать создателей уникального технического феномена. Может быть, слухи об идейке, терзавшей его два с половиной месяца, все же дошли до их ушей — ведь он мог сболтнуть кое-что кое-кому в часы ресторанный-клубных идиллий.

Все выяснилось на другой день в двенадцать часов в ресторане Леметра за столиком у окна, выходящего на такую, как и вчера, дождливую лондонскую муть, в которой внизу мелькали мокрые туфли и туфельки, а наверху — черные и цветные зонты. Моды, как заяц, петляя и путаясь, возвращались на следы тридцатилетней давности.

Навстречу поднялся холеный псевдовикторианец с поседевшими бачками.

— Стрэнг, — назвал он себя. — Завтрак я уже заказал по своему вкусу.

— Все обошлось как нельзя лучше, — заметил Майк. — Шеф даже не зашел ко мне до двенадцати.

— В одиннадцать его уволили, — пояснил Стрэнг. — Дело в том, что мы купили компанию «Притчардс и Притчардс». Этим, в сущности, и вызвана наша встреча.

Майк раскрыл рот и умолк, ожидая продолжения, но Стрэнг предпочел перейти к завтраку. Майк не настаивал. Спаржа и крылышко цыпленка с белым вином требовали повышенного внимания, да и любопытство следовало скрыть. Стрэнг молчаливо одобрил выдержку Харди: не торопится, не суетится, выдержан, немногословен.

— У нас к вам предложение перейти на работу в Дом, — сказал он. — Диспетчером автоматических блоков связи. Сложная цепочка электронных компьютеров. Но думаю — справитесь. Контракт на пять лет. Гонорар двойной против лондонского.

— А если не справлюсь? — улыбнулся Майк.

— Вернем вас в лондонскую лабораторию.

— А если захочу уехать, не отработав контракта?

— Уплатите неустойку, едва ли для вас приемлемую.

— И последнее, — засмеялся Майк. — Если не соглашусь?

— А почему? Мы предлагаем вам пост одного из представителей интеллектуальной элиты Дома. Вы, может быть, думаете, что наш диспетчер — это нечто вроде диспетчера автобазы или разгрузочной станции? Нет, это электронщик очень высокой квалификации. Вы, например, — король связи. Видеофонной, телевизионной, лучевой. Связи с внутренним и внешним рынками. С любым абонентом любой страны. Машина нашей индустрии, торговли и образования остановится, если оборвутся каналы связей. Вы — дирижер этих связей, алгоритм их непрерывности. Ваши компьютеры что-то убыстряют, тормозят, открывают, блокируют, дают задания автоматическим системам. Вы — композитор этой симфонии. Мало?

— Слишком помпезно. У меня в Лондоне тихая, почти независимая, *своя* лаборатория.

— Свою лабораторию вы получите и у нас, кстати, лучше и современнее оборудованную, но только после обязательного объема работы. Что пострадает? Киносеанс, или телепрограмма, или, может быть, встреча с девушкой? Едва ли об этом стоит жалеть. А любое ценное изобретение, рожденное у вас в лаборатории, тут же приобретается после удовлетворительных испытаний и патентуется с указанием имени автора.

Майк все еще колебался. Он не понимал одного: чем же объяснялась настойчивость этого незаурядного предложения?

— Мое положение? — пожал он плечами. — Едва ли оно значительно. Мои таланты? Едва ли они заметны.

— Не скромничайте. Мы знаем вас лучше и ценим дороже, чем Притчардсы. Мы тщательно изучили вашу документацию по молеэлектронике и все изобретательские находки. Ваш ручной телевизор-браслет с десятикратно увеличивающей изображением линзой по сравнению с достижениями микроэлектроники прошлых десятилетий — феномен, чудо. Мы уже приобрели патент и пустим в производство как «Харди-микро». Есть у вас и другие плюсы: скромность, честность, необходимая жесткость характера и к тому же нет ни жены, ни детей.

— Неужели и это имеет значение?

— И даже большое. Не всякой женщине мы можем предоставить работу, а неработающих жен у нас и так слишком много, особенно на верхних уровнях Дома. Бездетность же — обязательное условие его демографической стабильности. Вы можете влюбляться, сходиться, жениться, но только не иметь детей! Иначе — расторжение контракта и высылка по месту прежнего жительства.

— Меня это не пугает, — засмеялся Майк.

— Значит, согласны?

— Когда прикажете начинать?

— Контракт подпишем сегодня, — ответил Стрэнг. —

А выехать вам придется завтра утром из лондонского порта на одном из наших суперкраулеров. Контракт и прочие документы — в этом конверте.

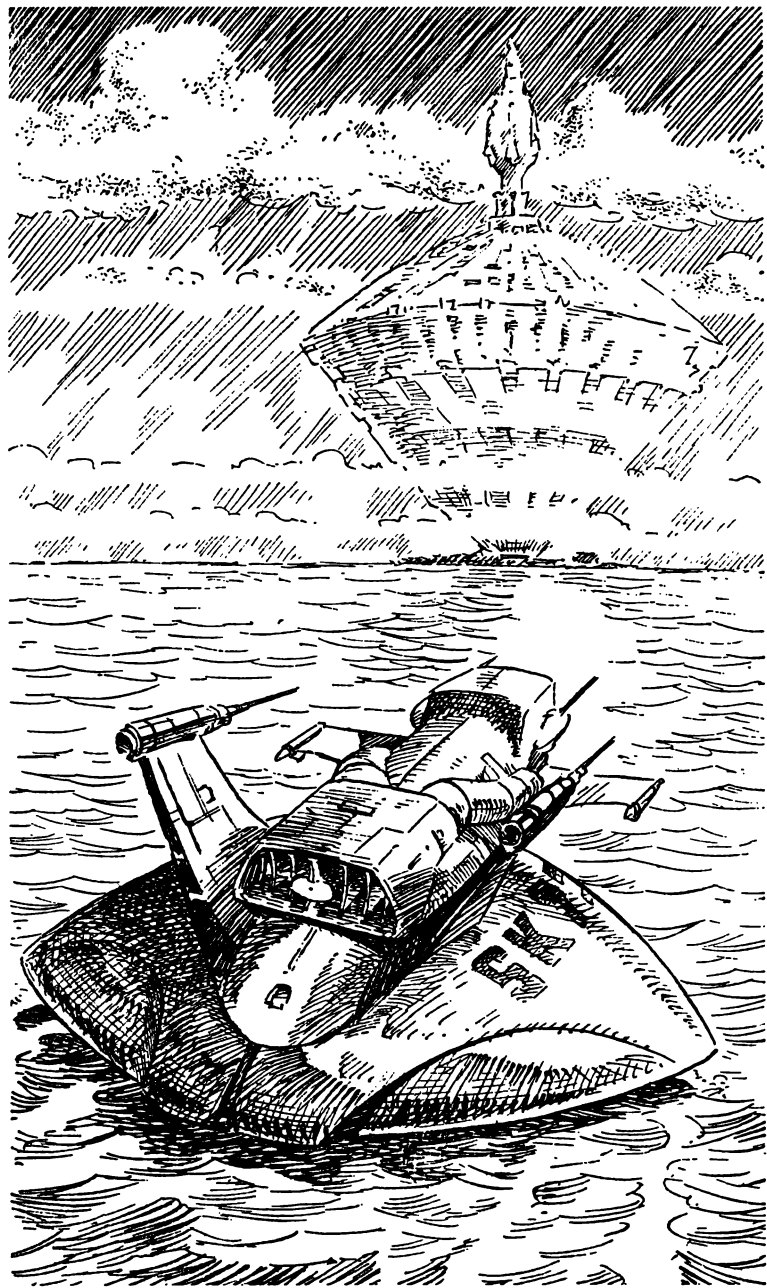
И он передал Майку конверт с гербом «Хаус Оушен компани» — «Домом-волчком» на океанской скале. Майк поклонился и вышел, ничуть не подозревая, какая цепь удивительных и необычайных событий потянется за этим, казалось бы, сугубо деловым разговором.

Глава 2

ВОЛЧОК В ОКЕАНЕ

Суперкраулеры, напоминающие плоскобрюхих китов с закованными в органическое стекло пустым и прозрачным туловищем, лежали прямо на берегу Темзы. Для них не нужно было строить ни пристаней, ни причалов — достаточно широкой искусственной насыпи, окаймленной невысоким забором. Рядом со своими суперсобратями, рассчитанными на сотни пассажиров и сверхкомфорт путешествия, лежали более скромные надводные стайеры со вместимостью междугородных автобусов. Но и те и другие пересекали Атлантику запросто за два-три часа. Их звуковая и сверхзвуковая скорость, отсутствие качки и абсолютная безопасность путешествия вытеснили к концу века и морские и воздушные лайнеры. Первые переключились на ампула плавучих гостиных и санаториев для людей с избытком денег и времени, а вторые — кто на перевозку грузов и почты, а кто попросту стал металлическим ломом.

Харди никого не встретил, кроме хорошенькой стюардессы, указавшей ему место рядом с проходом; он сел и утонул в бархатистом кресле с почти неощу-

тимым из-за мягкости сиденьем и спинкой. Краулер заполнялся быстро, пассажиры не опаздывали. Одни были знакомы друг с другом и перекликались весело и непринужденно, другие сидели молча, оглядываясь настороженно и с любопытством. Нетрудно было догадаться, что первые возвращались в Дом из служебной или курортной поездки, а вторые ехали дальше — в Бостон, Нью-Йорк или Балтимор. Майк не заметил среди них ни одного бедно одетого человека: его суперкраулер был лайнером для крупных бизнесменов и высокооплачиваемых служащих.

Кто в шестидесятых или семидесятых годах мог представить себе ощущение пассажира суперкраулера? Только профессиональный гонщик на прямой трассе без виражей или военный летчик, идущий на своем сверхзвуковом «Фантоме» на цель. Краулер плавно соскользнул на воду, поднялся над ней беззвучно и пошел, едва касаясь ее курчавых барашков, ловко маневрируя в портовой тесноте. Мелькнули в стекловидной стенке причалы и склады, ажурные башни порталных кранов, гигантские рекламы, подвешенные над берегом, потом все слилось в белый хаос брызг и тумана, словно краулер нырнул в пену Ниагарского водопада. Снаружи он и походил на вспененный водяной кокон, с немыслимой скоростью скользящий над пенным кружевом волн. Да Майк и не мог видеть его снаружи, а изнутри была та же вспененная белая тьма — до конца путешествия.

Неожиданный конец его вырвал Майка из уютной дремы. Неожиданный потому, что это был не конец, а промежуточная рекламная остановка в десяти километрах от Дома, у островка-поплавка с полукруглым обзором, супербиноклями и ресторанными столиками. Огромный даже издали красный волчок Дома казался единственным мазком волшебной кисти по густой синьке моря и неба.

— Нравится? — спросила стоявшая рядом стюардесса и в ответ на восхищенный вздох Майка продолжала: — Каждый раз потрясает. А смотрю уже в сотый.

— По-моему, островок не так мал. Шире Дома, — сказал Харди.

— Все это пристройки. Причалы и морской вокзал. Искусственно расширенная площадь.

— А основание Дома?

— Сто пятьдесят метров в диаметре. Такова же и вышка. А посередине — около двух километров. Зеленые полосы видите?

— Серые.

— Так это издали. А вблизи все это зеленые насаждения. Лесопарковые галереи-кольца. Чем выше, тем шире. Я там была — это невероятно!

Восхищение ее казалось неподдельным, но Майк знал: реклама Дома входила в обязанности каждого сотрудника «Хаус Оушен компани», и потому промолчал. Смотреть на далекий красный волчок, казалось, соединяющий небо и океан, было приятнее, чем слушать рекламную воркотню стюардессы-экскурсовода.

— Он кажется совсем неподвижным, — все же заметил он.

— Только издалека. Будем подъезжать — увидите, как крутится эта игрушка.

Последние десять километров они прошли со скоростью обычного торпедного катера. И с каждым оставшимся позади отрезком пути громадина становилась все больше, заслоняя небо и солнце. Сейчас Гулливеров волчок уже не восхищал, а пугал, подавляя своими размерами и почти беззвучным кружением. Сходство с волчком еще более усилилось — ведь любой детский волчок бесшумен, пока не иссякнет энергия вращения. А эта энергия не иссякала, сохраняя один и тот же неизменный ритм, точь-в-точь включенная в розетку бесшумная электробритва. Краулер на искусственном покатом причале, ожидавший старта, казал-

ся коричневым жучком под красным парасолем художника. Да и красный цвет его вблизи выглядел блестяще-багровым, как еще не высохшая кровь.

Краулер, высадив больше половины пассажиров, ушел к берегам Америки, а Майк с двумя чемоданами — в одном нехитрый скарб холостяка, в другом инструменты и приборы ученого-электронщика — растерянно проследовал, увлекаемый пассажирским потоком, в неширокий проход к бегущей вниз лестнице, похожей на входы в метро и так же уводящей под землю.

Тут его и встретил мужчина — его одногодок по внешнему виду — сероглазый и рыжий, с еле заметными следами веснушек на упрямо сохраняющем мальчишеский облик лице. Одет он был по-домашнему — в черном свитере без пиджака и мягких туфлях на поролоне.

— Так удобнее, — усмехнулся он в ответ, заметил взгляд Майка и официально холодным тоном спросил: — Мистер Харди?

— Да.

— Ваш коллега по Дому. Джонни О' Лири, диспетчер транспортных линий.

— О'Лири? — переспросил Майк. — Ирландец?

— Только по фамилии. Родился и вырос в Штатах. Сначала в Теннесси, потом в Восточном Мегалополисе, мистер Харди.

— Бросьте «мистер», Джонни. Просто Майк.

Рыжий сразу оттаял и уже совсем другим тоном спросил:

— Впервые в Доме?

— Угу.

— И туристом не побывал?

— Не пришлось.

— Тогда — глаза шире. Не слиняй от любопытства.

Лестница вытянулась лентой и привела в большой круглый зал, отделенный цветным пластиком и нержавеющей сталью. Он замыкался вокруг такого же круг-

лого, массивного и красного стояка с открытыми проходами внутрь. Именно здесь столкнулись два человеческих потока: прибывшие устремились к красным проходам, встреченные — к широким дверям в стене, похожим на ворота скаковых конюшен.

— Спешат к тюбу, — пояснил Джонни, — за три минуты выплюнет тебя в Нью-Йорке или Филадельфии.

— Кто спешит? Жители Дома?

— Те, кто здесь не работает.

— А есть такие?

— Немного, но есть. Жители верхних уровней. Крупные дельцы, хозяева маклерских и адвокатских контор, акционеры банков. Наш брат без специального пропуска покинуть пределы Дома не может.

— Та-ак, — протянул Майк. — А куда эти проходы ведут?

— К лифтам. Это основание конструкции Дома.

— Почему же оно не вращается?

— Вращается только надводная внешняя оболочка.

— Зачем?

— Вращение по принципу ионокraftа создает ионизированный поток воздуха, своеобразный «электрический ветер», отбрасывающий атмосферные воздушные потоки. Поэтому Дому не страшны никакие тайфуны и бури.

— Переход от стабильной к движущейся части обеспечивают эскалаторы?

— Конечно. Семь лент, выкрашенных в цвета спектра. Кстати, так же выкрашены и двери лифтов. Семь цветов — семь скоростей от непрерывной лифтовой ленты до лифтов-экспрессов и лифтов-«мгновенников». «Мгновенники» доставят тебя действительно мгновенно в любую часть Дома — вертикальное движение на требуемом уровне сменяется горизонтальным, и ты на месте.

— Так и пешком ходить разучишься.

— Не разучишься. «Мгновенниками» пользуются только в исключительных случаях. А пешеходных дистанций сколько угодно — хоть два часа ходи. Самый дешевый способ.

— Разве лифты оплачиваются?

— Конечно. Специальные компьютеры высчитывают число поездок, определяют стоимость и зачисляются в твою графу расходов.

— Расчетливо, — скривился Майк и переменял тему: — А сейчас куда?

— К тебе. На триста семидесятый. Уровень — экстра-класс. Парк больше нью-йоркского. А этажом ниже — твой департамент; шагай пешком, лифта не нужно. Кстати, учти: «мгновенником» не поедем — спешить некуда, а баловство дорогое. Поедем на сплошной ленте: посмотришь по крайней мере все транспортные связи. И не забывай, что король транспорта — я.

Прошли галерею лифтов, широкую, как городская улица, и пестревшую расцвеченными по спектру дверьми. Выбрали синий.

— Скорость так себе, — пояснил Джонни, — зато все увидишь: шахта прозрачная.

Лифт не то чтобы медленно, но и не очень быстро пополз вверх сквозь высокие — метров до четырех — этажи. Синева двери поблекла и приобрела прозрачность стекла, позволяя увидеть то уголок большого конференц-зала, то магазина, похожего на суперрынки больших городов, то автоматического машинного цеха без единого человека, но со множеством белых, далеко отстоящих друг от друга дверей («Квартиры», — шепнул Джонни), и коридоры с цветными дверями («Горизонтальные лифты: видишь — половина черная, половина цветная»), и даже настоящий лес с высокими кленами и сосняком («Целых три уровня — дивись, друг!»), незнакомым подлеском и дорожками, припудренными красноватым песком. А лифт все

шел: триста семидесятый этаж — целое путешествие. По пути увидели и футбольное поле с довольно высокими трибунами («Тысяч на сорок», — подсказал Джонни), и бассейн с песчаными пляжами под полосатыми тентами от солнца («Искусственного, должно быть», — подумал Майк) и загорелыми купальщиками в плавках и бикини. Наконец лифт затормозил, дверь засинела и раздвинулась, выпустив их на неширокую улицу с ярко освещенными витринами магазинов. Майк тотчас же подметил, что довольно многочисленные прохожие если и заходили в магазин, то на витрины не заглядывались, как это обычно бывает в фешенебельных кварталах больших городов, где покупатели обычно ездят на автомобилях, а пешком прогуливаются, чтобы поглазеть на витринные выставки. Здесь ездили на лифтах, а пешком ходили только для моциона, мысленно отметил Майк, пройдя пятидесятиметровую улицу и свернув в переулочек, напоминающий коридор на океанском лайнере. Одну из дверей его рыжий спутник открыл без ключа, набором цифр на панели, и тут же сбил рычагом цифровой пропуск: «Сам придумаешь». Тем и закончилось вознесение Майка в его трехкомнатный рай на триста семидесятом уровне.

— Почему, кстати, уровне? — спросил он.

— Первая заповедь доминиканца: избегать шаблонов. А ты теперь доминиканец.

— Не понимаю.

— Всех, кто служит Доминику Лабарду на высшем уровне, именуют доминиканцами.

— Моего шефа у Притчардсов звали Тамплом, но тамплиером¹ я не был.

Джонни прикрыл рукой рот Майка и шепнул еле слышно:

¹ Доминиканцы и тамплиеры — монашеские ордена у католиков.

— Тсс!.. Ни слова больше, следуй за мной! — и громко добавил: — Все, кто подчинен Доминику Лабарду, влюблен в него безоговорочно. Ты тоже влюбисься.

И, подмигнув Майку: молчи, мол, — увел его в ванную с бассейном из черного мрамора, автоматическим аппаратом для массажа, душами и сушилкой. Он тут же открыл все краны, и ванная наполнилась ревом Ниагары.

— Теперь можно говорить не рискуя, — тихо произнес он, присаживаясь на черный пластиковый табурет. — Кроме шума воды, никто ничего не услышит. А то все и везде здесь прослушивается.

— Микрофоны?

— Микротелепередатчики. И черт знает, где они вмонтированы. Никто не находит. Должно быть, в стенах: те звукосверхпроводимы. Если лет тридцать назад только подслушивали на расстоянии и в любой среде, то теперь научились и подглядывать. Микротелепередатчик зафиксирует каждый твой шаг, слово, жест и даже выражение лица. Тебе, электронщику, лучше знать, как это делается. Даже оставаясь один, ты не можешь быть уверен, что ты в одиночестве, а не под наблюдением парочки скучающих «астрономов».

— Невероятно! — шепотом удивился Майк. — Ведь электронное подслушивание запрещено ООН еще в восьмидесятых годах. Микрофоны и микросъемки исключены даже из методов судебного разбирательства.

— Ты не в ООН и даже не в Штатах. Ты в частном владении. И запомни: рассчитывай каждый свой шаг и взвешивай каждое слово. Ты птичка в роскошной клетке. У тебя работа — не бей лежачего и княжеский гонорар. У тебя ванна — мечта голливудской звезды и лаборатория — рай электронщика, а каждая из сотни кнопочек в столовой и спальне молчаливо взывает: жми, жми, жми! Нажмешь — и приемлешь все дары электронных данайцев, от слизывающей

бритвы «Нежность» до ирландского рагу в чесночном соусе. Кстати, учти: с трехсотого этажа и выше — никакой химии. Все натуральное — и виски, и русская икра. А делать, говорить и думать будешь только по мановению указующего перста папы Доминика. Кроме «папы», впрочем, есть еще и «кардинал» с не менее колоритным именем — Лойола. Правда, не Игнаций, а Педро, но служителей его именуют, как и положено, «иезуитами». Их трудно отличить от всех прочих, потому что рясы они не носят, а служебный жетон прячут за лацканом. Но будь уверен, что кто-нибудь сейчас прильнул к экрану и удивляется, что это мы так долго делаем в ванной.

И, подхватив совсем уже растерявшегося Майка под руку, Джонни вывел его в квартиру со словами, рассчитанными не на микрофон, а на рупор:

— Суперкомфорт, милоч. Быт цезарей. Не мытье, а нега в магометанском раю, только без гурий. Впрочем, гурии тоже будут — увидишь, а мне пора.

Он тихо выскользнул в коридор, еще раз подмигнув на прощанье, а Майк, обалдевший от полученной информации, растерянный и непонимающий, не потянулся ни к одной кнопке, а плюхнулся на диван и уже не вслух, а про себя отчаянно выдохнул: «Влип!»

Глава 3

«Я ХОЧУ ЖИТЬ!»

Утром он попробовал кнопки. Все сработало. И выстиранное, отутюженное белье, положенное накануне в белый пластмассовый ящик, и вкусный завтрак, и рюмка коньяку для бодрости. Автоматический механизм сменил и старые полуботинки на новые, более современные и изящные, из натуральной кожи. «Никаких заменителей» — видимо, такова была программа здешней потребительской автоматики. Но

Майку вспомнились и слова Джонни о том, что с трехсотых этажей никакой химии. А до трехсотых? Что предлагала автоматика там?

Надо было спешить в диспетчерскую, но Майк не воспользовался «мгновенником» у себя в холле — обычная лифтовая кабина на двух человек, кнопочная панель с цифровым набором, нержавейка и пластик. Он пошел пешком — надо же соблюдать «пешеходную дистанцию». На этот раз она привела по коридору к мраморной лестнице, застланной иранским ковром, спустила на этаж ниже и вывела на диспетчерскую — анфиладу холлов с раздвижными дверями разного цвета. У диспетчерской Майка был голубой с синим номером «36» и фамилией в металлической рамке. Место фамилии было пусто: его предшественник уже снял свою. Кстати, Майк так и не узнал ее и чувствовал себя неловко, пройдя автоматически пропустившую его дверь. Но встретивший его за ней широкоплечий американец с каменно-неподвижным, точно вырубленным из розового туфа лицом, холодно пришел ему на помощь.

— Роджер, — представился он. — Входите не стесняясь, мистер Харди. Давно жду. И нетерпеливо.

— Почему нетерпеливо? — переспросил Харди.

— Долгий разговор, — отмахнулся Роджер. — Может быть, мы и вернемся к нему, а может, и нет. Сейчас же принимайте хозяйство.

Майк осмотрел большой зал, не очень высокий — метра четыре-пять, не больше — с невидимым, но достаточно сильным источником света, дневного, как и всюду. По стенам тянулись блоки компьютеров со входными и выходными каналами, перфорационными лентами, вспыхивающими и потухающими глазками различных цветов, огромными, средними и совсем крохотными экранами с непрекращавшимся движением зубчатых и волнистых, тоже цветных линий и скользящими вдоль стен платфор-

мами управления. Все это было уже знакомо, предстояло лишь разобраться, как говорится, что к чему, где видеофонная и телевизионная связи, где лучевая, где блокирующая автоматика и контрольные пункты. Вскоре Майк с помощью Роджера установил все без труда, но и без энтузиазма.

Роджер сразу же это заметил. Его каменное лицо чуть оживилось улыбкой, насмешливой, но все же улыбкой.

— Первый раз вижу новоиспеченного доминиканца с такой кислой рожей.

Майк равнодушно пожал плечами:

— Я конструктор, а не регулировщик.

— Пленились гонораром?

— Отчасти. Да и выхода у меня не было. Они же купили Притчардсов.

— У меня тот же случай. Купили «Чикаго электроникс», а заодно и меня.

— Пять лет назад?

— Три.

— Платите неустойку? — удивился Майк.

— Получил наследство, вот и плачу. И если бы вы знали, с каким удовольствием! Впрочем, погодите, не спрашивайте. — Он извлек из кармана какой-то микроприбор и взглянул на стрелку крохотного циферблата: она не двигалась. — Не подслушивают, — удовлетворенно заметил он. — Правда, я поставил условие, чтобы убрали все микрофоны из диспетчерской. Но кто их знает? Ухожу почти со скандалом. С неустойкой! Первый случай в их практике. Насилу уговорили, чтоб вас подождал.

— Неужели так плохо?

— Хотите виски? — вместо ответа спросил Роджер, кивнув на бар у стола. — Приют алкоголика, — усмехнулся он, наполняя бокалы. — И вы станете через год таким же. Все зависит...

— От чего?

— От процента человеческого достоинства. Если оно у вас есть.

— Я уже кое-что слышал, и, честно говоря, услышанное не вдохновляет.

— От кого слышали?

— Не важно.

Каменный Роджер снова засветился улыбкой, на этот раз совсем не насмешливой.

— Хвалю. Вы, кажется, стоите того, чтобы вам открыли глаза.

— На что?

— На седьмое чудо уходящего века. С душком чудо. Смердит.

— Чем?

— Всем. А главное — парадокс обеспеченности и унижения. Обеспеченность максимальная, жизненный уровень выше, чем в Штатах, и платят в два раза больше, и в три раза — чем в Европе. Нет ни забастовок, ни трудовых конфликтов, и профсоюзов нет, так что и пожаловаться все равно некому. Развлечения дешевле выпивки — стриптиз-бильярдные, бары и кино на всех этажах. Телевизоры принимают все программы Мегалополиса. А через каждые десять этажей — стадион или ринг, все виды спорта, от коньков на искусственном льду до тенниса на травяных кортах. Хотите билеты на матч века между тяжеловесом Дома Клайдом Биггерсом и чемпионом Восточного побережья Штатов Джимми Мердоком — нажмите кнопку под титром ФД. А здешние ЭВМ подсчитывают не только плату за телесвязь и видеофонную трепотню, но и за каждый ваш жест, подлежащий оплате. За кнопочные завтраки и души Шарко, за свежее мыло в ванной и пьяное изобилие в ресторации за углом. А когда наступит день полочки, сумма вычетов может свести ее до нуля. И пойдет жизнь взаимы, в неоплаченном долгу у «Хаус Оушен компани», потому что кнопочные радости стоят не дешево. А цены на квартиры, в особенности на

верхних этажах, так высоки, что оплачивать их могут только миллионеры. И представьте — платят. Работают в своих банках, маклерских конторах или адвокатских офисах в Нью-Йорке и Вашингтоне и ездят сюда на уик-энд — еще бы: Хаус, седьмое чудо, океанский простор и парки, повисшие над пенистой пропастью.

— Много платят — дорого берут. Закономерно, — пожал плечами Майк. — Где ж унижение?

— А то, что вы никогда не остаетесь один. То, что каждое ваше слово фиксируется и записывается, потом производится соответствующая селекция и составляется досье, полностью определяющее ваш духовный портрет. С неподходящими контракта не возобновят, критиканов уберут с соответствующим иском, который адвокаты Дома всегда выигрывают. Существуют и местные наказания: «иезуиты» чрезвычайно изобретательны. Кстати, возьмите вот этот приборчик. Когда захотите поговорить откровенно, проверьте: движется стрелка — значит, подслушивают.

— Зачем им это? — недоумевал Майк. — Ведь сюда же приходят добровольно.

— Но добровольно не уходят. Долг погашается отработкой в кредит. В идеальном «обществе потребления» Дома кредит доведен до магии. Он — кнут и пряник. На верхних этажах равняет с миллионерами из Майами, на нижних этажах закабляет, как бессрочное долговое обязательство.

— Ад и рай, — улыбнулся Майк.

— Не смейтесь. Только рай — как в театре с партером и галеркой. На нижних, «производственных» этажах, где находятся все промышленные предприятия Дома, — то же кнопочное, только уцененное изобилие. Жратва — химия, выпивка — пойло, развлечения — верблюжьей радости.

— А если бунт?

— Какой? Забастовка? Рабочая аристократия не бастует.

— Пассивное сопротивление. Никудышная работа, например. Пусть увольняют.

— Кому выгодно увольнение с судебным иском. К тому же каждый работник Дома — его акционер и заинтересован в росте прибылей. А никудышную работу изобличит машина.

— Можно же найти какую-то форму протеста?

— Нельзя. Вы всегда будете в проигрыше. Почта перлюстрируется. Видеофонная связь только в пределах Дома. Отпуска запрещены — это оговорено в контрактах. Тюб закрыт. Ни один краулер не возьмет на борт работника Дома. А будете надоедать — с вами может случиться несчастье. Здесь есть и крематорий для таких неудачников.

Майк помолчал, подумал и сдался:

— Действительно — магия.

— И самая черная. Со своими «тайнами мадридского двора». Я как-то попробовал вычислить на машине, где и по каким признакам распределяется трехмиллионное население Дома. Оказывается, два миллиона восемьсот тысяч с лишним работают в системе его предприятий, промышленных и торговых. Более полутора ста тысяч — в Штатах или вообще нигде, только живут здесь, как на курорте. Что делают остальные несколько тысяч жителей Дома, компьютер не знал: не было входных данных, никакой, по существу, информации. Спрашивается: где же они работают, если не покидают пределов Дома, и куда исчезают с восьми утра до шести вечера?

— А вы не обращались с таким вопросом к шефу «доминиканцев»?

— Я хочу жить.

Лицо Роджера давно уже утратило свою неподвижность, губы дергались, зубы то стискивались до судороги в челюстях, то нижняя челюсть бессильно отваливалась. Он выпил, не разбавляя, еще бокал виски и тихо закончил:

— Я потому и удираю отсюда, что проник в эту тайну. Они не тронут меня, если я буду молчать. Поэтому не спрашивайте меня ни о чем. Считайте, что разговора не было.

В наступившей тишине вдруг щелкнула входная дверь, и низкий женский голос спросил больше по привычке, чем по существу: «Можно?» Дверь тут же открылась, пропустив миловидную девушку, больше похожую на итальянку или испанку, чем на американку из северо-восточной группы Штатов — ни безукоризненной прически, ни косметически оформленного лица, ни спортивной спины, как у девушек из колледжа. Стриженная по-мальчишески голова, пряди черных волос заложены за уши, неподкрашенные глаза и губы, и только большие темно-синие, как сливы, глаза заставляли вас обратить внимание на это лицо. Майк не был исключением. Внимание он обратил сразу и замер на полуслове.

— Вы уезжаете, Роджер? Завтра, да? — спросила она, даже не взглянув на Майка, словно его и не было рядом.

— Увы, — вздохнул Роджер.

— Сдались? Еще один струсивший гладиатор.

— Сдался. Красс сильнее. А Спартака у нас нет. Может быть, он? — Роджер искоса и с улыбкой взглянул на Майка и сказал: — Познакомьтесь, Поллетта. Мой сменщик Майк Харди, и, кажется, стоящий парень. Я в людях редко ошибаюсь, вы знаете.

— Поллетта Лабард, — сказала девушка, глядя неподвижно и строго.

— Лабард? — удивился Майк. — Однофамилица?..

— Не однофамилица, а приемная дочь, — перебил Роджер, — и учтите, Харди: она хотя и личный секретарь своего приемного папочки, но отнюдь не разделяет его взглядов на Дом и, пожалуй, на жизнь. И еще одно учтите: папочка пока не знает, с кем дру-

жит и кому помогает его приемная дочь. Несмотря на все микрофоны.

— Их нет только у отца и Лойолы, — сказала Полетта.

— Гений с причудами, — добавил Роджер. — Зовут его Доминик — он придумал «доминиканцев», нашел Лойолу — создал «иезуитов». А это — четыреста пятьдесят шерифов и тысячи тайных и явных агентов, утверждающих власть магистра. И всех влюбил в себя — от Лойолы до Грэгга с Хенесси.

— Не влюбитесь и вы, — пригрозила Майку Полетта. — У Доминика огромное обаяние ума и таланта. Кстати, вы сегодня же и познакомитесь с ним на проводах Роджера. Официально вас приглашаю. Четырехсотый этаж, внешний парковый ресторан. Любой информарий выведет. Будете?

— Сочту за честь, — сказал Майк.

Глава 4

МАГИСТР ОРДЕНА «ДОМИНИКАНЦЕВ»

В семь вечера Майк в белом смокинге, как это было принято на курортных приемах, воспользовался «мгновенником», и через полторы-две секунды неизвестно откуда возникшая воздушная волна мягко вытолкнула его из клетки лифта на внешний перрон четырехсотого этажа. Мимо него с возрастающей скоростью двигались одна за другой семь эскалаторных кольцевых дорожек шириной в три метра каждая. Все кольца до последнего паркового, двигавшегося уже вместе с внешней оболочкой Дома, были выкрашены, как и клетки лифтов, в последовательные тона спектра, от фиолетового до красного. На парковом вас встречал газон, переходящий в кустарник, а затем, как на лесной опушке, в рассыпной строй деревьев разных видов. Каштан соседствовал с белой акацией, а магно-

лия — с североморской сосной. Быстрота движения здесь совсем не ощущалась, настолько гладким и плавным было скольжение этой стометровой в поперечнике, удивительной по красоте лесного ансамбля внешней парковой полосы.

На перроне и движущихся кольцевых дорожках было довольно много народу. Поражало только отсутствие пожилых и детей, обычно преобладающих в лондонских парках. Здесь же преобладали тридцати- и сорокалетние, едва ли старше. Должно быть, шли на вечернюю прогулку парочками и группами поглазеть с высоты двух километров на океанский простор или поужинать в ресторанах и барах, растянувшихся кругом по внешней опушке леса.

Дорогу Майк не искал. Уже первый попавшийся информационный киоск-автомат указал ее мелодичным, записанным на магнитную пленку голосом. Пешеходная дистанция и тут не оказалась слишком утомительным терренкуром. Ресторан под туго натянутой полимерной пленкой раскинулся совсем близко, прямо на траве среди цветников и кустарников, а кроны деревьев опускались над столами, днем даря спасительную тень от субтропического солнца, а вечером — неяркий рассеянный свет от скрытых в их зелени электрических лампочек. «Умеют работать и жить», — восхитился Майк, забыв о предупреждениях Джонни и Роджера. Они оба в таких же, как и у него, белых смокингах ничем не напоминали утренних мизантропов. Сидели за столом у края кольца над двумя километрами пропасти, отделенные от нее лишь тонкой прозрачной пленкой, которую, однако, не пробил бы даже средний артиллерийский снаряд, а широкая лента можжевельника и травы столь же надежно отделяла их от соседних столов, создавая иллюзию вечернего пикника на лесной лужайке.

— Майк Харди, — представил его Роджер, и все, кроме Полетты, встали, церемонно склонив головы в знак уважительного внимания.

«Грэгг», «Лабард», «Фрэнк», — услышал в ответ Майк.

— Ну, вот и опять встретились, старина, — небрежно откликнулся Джонни.

Полетта только подняла и опустила ресницы, а одутловатый человек в морском кителе с золотыми нашивками ничего не произнес, не взглянул даже, а просто встал, поклонился и сел, прислушиваясь к происходящему.

— Я особенно рад, что на этот раз к нам прибыл «доминиканец» из Англии, — сказал Лабард. — Скоро весь мир будет представлен в элите нашего Дома.

За столом он был бесспорно самым заметным и примечательным. И внешне — в белом фраке и лиловом жилете, с давно вышедшими из моды волосами до плеч, и внутренне — с гипнотическим взглядом немигающих глаз, повелительными интонациями баритонального голоса и темной, тяжелой силой каждого сказанного слова. Все в нем привлекало сразу, покоряло и притягивало, подавляя сопротивление. В свои пятьдесят лет он казался еще совсем молодым, полным сил, готовых развернуться, как сжатая стальная пружина. Остальные невольно отступали перед ним, как бы уходя в тень. Педро Лойола, натурализовавшийся мексиканец с животом-мешком, выпирающим из-под бортов его псевдоморского кителя, с действительным или показным безразличием молча посасывал ледяной кофе с мороженым.

Фрэнк, родной брат Полетты и, кстати, очень на нее похожий, оказался коллегой Майка — управляющим блоком химической автоматики. «Король нашей химии», — представил его Лабард, безраздельно владевший разговором. Даже Грэгг, суховатый и седовласый владелец контрольного пакета акций «Хаус

Оушен компани» и фактический босс Лабарда, ни разу не перебил его.

— Вернемся к Роджеру, — говорил Лабард. — Я все-таки не понимаю, почему вы расторгаете контракт. Мы нарушили его? Нет. Вас обсчитывали? Тоже нет. Вы имели здесь больше, чем любой равный вам инженер на континенте.

— Вы же знаете, — поморщился Роджер, — наследство позволяет мне создать собственную лабораторию в Штатах.

— А разве здесь у вас ее нет?

— Трудно сообразить что-либо путное после дежурства в диспетчерской.

— Вы цените деньги, Роджер. Ваш счет у нас чист: ни цента долгу. И вы с легким сердцем выплачиваете нам прожиточный минимум остальных лет. Двух лет. Где же логика?

— Логика в свободе капитала, Лабард, — неожиданно вмешался Грэгг. — Насколько мне известно, сумма наследства Роджера вполне позволяет ему рискнуть неустойкой.

— Не верю, — встряхнул длинными волосами Доминик. — Это не свобода капитала и не свобода времени. Это освобождение от нашего общества. Вы не любите Дом, Роджер.

— Что подтверждают и мои данные, — как бы вскользь, никому не глядя в глаза, бросил Лойола.

«Вы правы: не люблю, — хотелось крикнуть Роджеру, — и жажду свободы. От страха, от сыска, от невидимого и неслышимого насилия». Но он промолчал. Лабард знал, что говорит.

И тут подняла ресницы Полетта.

— А за что ему любить Дом, Доминик? За электронные развлечения Лойолы? За свободу его «иезуитов» открывать наши комнаты и рыться в наших бумагах? О какой свободе идет речь? Я не могу без специального разрешения воспользоваться ни краулером, ни тубом.

Это я. А Роджер? А Джонни? А Майк? Не рассчитывайте, Майк, на морские прогулки и летние отпуска. Здесь не заинтересованы в свободе ваших передвижений.

Доминик Лабард побледнел, замер, машинально согнул серебряную вилку, но сдержался.

— Не знал. Моя дочь переходит в оппозицию.

— Две неправды, — откликнулась Полетта. — Первая: я помогаю, а не мешаю вам. Как секретарь я бы удовлетворила даже Лойолу. И вторая: я не ваша дочь.

— Приемная, Полетта. Но что это меняет? Я вырастил тебя, как родную дочь.

— Котенка тоже можно вырастить, Доминик.

— Полетта права, — поддержал сестру Фрэнк. — Вырастить и воспитать еще не значит отнять право мыслить по-своему.

Семейный спор, думал Майк. А пожалуй, это не только спор, но и расхождение во взглядах, скрытая, но уже обнаруживающая себя враждебность. Ведь Полетта не случайно дружит с Роджером, а отношение Роджера к Дому уже известно. И Джонни хотя и молчит, только губами поводит, словно резинку жует, но явно сочувствует и Полетте и Фрэнку. Значит, в Доме действительно есть оппозиция его главе и создателю, и Доминик, вероятно, об этом догадывается, а Лойола наверняка знает. Тогда Лабард должен дать бой своим скрытым противникам, дать бой именно сейчас, чтобы завоевать Майка, потому что именно сейчас Майк должен решить, примкнуть ли ему к оппозиции или остаться нейтральным. Ведь пять лет впереди уже отнял контракт, а у него нет наследства, чтобы выплатить неустойку, а может быть, сейчас Лабард преодолеет его сомнения.

И Доминик, словно прочитав мысли Харди, повел наступление, как адвокат, убежденный в правоте подсудимого, расчетливо и вдохновенно.

— Не любить Дом нельзя. Все, что о нем писали как о чуде, — правда, и я не стыжусь напомнить об этом.

Я убежден, что это и вершина демографической мысли. Вообразите себе моря и океаны мира, застроенные тысячами таких домов. Островов хватит. Бермуды, Багамы, Гавайские, Соломоновы — мало ли их? А ведь такому дому-городу нужна только скала размером не больше футбольного поля. Все население Земли можно будет разместить в этих океанских волчках — пять, десять, двадцать пять миллиардов. Не страшен никакой демографический взрыв, никакая перенаселенность. На Земле останутся — я имею в виду сушу — только опустевшие города-музеи, свидетельство прошлого нашей цивилизации, охотничий рай лесов и поля — сельскохозяйственная кухня планеты. Воскреснут изобилие викторианских житниц, романтика древних странствий по миру и цветущая прелесть природы, не тронутой человеком. Давайте, Грэгг, строить такие дома по всем архипелагам мира. Вкладывайте в них свои миллиарды — выручите триллионы. Станете вместе с Хенесси властителями единого мира!

— А кто объединит этот мир, Доминик? — тихо спросил Грэгг, отхлебнув разведенный виски из бокала со льдом. — Кто объединит наши страны и нации, перекроит их экономику, сплавит политику и перелицует быт? Социалистическая система? Едва ли это устроит нас с вами. ООН? Что-то не верится. Мировая война?

— А вдруг?

— Тогда мы назначим вас фельдмаршалом, — засмеялся Грэгг. — Вы неисправимый мечтатель, Доминик. Прямой потомок ламанчского рыцаря. Живой анахронизм. Нет, мой друг, имеется другой, куда более реальный проект.

— Какой?

— Дом станет еще одним американским штатом. В ближайшие месяцы мы попробуем войти с этим предложением в сенат. Прямая выгода для Дома и для государства. Дом становится административной государ-

ственной единицей, а государство приобретает выдвинутую далеко в океан мощную оборонную базу. Ну а мои миллиарды, Доминик, право, реальнее и прочнее ваших триллионов.

Сжатые губы Лабарда чуть-чуть скривились. В усмешке? Не к месту. Но Майку все же показалось, что он смеется, беззвучно, одними глазами, но смеется откровенно и не стесняясь.

— Штат? — повторил он. — Это мало. Очень, очень мало для Дома — только один штат.

Он поднялся и, не прощаясь, пошел к выходу — высокий, длинноволосый, в белом фраке, точь-в-точь дирижер симфонического оркестра где-нибудь во Флориде.

Глава 5

ИЗ ДНЕВНИКА МАЙКА ХАРДИ

Первая запись

В ноябре, на пятый месяц моего пребывания в Доме, я начал вести дневник. Не часто и не регулярно, потому что времени было мало, да и дело это не легкое. Пишу не на бумаге, которую можно прочесть и которую негде спрятать, а на магнитной нитке, тонкой, как шелковинка, и прочной, как нейлоновый шнур. Для сохранности и безопасности наматываю ее на пуговицы своего двубортного пиджака — никакая «иезуитская» слежка не обнаружит. Пока закончил две записи, третью начал и ночами в уборной прослушиваю их на крохотном магнитофоне, вмонтированном в старый агатовый перстень. Раньше он без дела валялся — забавная поделка, а теперь ношу его не снимая. Агат отвертывается, нитка закладывается в отверстие, и, приложив к уху, можно отчетливо слушать запись.

Поначалу я подробно рассказал о Доме, о его кнопочной роскоши и неограниченном потреблении, о лифтовых экскурсиях по этажам-уровням и прогулках по «улицам» с искусственным видом на океан, о сверхрынках и универмагах-гигантах, где можно приобрести в кредит все, что жадно ухватит глаз, от пачки сигарет до миниатюрной пластинки, исполняющей целую оперу или симфонию на проигрывателе, втиснутом в зажигалку или пудреницу. Казалось, капитализм создал здесь модель идеальной стадии «постиндустриального общества потребления», но я, даже не будучи ни коммунистом, ни просто знатоком и почитателем Маркса, все же разглядел, что разрекламированная золотая цепь уже на изломе. В дни получек редкие «акционеры» Дома — а мы все считались таковыми, получая годовые премии в несколько акций на брата, — радовались двум нулям на листке своего текущего счета. Первый — в графе дневной разницы между прожитой и заработанной суммой, второй — в графе месячной или годичной задолженности. Неизменная тенденция ее роста в конце концов превращала пятилетний контракт в семи- или восьми-, а то и десятилетний, а «преуспевший» таким образом акционер «Хаус Оушен компани» мог купить себе свободу лишь ценою приобретенных акций, да и то, если задолженность не превышала их суммы.

Любопытно, однако, что на нижних этажах — в цехах, мастерских, лабораториях и офисах Дома — почти никто и не жаловался на его порядок. Молодые, здоровые парни, завербованные во всех странах, у себя на родине считались редкими и высокооплачиваемыми специалистами. Здесь же неограниченное потребление и королевские траты превращали их в лунатиков, бредущих с закрытыми глазами по карнизу американского небоскреба. В личные карточки текущего счета они даже и не заглядывали. Зачем? Ведь общество здесь предоставляет им жизнь взаймы по образу и подобию

миллионеров, пока они не постарели. А перспектива одинокой голодной старости мало кого тревожит в тридцать или сорок лет. Кто похитрее, сколотит все-таки капиталец, но хитрых не так уж много в трехмиллионном обществе Дома, а если они и находятся, то могут смело украшать обложки журналов как живая реклама «постиндустриальной» идиллии Дома.

С обитателями его верхних этажей, за исключением друзей и связанных со мной по работе лиц, я почти не общался. Миллионеры и мультимиллионеры жили обособленно, позволяя своим банкирам оплачивать любую задолженность. А потребление здесь на трехсотых и четырехсотых уровнях стоило много дороже, чем на любом мировом курорте, за исключением плавающего острова Майами Флай-Айленд. Конечно, как и во всяком богатом городе, этот суетный, праздный сброд был смешан и перетасован, как карты в колоде, где рядом с финансовым тузом ловчил в баккара мелкий червонный валет. С некоторыми из них был знаком и я, чокался в барах, обменивался визитными карточками, курил свои или чужие сигары. Но ни один из них даже издали не подвел меня к тайне, которая заставила бежать Роджера.

Именно сейчас я и включаю свой потаенный магнитофон, еще и еще раз вслушиваясь в слова дневника. Не ошибся ли я, не пропустил ли чего-нибудь, не усмотрел ли в чьих-то словах какого-нибудь хоть и далекого, но важного для меня намека. Оппозиция? Да нет же здесь никакой оппозиции. Есть несколько горячих голов, возмущенных диктаторскими замашками Доминика Лабарда и электронным сыском Лойолы. Они искренне восстают против материального благополучия человека, если оно приводит к морально-этическому бесправию. Но ни один из них не знает рецепта, как исправить это унижительное положение, и каждый по-своему относится. Для Фрэнка и Полетты это всего лишь результат болезненно растущего пагуб-

ного властолюбия их приемного отца. Даже Джонни относится к нему с философским равнодушием: меня лично это не задевает, стерплю, погашу задолженность и нищим, как приехал, уеду. Роджер в такой же ситуации сбежал еще раньше. Но он знал больше всех и — главное — знал тайну, так смертельно его напугавшую. Вот брошенную им перчатку и поднял я, твердо решив, что пяти лет достаточно, чтобы раскрыть карты властителей Дома и сыграть с ними в свою игру. В такой игре могут участвовать и газеты, всегда падкие на сенсацию, и общественность, которую иногда можно разбудить от спячки.

Автоматическому сыску Лойолы я противопоставил свой, индивидуальный, прибегнув так же, как и он, к электронике. Обнаружив, что мой крохотный, вмонтированный в корпус ручных часов телевизор полностью дезорганизует прием микротелепередатчиков, я подарил его Лойоле, который обрадовался ему, как ребенок новой игрушке. Взамен я получил «иезуитский» значок-пропуск, который облегчал мне пешеходные и лифтовые экскурсии по Дому. Все микрофоны в лаборатории я подавил с легкостью, не опасаясь агентов Лойолы.

Для через два он меня спросил:

— Это ваш ручной телевизор подшучивает над микропередатчиками?

— Конечно, — признался я невинно. — Я уже сконструировал еще один.

— Примем к сведению. — Лойола сморщился, как надувная кукла, из которой выпустили воздух. — Только больше никому не дарите, а то всюду, где появляюсь я, микропередатчики слепнут и глохнут.

Но свой телевизорчик я сконструировал иначе. Он мог работать и на другой волне, лучше, чем всякая микротелевизионная связь Лойолы, хотя и в том же дециметровом диапазоне, рассчитанном на пределы Дома. Помимо обычных телевизионных программ из

Штатов, которые можно было принимать с помощью дополнительной приставки, мой телевизор-крошка принимал и сигналы двух микротелепередатчиков, которые я собирался тайком установить у Доминика и Лойолы.

Моя страсть к конструированию электронных микроагрегатов потихоньку превращалась в некую манию, хотя и вполне последовательную.

Фрэнк посмеивался:

— Ты становишься техническим гением сыска...

Смех смехом, конечно, но мой «технический гений» давал свои — и вполне пригодные к делу — плоды.

Я сконструировал еще два миниатюрных оружия: электронную отмычку, безотказно открывающую все виды замков, даже с цифровыми наборами, и электронный пистолет, бивший на двадцать метров крошечными ампулами с мгновенно усыпляющим газом, несколько миллиграммов которого полностью выводили человека из строя минимум на два часа. Газ мне достал наш «король химии» Фрэнк, он же отлил и «патроны» из тончайшего стекла, разлетающегося в порошок при ударе о любое препятствие. Пришлось сконструировать такой же пистолет и для Фрэнка.

Свой я вмонтировал в перстень, который, в отличие от магнитофона с агатом, носил уже на другой руке, причем вмонтировал очень хитро: при повороте камня вправо открывался стреляющий агрегат, а при повороте влево — диск лучевого видеоискателя. То был крохотный план Дома, увеличенный с помощью миниатюрной лупы до трех сантиметров в диаметре, с красной точкой, скользящей во всех направлениях и позволяющей сразу установить, где находится лицо, с ней совмещенное. Этим лицом был Лойола, которому я незаметно, но прочно вклеил в шеврон позолоченную бисеринку. Она и управляла движением красной точки на видеоискателе, показывая, куда шел Лойола и где он задерживался.

Четыре месяца работал я над своим электронным вооружением. В ноябре привел его в действие. Первый микротелепередатчик мы с Полеттой установили в кабинете Лабарда, находившегося в это время в Нью-Йорке. Не обошлось и без трудностей. Лабард был слишком искусным инженером, чтобы не обнаружить без выдумки установленный агрегат. Но мы придумали. Во-первых, он не нащупывался обычными средствами магнитного поиска, а во-вторых, в глазу бронзового Вольтера на книжной полке его не нашел бы сам Шерлок Холмс. Глаз высверлили и заделали так, что швы не просматривались и в лупу. А придя домой, я опробовал фокус: на экране моего ручного телевизора сразу же возникла улыбающаяся Полетта и часть стола с креслом Лабарда. «Ау, — засмеялась Полетта, — мы уже на крючке».

С Лойолой все оказалось сложнее: пришлось ждать, когда я ему понадоблюсь.

— Устрой мини-аварию с выводом из строя телевизионных контактов, — предложил Джонни. — Сумеешь?

— А чинить он пригласит электронного Яго.

— Бальца?

— Может быть, Флетчера.

— Предоставим обоим Полетте и Фрэнку. Кто откажется от выпивки за чужой счет?

— Бальц непьющий.

— Зато он равнодушен к Полетте.

И в один, как говорится, прекрасный день авария телеконтактов в кабинете Лойолы совпала с жестоким похмельем Бальца и Флетчера. Я ждал видеофонного вызова. И дождался.

— Подымитесь ко мне, Харди. Что-то с контактами. Для вас это задача из школьной практики.

Я поднялся с инструментом. Что-то вскрыл, что-то сдвинул, что-то нажал. Лойола не отходил от стола, видимо не рискуя оставить меня одного, хотя

сейф был заперт сложнейшим электронным замком, а телеэкран закрыт наглухо замкнутой шторкой. Но, должно быть, что-то в кабинете Лойолы все же заставляло его держаться настороже.

Именно тогда и прожужжал зуммер видеофона. Заговор действовал: Лабард по настоянию Полетты вызывал Лойолу для срочной беседы. «А если по видеофону?» — нехотя протянул Лойола. «Не спорьте, Педро, — услышал я голос Лабарда, — тем более что вы не один». Молодец Полетта, все учла!

— Вам долго еще возиться? — недовольно спросил Лойола.

— Минут пять — десять самое большое.

— Закончите — уходите. Дверь за вами сама закроется.

Я остался один. Контакты соединил мгновенно. Нашел место для телепередатчика, вмонтировав его в раму портрета Лабарда, висевшего как раз напротив письменного стола. Прибор был настолько мал, что не прощупывался там ни рукой, ни зондом, а магнитный песок его обнаружить не мог. Затем я быстро, стараясь ничего не упустить из виду, обошел кабинет. Никаких секретов. Только две лифтовые двери у входа буквально пригвоздили меня к месту. Два «мгновенника». Почему два? У одного синяя дверь отличалась от своей соседки красной полоской у ручки. Зачем? Куда мог привести этот лифт? И не из-за него ли Лойола так не хотел оставить меня одного в кабинете? Я повернул камень перстня: красная точка остановилась в апартаментах Лабарда. Времени хватит, беседа шефа «иезуитов» с Домиником по милости Полетты займет не менее получаса. И я рискнул, хотя и понимал, что риск может стоить жизни.

Сначала нажал ручку двери с красной полоской. Дверь открылась легко и бесшумно. Обыкновенная лифтовая кабина для мгновенного продвижения по Дому. Рискнул войти — ничего страшного, все на ме-

сте. Никаких панелей и указателей, кроме красной стрелки вниз на пусковой кнопке. Дверь, как и у всех «мгновенников», автоматически закрылась. Оставалось только нажать кнопку. Я еще раз взглянул на застывшую на месте красную точку: значит, Лойола все еще сидел в кабинете Лабарда. Р-раз! И кнопка легко сдвинулась вглубь.

Лифт без толчка, мягко и плавно переместил меня куда-то. Автоматически открылась дверь, оставив кабину на месте, как и у всех «мгновенников». Значит, путь назад оставался открытым, если только лифт не вызовут до моего возвращения. Я оглянулся: синий холл с белой одностворчатой дверью, по которой периодически пробежала огненно-красная надпись:

ПРЕДЪЯВЛЯЙТЕ КРАСНЫЙ ПРОПУСК!

Красного пропуска у меня не было — я даже не мог открыть двери, чтобы не нарваться на охранника. Вместо этого я только отдернул лацкан пиджака, открыв для обозрения бляшечку «иезуита». Я знал, что нахожусь под невидимым наблюдением с той секунды, как открылась лифтовая дверь. И не ошибся. Прозвучавший ниоткуда хриплый басок насмешливо спросил:

— Пропуск забыл? Сегодня — красные. Учти, чу-чело!

Ничего не оставалось, как немедленно ретироваться в кабину, кстати тут же закрывшуюся. На этот раз уже без нажима кнопки «мгновенник» доставил меня обратно с тем же комфортом. Я взглянул на красную точку в перстне: она медленно двигалась взад и вперед в миллиметровом диапазоне. Значит, Лойола расхаживал по кабинету Лабарда, в чем-то его убеждая. Порядок. Я тихо открыл дверь лифта и вышел из кабинета, чуть позвякивая инструментом в сумке. Секретаря у Лойолы не было, дверь его открывалась

только для тех, кто предварительно сговаривался по видеофону. Поэтому, никем не замеченный, я спустился в лабораторию, тут же включив свой миниатюрный видеоскоп.

Я увидел Лабарда в кресле и стоящего перед ним Лойолу. Крохотный размер фигурок не мешал мне — я видел их такими, какими знал. Телевизор включился, когда Доминик уже заканчивал:

— Лучшее время — канун Нового года. Точнее, даже самый час встречи. Лучшее место — салон Грэгга и Хенесси. Там мы их и замкнем со всей ярмаркой. Полный набор миллионеров с Мегалополиса. А ты почему нервничаешь?

— Я оставил Харди одного в кабинете.

— Ну и что?

— А вдруг он обнаружит второй «мгновенник»?

— В крайнем случае спросит, зачем он тебе понадобился.

— Жаль потерять такого специалиста.

— Почему же его терять?

— А если он найдет спуск в преисподнюю?

— Харди достаточно умен, чтобы не лезть туда без разведки.

Наивный Доминик! Он преувеличивал мою осторожность. Впрочем, он тут же набрал требуемый номер на панели видеофона. Я не видел экрана, но услышал чуть приглушенный двойным контактом молодой голос:

— Я вас слушаю, сэр.

— Кто-нибудь сейчас спускался по лифту «А»?

— Я только сейчас сменил дежурного, сэр. При мне никаких происшествий не было, а в книге записей обе графы пусты.

Вероятно, сменившийся дежурный не счел мое появление достаточно важным, чтобы вносить его в книгу записей. А перед уходом глотнули по стаканчику со сменщиком и забыли обо всем. Вот уж везет так везет!

— Все спокойно, Педро, — вновь услышал я бархатный голос Лабарда, — тайна блистона — все еще тайна. Пока. — Застучали деревянные дощечки: он смеялся.

Лойола молча поклонился и вышел. Я выключил телевизор. Колени у меня дрожали, как у человека, который едва не попал в аварию.

Блистон!

Вот она, тайна Роджера. Я не раз удивлялся его негодованию против электронного сыска Лойолы. Ведь система электронного подслушивания и подглядывания существовала по крайней мере уже полстолетия. И мы, электронщики, только тем и занимались, что варьировали и совершенствовали микрофоны и микротелепередатчики. В конце концов, даже в Америке электронной охоте за чужими секретами был положен предел законодательным вмешательством Конгресса. Но в промышленности эта охота процветала по-прежнему, и напрасно негодовал Роджер: в его нынешней «собственной» лаборатории в Штатах сейчас, наверное, уже внедрены кем-нибудь такие же микротелепередатчики.

Нет, здесь они действовали не столько для охоты за чужими тайнами, сколько в целях сохранения одной-единственной тайны, неизвестной, судя по разговору Доминика с Лойолой, даже фактическим владельцам Дома.

Глава 6

ИЗ ДНЕВНИКА МАЙКА ХАРДИ

Вторая запись

Сам по себе блистон ни для кого не был тайной.

Новый трансурановый элемент, открытый канадским химиком после геологических изысканий на

Луне в восьмидесятих годах и получивший свой номер в менделеевской таблице под его именем, приобрел не меньшую популярность, чем уран или золото. Не прошло и трех лет, как блистоновые руды на Луне начали разрабатываться совместно советско-американской компанией. Было заключено специальное соглашение, к которому присоединились все государства мира, не использовать блистон для военных целей. Если трех водородных бомб было бы достаточно для того, чтобы уничтожить Англию, то три блистоновые отправили бы на дно океана всю Северную Америку. В руках безумцев блистоновая бомба означала бы самоубийство мира.

Что же вырабатывалось на подземных уровнях Дома, куда доставлял Лойолу специальный «мгновенник»? Я повторял и повторял слова Доминика: «Тайна блистона пока все еще тайна». О какой тайне шла речь? Ведь блистон вырабатывался совершенно открыто и в Советском Союзе, и в США, причем исключительно в мирных целях, заменив уран в атомной энергетике. Блистон использовался и как новый вид топлива для космических ракет и трансконтинентальных краулеров и, вероятно, сыграл и играет свою роль в механизме вращения Дома. Но почему это тайна? Почему скрываются работы за дверью со световой надписью «Предъявляйте красный пропуск» и почему Лойола так боялся, что я открою «спуск в преисподнюю»? Да и не об атомной энергетике думал Лабард, когда уверял Лойолу, что «тайна пока еще не открыта».

Но Роджер открыл ее и уехал, объяснив свой отъезд откровенным «я хочу жить». Я тоже хотел жить, но еще не открыл тайны. Я только подошел к ней, понимая, что ступил на «минное поле». Идти ли дальше?

Роджер никого не посвятил в свое открытие. Я поступил иначе. В тот же день я сообщил о необходимости срочной встречи Полетте, Джонни и Фрэнку. В моей лаборатории, хотя и огражденной от электронно-

го сыска, такое сборище могло бы вызвать подозрение Лойолы, который узнал бы о нем через две-три минуты. Но Полетта могла попросту пригласить нас в гости, а у нее мы были уже в полной безопасности.

Прежде чем рассказать, я долго думал о том, что нас связало до того, как я проник в тайну Лабарда. Джонни просто были не по нутру диктаторские замашки Доминика и Лойолы. Уйдя из Дома, он стал бы обычным средним американцем, отменным специалистом, равнодушным к любой политической акции. Союз Фрэнка и Полетты вызывал еще большее недоумение. Лабард взял их из приюта с явно рекламной целью. Потеряв жену, сбежавшую со своим другом детства, он объявил публично, что создаст новую семью на новой основе, и тут же распределил детей «по рукам» с хорошей оплатой за содержание и «дрессировку». Учились Фрэнк и Полетта не только в разных учебных заведениях, но и в различных штатах, зато оба прошли сквозь стихию студенческих волнений, снова в конце восьмидесятых — начале девяностых годов охватившую капиталистический мир. Видимо, это и сблизило их, когда оба оказались в кадрах «Хаус Оушен компани» под крылом вспомнившего о них «отца», которого они не знали и не любили. А что меня привязало к ним? Единомыслие? Едва ли. О политике мы почти не говорили, и я даже удивился, увидев как-то у Фрэнка настольную книгу моего отца, всю жизнь отдавшего борьбе на левом фланге лейбористской партии, но так и не приобщившего меня к ней. Книжка была растрепанная, фамилия автора оторвана, но название воскресило воспоминание детства: «Динамика социальных перемен. Хрестоматия марксистской науки об обществе». Фрэнк смущенно прикрыл книгу иллюстрированным журналом. «Интересуешься?» — спросил я. «Надо знать больше, чем учили нас в школе», — уклончиво ответил он и переменял тему. Разговор о политике с

Полеттой тоже не получался, да и не политика нас связала. Видимо, просто общая неприязнь к Лабардү. Но сейчас дело менялось: надо было не ворчать, а действовать.

— Я знал, что несколько тысяч рабочих занято на каких-то специальных работах, — сказал Фрэнк, выслушав мой рассказ. — Я просто этим не интересовался.

— Я знаю больше, — добавил Джонни. — Мои транспортные счетчики ежедневно регистрируют отправку и возвращение безадресных рабочих партий. Эти лифты циркулируют три раза в сутки, не совпадая с обычными часами пик. Все группы отправляются на самые нижние уровни, ниже центрального подъемного вокзала. Я думал, что это связано с какими-то подводными работами — внутри-скальные механизмы или подводные ремонтные операции. А может быть, специальная подводная полиция?

— Несколько тысяч человек? Зачем? — удивился я. Джонни, недоумевая, пожал плечами:

— Еще одна тайна.

— Та же самая. Доминик ясно сказал: «Тайна блистона — пока еще тайна». Для кого тайна? Для жителей Дома?

— Или для мира? — задумалась Полетта.

— А может быть, ты недослышал, — усомнился Джонни. — Случайная обмолвка в случайной беседе.

— И обмолвки не было, — подчеркнул я. — Доминик очень ясно ответил на беспокойство Лойолы. Почему начальник полиции так встревожился тем, что оставил меня одного в кабинете? Из-за второго «мгновенника»? Бесспорно. Он совершенно логично предположил, что я им воспользуюсь. И почему Лабард тотчас же проверил это у наблюдателя? Хорошо еще, что мне повезло со сменщиком!

— Ты сказал о красных пропусках?

— Да.

— Я слышал о синих.

— Очевидно, их меняют из предосторожности.

— Но ведь тайна блистона — нонсенс! — воскликнул Джонни. — Блистон не засекреченный препарат. Это все знают.

— Верно, но не точно, — усмехнулся Фрэнк. — Блистон не засекречен в атомной энергетике. А если из него делать оружие?

— Чушь! Зачем? Какое оружие?

— Бомбы.

На минуту все смолкли от чудовищности предположения.

— А почему, вы думаете, сбежал Роджер? — сказал я. — Когда я спросил его об этом, знаете, что он ответил? «Я хочу жить».

Опять все замолчали.

— Я вспоминаю день, когда он вернулся откуда-то вместе с Домиником, — задумчиво проговорила Полетта. — Он сразу же попросил у меня стакан виски. «Дай ему хайболл, Полетта, — сказал Доминик, — и не разбавляй содовой. Может быть, это сразу отшибет ему память».

— Они были внизу? — спросил Джонни.

— Не знаю.

— Между прочим, его отпустили без неустойки, — вставил реплику Фрэнк.

— Или уплатили за молчание, или ликвидируют на континенте, — предположил Джонни. — Кто знает, может быть, мы завтра или послезавтра прочтем о кончине выдающегося американского специалиста по молеэлектронике, павшего жертвой лопнувшей воздушной подушки под его новой машиной. «Иезуиты» сделают это чистенько и без промаха.

Я почувствовал, как рука Полетты судорожно сжимает мою.

— Мне страшно, Майк.

— Мне тоже. Но не бежать же всем, как Роджеру.

— Надо проверить, — сказал Фрэнк. — Мы еще не все знаем.

Ощущение нелепости происходящего вдруг охватило меня. Что мы знаем? Зачем Доминику блистоновые бомбы? Тайное соглашение с «ястребами» американской внешней политики? Вздор. Штаты не нарушат договора, подписанного всем миром. И не зря же его заключали: с блистоном не шутят и превратить землю в руины не рискнет ни одно государство. А вдруг Доминик сошел с ума или возмечтал себя новым Гитлером? Да ведь Дом уничтожат прежде, чем квазидиктатор продикует свой ультиматум.

— Не так-то легко уничтожить Дом, — сказал Фрэнк.

— Чепуха. Одно попадание обыкновенной фугаски.

— Термоионные преобразователи, создающие ветровой вакуум вокруг вращающейся конструкции Дома, оттолкнут любую бомбу в море.

— А взрывная волна?

— Она изменит направление или расколется, обогнув Дом.

Я не сдавался:

— Есть же флот, наконец!

— Какой? Суперкраулеры-авианосцы? Тот же результат.

— А подводные лодки?

Фрэнк задумался.

— Подводные лодки могут, конечно, серьезно повредить или даже частично разрушить скалу, на которой поставлен Дом. Может быть, часть засекреченных рабочих и занята сейчас на подводных работах. Не так уж трудно создать мощную заградительную сеть для торпед и подлодок.

— Давайте по порядку, — вмешалась Полетта. — Допущение первое: Лабард вообразил себя новым Гитлером. Допущение второе: где-то на нижних уровнях Дома изготавливаются блистоновая бомба и

ракетное устройство для доставки ее на место. Спрашивается: где и с какой целью может быть нанесен первый удар?

— Где? — переспросил я. — Вероятно, на севере Канады или в Гренландии, где жертв будет не так уж много. Лабард не станет уничтожать континенты, он просто пригрозит миру такой возможностью. Вот вам и цель удара. Ультиматум будущего владыки планеты. Одно государство может уничтожить другое, одна система может ниспровергнуть другую. Но Дом никто ниспровергнуть не может. Он неуязвим и безнаказан, если я правильно понял Фрэнка.

И снова замолкли все, и опять спросила Полетта:

— А что означают слова Доминика о том, что время — канун Нового года, место — салон Грэгга и Хенесси, где их и замкнут с какой-то целью! С какой?

— Не знаю, — откровенно признался я.

— До встречи Нового года у нас больше месяца, — сказал Фрэнк.

И тут раздался смех Джонни, поразивший нас всех как самая нелепая выходка в самое неподходящее время.

— Не смотрите на меня, как на сумасшедшего, — произнес он по-прежнему с веселыми искорками в глазах, — я сейчас оправдаюсь. Мне стало смешно, что мы в отчаянии обсуждаем смертельную угрозу миру, когда именно мы четверо легко можем предотвратить ее.

— Как? — вырвалось у нас одновременно.

— Проверить высказанное здесь предложение. Следить за всеми подозрительными встречами Доминика и Лойолы. Здесь нам помогут Полетта и ручной видеоскоп Майка. Все выяснить, вычислить и проявить. А затем наносим удар мы, прежде чем Лабард предъявит свой ультиматум.

— Как? — опять повторили мы.

— И это спрашивают электронщик и химик! — засмеялся Джонни. — Майк выключает всю связь в пре-

делах Дома, в крайнем случае вообще выводит ее из строя. Я делаю то же с транспортом. Ни один лифт не сдвинется с места, замрут все эскалаторные дорожки и кольца. Фрэнк изолирует наши этажи жидкостным газовым заслоном в случае пешеходного продвижения полицейских отрядов. А основные полицейские резервации легко блокировать автоматическими решетками. Это еще более осложнит положение Доминика и Лойолы в их час пик.

— А нас пристрелит первый же незаблокированный полицейский, — сказал я.

— Так мы и будем ждать его лицом к стенке! Нет уж, драться так драться. Можно замкнуть наглухо диспетчерские пункты. Есть огнестрельное оружие и газовые гранаты. Есть, наконец, и лазеры, которые можно использовать против массированных полицейских ударов. А за это время можно сообщить всему миру о надвигающейся угрозе, о блистоновой бомбе в руках маньяка. Если он собирается замкнуть Хенесси и Грэгга вместе с сотней мультимиллионеров, значит, юридические владельцы Дома не участвуют в заговоре. Пожалуй, у нас не меньше козырей, чем у Лабарда с Лойолой.

— А кто выиграт?

— У нас много шансов.

— Фифти-фифти.

— Что-то мне не хочется умирать из-за короны Доминика, — вздохнула Полетта.

— Мне тоже не хочется умирать, — поднял перчатку Фрэнк, — но, думаю, речь идет не только о короне Доминика.

Никто не ответил, но никто и не возразил.

— Значит, решено, — подытожил дискуссию Джонни. — Штаб проверяет, вычисляет и обдумывает. Собираемся у Полетты якобы для игры в бридж. Командует Майк.

Я даже не отнекивался. Не все ли равно, кому командовать?

Глава 7

ЧТО МОЖНО ЗАПИСАТЬ НА МАГНИТНУЮ НИТКУ

В конце ноября и начале декабря Майк дневника не вел. Он только записывал на свою магнитфонную нить все наиболее существенные встречи и разговоры, которые принимал его ручной микролеприемник. Тут же записывались и комментарии «Совета четырех», на заседаниях которого под видом очередной партии в бридж прослушивалась очередная запись.

Записи располагались в следующем порядке.

Лойола и незнакомый блондин со значком инженера-ракетчика на лацкане пиджака.

— Значок вам придется снять во избежание ненужных вопросов. А работа, я думаю, вам знакома. Обыкновенные боеголовки, только с другой начинкой.

— А кто гарантирует мне безопасность, если об этом пронюхают ищейки?

— У нас своя полиция.

— Я имею в виду контролеров ООН.

— Они к нам не заглядывают.

— Но могут заглянуть.

— Работы ведутся в полной изоляции от нижних и верхних этажей.

— При заключении контракта меня предупредили об этом. Но я же буду возвращаться к себе, захочу развлечься. Контракт не отнимает у меня права на личную жизнь.

— Не отнимает. Но жить вы будете на блокированных уровнях. Где-нибудь между сто одиннадцатым и сто шестнадцатым.

— Но не в одиночном же заключении?

— На этих уровнях около двадцати тысяч жителей. Целый город. Заводите знакомства, но не болтайте.

— И есть где выпить?

— Хотите в одиночку — нажмите кнопку у себя в номере. Требуется партнер или партнеры — бар за углом. Жаждете океанской прохлады — лифт доставит вас на внешнюю галерею. Там рестораны цепочкой.

— Подходит, шеф.

Д ж о н н и. Это специалист по глобальным ракетам. Должно быть, Нортон. Рыжий?

М а й к. И веснушчатый.

Д ж о н н и. Он.

П о л е т т а. А выводы?

Д ж о н н и. Проследить, где он будет в канун Нового года, и заблокировать подземку.

М а й к. Принято.

Д ж о н н и. Если в баре, так этажи все равно прикрыты. Мы их замкнем окончательно.

Ужин у Лабарда. Доминик, Грэгг, Хенесси — толстый аккуратный человечек, Пиквик в современном костюме, — и две дамы — брюнетка с высоким и резким голосом и платиновая блондинка с мелодичным контральто. Запись открывается репликой Лабарда по адресу своей светловолосой соседки.

— А что такое, по-вашему, счастье, Барб?

— Любить и быть любимой.

— Пресно, Барб. Иногда это случается, но быстро надоедает.

— Доминик прав. — Это брюнетка с высоким голосом. — Счастье — это много денег и возможность обладать всем, что захочешь.

Смех Лабарда:

— Грэгг под этим подпишется.

— Едва ли, Доминик. Счастье — это не наличие денег, а возможность их делать. Согласны, Хен?

— Полностью.

— И все вы ошибаетесь. — Бархатный голос Лабарда подымается до высоких нот. — Счастье — это власть. Абсолютная, неограниченная, беспринципная. Мир — это «джиг-со». Карта, составленная из кусочков цветного пластика. Пятнышки-государства. Ты меняешь их, перекладываешь, выбрасываешь. Вспомните Гитлера.

— Пиноккио, поставленный у карты немецкими мультимиллионерами. Забытая всеми кукла. Вы знаете Гитлера, Барб?

— Кто-то из старых фильмов?

— Зебра! — воскликнула брюнетка. — Мы же проходили это в школе. Что-то военное, да?

— Умницы, — смеется Лабард.

И Майк выключает запись.

М а й к. Кто эти идиотки?

Д ж о н н и. Блондинка — Барбара Тунелли, итальянская звезда Голливуда. Брюнетка — ее соперница, Диана Фэн.

П о л е т т а. По-моему, Барбара равнодушна к Доминику.

Д ж о н н и. А ну их к дьяволу! Включай дальше, Майк.

— Деньги могут дать власть, но власть — это не деньги, — снова включается бархатный голос Лабарда. — Ее капитал — сила. В обществе, основанном на неограниченной власти, нет ни классов, ни классовой борьбы, ни буржуа, ни пролетариев. Человек измеряется мерой силы, ему положенной. Он может быть ничтожной мышкой или живым Богом, отбросившим все привычные моральные категории.

Смешок Грэгга:

— Отрыжка нищезанятия, Доминик... Я предпочитаю тоже старомодный, но живучий практи-

цизм. Вы построили Дом на *мои* деньги. Вы говорите, я слушаю. Но пенки с молока снимаю я, а не вы.

Теперь уже смешок Доминика:

— Кто знает, Грэгг, чем измеряются зигзаги удачи?

Ф р э н к. Лабард раскрывается.

Д ж о н н и. Повторяется.

П о л е т т а. Уже не стесняясь владельцев Дома. Должны же они это заметить.

М а й к. Сейчас узнаете.

...Кабинет Грэгга. Грэгг и Хенесси. Запись произведена с микротелепередатчика общего типа для всего Дома.

— Что-то мучает тебя, Джо.

— Верно, Хен. С того вечера на веранде.

— Доминик?

— Он.

— Я так и думал. Что-то он затевает. Странные слова. Странные мысли.

— Я уже давно догадываюсь. Но что?

— Украдет Дом?

— А вдруг?

— Это не слишком легко.

— Но и не слишком трудно. Интересно, с какой целью он пригласил на работу Линца и Нортон?

— Линц — старый блистонщик. Нужно же кому-то крутить Дом.

— Не думаю, что его нужно крутить с помощью глобальных ракет.

— Не понял.

— Нортон — специалист именно по глобальным ракетам, недавно оставивший работу в военно-промышленном комплексе.

— Неужели ты считаешь...

— Я считаю только будущие прибыли и убытки,

— Если он украдет Дом, мы потеряем около восьми миллиардов ежегодно. Не считая его номинальной стоимости.

— Как бы мы не потеряли больше. Ты понимаешь, о чем я думаю?

— А заманчиво все-таки стать владыкой мира. Я бы не возражал.

— Какой ценой? Если Доминик выигрывает, выгодно нам это или невыгодно? Мы и так контролируем экономику тридцати восьми стран. А что начнет Доминик? Стирать их с карты. Строить свои Дома в океане и загонять туда государство за государством. Начнет с Африки: там государств и народов как сельдей в бочке. Их — в океан, а континент — в джунгли. Так выиграем мы или проиграем?

— Наши капиталовложения в Африке — это несколько десятков миллиардов.

— Более полусотни.

— А переселение народов — процесс длительный. Доминик, конечно, наобещает нам миллионы акров плантаций и даровую рабочую силу, но его демографические забавы — это игра.

— Игра хороша, если беспроигрышна. Есть еще и социалистическая система, а там сложа ручки сидеть не будут. Нет, Хен, даже с блистоновой бомбой мы не вернем всего, что потеряем.

— Тогда надо действовать.

— А может быть, сначала проверить? Скажем, через агентство Хаммера. У них дельные ребята.

— Не будем множить число самоубийц, бросившихся в океан с ведома Педро Лойолы. Есть и другие средства. Сенаторы, например. Половина подержит нас, если понадобится.

— Тогда подумаем. Еще есть время.

П о л е т т а. Как это их свободно выпускают отсюда после таких откровений?

Ф р э н к. Доминик показывает, что его уже ничто не пугает.

М а й к. Сейчас вы узнаете почему.

Лабард и Лойола.

— Остались считанные дни. Реклама самой дорогой встречи Нового года должна быть усилена. Нажимай все кнопки: газеты, радио, телевидение. Воскреси старомодные «сэндвичи» на улицах, листовки с вертолетов, кинорекламу на крышах. Пусть все и везде кричит: Новый год, Новый век, Новое тысячелетие! Где самая фешенебельная, самая дорогая встреча? В Доме! Я хочу собрать здесь всех мультимиллионеров Мегалополиса. В час ночи я им преподнесу ультиматум.

— Это копия.

— Наметанный глаз. Подлинник пошлем в ООН.

— Третий экземпляр я возьму себе в сейф. Кстати, кто печатал?

— Диктофон.

— Не доверяешь Полетте?

— Чем меньше людей знают об этом, тем лучше для дела.

— Когда будет нанесен первый удар?

— В полночь. На рубеже веков.

— К одиннадцати у Нортонна все будет готово.

Д ж о н н и. Хорошо бы узнать текст ультиматума.

М а й к. Беру на себя.

Д ж о н н и. У Лойолы сейф с электронным замком.

М а й к. А у меня электронная отмычка.

П о л е т т а. Надо спешить, мальчики.

Д ж о н н и. У меня все готово. У них — к одиннадцати, у нас — к десяти.

Ф р э н к. Не забывай о полиции. Они могут поставить охрану раньше.

Д ж о н н и. Я никого не пушу в диспетчерскую. Есть специальное распоряжение Лойолы: все приказы только от него и только по видеофону. У Майка тоже. Кстати, нас не собираются заменять перед акцией.

М а й к. Откуда ты знаешь?

Д ж о н н и *(загадочно)*. Знаю.

М а й к. Ну а сейчас все узнают.

Лойола и Джонни.

— Я вас слушаю, сэр.

— К сожалению, только неприятное, Джонни.

— Я готов, сэр.

— Вы не будете встречать Новый год, Джонни. Вы будете работать.

— С повышенной оплатой, сэр?

— В три раза.

— Возражений нет. Жду инструкций.

— Вы знаете, конечно, о существовании грузового лифта «даблью»?

— Запломбированного? Конечно.

— Вы сорвете пломбу и подымете его по первому сигналу лампочки. За минуту получите мой личный приказ.

— Есть опасность?

— Какая?

— Но лифт «даблью» спроектирован только для подъема грузов на уровень причала сверхкраулеров. В случае опасности, сэр.

— Вы не в курсе, Джонни. Лифт «даблью» подымет на верхнюю площадку Дома.

— Но...

— Никаких «но». Я приказываю — вы подчиняетесь. И не проявляйте излишнего любопытства, как не проявляет его Майк. Могу сообщить вам обоим, что я доволен вашей работой. Можете идти.

Ф р э н к. Что это за таинственный лифт?

Д ж о н н и. Понятия не имею. Он с основания Дома запломбирован.

П о л е т т а. А я догадываюсь. Он выведет ракету на смотровую площадку.

Д ж о н н и. Не выведет.

М а й к. Ты сорвешь пломбы?

Д ж о н н и. Не только. Заблокирую авторешетками все выходы с подводных уровней.

П о л е т т а. Да благословит вас Бог! Это я по старой привычке, простите. Воспитывалась у католичек.

М а й к. Охотно прощаем, девочка.

Глава 8

В СЕЙФЕ ЛОЙОЛЫ

Осталась всего неделя до встречи Нового года, самого страшного года в нашей судьбе.

Вернее, он мог быть таким.

Ожидание — всегда нервотрепка. И когда ждешь окончания дела, исход которого беспокоит, или приговора врача, или просто свидания с девушкой, на которое она опаздывает, и ты не отрываясь следишь за бегом минутной стрелки, сердце бьется все чаще с каждой секундой. А мы были в цейтноте, когда ход противника требовал немедленного ответа.

Противник записал ход, но мы не знали его. Запись хранилась где-то у Доминика и в сейфе Лойолы. Текст ультиматума, который должен был зачитать Лабард после боя часов, возвещающего пришествие нового века. Более полутора тысяч гостей ожидалось на этой встрече, и каждое слово ультиматума должно было встать костью в горле, которую не запьешь коньяком или шампанским.

Мы все подготовили, все рассчитали, как шахматный этюд. Никакие ракеты с боеголовками не поды-

мутся наверх ни в десять, ни в одиннадцать часов, блистоновый «пистолет» Лабарда не выстрелит, и человечество может оставаться спокойным: новый век придет тихо и торжественно, как Санта-Клаус, не разбив ни одного бокала на столиках в гостевом салоне владельцев Дома. Десять сенаторов и шесть губернаторов, генеральный прокурор Мегалополиса и два министра, сотня миллиардеров и более тысячи миллионеров будут мирно звенеть бокалами и кричать: «Хэлло! Ура! Желаем всем счастья и процветания в новом столетии!»

Но что произойдет через час, через два, когда связь будет восстановлена, лифты пущены, а наши трупы будут дожевывать акулы, шныряющие вокруг седьмого чуда уходящего века? Нас только четверо, а «иезуитов» Лойолы сотни на каждом этаже. Мы можем радировать во все газеты мира о том, что ждет человечество, мы можем вызвать подводный флот десятка держав, а «пистолет» Лабарда успеет выстрелить, уничтожив полмира. Мы можем убить Лабарда и Лойолу до последней полуночи года, но вдруг окажется, что ультиматум Доминика был новогодней шуткой, и мы все четверо сядем на электрический стул.

Не зная ультиматума, мы не могли действовать; не зная, что происходит в подводных этажах Дома, мы не могли пугать человечество. Короче говоря, мы не могли двинуть ни одной фигурой, пока противник не объявит записанный ход.

Следовательно, мы должны были найти и продиктовать миру текст ультиматума за несколько часов до того, как он мог быть прочитан одновременно с вырвавшейся в небо ракетой. Этому и было посвящено наше последнее совещание во время очередной «партии в бридж» за неделю до Нового года.

— Может быть, мы сделали ошибку, не создав массовой оппозиции заговору? — с сомнением высказался Майк.

— Глупости! — сказал Джонни. — ~~Создать~~ агитационный комитет, искать ущемленных и недовольных — у нас ушли бы на это месяцы, а может, и годы. При наличии электронного сыска Лойолы ни один разговор не остался бы неподслушанным. Кто-нибудь попался бы через два дня, и весь наш заговор лопнул бы, как мыльный пузырь. Роджер не зря бежал: его уже фактически выследили.

— Джонни прав, — согласился Фрэнк, — у нас единственный выход — уничтожить Доминика.

— Остается Лойола.

— Начнем с Лойолы.

— Не с Лойолы, а с поисков текста ультиматума, переданного ему Домиником, — сказала Полетта. — Майк взял это на себя еще две недели назад.

— Но Лойола никуда не выходит.

— А как же он общается?

— Только по видеофону.

— Может, «потрогать» Доминика?

— Займет слишком много времени. Я не знаю, где он хранит секретные документы.

— Тогда в открытую, — сказал Джонни. — За два часа до встречи, когда связь и лифты будут выключены, атакуем Лойолу. А там видно будет.

31 декабря газеты, мелькая шапками на всю полосу: «Самая дорогая встреча Нового года», «Короли биржи и банков в новогоднюю ночь над океанской пучиной», «Миллионы и миллиарды в гостях у гения нашего времени», валялись на полу под ногами. Майк ожесточенно топтал их, отмеряя шагами окружность диспетчерской. Связь он только что выключил. Ни один телевизор, ни один видеоскоп не осветится, хоть сотни раз нажимай кнопки. Не откликнется ни телеграфная, ни радиосвязь с континентом. Ни одно приказание не сможет быть передано по этажам.

Майк знал, что одновременно остановились все лифты и эскалаторные дорожки. Только «мгновенники», доставляющие гостей на четырехсотый этаж, ждали своей очереди. Лестницы же от подземных этажей, до трехсотпятидесятого уровня, откуда начинались диспетчерские промышленных функций «Хаус Оушен компани», были автоматически перекрыты стальными решетками, которые нельзя было ни пробить, ни взорвать.

Ровно в десять в диспетчерской появились Фрэнк, Полетта и Джонни.

— Все готово, Майк.

— Все. Только боюсь, что это обнаружится в ближайшие полчаса.

— Мы уже двенадцать раз это обсуждали. Обнаружится так обнаружится. Встретим.

— Хорошо, что Доминик лег спать и просил его не беспокоить, — сказала Полетта.

— Зато Лойола бодрствует, — зло усмехнулся Майк.

— Тем лучше: будить не придется.

Они вышли вместе. Подняться надо было всего на один пролет лестницы. Никто не встретился.

— Где же «иезуиты»? — удивился Майк.

— Вызваны на четырехсотый этаж. Туда уже съезжаются гости, — пояснил Джонни.

Белые пластиковые двери Лойолы, как всегда, были закрыты. Майк молча извлек свою электронную отмычку и почти мгновенно открыл замок. Два гиганта-охранника бесшумно выросли в коридоре, но струя газа из крохотного пистолета Фрэнка так же бесшумно бросила их на ковер. Высокий ворс его погасил звук падения тел. Холл перед кабинетом был пуст, а дверь открыта. Лойола, не ожидавший визитеров, суетился у панели с кнопками связи и транспорта и даже головы не поднял, когда в кабинет вошли все четверо.

— Бросьте, Лойола, — сказал Джонни, подошедший ближе, — не тратьте сил. Все выключено.

— Как — выключено? Кем выключено? — крикнул Лойола, все еще ничего не понимая, но руки его уже машинально шарили в приоткрытом ящике стола в поисках оружия.

— Руки на стол, — потребовал Джонни.

Но Лойола уже успел выхватить пистолет. Майк, ближе всех находившийся на линии выстрела, мог стать первой жертвой — трусом Лойола не был. Майк не прочел в его глазах страха — только мгновенное осознание того, что произошло и может произойти. Да, трусом Лойола не был, но он не был слишком проворным. Поворот перстня Майка предупредил неминуемый выстрел. Струя того же газа, которым был заряжен и пистолет Фрэнка, ударила кардиналу «иезуитов» в лицо. Эффект был мгновенным — тело Лойолы мешком сползло с кресла.

Полетта стояла отвернувшись, но ее не упрекали, девушке не к лицу было заниматься «мужским» делом. Джонни и Фрэнк не церемонясь вытащили грузное тело Лойолы из-под стола и щелкнули наручниками. Теперь его безвольные руки оказались скованными.

— Вы убили его? — хрипло спросила Полетта.

— Разве его убьешь? — усмехнулся Фрэнк. — Полежит пару часов и очнется в наручниках. Да и Новый год, пожалуй, встречать не будет: мускулы ослабнут, не встанет.

А Майк тем временем уже возился со своей отмычкой у сейфа. Сначала отмычка вращалась быстро и Майк только отмечал на диске, какие цифры вспыхивали. Составив число, он снова пустил в ход отмычку, передвинув в ней какие-то штифтики, и замок сейфа мягко щелкнул, обнаружив содержимое «тайного тайных». Поверх кипы бумаг лежал всего один лист, отпечатанный на диктофоне, но он-то и

был нужен им как самая крупная драгоценность в мире.

— «Дорогие дамы и господа, — начал читать Майк дрожащим от волнения голосом, — вот мы уже подняли и выпили свои бокалы за Новый год, Новый век и Новое тысячелетие. Пробили часы. И одновременно с последним, двенадцатым боем ушла в небо первая ракета с верхней площадки Дома. Первая ракета с блистоновой боеголовкой. Не удивляйтесь и не трепещите. Я не признавал и не подписывал договора о запрещении блистонового оружия. Правда, у меня нет государства, но есть Дом с трехмиллионным населением, который сильнее любого государства и неуязвим для пушек, ракет и бомб. И он может войти в ООН, скажем, на тех условиях, как административный округ Колумбия со столицей Вашингтон входит в состав Соединенных Штатов Америки. Ни одно государство не сможет помешать мне, потому что моя первая ракета с блистоновой боеголовкой уже стерла с карты земного шара часть суши, равную половине Европы. Это не очень важная часть для человечества — я гуманен и выбрал для первого удара Гренландию, где много льда и не так уж много человеческих жизней. Но второго удара человечество не допустит: какое государство отважится на самоубийство? Так будет объединен мир, единоличным главой которого стану я, новый мир без войн и границ, без классовой борьбы, забастовок и демонстраций. Когда-то нечто подобное провозглашал Гитлер, но был он мал и ничтожен. Теперь историю пишу я, и мое перо легко вычеркнет коммунизм и социализм, а судьбу человека будет определять по аппетитам его, по силе его, по способностям приложить эту силу к достижению доступных ему высот. Будут сверхлюди и просто люди и недочеловеки, высшие и низшие расы, господа и рабы. Многие из вас будут мне аплодировать — я

уже вижу сенатора Бультивелла и двух губернаторов с восторженно поднятыми руками, — и я не обману ваших надежд. Кое-кто пострадает, конечно. Грэгг и Хенесси потеряют миллиарды Дома, но я отдам им английские и бельгийские рудники в Африке, и они простят мне эту экспроприацию. Смирятся и Белый дом, и Уайтхолл, и Кремль, потому что мое маленькое государство уничтожить нельзя, а я могу уничтожить полмира».

— Мы угадали, — сказал Фрэнк, — он начал с Гренландии.

— Не начал, — сказал Джонни. — Начнем мы.

Глава 9

КОНЕЦ ДОМИНИКА

Майк спустился в диспетчерскую и, включив внешнюю радиосвязь, передал следующую радиограмму: «ООН и всем правительствам мира.

Говорит радиостанция «Хаус Оушен компани». Готовится чудовищное преступление против мира и безопасности. На нижних подводных уровнях Дома уже давно фабрикуются втайне от трехмиллионного населения Дома ракетные боеголовки из блистона, запрещенные специальным соглашением всех государств, входящих в Организацию Объединенных Наций. Волею главы Дома инженера Доминика Лабарда первая ракета с такой боеголовкой должна быть выпущена сегодня после полуночи во время встречи Нового года на четырехсотом этаже. Одновременно Доминик Лабард огласит перед собравшимися свое обращение к ООН и правительствам всего мира».

Далее следовал изъятый из сейфа текст.

«Мы, группа противников заговора, — продолжал выстукивать открытым текстом свое обращение

Майк, — блокировали ракетную шахту Дома. В полночь блистоновая пушка не выстрелит. Полицейские резервации почти на всех этажах блокированы автоматическими решетками. Просим к утру прибыть инспекцию ООН для обследования блистоновых установок Дома. Инспекторов должен сопровождать охранный отряд на случай возможного сопротивления полиции, если блокировка казарм к тому времени будет снята. Начальник полиции Дома пока обезврежен и находится под арестом в своем кабинете».

Зажглась красная лампочка видеофона.

— Хорошо, что ты включил поэтажные связи, — сказал Фрэнк. — Здесь Грэгг и Хенесси. Мы вызвали обоих. Передай по радио от их имени, что они присоединились к нам и поддерживают наше обращение.

Майк снова вышел в эфир, кратко сформулировав заявление владельцев Дома. Закончив, тяжело вздохнул и опустил руки, как боксер между двумя раундами. О том, что было сделано, он уже не думал: оно отняло все помыслы, желания и силы. Тянулась цепочка ненужных мыслей: хорошо бы выпить чашку кофе с ликером, пришить оторванную пуговицу на рукаве, отстричь загнувшийся на мизинце ноготь. Когда Майк поднялся наверх, то никого не увидел: яркий свет ослепил его — у него в диспетчерской было темно, — и лица людей, ожидавших его в кабинете Лойолы, казалось, плавали в тумане, подсвеченном невидимыми «юпитерами». И первое, что он услышал, было жалобное восклицание Полетты:

— А ты поседел, Майк. Спереди совсем белый.

В никелированной поверхности сейфа отразилось уменьшенное лицо Майка с серебряной, точно припудренной, набегающей на лоб прядью волос.

— Вы герой, мистер Харди, — слышал он голос Грэгга и наконец-то разглядел американца. — Чтобы предотвратить такое бедствие, нужно обладать не только умом, но и рыцарской храбростью.

«Еще бы, — зло подумал Майк, — сохранили тебе восемь миллиардов годового дохода».

— Я же был не один, — сказал он лениво.

Говорить не хотелось: в глазах мелькало видение ракеты с блистоновой боеголовкой — что-то длинное и сверкающее, как башня в пламени.

— Мы оценим всех, — торжественно произнес Грэгг, — только бы вовремя прибыла инспекция ООН.

— При чем здесь инспекция ООН? И вообще, что, собственно, происходит? Я пришел сюда по трупам охранников, — раздался гневный голос с порога.

В дверях, как изваяние, стоял разъяренный Лабард в белом парадном смокинге.

— Они живы, — сдержанно ответил Фрэнк. — Временный транс.

Но Лабард не сдерживался, он еще ничего не понимал.

— Почему стоят лифты? — закричал он, заметив Джонни.

— Лифты без перебоев доставляют прибывающих гостей на четырехсотый этаж, — отбарабанил Джонни.

— Я спрашиваю о лифтах вообще. По какому приказу они остановлены? И вообще, почему вы здесь? Где Лойола?

Джонни не требующим пояснения выразительным жестом указал на ковер, где со скованными руками лежал кардинал «иезуитов».

— Мертв? — воскликнул Лабард.

— Очнется, — равнодушно заметил Джонни.

— Вы проиграли, Доминик, — сказал склонный к патетике Грэгг, — мы уже ознакомились с вашим ультиматумом, знаем все о готовящемся преступлении и благодарны людям, сумевшим ему помешать.

Доминик сделал шаг назад, к открытой двери.

— Не трудитесь, Лабард, — остановил его Джонни. — Все этажные перекрытия заблокированы. Все

лифты, кроме гостевых, остановлены. Хотите вызвать полицейских — вы найдете лишь тех, которые дежурят в банкетном зале. А они подчиняются только приказам Лойолы.

— Что вы говорили здесь об инспекции ООН? — спросил Доминик.

— Мы вызвали ее к утру проверить ваши блистовые установки на подводных уровнях, — сказал Фрэнк и, подойдя вплотную к Доминику, тихо добавил: — Ваши руки, сэр, если не хотите насилия.

Еще раз мягко звякнули наручники.

— И ты, Фрэнк? — вздохнул Лабард.

— И он и я, — откликнулась Полетта. — Вы ма-
ньяк, Доминик. Называть вас отцом — значит оскорбить память наших действительных родителей. Вы преступник, чудовищный, хладнокровный, безжалостный.

— Как и те, которых когда-то судили в Нюрнберге, — прибавил Фрэнк.

К нему присоединился и до сих пор молчавший Хенесси:

— Вас тоже будет судить международный суд, Доминик. И я, как юрист, могу вам сказать, что ни один адвокат не поможет вам ускользнуть от петли. Мне страшно подумать, чем кончилась бы начатая вами мировая война.

— Жаль, — сказал Лабард. — До войны, пожалуй, дело бы не дошло. Но я проиграл, вы правы. Не посмотрел, что у противников на руках все четыре туза: ум, расчет, связь и транспорт. — Он усмехнулся. — Гордитесь: вы почти победили непобедимого Лабарда.

— Почему «почти»? — удивился Джонни.

— Побеждать нужно живых... — Лабард не закончил, поднял скованные руки к лицу, проговорил: — Это старомодно, но по-прежнему надежно, — и надкусил уголок манжета сорочки.

Джонни рванулся к нему, но не успел: Лабард вздрогнул, дернулся и, не сгибаясь, упал на ковер.

— Идиот! — простонал Джонни. — Это я идиот. Не сообразил.

— Мы все не сообразили, — сказал Фрэнк. — Но, может быть, так и лучше...

Никто не смотрел на Доминика. Никто не подошел к нему, не нагнулся над ним. Только Джонни сказал, неловко скривив губы:

— Наручники, пожалуй, придется снять, — и снял их, не прикасаясь к телу.

— Я думаю, до прибытия инспекции и полиции из Штатов нам ничего не нужно трогать в этой комнате, — деловито проговорил Хенесси. — Врач не потребуется ни ему, ни Лойоле — тот все равно останется до утра в таком состоянии: я знаю действие этого газа. Надо закрыть комнату и уйти.

— Хен прав, — сказал Грэгг и взглянул на часы, — без десяти двенадцать: попадем как раз вовремя. Хозяева Дома должны обязательно быть на банкете, и встреча Нового года должна пройти не омраченной даже намеком на то, что произошло в этой комнате. Вам, Харди, придется принести себя в жертву и остаться в радиобудке для связи с миром, если возникнет необходимость отвечать на многочисленные радиозапросы о случившемся. Я думаю, что уже сейчас нас вызывают отовсюду, а радио Дома молчит. Поэтому поспешите. Лифты, я полагаю, кроме гостевых, можно не включать до утра. Тех из вас, кто хочет встречать Новый год в общем зале, я приглашаю к столу, но у кого возникнет желание остаться в диспетчерской вместе с Харди, я, естественно, не возражаю — все для праздника будет им обеспечено. Но всем нам до утра пригодится и сдержанность, и умение сохранять спокойствие в любой ситуации.

Так закончился этот последний и самый страшный день в уходящем году.

Глава 10

ИЗ ДНЕВНИКА МАЙКА ХАРДИ

Третья и последняя запись

Мы с Полеттой уезжаем в Англию. Дом получил статус города, и мэром единогласно избран Фрэнк. Директором всех коммерческих предприятий Дома назначен Джонни. А вместо находящегося под следствием Педро Лойолы прибыл бывший начальник полиции штата Нью-Джерси.

Мне не пришлось платить неустойку. Напротив, мне предложили премию в сумме моего годового оклада. Я отказался: не хочу ничем быть обязанным администрации Дома.

— Мне жаль отпускать вас, Харди, — сказал Грэгг, — не понимаю вашей неуступчивости. Может, все-таки передумаете?

— Нет, мистер Грэгг, не передумаю. Я устал — слишком много пережито. Вы помните: я приехал сюда брюнетом, а уезжаю почти седым.

— Вы можете возглавить наше отделение в Англии?

— Предпочту небольшую, хорошо оборудованную лабораторию с ассистентом в лице Полетты.

— Я, между прочим, так и не догадался о ваших отношениях, — усмехнулся он.

Я тут же отреагировал:

— Мы, англичане, как вы и сами заметили, умеем быть сдержанными в своих чувствах.

С Джонни мы расстались по-дружески, осушив две бутылки мартини, но, в общем-то, без особых сожалений и угрызений.

Прощание с Фрэнком было иным.

Мы стояли на внешнем парковом поясе Дома над океанской далью, уплывающей в сумерки. Глубоко под нами шумели волны.

— Ты можешь гордиться единодушным избранием, Фрэнк, — сказал я.

Он усмехнулся:

— Чем тут гордиться? Правые элементы в руках Хенесси и Грэгга. Левые всегда бы меня поддержали. Ты не знаешь одного, Майк: даже без помощи Джонни ракета Доминика все равно бы не вышла с боеголовкой. Накануне ее заменили.

— Кто?

— Нашлись и у меня единомышленники на блистоновых установках.

Я посмотрел ему в глаза: он улыбался откровенно и многозначительно.

— Странно, Фрэнк, — сказал я, — ты же всегда говорил о рабочей аристократии Дома и о невозможности избавиться от электронного сыска.

Он не смутился.

— Это Роджер говорил, а не я. А кроме того, не всегда и не всем можно говорить то, что знаешь. Даже среди рабочей аристократии может найтись горсточка настоящих людей. Главное сделано, а за годы моего правления надеюсь сделать еще больше. Без боеголовок, ракет и электронного сыска. «Иезуиты», думаю, нам тоже не понадобятся, а хозяйские аппетиты можно будет и подсократить.

— Едва ли это обрадует Хенесси и Грэгга, — заметил я.

— А ты оболещен их доверием?

— Не оболещен, но удивлен, пожалуй, что они не поддержали Лабарда.

— Из благороднейших побуждений, из любви к человечеству, да? Нет, мой милый, из трезвого экономического расчета. Ты же сам записал их разговор. Игра хороша, если беспроигрышна. А в игре Лабарда было слишком много риска и авантюры. Рулетка. Не для солидных, обеспеченных ставок. Конечно, американские «ультра» охотно возвели бы

Доминика на мировой престол, но трезвых голов на американском финансовом Олимпе все-таки больше. И они, эти трезвые головы, как и Грэгг с Хенесси, могли бы точно подсчитать: смирится ли мир с угрозой Лабарда? Нет, не смирится. Есть и разумные руководители наций, есть, наконец, социалистическая система, и блистоновые бомбы изготовить там тоже сумеют. Кстати, и скорее и больше. Да и так ли уж неуязвим Дом? Пробовали массированные воздушные налеты? Нет, не пробовали. А вдруг попробуют и прорвут где-нибудь защитный ионный барьер? Под водой еще проще. Там одной торпеды с блистоновой начинкой достаточно, а взрывная волна сметет все восточное побережье Мегалополиса. Хен с Грэггом все, несомненно, продумали, подсчитали и учли. И не такие уж они ангелочки, чтобы тревожиться о судьбах человечества. О своих миллиардах они тревожились и нас покупали, чтобы их сохранить. Только ничего у них не выйдет.

— Отнимете?

— Отнимем. Два-три миллиарда они потеряют наверняка. Мы создадим профсоюзы, отменим кабальный кредит, поломаем всю электронику сыска и добьемся снижения цен до континентального уровня. И учти, что все это только начало.

Я вспомнил мечту Лабарда о его демографическом рае.

— И ее на свалку дурных воспоминаний? А не просчитаетесь?

Фрэнк предпочел не заметить иронии.

— Почему воспоминаний? Гигантские дома-города на воде уже и сейчас строят. В Средиземном море на острове, откупленном французским правительством у наследников миллионера Онассиса, на Змеином острове против устья Дуная по проекту советских и румынских инженеров. И Хенесси с Грэггом скоро раскошелятся — не захотят отставать. Невы-

годно? Вздор. Производство городов в океане вскоре станет одним из наивыгоднейших капиталовложений. Только строить будут «по потребности», в зависимости от угрозы перенаселения. А старые города, конечно совершенствующиеся во времени, могут преспокойно оставаться на земле в положенных им границах, и незачем сгонять все человечество на воду. Земля была и будет его кормилицей, и противоестественно превращать ее в охотничьи джунгли. Это бред, и Лабарда следовало поправить заблаговременно. Но кто знал?

Мне стало грустно оттого, что я теряю этого нового, так недавно и неожиданно раскрывшегося передо мной человека. Я бы кое-чему у него научился.

— Ты и так научился, — сказал он. — Практически. А теоретически подучит Полетта. Тут она помудрее меня.

Я усомнился: где мне! Не то мышление, не то воспитание.

— Ты Полетты не знаешь, — сказал он многозначительно. — Пройдет год-два, и «тихая» лаборатория покажется тебе тюремной камерой. И сбежишь ты, мой милый, к старине Фрэнку вместе с Полеттой.

Как говорят в таких случаях: он словно в воду смотрел.

В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Олег устал. Выбрался наконец на узкую просеку, перекрытую черно-белым шлагбаумом поваленной березы. Еще полчаса — и он дома. Остановился, закурил, пряча в ладонях синий огонек зажигалки.

Моросящий с утра дождь вдруг кончился или, вернее, прекратился, прервался — на час, на день?

Олег откинул промокший капюшон штормовки, сел на поваленный ствол, с наслаждением затянулся кислотатым дымом «Памира». В радиусе ста километров не было лучше сигарет, да и зачем лучше? А пижонская Москва с ее «кентами» и «пэлмэлами», далекая и нереальная Москва — не более чем красивое воспоминание о чьей-то чужой жизни. О жизни веселого парня по имени Олег, который вот уже четвертый год учит физику в МГУ, любит бокс, и красивую музыку, и красивые фильмы с красивыми актрисами, и не дурак выпить чего-нибудь с красивым названием...

Ах, как красива жизнь этого парня, как заманчива, как увлекательна! Позавидуешь просто...

Олег сидел на мокром стволе, курил «Памир», заглядывал потихоньку. Дождь опять заморосил, надолго повис в красно-желтом, обнаженном лесу: холодный октябрьский дождь в холодном октябрьском лесу. Октябрь — четвертый месяц практики. Еще две недели — и нереальная Москва станет родной и ре-

альной. А призрачным и чужим станет этот лес на Брянщине, сторожка в лесу, до которой полчаса ходу, и старковский генератор времени, так и не сумевший прорвать барьер между днем сегодняшним и вчерашним, непреодолимый барьер, выросший на оси четвертого измерения.

Олег усмехнулся забавному совпадению: четвертый месяц четверо физиков пытаются пройти назад по четвертому измерению. Если бы изменить одну из «четверок», может быть, и удалось бы великому Старкову доказать справедливость своей теории о функциональной обратимости временной координаты. Но великий Старков, отягощенный неудачами и насморком, не верил в фатальность цифры «четыре», сидел в сторожке, в который раз проверяя расчеты. Бессмысленно, все бессмысленно: расчеты верны, теория красива, а временное поле не появляется. Вернее, появляется — на какие-то доли секунды! — и летят экраны-отражатели, расставленные по окружности с радиусом в километр, а центр ее — в той самой сторожке, где сейчас сопит злой Старков, где Димка и Раф продолжают бесконечный (почти четырехмесячный!) шахматный матч, куда Олег доберется через полчаса, не раздеваясь, плюхнет на раскладушку и... сон, сон до утра, тяжелый и крепкий сон очень усталого человека.

Настройку экранов выверяли по очереди примерно два раза в неделю. Два пи эр — длина окружности с радиусом в километр, — шесть с лишним километров, да еще километр туда и километр обратно, и по сорок минут на каждый экран: вот вам пять потерянных часов от обеда до ужина. И так — четвертый месяц...

Олег выкинул окурочек, надвинул капюшон, зашагал по мокрому ковру из желтых опавших листьев, по мокрой черной земле, по лужам, не выбирая дороги. Все равно всюду как в песне: «Вода, вода, кругом вода». И холодные капли — по лицу, и в сапогах подозритель-

но хлопает, и если у Старкова насморк, то Олег давно уже должен схватить воспаление легких, тонзиллит, радикулит и еще с десятков болезней, вызываемых чрезмерным количеством падающей с неба и хлопаящей под ногами воды.

Они сами вызвались поехать со Старковым, никто их не заставлял, не уламывал. Однажды после лекций Старков подозвал их и спросил как бы между прочим:

— Куда на практику, ребята?

— Не знаю, — пожал плечами Олег. — Может быть, в Новосибирск, в Институт ядерной физики...

— Стоит ли... — Старков поморщился. — Проторенная дорожка.

— А где непроторенная?

— Хотя бы у меня...

Это не было самодовольным хвастовством: Старков имел право так говорить. Что ж, он поздно начал: помешала война. В сорок втором семнадцатилетним мальчишкой ушел в партизанский отряд, а в сорок пятом, уже майором действующей армии вернувшись из Берлина, поступил на физфак в МГУ. Вот так и шел в науке — с опозданием на четыре военных года (опять «четыре»: ну куда не уйти от этой цифры!), аспирантура, кандидатская, потом лет десять молчания и — блестящая докторская диссертация, в которой он приоткрыл тайну пресловутой временной координаты. Двумя годами позже он уже теоретически обосновал ее, прославив свое имя в скупом на восторги мире физиков. И снова молчание: Старков разрабатывал эксперимент, которым хотел подтвердить теорию, казавшуюся почти фантастикой.

Потом уже, когда они ехали в Брянск, погрузив на железнодорожную платформу генератор и детали экранов-отражателей, Старков объяснил причину своей таинственности:

— Кое-что готово, а что — неизвестно. Не хочу раньше времени будоражить ученую братию.

Не получится — смолчим, спишем на «первый блин»...

«Первый блин» и вправду получился комом. Старков мрачнел, орал на ребят, но, кажется, смирился с неудачей.

— Вернемся в Москву — доработаем. Идея верна, а где-то спотыкаемся. Помозгуем зимой, а будущим летом опять сюда. Идет?

— Идет, — мрачно говорил Олег. — Куда ж мы теперь от вас денемся...

Деваться было некуда: намертво затянуло. Казалось, они не хуже самого Старкова разбирались в теории обратного времени, что-то сами придумывали, что-то считали.

— Не зря я вас в эту аферу втянул, — радовался Старков. — Кажется, толк из вас выйдет.

— А диплом? — горячился Димка. — У нас диплом на носу!

— Считайте, диплом готов: осталось только сесть и написать — плевое дело...

У него все было «плевым делом»: пересчитать режим работы генератора, определить параметры поля, настроить экраны.

— Раз-два — и готово! Не унывайте, парни: все пули — мимо нас...

Дурацкая поговорка, оставленная партизанским политруком Старковым физику Старкову, казалось, решала любую проблему. «Все пули мимо нас!» — значит, все уладится, все будет «тип-топ». Он просто заражал своим бешеным оптимизмом даже там, где и повода для него не было. Иной раз Олег ловил себя на мысли, что потихоньку превращается в этакого бодрячка пионера: «Все мы горы своротим, если очень захотим». Понимал бессмысленность этого ничем не оправданного оптимизма, понимал отлично, но противостоять ему не мог.

Есть такой термин: гипноз личности. Так вот, личность Старкова была настолько «гипнотична», что для

сомнений просто не оставалось места. А честно говоря, и времени: работа съедала весь скудный запас, отпущенный человеку в сутки минус восемь часов на сон.

Олег усмехнулся: а что же еще придумать можно? Кино в лесу нет, танцев тоже. Ближайшее село — семь километров пешкодралом. Летом эти семь километров не раз одолевали: посмотреть фильм в клубе или просто вспомнить, что есть на белом свете кое-что, кроме леса и физики. «Лесной физики», — шутил Старков. Он и лесное захоlustье это выбрал потому, что когда-то здесь воевал. Село, куда они бегали в клуб, было тогда центром, где встречались связные, откуда уходили депеши на Большую землю и где даже староста был партизанским выдвиженцем. Какая погода стояла тогда, Олег не знал, но теперешняя была более чем несносна. Такие условия жизни должны приравниваться к особо трудным, тут не обойтись без повышенных коэффициентов, всяких там «колесных», «северных» — и пол-литра молока ежедневно за вредность.

За молоком ходили по очереди в то же село — раз в неделю. За молоком, за картошкой, за хлебом, за мясом и так далее по прейскуранту местного сельпо. Прейскурант был невелик, приходилось кое-чем разживаться у колхозников: четырех отшельников уважали здесь за стойкость и «непонятность»; жалели и всегда охотно им помогали.

За четыре месяца они, пожалуй, перезнакомились со всеми в деревне, благо и дворов тут было немного — десять или двенадцать. Олег подумал, посчитал в уме, вспомнил: точно, двенадцать дворов, сельпо и маленький клуб с киноустановкой — вот и все. Центральная усадьба колхоза располагалась подальше, километрах в пяти от села. Что и говорить, там и магазин был получше, и людей побольше, да только физики туда не забирались. Далеко и смысла нет. А продукты — вот они, полон лес. Бери ружье и стреляй. У Олега была старенькая тулка. Димка щеголял дорогой ижевской

двустволкой. Старков владел истинным сокровищем — карабином. А Раф охоты не признавал.

— Я в душе вегетарианец, — говорил он. — У меня на Божью тварь рука не поднимается.

— Конечно, — язвил Димка, — вилку и нож ты ногой держишь. Эквилибрист...

Кстати об охоте: погода погодой, а завтра надо бы сходить пострелять, тем более что после перенастройки экранов Старков целый день новый режим считает. Значит, карабин даст. Да и как не дать: Олег стреляет «по мастерам», давно норматив выполнил. Старков сам не раз говорил:

— Ты у нас — супермен, брат. Тебе бы не временем, а конем управлять. С кольцом на бедре... Вон ту шишку видишь? Собьешь ее одним выстрелом?

Олег не отвечал, вскидывал карабин, прицеливался — бах! — шишка исчезала с ветки, где-то за деревьями падала на траву.

— Молодец, ковбой, — хвалил Старков. — Воевал бы здесь со мной — в отряде бы тебе цены не было. А посидим мы еще пару месяцев в этой глуши, полхлестче меня стрелять будешь.

Сам Старков стрелял мастерски, почти не целясь, навскидку, по любой мишени — птица ли, шишка или подброшенная в воздух бутылка из-под пива. Олег гнусно завидовал ему, но даже ради великой цели перещеголять шефа он не согласился бы на «еще пару месяцев». Хватит и двух оставшихся недель, насиделись. До будущего лета!

В том, что будущим летом они снова вернутся в лесную сторожку, Олег не сомневался. Зимой диплом по теме Старкова, работа на кафедре и в лаборатории. Надо бы экран усовершенствовать: кое-какие идеи у Олега имелись, правда, он еще не говорил о них шефу. А у самого Старкова идей полным-полна коробочка. Не исключено, что новый генератор — Старков явно не верит уже в этот ста-

рый! — заработает на другом принципе. Ну да ладно, не будем загадывать...

Олег выбрался на опушку леса к реке, свернул с просеки, двумя наезженными колесами убежавшей вдоль речки. Чуть в стороне, у некрутого обрыва, врос в землю бревенчатый дом. Олег прошел по мокрой траве к крыльцу, долго обтирал сапоги о ржавую железяку, прибитую к порогу, толкнул дверь в темные сени, с наслаждением сбросил намокшую штормовку, сапоги, в одних носках вошел в комнату.

Все было почти так, как он себе и представлял по дороге. Димка и Раф играли в шахматы, на столе у Старкова привычный беспорядок — исписанные листы бумаги, набор цветных фломастеров, логарифмическая линейка. Самого Старкова в комнате не было.

— Привет всем, — сказал Олег. — Поесть оставили? Димка передвинул ладью и сказал задумчиво:

— В кастрюле на печке... Ты чего так долго? Шеф уже плакался...

— О чем? — удивился Олег, торопливо поглощая полуостывший борщ.

— Боялся, что не успеешь проверить экраны.

— Почему такая спешка? Закончил бы завтра...

— Завтра — опыт. В восемь ноль-ноль.

— Опять?! — Олег даже поперхнулся от возмущения. — На том же режиме? Тогда пусть он сам экраны настраивает.

— Шах, — сказал Димка. — А вот так, так и так — мат... Настраивать не придется: режим пересчитан. У шефа — новая гениальная идея.

— Идея действительно неплоха, — сказал вежливый Раф. — Он нам рассказывал: ускоряем проход минус-вектора и выигрываем стабильность поля... А мата нет, Димка: ухожу конем на эф шесть.

Димка схватился за голову:

— Где конем? Откуда конь? Ах я дурак...

Олег понял, что от этих очумевших гроссмейстеров толку не добьешься, доел борщ и лег спать. Старый принцип, гласящий, что утро мудренее вечера, давно и прочно вошел в быт четырех «отшельников». Железный Старков требовал железной дисциплины, а подъем в шесть утра в эту осеннюю слякоть даже у примерного Рафа вызывал неудержимую сонливость.

Разве с нашим шефом поспоришь, думал Олег. Он если не убеждением, так силой заставит слушаться. Никакой демократии: тирания и деспотизм...

Потом он заснул, и ему снился дождь — мелкий, промозглый, мокрые листья на мокрой земле, низкое свинцовое небо и странный, словно стеклянный воздух, в котором луч света, как в призме, ломается пополам.

Глава 2

Луч света, сломанный пополам — признак возникшего временного поля, — они уже не раз видели наяву. Да что толку: поле возникало и мгновенно исчезало, выводя из строя экраны в километре от генератора.

— Сегодня все будет прекрасно, — сказал утром Старков. — У меня предчувствие такое...

— А вы не верьте в предчувствия, — мрачно пророчествовал Олег. — Вы в статистику верьте: точная наука.

— Ставлю тебе двойку, ковбой. Напомни по приезде — впишу в зачетку. Статистика требует абсолютно одинаковых условий эксперимента. А у нас каждый раз — иные...

— И каждый раз — стрельба в Божий день...

Старков не обиделся. Он и сам любил подтрунивать над своими студентами, а к незнанию был просто безжалостен: высмеивал, не думая о последствиях. А какие последствия могут быть? Есть у «жертвы»

чувство юмора — поймет, не полезет в бутылку. А нет, так и жалеть нечего.

— В физике ко всему нужно относиться с иронией, — любил говорить Старков, — так легче скрыть невежество и прослыть большим знатоком.

Он свято следовал этому принципу и относился с иронией ко всему, даже к собственным идеям.

— Что же касается предчувствий и пророчеств, — втолковывал он Олегу за завтраком, — то нам с вами верить в них просто необходимо. Ты историю вспомни, кто имел дело с Временем? Предсказатели, прорицатели, ясновидцы. И предсказываю: сегодня опыт удастся. Не верите? Посмотрим...

И кто его разберет, шутил он или верил в свои предчувствия. Да Олег уже и не пытался разобраться в этом. Посмотрим, сказал Старков. Что ж, посмотрим...

Они стащили с генератора полихлорвиниловый чехол, выверили индикаторы, подключили питание. Старков долго устанавливал настройку поля, то и дело сверяясь с записями. Потом Димка — эту почетную обязанность он с первого дня присвоил себе — торжественно зажег электрический фонарик, направив его луч туда, где должно было родиться поле обратного времени, развернуться, захватив все пространство между экранами, расставленными в лесу, и — если повезет, конечно, — продержаться хотя бы минуту: это уже будет победа!

— Готов, — сказал Димка хрипло, и Олег подумал, что он волнуется: кажется, и вправду поверил в предвидение шефа.

— Поехали, — скомандовал Старков и включил генератор.

Стрелка на индикаторе напряженности поля дрогнула и медленно качнулась вправо.

— Только бы задержалась, — умоляюще прошептал Раф.

И стрелка послушалась: застыла на секунду на первом делении шкалы, опять дрогнула и уверенно поползла вправо. Тонкий лучик карманного фонаря вдруг согнулся под тупым углом, ткнулся в пол.

— Есть поле, — снова прошептал Раф, и Олег оборвал его:

— Подожди. Смотри...

Оглушительно — так казалось Олегу — тикал секундомер: десять секунд, двадцать, пятьдесят... И случилось невероятное: луч фонаря медленно передвигался по полу, пока не вернулся в исходное положение — параллельно земле, но стрелка на шкале осталась на месте — на красной черте, говорящей о том, что поле стабилизировано.

Первым пришел в себя Старков. Нарочито равнодушно достал сигарету, закурил, сказал презрительно:

— Кто-то здесь не верил в предвидение. Не передумал?

Но Олег не желал играть «в безразличность», не сдержался, стиснул Старкова в объятиях:

— Вы знали, знали, да?

— Откуда? — отбивался Старков. — Отпусти, сумасшедший!

Но на нем уже повисли и Димка, и Раф, подхватили его, подбросили, подкинули еще раз. Они орали что-то нечленораздельное, бесновались, приплясывали. А стрелка по-прежнему прочно держалась на красной черте.

— Ну все, — удовлетворенно сказал Старков, вырвавшись наконец из восторженных объятий своих «подданных». — «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». «Броня крепка, и танки наши быстры». Пойте, мальчики, ликуйте. Сегодня вечером объявляю большой бал-маскарад.

— В честь события skleю вам маску Мефистофеля, — подыграл ему Димка. — Накинув плащ, с гитарой под полою...

А вежливый Раф поинтересовался:

— Поле сохраним или выключим?

— Сохраним, — беспечно сказал Старков. — Давайте жить в другом времени.

— А экраны? — не отступал Раф. — Полететь могут...

Старков подозрительно посмотрел на него:

— Что ты так волнуешься за экраны?

— Его очередь настраивать, — мстительно объяснил Олег.

— Чушь, мальчики, чушь! — Старков вставил в самописец новый рулон миллиметровки, еще раз поглядел на стрелку, застывшую на красной черте. — Пошли отсюда. Экраны чинить не будем: полетят — и ладно. В Москве починим. Да, — он обернулся к Рафу, — все же очередь пропускать не след: оставайся-ка ты подежурить у генератора. А через час тебя Дима сменит. Идет?

— А что вы будете делать?

— Дойдем до сельпо, купим кое-какие принадлежности для бала-маскарада.

— Шампанского возьмите, — попросил Раф, устраиваясь на единственном стуле. Перспектива просидеть этот час под крышей явно устраивала его больше, нежели путешествовать под дождем в деревню. — Только не больше часа.

— Терпи, парень, — сказал ему Старков на прощанье. — Робинзонада подошла к счастливому концу. Я уже говорил: все пули мимо нас.

Разве мог знать провидец Старков, что его любимое присловье обернется для них в этот день страшным и реальным кошмаром?

Глава 3

В сторожке Димка набил рюкзак пустыми бутылками. Олег вооружился спортивной сумкой. Старков — по праву именинника — шел налегке.

Они пошли вдоль реки, чтобы — по предложению Старкова — осмотреть пару экранов и понаблюдать за поведением возникшего возле них поля.

— Не за час, так за два обернемся, — сказал Старков. — А с Рафом ничего не случится — подождет: я ему детектив оставил. Жгучие тайны Питера Чейни.

Дотошный Олег приступил к выяснению подробностей удавшегося наконец эксперимента.

— Вот скажите мне, — рассуждал он, — если поле стабилизировано, то в каком времени мы сейчас живем? Если в сегодняшнем, в нашем, то, значит, поле никак не влияет на настоящее. А я склонен предположить именно это...

— Почему? — любопытствовал Старков.

— Сторожка на месте. Пустые бутылки — тоже. Мы идем в сельпо именно сегодня, а не вчера и не завтра. Лес не изменился: те же деревья, та же осень. И дождь льет тот же, что и до опыта. Логично?

— Нет, конечно. К примеру, сторожка была здесь и вчера, и год назад. И осень началась не сегодня. И дождь уже который день поливает. И в прошлом году небось поливал. И лет десять назад. А то, что мы идем в сельпо *сегодня*, так это иллюзия. Для нас — сегодня, а на самом деле — позавчера. Логично, философ?

— Но что-то должно было бы измениться, — не сдавался Олег.

— Что именно?

— Не знаю. Ваша теория, между прочим, тоже ничего здесь не объясняет, — позлорадствовал он.

— Моя теория, — наставительно сказал Старков, — говорит следующее: временное поле не меняет настоящее, тут ты прав. Но оно может приносить с собой какие-то элементы *своего* времени, вероятно прошлого. Какие элементы — этого я не знаю. Вообще-то в моей теории столько белых пятен, что ее скорее можно назвать гипотезой. — Старков поскромничал, но не удер-

жался — добавил: — Правда, гипотезой, подтвержденной экспериментом.

Они свернули в лес, продрались сквозь кусты орешника, выбрались на узкую лесную дорогу — по ней вчера Олег добирался домой, — мокрые с ног до головы: во время дождя из чащи кустарника сухим не вылезешь. Олег встряхнулся по-собачьи, выругался сквозь зубы: проклятая погода, проклятый лес — и вдруг прислушался:

— Где это?

Где-то совсем рядом, быть может метрах в трехстах, надсадно заревел грузовик. Это был именно грузовик: Олег хорошо разбирался в машинах! — и двигатель ревел потому, что не в силах был вытащить тяжелую машину из липкой дорожной грязи.

— Сели, — констатировал Олег. — Интересно, кто это?

— Пошли посмотрим, — предложил Димка. — Все равно по пути.

Они шли, хлюпая резиновыми сапогами по лужам, Димка громыхал стеклотарой в рюкзаке, что-то приглушенно насвистывая. Старков и Олег вели бесконечный теоретический спор о проблемах обратимого времени. Димку спор не интересовал, он слышал его много раз, может быть только в других вариантах, но суть не менялась.

«Псих Олег, — беззлобно размышлял Димка. — Ну чего он лезет в эту трясиину? Старков его слушает, ждет, когда он начнет захлебываться, подтащит к берегу и опять отпускает: побулькай, малыш. У Старкова это называется «тренинг мышления». Судя по всему, я к этому тренингу абсолютно не способен...»

Он шел впереди — Олег и Старков отстали шагов на десять, — и, быть может, именно поэтому он первым услышал голоса людей с застрявшей машины. Машина время от времени надсадно редела, потом шофер выключил зажигание, и наступила тишина, в

которую и прорвались фразы, почему-то не русские, а немецкие. Говорили не как преподавательница немецкого в Димкиной школе, а чисто, даже грассируя.

— Пошевеливайся, скотина! — как понял Димка, кричал один надсадно и хрипло, и тоненько, поскопчески отвечал другой.

— Я послал троих за сучьями, герр оберштурмфюрер. Слышите — уже работают. Через пять—десять минут выберемся.

В лесу раздавался топор дровосека, совсем как в знакомом стихотворении.

— Что за комедия? — обернулся Димка к Старкову. — Киносъемка, что ли?

Старков не ответил. Он отстранил рукой Димку, приложил палец к губам: молчите, мол! — прошел вперед до поворота, остановился прислушиваясь.

Двигатель снова заурчал, и тот же баритон сказал строго:

— Не мучай машину, болван. Его величество гневается и вполне может залепить тебе пару суток карцера. Ганс с ребятами принесут сучья, и мы вылезем из этой русской грязи.

Олег и Димка с удивлением смотрели на странно побелевшее лицо Старкова: испугался он, что ли?

— Что они говорят? — спросил Олег. Немецкого он не знал.

— Тихо! — вполголоса приказал Старков, и было в этом приказе что-то незнакомое, чужое: пропал Старков-весельчак, Старков-шутник и неунывака, появился другой — властный и жесткий. — Тихо! — повторил он. — Назад в лес!

Они прошли за ним, подчинились — недоумевающие, молча переглядывались, продираясь сквозь мокрый кустарник, остановились у разлапистой высокой березы, еще не потерявшей желтой листвы.

— Ну-ка, давай наверх, — приказал Димке Старков.

И Димка — сам себе удивлялся! — не задавая лишних вопросов, схватился за нижнюю ветку, подтянулся сквозь потоки дождя с дерева, проворно полез вверх.

— Посмотри, кто это, — сказал ему Старков, — внимательно посмотри и быстро спускайся. — Он обернулся к Олегу и пояснил: — Береза высокая. С нее всю дорогу видно: сам проверял...

Димка, уже добравшийся почти до верхушки, издал какое-то восклицание: удивился не удивился, охнул вроде. А Олег подумал, что Старков почему-то темнит, — знает о чем-то, а говорить не хочет. Ну что он предполагал увидеть с березы? Застрявшую машину? Так зачем такая таинственность? Выйди на дорогу и посмотри... По-немецки они разговаривают? Ну и что? Может быть, действительно киносъёмка. На натуре, как это у них называется.

Он все еще недоумевал, когда Димка буквально скатился вниз, доложил задыхаясь:

— Две машины. Одна грузовая, фургон: она-то и села... Другая — маленькая, «газик», по-моему. Вокруг — человек тридцать. Подкапывают землю и слепки под колеса кладут. Только... — Он замялся.

— Что — только? — Старков подался к нему.

— Только одеты они как-то странно. Маскарад не маскарад...

— Форма?

Димка кивнул:

— Черная. Как у эсэсовцев. Может быть, и в самом деле кино снимают.

— Может, и снимают... — протянул Старков, замолчал, о чем-то сосредоточенно думая, медленно закурил.

Молчали и ребята, ждали решения, знали, что оно будет: когда Старков *так* молчал, значит, жди неприятностей — проверено за четыре месяца.

— Вот что, парни, — сказал Старков. — Может быть, я — старый осел, тогда все в порядке, а если нет, то дела плохи: влипли мы с вами в историюку.

Сейчас быстро идем домой, забираем Рафа и будем решать...

— Что решать? — чуть не закричал Олег.

Старков поморщился:

— Я же ясно сказал: тихо! А решать будем, что делать в создавшейся ситуации.

— В какой ситуации?

— Дай Бог, чтобы я ошибся, но, кажется, наш удачный опыт получил неожиданное продолжение. По-моему, эта машина и эти люди в маскарадных костюмах — гости из прошлого. Помнишь наш спор, Олежка?

Олег вздрогнул: чушь, бредятина, не может этого быть! Прошлое необратимо. Нельзя прокрутить киноленту Времени назад и еще раз просмотреть кадры вчерашней хроники. Теория Старкова верна — бесспорно! Но человеческая психика — даже психика без пяти минут ученого! — не в силах поверить в ее практическое воплощение. Ну существует же где-то предел реального? А за ним — пустота, ноль в степени бесконечность, бабкины сказки или просто фантастика.

Олег оборвал себя: рассуждает, как досужие сплетницы на лавочке у подъезда. Та же логика: этого не может быть, потому что не может быть никогда. Нет такой формулы! Все может быть, если это «все» — наука, а не мистика. А где тогда граница между наукой и мистикой? То, что поддается научному объяснению, — наука. Удобное положение... А если завтра оно объяснит какое-нибудь мистическое явление? Мол, так и так: научное обоснование, графики и таблички, точный эксперимент и — никакой мистики. Такое бывает? Еще как бывает! Все сегодняшние достижения цивилизации когда-то показались бы мистикой даже самому просвещенному человеку. Электрическая лампочка? Ересь, фокусы! Искусственное сердце? На костер еретика врача! Да что там ходить за примерами: временное поле Старкова — тоже, в сущности, мистика. Или так: было мистикой до сего дня. А сейчас оно

действует вполне реально. Вон какой подарочек принесло — берите, радуйтесь... А чему радоваться? Гостям из прошлого? Но они не знают, что попали в будущее. Да и узнали бы — не поверили! А гости, судя по всему, агрессивные. Они существуют тридцать с лишним лет назад, вешают, стреляют, поджигают. Они еще не знают, что их ждет завтра: для них — завтра, для нас — вчера. Они еще уверены в своей непобедимости. Они еще чувствуют себя хозяевами на нашей земле. Они еще живут — эти сверхчеловечки из учебника новейшей истории...

— Интересно, из какого они года? — вдруг спросил Димка.

— Не все ли равно? — отозвался Олег. — Сорок первый тире сорок четвертый.

— Как раз не все равно. В сорок первом они наступали, а в сорок четвертом драпали. Есть разница?

В разговор вмешался молчавший до сих пор Старков:

— Разница есть, конечно, но для нас она не принципиальна. Год, вероятно, сорок второй — я тогда партизанил в этих лесах. А каратели, может быть, те же самые, что и тогда поджигали и вешали. Главное, что это враги, мальчишки. И мы им — враги. И наплевать им, что вы все еще не родились. Попадись на глаза — пристрелят без сожаления.

— Так что же нам — прятаться и дрожать от страха? — Олег спросил это с усмешечкой, но и Старков и Димка знали его «усмешечки»: Олег медленно приходил в ярость — верный признак.

И Старков сказал спокойно:

— Прятаться — да. А дрожать от страха, ясно, не будем. У нас три ружья против тридцати автоматов. Соотношение один к десяти. А что такое дробовик против «шмайссера»? Улавливаешь?

— Не улавливаю, — зло отрезал Олег. — И с тремя ружьями кое-что сделать можно. Да и от заряда дробы в глаза не поздоровится.

— Если попадешь, — добавил Старков. — А Димка не попадет, и Раф тоже. А у меня опыт есть, простите за нескромность. И поэтому вы будете подчиняться мне беспрекословно и точно. Вот тогда три ружья смогут принести пользу. Ясно?

Ясно? Конечно ясно, что ж тут неясного. И нельзя было не подчиниться этому командирскому тону, этой доселе неизвестной им воле и силе человека, который умел весело шутить и смеяться, умел петь хорошие песни и знал повадки птиц и зверья, любил читать вслух Пастернака и Блока и создавал «сумасшедшие» теории. Но, оказывается, он умел еще быть жестким и сильным, умел приказывать и заставлял повиноваться. Словом, был физик Старков. И не его вина, что он опять превратился в партизанского комиссара Старкова.

— Как ты думаешь, — спросил он Димку, — долго ли они еще провозятся на дороге?

— Минут тридцать — не меньше. Может, и час. Здорово сели: больше чем на полколеса.

— Вот что, — принял решение Старков. — Лезь на елку, следи за ними и жди нас.

— Есть следить и ждать, — отрапортовал Димка, и Старков улыбнулся:

— Вольно, солдат. Не скучай. Мы быстро.

Он хлопнул Олега по спине, подтолкнул вперед, пошел следом, ступая на зависть Олегу почти бесшумно.

— Патроны в ящике под столом, — сказал им вслед Димка. — Берите побольше.

И Олег невольно вспомнил когда-то читанное о патронах, о снайперах, о партизанах в книгах о Великой Отечественной. Она окончилась тридцать лет назад и вновь началась для них — юнцов послевоенных лет, началась неожиданно и страшно в мокром осеннем лесу под Брянском, который знал и помнил войну: до сих пор еще колхозные ребятишки находят то стреляную гильзу, то ржавую каску. Что ж, возможно, сегодня к их «трофеям» прибавятся и другие — поновой...

Глава 4

Раф сидел на табуретке у гудящего генератора и читал Чейни, смешно шевеля губами: видимо, переводил текст. Американский сыщик Лемми Кошен успешно боролся с гангстерами вот уже семьдесят страниц, а оставшиеся сто двадцать манили Рафа нераскрытыми тайнами, отвлекая его и от воспроизведенного времени, и от своего реального. Он и забыл, что через полчаса должен смениться.

Войдя в сарайчик, Старков прежде всего взглянул на датчик: стрелка словно заклинилась на красной черте. На экране осциллографа текла ровная зеленая линия: на несколько делений выше расчетной. Поле не исчезало, однако напряженность его выросла раза в полтора. Старков, честно говоря, и не надеялся на такую удачу, когда еще планировал опыт. Но он не ждал и той беды, которую принесла негаданная удача.

Если бы его сейчас спросили, зная о возможности «пришельцев» из прошлого, начал бы он опыт или нет, Старков не задумываясь ответил бы: нет, не начал. Бог знает, чем грозит пришествие «гостей»! Может быть, они исчезнут так же, как появились. А может быть...

— Почему так рано? — поинтересовался Раф, отрываясь от книги. — Магазин закрыт?

— Закрыт, — сказал Олег. — Дорога к нему закрыта.

— Землетрясение? — сыронизировал Раф. — Лесной пожар? Или речка Незнайка вышла из берегов?

Старков поморщился:

— Не время паясничать. Беда, Раф...

Раф швырнул книгу на пол и встал:

— Что случилось, шеф?

— На дороге застрял грузовик с гитлеровцами, — выпалил Олег.

Раф обиделся:

— Кто из нас паясничает?

Ситуация и вправду была комична. Старков усмехнулся, сказал торопливо:

— Олег не шутит. Гитлеровцы действительно появились из прошлого. Те же, что шуровали когда-то в этих лесах.

Раф был вежливым мальчиком. Вежливым и немногословным. Когда он что-то недопонимал, он задавал вопрос, как правило, самый точный и самый нужный.

— Поле? — спросил он.

И Старков в который раз удивился его способности воспринимать всерьез то, что другой счел бы неумным и грубым розыгрышем.

— Поле, — подтвердил он. — Неожиданный «подарочек» тридцатилетней давности. Неожиданный и опасный.

Но Рафа, казалось, это не взволновало.

— Вы не предполагали такого эффекта?

— Нет, — сказал Старков.

Ему не хотелось ввязываться в теоретические рассуждения, да и времени не было, но от Рафа так просто не отделаешься: он должен сначала все для себя уяснить — подробно и точно, а потом принять решение.

— А если отключить поле? — допрашивал он.

— Не знаю, не знаю, — быстро сказал Старков. — Не исключено, что искусственное отключение поля уберет обратное время, но эффект «гостей» может и не исчезнуть. — И подумал, что название вполне подходит к случаю. Надо будет впоследствии «узаконить» его. И усмехнулся про себя: о чем ты сейчас думаешь, балбес ученый, когда рядом — опасность, не из детектива, брошенного на пол, а самая настоящая, стреляющая и безжалостная.

— Кончай допрашивать, Раф, — отрезал он. — Будем живы, все объясним. Нельзя выпускать их из

сферы действия поля: тогда скорее всего они вместе с ним и исчезнут.

— Хорошее доказательство удачного эксперимента, — то ли серьезно, то ли шутя проговорил Раф.

Старков сдержался. Очень хотел дать волю если не рукам, то словам, но сдержался: не время ссориться. Пусть говорит что хочет: мальчишка, сопляк. Умный, способный, но — все-таки мальчишка, с гонором, с фанаберией. Пожалуй, для него этот день будет самым сложным — смешочками не отделаешься.

Старков сдержался, но Олег не любил и не умел прятать эмоции. Он рванулся к Рафу, схватил его за ворот штормовки.

— Думаешь, что лепишь, гад? — задыхаясь, крикнул он. — Там Димка один, а ты здесь вопросики задаешь...

Старков взял его за руки, потянул на себя:

— Не дури. Пошли отсюда. Время дорого.

Олег неохотно отпустил Рафа, повернулся и направился к выходу. Раф одернул штормовку, пошел следом, на ходу обернулся:

— Что же вы собираетесь делать?

— Задержать их, — помедлив, ответил Старков и, словно сам себя уговаривая, подтвердил: — Вероятнее всего, они направляются в деревню. Она всегда была у них на подозрении — по личному опыту знаю. Деревня за пределами поля. А если им удастся прорваться? Кто знает, что последует. Задержать их надо во что бы то ни стало. Любой ценой.

— И надолго? — Раф уже стоял в дверях.

— Не знаю, — в который раз повторил Старков.

Он понимал, что эта спасительная формула еще не раз избавит его от ненужных, да и маловероятных объяснений. То, что они не нужны сейчас ни ему самому, ни ребятам, было ясно: обстановка требовала действий, а не рассуждений. А вот вероятность этих действий представлялась Старкову хотя и не слишком, но все же реальной. Скажем, ноль целых двадцать пять

сотых — немалая цифра, как ни крути! А рассуждал Старков так: напряженность временного поля выросла из-за присутствия «гостей». Так сказать, не учтенный расчетом дополнительный фактор. «Гости» принадлежат полю. С полем появились и с полем исчезнут. Так думал Старков, во всяком случае, хотел так думать. Можно было бы попробовать, конечно, отключить генератор, как предлагал Раф, но Старков боялся: оставшиеся семьдесят пять процентов вероятности отпугивали, требовали повышенной осторожности. В конце концов, генератор не рассчитан на такую высокую напряженность: через час-два экраны начнут выходить из строя, после исчезнет само собой, и вместе с ним, по всей вероятности, исчезнут и «пришельцы», поскольку вне поля Старков не мыслил их существования.

Вот так он и думал, во всяком случае, хотел так думать.

А что касается вздорной мысли не выпускать их из зоны экранов, так не такая уж она и вздорная: поле полем, но не пропадут же «гости», если выйдут из него. То есть по теории-то должны пропасть, но уж как-то не вяжется это с реальностью. Вот вам тридцать живых и здоровых мужиков, едут себе спокойно, песни распевают и вдруг — исчезли, испарились. Ну конечно же, конечно, они существуют в *своем* времени, только в своем, а в нынешнем их нет, убиты они здесь же или где-нибудь под Орлом или Курском.

Но... и в сотый раз Старков вспоминал это проклятое «но»! А если не исчезнут? Если прорвутся? Что тогда? В нескольких километрах — деревня, еще дальше — другая. Там люди, которые ни сном ни духом не помышляют об опасности. О *такой* опасности! Они и воевать-то давно разучились, а большинство и не умело, как Раф, Димка или Олег. Их надо предупредить, заставить поверить в реально существующую опасность, какой бы нелепой она ни казалась.

Старков прикинул: кто может пойти? Раф? Пожалуй, он справился бы с этой миссией лучше других: сумеет убедить. Но ведь он сам не очень-то верит в «гостей», куда же ему еще убеждать кого-то!..

Может быть, Олег? Нет, не подходит: не оратор. Думать умеет, стрелять умеет, работать умеет, и еще как, а вот говорить не научился. Это ему попортит кровушки: в науке говоруны подчас стоят больше молчаливников...

Лучше всего пойти самому. Но это значит оставить трех сосунков, не нюхавших боя, на верную гибель. На *почти* верную. Бой не любит новичков, как бы храбры они ни были...

Значит, остается Димка. За это время он небось досыта нагляделся на взвод «гостей», поверил в них так, как и сам Старков. А объяснить колхозникам невероятное существование машины, воскрешающей годы войны, пожалуй, сумеет не хуже Рафа.

Но Димка умеет стрелять, а Раф нет. Значит, все-таки Раф?..

Старков вышел из сарая, где по-прежнему гудел генератор, может быть чуть громче, чем следовало бы, — пошел к сторожке. Навстречу ему бежал Олег, обвешанный оружием: карабин Старкова, собственная тулка, в руке — сумка с патронами. Раф шел сзади, перекинув через плечо двустволку.

— Ловите! — Олег на ходу кинул Старкову карабин, и тот поймал его, ощутив холодную сталь ствола.

Вот когда он вспомнил, что не охотничье это оружие — боевое. И может быть, впереди у них — тот самый бой, где он будет очень кстати, это семизарядный симоновский карабин. А может быть, боя не будет. Старков очень хотел, чтобы его не было...

Глава 5

Димка сидел под деревом и ждал. Он уже вдоволь насмотрелся на беспомощно суетящихся эсэсовцев и решил, что дальнейшее наблюдение за ними довольно бессмысленно: ну потолкают машину, ну земли под колеса покидают, веток, хвороста — раньше часа им все равно отсюда не вылезти. Дурак водитель затащил тяжелую машину в заведомо непролазную грязь. Небось начальство не наградит его за это Железным крестом. Как там у них делалось? За провинность — на Восточный фронт...

Он усмехнулся: вот она — инерция книжных знаний. Это же и есть Восточный фронт — для них, конечно. Или, вернее, был. Вот так он и выглядел, наверно, осенью сорок второго года. Холодно, дождь моросит, дорога непроходимая, мокрота, лес, болота. Взвод карателей направляется на очередную «операцию» в близлежащую деревню. Всего второй год войны, они еще самоуверенны, только торопятся. Офицеры покрикивают, подхлестывая и без того надрывающихся в болотной грязи солдат. Ясно: боятся партизан.

Хороши партизаны, внутренне усмехнулся Димка. Три дробовика, если двустволку считать за два, да один карабин — единственное стоящее оружие. Зато у этих четырех стволов при всей слабости их огневой мощи есть одно преимущество — эффект внезапности.

И вдруг Димка ужаснулся ленивой будничности этой по сути страшной мысли. Какая, к черту, огневая мощь? Они физики, ученые, а не вояки. Они сюда работать приехали, а не стрелять. В людей стрелять, в таких же, как он, из плоти и крови, как Олег, как Старков, как их сельские знакомцы. Димка даже представить себе не мог, что придется — сейчас или через десяток минут! — вскинуть ружье, хладнокровно прицелиться, поймав на мушку черный мундир на дороге, нажать на спусковой крючок... Сумеет ли он

это сделать: ведь не научили. В тире стрелять по мишеньке с кружочками — учили. А в людей — нет. И ненавидеть не учили. И никто пальцем не тыкал: вот, мол, враг, убей его. Просто врага не было. Живого... А в учебнике истории вдохновения немного: такая-то дата, такое-то сражение — выучить и сдать.

Димка любил смотреть фильмы о войне. Он умел красиво поговорить о методе «ретроспективы» в военной теме, о режиссерских находках, об использовании хроники в сюжетной канве. Но, в сущности, он оставался тем же самым мальчишкой с Можайки, который бегал в «Призыв» на дневное кино «про войну». Так же переживал в душе за героя. Так же рвался за ним в штыковую атаку. Так же вполголоса пел с ним за дощатым столом в землянке.

Все поколения мальчишек когда-то играли «в войну». А потом игра начиналась «всерьез», и вчерашние мальчишки уходили на фронта гражданской, финской, Великой Отечественной. А потом — кто вернулся! — те уже смотрели на своих мальчишек, повторяющих их детство, и думали: не дай Бог им пережить с наше...

Димкиному поколению повезло. Вот он — «типичный представитель советской молодежи» — успешно закончил школу, тянет ляжку в университете, подумывает об аспирантуре. Война оставалась для него только игрой.

Ах, не доиграл он в нее, не закончил: мать позвала из окна или школьный звонок прозвенел. Только осталась живой в нем детская страсть к оружию всех систем: бах-бах, Димка, я в тебя попал, падай, чур, не игра!..

Так вот она, «чур, не игра», Димка. Все просто в раскладе: вот враг, вот свои — действуй, парень.

А как действовать, если этой зимой путешествовал по ГДР, был в Берлине, в Дрездене, в Ростоке, пил пиво с прекрасными парнями с физфака Берлинского университета, пел «Катюшу» и «Левый марш», и

никто не вспоминал о войне, о том, что, может быть, отец Димки сражался против отцов этих прекрасных парней с физфака, — никому до этого дела не было.

А сейчас есть дело, Димка? Вдруг один из черномундирников станет отцом кого-нибудь из тех немецких ребят? Ты сумеешь в него выстрелить, убить его?

Да нет же такой проблемы, нет: это только стык времен, а не само время, это иллюзия реальности, а не живая жизнь. Ой, Димка, не крути хоть сам с собой: это именно реальность, хотя и вчерашняя. Это враги, Димка, о которых ты знаешь по книгам и фильмам. Это война, Димка, которая все-таки достала тебя.

И ты будешь стрелять, потому что в семи километрах отсюда люди, не подозревающие, что в их край вернулась война. Ты будешь стрелять ради них, Димка, понял?

Он понял. Он встал и пошел навстречу Старкову с ребятами. Он знал совершенно точно, что сумеет выстрелить — первым, если понадобится. А там, как говорит уважаемый шеф: все пули мимо нас!

— Ну, как там? — спросил его Старков.

— По-прежнему, — сказал Димка. — Где ружьишко?

— Получи. — Олег протянул ему двустволку и сумку с патронами.

Димка деловито откинул стволы, вогнал в них патроны.

— Надо предупредить колхозников, — сказал он. — Пойти должен Раф.

И Старков удивился даже не тому, что для Димки никакой проблемы не существовало (пойдет Раф — и точка!), а тому, как это было сказано: сухо, коротко — обсуждению не подлежит.

И даже Раф не стал по своему обыкновению возражать и ломаться, спросил только:

— А что я им скажу? Они же не поверят...

— А ты скажи так, чтоб поверили, — объяснил Димка. — И пусть подготовятся к нападению: мало

ли что... — Он все же не справился с ролью командира, вопросительно взглянул на Старкова: то ли я говорю?

И Старков кивнул утвердительно, добавил:

— Сюда никого с собой не веди. Надеюсь, помощь не понадобится: боя не будет. А сам останешься в деревне: проследишь за подготовкой к обороне, и без паники.

— Зачем? — запротестовал Раф. — Объясню им все и вернусь...

— Ты знаешь слово «приказ»? — спросил Старков. — Так вот, это приказ. И запомни: мы на войне. А ведь даже в мирное время приказы не обсуждаются. Иди. И будь осторожен. Обойдешь их с севера. На дорогу даже носа не высовывай. И помни: все пули мимо нас...

Раф недоволен — может быть, подчеркнуто, слишком подчеркнуто, — пожал плечами, поднял воротник куртки, пошел ссутулившись, сначала медленно, потом обернулся, улыбнулся неожиданно, сказал озорно:

— Предупрежу и вернусь. Привет! — И, не дожидаясь ответных реплик, рванул в кусты, только брызги посыпались.

Старков тоже улыбнулся: ну что будешь делать, вернется, конечно, не может не вернуться, он и слова-то «приказ» толком не знает, ему не приказывали — просили, требовали, предлагали, а железное «надо» ему вполне заменяли вольные «может быть» и «неплохо бы».

Вот почему Старков все-таки улыбнулся — не до воспитания, нет времени, — пожал плечами, сказал Димке:

— Придется тебе еще раз заняться акробатикой...

Димка кивнул, отдал ружье Олегу, полез на дерево.

— Все еще возьмется, — сказал он. — Сучьев натащили — вагон. А машина буксует.

Надсадный рев мотора то взрывался, то стихал. До них долетели обрывки невнятных команд, криков и ругани.

— Быстро к дороге, — приказал Старков. — И не шуметь!

Они добрались до небольшого холма недалеко от того места, где лесная дорога поворачивала к реке, пробиралась сквозь кусты орешника и, вырвавшись на полевой простор, бежала к деревне. Отсюда хорошо было видно, как все еще дергался в грязи помятый грузовик с промокшим брезентовым верхом и шла вокруг него все та же солдатская суетня. Пожалуй, скоро вытащат, подумал Старков, и до деревни доберутся хотя и позже Рафа, но все же скорее, чем тот сумеет втолковать колхозникам об опасности. Те даже поверить ему не успеют. Будут хмыкать, посмеиваться, покачивать головами, будут с жалостью смотреть на мальчишку и советовать ему приберечь свои шутки до первого апреля. Да что рассуждать: хорошо, если для колхозников вся эта история осталась бы глупой шуткой зарвавшегося физика, который даже и не думал о таких последствиях своего «эпохального» опыта.

Старков лег на мокрую траву, махнул рукой ребятам: ложись, мол, тоже, раздвинул ветви орешника, выставив синеватый ствол карабина.

«Вот и вернулась к тебе война, — горько подумал он, — не оставляет она тебя: ни в воспоминаниях, ни наяву. Воспоминания привычны: ими можно играть, как детскими кубиками, складывать пирамидки, а надоеет — рассыпать. А явь — это похуже. Это неожиданно и потому опасно. Боишься, Старков? Нет, конечно. Хотя их и четверо больше нас. Нет у меня к ним жалости, к этим возвращенным Временем фрицам, как и тридцать лет назад тоже не было. Сейчас у нас сорок второй на дворе — запомни. Фашисты идут к Волге. На Северном Кавказе — бои. Ленинград осажден. Отечество в опасности, Старков! Ты помнишь эту фразу? Вспомни ее хорошенько, перевари в себе. В опасности, понял, политрук?»

— Слушать мою команду, — шепотом приказал он. — Не стрелять без приказа. Лежать молча. Пока...

Он боялся, что ребята начнут стрелять раньше времени. Знал, знал, что все равно им придется стрелять — как же иначе? — и все же старался оттянуть этот момент. Не потому, что опасался промахов. И в мужестве их не сомневался. Ведь в годы войны такие же мальчишки и стреляли, и шли в атаку, и стояли насмерть, если требовалось. Но Старкову казалось, что до сознания его ребят все еще не дошла по-настоящему реальность возвращенного Временем прошлого. В их готовности к бою был какой-то элемент игры или, точнее, лабораторного эксперимента. Вероятно, им думалось, что стрелять придется хотя и в живых, но все же не «настоящих» людей, — те уже давно истлели и даже кости их не соберешь в этих лесных болотах. А Старков знал, что с отрезком возвращенного военного времени вернулись и его будни, тяготы, кровь и смерть. И если эти живые, по-настоящему живые гитлеровцы прорвутся к селу, будут и стрельба, и резня, и мертвые дети, и повешенные старики. Не о таком эксперименте он думал, потому и боялся за своих не переживших войны пареньков.

Он подтянул карабин к плечу, прижался щекой к его мокрому прикладу, поймал на мушку медленно, с трудом вращающееся по глине переднее колесо подымающейся из грязи машины, нажал на крючок. Карабин громыхнул неожиданно сильно в шуршащей тишине дождя. Грузовик резко повело на середину дороги, он влез колесами в наезженные колеи, дернулся вперед и замер, заглох, видимо, шофер выключил зажигание.

«Вот и все, — безразлично и буднично подумал Старков. — Война объявлена...»

Глава 6

Раф удачно выбрался из леса, минуя дорогу, побежал напрямик через клеверное поле: черт с ним, с клевером, зато выгадывалось километра полтора. Некоторое время Раф слышал ревуший в лесу грузовик, потом звук исчез: то ли мотор заглох, то ли просто он отошел достаточно далеко от «театра военных действий».

В конце концов, как еще иначе назвать сегодняшнее приключение? Раф поискал термины: мини-война, операция «Время». Или так: физики шутят...

Хороши шутки, если тебя подстрелят, как зайца. Вопреки предположению Старкова Раф, хотя и подыскивал подходящие термины для «лабораторного эксперимента», все же ни минуты не сомневался в опасности ситуации: горящая спичка все равно взорвет бак с бензином, даже если тот прибыл из прошлого. Конечно, лучше всего было бы затаиться, уйти в лес, не делать глупостей и не вызывать огонь на себя. Раф не верил в сверхъестественное. Он верил в законы физики. И еще — в собственную логику. А она ему подсказывала, что «гостей из прошлого» держит здесь временное поле и за его пределами они просто не смогут существовать. Исчезнут, вернуться в свой сорок первый или какой там год. Естественно, определенный риск существовал: могут и не вернуться. Вот тогда и следовало что-то предпринимать. Но вероятность «невозвращения», по мнению Рафа, едва ли составляла пять-шесть процентов.

Однако со Старковым не поспоришь: он уперся на своем и не отступит, пока сам не убедится в ошибке. Ну что ж, пусть убедится. Предоставим ему такую возможность. Тем более, что колхозников и вправду надо предупредить: даже пять процентов вероятности могут принести беду.

Конечно, можно было бы сразу отключить поле и тем самым проверить прочность железной логики

Рафа. Но здесь он понимал и Старкова: пять процентов могли вполне превратиться в сто. Не исчезни «гости», так их потом не вернешь никакими силами: попробуй настрой генератор так, чтобы временное поле совпало именно с тем временем, которое властвует сейчас в зоне экранов. Нет, спокойней подождать, пока один из этих экранов потеряет настройку и перегорит, а тогда исчезнет и поле. Раф полагал, что произойдет это скоро. И может быть, его миссия даже не понадобится и он до конца срока практики будет ходить у колхозников в роли Иванушки-дурачка.

Впрочем, роль эта не слишком волновала Рафа: дурачок так дурачок. Гораздо важнее, чтобы «дурачку» все-таки поверили. Хотя бы наполовину. Или даже на треть. Чтобы никого не застали врасплох эти чертовы пять процентов.

Раф даже поежился от мысли, что «пришельцы» могут добраться до деревни. Глупая мыслишка, нелогичная, но страшноватая. Он отогнал ее, отмахнулся, стал прикидывать, как убедить председателя вооружить людей. Причем вооружить, не раскрывая истинной причины опасности...

Тут он осекся: а почему, собственно, не раскрывая? Пойдет вздорный слух? Ну, вздорный или нет, а слух пойдет все равно. В конце концов, колхозники должны знать правду об эксперименте и его последствиях. Но может быть, не сразу, не сейчас. Правду должен узнать председатель, мужик умный, воевавший вместе со Старковым и лучше других осведомленный о его научной работе в здешних лесах. К тому же его слушаются и ему верят, и такой хозяин округи наверняка придумает что-нибудь надежное, чтобы предупредить людей о грозящей опасности. Еще лучше помогли бы выстрелы — автоматные, у гитлеровцев «шмайссеры», а не дробовики, но на семикилометровом расстоянии их не услышишь...

Раф выбрался наконец на дорогу, тяжело побежал, скользя на липкой глине, свернул по траве к председателю дому: хорошо, что председатель жил здесь, а не в центральной усадьбе. И хорошо, что сегодня — воскресенье, а стало быть, он дома, а не в поле или на ферме. Должен быть дома...

Раф не ошибся: председатель был дома. Он сидел в комнате под старомодным фикусом и смотрел телевизор. Председательское семейство, состоящее из двух близнецов десяти лет, жены и тещи, сидело чуть поодаль от фикуса и тоже смотрело передачу. Телевизор был новый, недавно купленный в кредит, сверкающий коричневым лаком и никелированными ручками, и председателю было явно наплевать на то, что показывали: важен факт, а не содержание. А показывали металлургический завод. На экране лился расплавленный металл, гремел прокатный стан и сновали рабочие с мужественными лицами. Председатель был очень увлечен передачей и не сразу заметил Рафа, остановившегося на пороге. А когда заметил, сказал приветливо:

— Здорово, студент. Садись и смотри. Интересно.

Он прекрасно понимал, что Раф явился вовсе не затем, чтобы изучать жизнь металлургов. Но в деревне не принято было эдак с бухты-барахты приниматься за дело. Сначала требовалось некоторое вступление, так сказать интродукция, и телепередача вполне подходила для этой цели. Но Раф не имел права соблюдать веками установленный сельский этикет. Он подошел к председателю, оставляя грязные следы на крашеном полу, наклонился, сказал на ухо:

— Беда, Петрович. Вырубай шарманку. Времени нет.

И сумел он сказать эти будничные слова так, что председатель не стал вспоминать об этикете, протянул руку, выключил телевизор, спросил в наступившей тишине:

— Случилось что?

— Случилось, случилось, — быстро проговорил Раф.

Председательское семейство настороженно молчало, ожидало продолжения. Раф с сомнением посмотрел на них, потом перевел взгляд на председателя. Тот понял.

— Пойдем со мной, — сказал он.

Встал и пошел в другую комнату, подождал, пока туда вошел Раф, плотно прикрыл дверь.

— Говори.

И опять Раф заколебался: с чего начать? Не придумал ничего лучше, как бухнуть сразу:

— Фашисты в лесу, Петрович!

— Ты сегодня температуру мерил? — Голос председателя звучал спокойно, но слышались в нем угрожающие нотки: как так, из-за дурацких шуточек человека от воскресного отдыха отрывать!

— Да не вру я, — заорал Раф и вдруг успокоился, пришел в себя: — Опыт мы ставили. Знаешь?

— Ну знаю. Старков рассказывал. Время хотите вспять повернуть...

Раф усмехнулся про себя: примитивно, но в общих чертах верно.

— Уже повернули.

— Удался, значит, опыт?

— Даже слишком. В общем, такие дела, Петрович: генератор создает границу между нашим временем и прошлым. На этот раз мы попали, видимо, в сорок второй год...

— Самое пекло здесь было, — сказал председатель. — Вместе с твоим Старковым фашистов били. Я — партизанским «батей», он — комиссаром. Каратели тогда две соседние деревни сожгли. Одни печи остались. Лучше и не вспоминать.

— Придется вспомнить, — жестко сказал Раф. — Чего-то мы не учли в расчетах, и сквозь эту временную границу проскочили наши «гости» из прошлого. А какие — сказал уже.

Председатель задумался:

— А может, все-таки ошибка? Может, марево? В болотном тумане всякое показаться может.

— Не тяни, Петрович, — отрезал Раф. — Все самое настоящее. Увидишь Старкова — подтвердит. Да и наш Димка с дерева наблюдал. И машины немецкие, и форма немецкая. Как в кино.

— В кино по-всякому одеть можно, — вздохнул председатель. Очень уж ему трудно было поверить в старковское чудо.

— Мы тоже сначала подумали, что кино, — сказал Раф, — только это, отец, совсем не кино.

— Может, рабочим каким немецкую форму выдали? — все еще сопротивлялся председатель. — Со складов, чтоб зря не лежала.

— С каких складов? — уже рассердился Раф. — Из «Мосфильма» или из театра какого-нибудь? И настоящие автоматы выдали? Интересно зачем?

— Да-а... — протянул председатель, полез в карман, достал смятую «беломорину», коробок спичек, закурил, пустил дым к потолку.

Он никогда не торопился с решениями, долго обдумывал, взвешивал, примеривался, а уж когда решал, то — прочно и твердо. Он курил и молчал, и Раф молчал. Молчал и думал о том, что делается в лесу. Не хотел думать, не верил в то, что думалось, и все-таки думал, думал, думал, и сжималось что-то в груди, натягивалась струночка — не порвать бы...

— Вот что, студент, — сказал наконец председатель. — Сколько их там?

И Раф вздохнул облегченно: поверил-таки. Да и не мог не поверить. Не такой мужик председатель, чтобы не понять, когда шутят — пусть глупо, пусть подло, — а когда всерьез говорят. Понял он — даже не то, что произошло на самом деле, а то, что и вправду пришла беда и что с бедой этой можно сла-

дить только сообща. Как и тогда, в настоящем сорок втором, когда председатель — ровесник Старкову — ушел в партизаны, а после войны строил колхозы на Брянщине.

— Человек тридцать, — быстро сказал Раф. — Грузовик и маленькая легковушка с офицерами.

— А вас трое... — не то спрашивая, не то утверждая, проговорил председатель, и Раф перебил его:

— Да не в том дело! Для наших опасности нет: лес большой, да и не полезет Старков на рожон. — Тут он сам не очень верил в свои слова. — Главная опасность в том, если фашисты в деревню прорвутся.

— Могут... — опять не то спросил, не то подтвердил председатель, и опять Раф вмешался:

— Маловероятно: это же чужое время. Оно существует только в пределах действия генератора, а значит, «пришельцы» не смогут из этих пределов вырваться.

Но председателю непонятны были доводы Рафа. Он в науке не слишком разбирался, зато точно знал: есть машина, есть тридцать человек со «шмайссерами» и никакой дробовик их не остановит.

— Мало или не мало, — сказал он, — а людей предупредить надо. Не поверят, конечно, в ваши штуки со временем. О бандитах говорить будем, о бандитах в бывшей немецкой форме. Где-нибудь старый трофейный склад ограбили, а теперь в село идут. Не очень мудро придумано, но если на серьез брать — поверят. Главное, чтобы подготовились к встрече.

— Вот и я о том же, — закричал Раф. — И побыстрее.

— Горячку не пори. — Председатель встал, взял со стула дождевик. — Пошли по дворам.

Они прошли через комнату, где председательское семейство ожидало окончания таинственного разговора.

— Вот что, бабы, — на ходу распорядился хозяин. — Тут дела такие, что лучше вам из дому не показываться. Заприте двери, ставни закройте и сидите тихо. — Подумал, что надо бы объяснить не очень

понятный приказ, и добавил: — Тут в округе банда объявилась. Милиция из города выехала уже, по следу идут. Так что лучше погодить. Понятно?

И, не дожидаясь ответа, вышел в сени, сорвал со стены двустволку, взял сумку с патронами, сунул под плащ.

— Теперь они носа не высунут, — шепотом сообщил он Рафу. — Тут меня вроде слушаются — и дома, и в народе... Ты вот что, иди по левой стороне улицы, а я по правой. Говори: председатель зовут, дело есть. Пусть ружья берут. Через десять минут — на околице.

— Послушай... — сказал Раф. Он не умел и не любил о чем-нибудь просить, а тут надо было, нельзя не просить: что же он, хуже других? — Послушай... У тебя лишнего ружья не найдется?

— Кому?

— Мне. Не взял из Москвы, — соврал Раф. — Забыл, понимаешь. А как же сейчас без оружия?

— Да, брат, без оружия сейчас нельзя. — Председатель вроде бы поверил наигранной беспечности Рафа, а может, и нет, — кто знает хитрого мужика, — только снял с плеча двустволку свою. — Держи.

— А ты, Петрович?

— Я у Фрола возьму. У него несколько. Да бери, бери, тебе говорят. — И только спросил невзначай: — Ты с этой системой знаком?

Раскусил он, раскусил напускную беспечность студента, только не хотел обижать, позорить сомнениями: знал, что не время сейчас, — может быть, бой впереди. И Раф понял это и был благодарен тактичности председателя, который — известно было! — и кричать любил, и поматериться, и высмеять неумеху. А тут смолчал. И Раф не стал что-то объяснять или оправдываться, кивнул в ответ: знаком, мол. Да и видел он не раз, как легко обращался с такой же двустволкой Димка — дело нехитрое, — закинул небрежно на плечо, толкнул дверь на улицу:

— Пошли...

А председатель остановился вдруг, посмотрел на него просительно:

— Парень, а ты не разыгрываешь?

— Тогда иди домой, — зло сказал Раф, — и досматривай телевизор. И спокойно, и понятно, и чертовщины никакой нет. А то, что наши в лесу — трое против тридцати, так это так, между прочим, пошутил, значит.

— Эх, не понял ты меня. — Председатель даже рукой махнул. — За такие шутки я б тебе голову свернул. Я же поверил тебе: не мог не поверить. Только наука ваша для меня — китайская грамота. Вот она, моя наука: когда сеять да когда жать. А ваше — ни-ни... Ты не злился, парень: мы же — как хохлы в поговорке, пока рукой не пошупаем — не поймем... Ну да ладно, давай поторопимся.

Глава 7

Старков ошибался: война не была объявлена. То ли за ревом двигателя не слышен был выстрел, то ли еще какая-нибудь причина, только дверца машины хлопнула и долговязый шофер наклонился над колесом.

— Что там еще? — крикнул ему кто-то из передней машины.

— Должно быть, прокол, — виновато ответил шофер, ощупывая покрышку.

Старков поймал его на мушку: удобная мишень, задержал прицел и... опустил карабин. Подумал: не время сейчас, получена новая отсрочка, причем совсем уж неожиданно. И сам усмехнулся: хитришь, солдат, испугался по живой мишени хлопнуть, отвык за тридцать лет. Отсрочка отсрочкой, а вот что будешь делать, когда и она кончится.

А отсрочка явно получалась недолгой. От все еще сидевшей в грязи машины донеслись лающие немецкие крики. Старков мысленно перевел.

— Ефрейтор, слышал выстрел? — спросил кто-то из легковушки.

— Никак нет, господин оберштурмфюрер, — ответил ефрейтор, не вылезая, однако, из теплой кабины грузовика.

Это явно не понравилось офицеру.

— Ко мне! — приказал он.

Рыжий ефрейтор выпрыгнул из кабины и, смешно переваливаясь на коротких ногах, побежал по глине к легковушке. Он остановился около нее, согнулся угодливо, и Старков подумал, что его обтянутая черным кителем спина — тоже неплохая мишень. Он-то лишь подумал об этом, усмехнулся про себя — сдержи эмоции, политрук, — и вздрогнул от грохота выстрела. Черная спина ефрейтора дернулась, он неестественно выпрямился, схватился за брезентовый верх легковушки и, не удержав своего тяжелого тела, медленно сполз на дорогу.

— Кто? — в ярости повернулся Старков и осекся: ему весело улыбался Олег.

— Как я его? Теперь начнется...

«Теперь начнется», — тоскливо подумал Старков.

И еще подумал, что парень в общем-то не виноват: немецкого не знает, потому и не понял, что только сейчас получил в подарок минут пятнадцать отсрочки и вот отказался от подарка, накликал беду...

В общем не виноват. А в частности? Старков смотрел на улыбающееся лицо Олега, перезаряжающего ружье, и подумал о той необычайной легкости, с которой молодой парень только что убил человека. Да не человека же, сам себе возразил Старков, — гитлеровца, убийцу. Но это ты знаешь, что он — садист и убийца, ты его помнишь, или не его — ему подобных, ты их

знаешь, а Олег? Для Олега все эти понятия — теория, страницы из учебника, и тем не менее...

Старков отмахнулся от этой мысли, забыл о ней. Начались дела поважнее...

— Ахтунг! — крикнул эсэсовец, выскочивший из своей легковухи и уже спрятавшийся в кустарнике. — Партизанен. Файер!

И Старков тоже полувывкрикнул, полущепнул:

— Огонь!

Эсэсовские каратели прыгали из кузова и ныряли в лес. Старков поймал на мушку одного — в прыжке — и выстрелил: есть! Еще один, еще, еще... Рядом бабахал Олег, то и дело перезаряжая тулку, вполголоса приговаривал:

— Попал... Попал... Ах, черт, мимо...

На Димкиной стороне было тихо, а может, это только показалось Старкову — он и разбираться не стал, некогда, — перезарядил карабин, припал щекой к ложу.

Немцы из-за кустов открыли по ним огонь. Звонко и раскатисто лаяли автоматы, где-то над головой — прицел неточен! — свистели пули, и, собственно говоря, отвечать уже не было смысла. Срезанные выстрелами «пришельцы» остались лежать у машины, а остальных просто не было видно. А стрелять по звуку — пустая трата патронов.

Черномундирный оберштурмфюрер тоже не был профаном. Автоматные очереди сразу же прекратились, и внезапная тишина, повисшая над лесом, показала Старкову странно нереальной, будто кто-то выключил звук, а изображение на экране осталось: та же разъезженная дорога над горкой, те же кусты орешника на обочине, брошенные машины и трупы около них.

Старков посчитал: трупов было семь. Четырех срезал он сам, а трое, стало быть, приходится «на долю» ребят. Скорее всего Олег: Димка, кажется, вовсе не стрелял — то ли испугался, то ли не успел.

— Быстро отходить, — шепнул Старков и, пригнувшись, побежал в глубь леса, петляя среди деревьев.

Он понимал, что их торжество долго не продлится. Звук выстрела из автомата или карабина не спутаешь с выстрелом из охотничьего ружья. А плохо вооруженные партизаны вряд ли сильно напугают карателей. Сейчас Старков не сомневался, что они выловили из прошлого именно взвод карателей. Вот таким же мокрым осенним днем лет тридцать назад ехал этот взвод по такой же мокрой осенней дороге, может быть, так же застрял на полчаса, может быть, тоже встретил партизан — настоящих! — а может быть, и прорвался к деревне. Если так, то кто-то из колхозников наверняка сохранил память об этом заурядном, но страшном эпизоде минувшей войны.

Минувшей? Опять оговорка. Кто знает: точно ли совпадает время в настоящем и в прошлом и равняются ли два часа, проведенных карателями в дне нынешнем, двум часам дня давно минувшего. А может быть, вернувшись в сорок второй год — Старков все-таки верил в это возвращение! — кто-то из карателей обратит внимание на то, что их время стояло, что вернулись они в ту же секунду, из которой отправились в долгое путешествие по временной петле. Кто знает капризы Времени, его неясные законы, поведение? Да кто, в конце концов, знает, что такое само Время? Никто не знает, думал Старков, а его теория — лишь робкая попытка постучаться в толстую стену, за которой — неизвестность, загадка, ночь...

— Стойте! — вдруг шепнул Олег. — Слышите?

Где-то позади хрустнула ветка, зашуршали о траву капли с потревоженного кем-то дерева.

Старков бесшумно шагнул за куст, за ним — Димка и Олег. Через несколько секунд на маленькую полянку, где они только что стояли, осторожно вышел человек в черной эсэсовской форме. Он озирался, сжимая в руках мокрый от дождя «шмайссер», потом

шагнул вперед — и захрипел в не слишком вежливых объятиях Олега.

— Штиллер! — сказал ему по-немецки Старков, уткнув в грудь немцу дуло своего карабина. — Во зинд андере? — И прибавил по-русски: — Остальные где?

Немец отрицательно покачал головой, скосил глаза на старковский палец, застывший на спусковом крючке. Старков понял его и медленно повел крючок на себя.

— Найн, найн, — быстро сказал немец и поднял руки.

— Эс ист бессиер, — одобрил Старков. — Мы тебя не убьем. Нихт эршляген. Ты откуда? Фон во?

— Бо-ро-ви-чи. — Немец тщательно выговорил трудное русское слово. — Айн кляйне штадт. Гестапо.

— Районный центр, — сказал Старков и снова спросил: — А сюда зачем? Варум, варум? — и обвел рукой вокруг.

— Ихь вайс нихт.

— Не знает, — перевел Олегу Старков и снова пошевелил пальцем на спусковом крючке.

— Аусфалль. Этрафэкспедицион, — пояснил немец.

— Вылазка. Карательная акция, — повторил по-русски Старков.

Немец явно не врал. Командование обычно не посвящало солдат в подробности операций. Карательная акция — достаточное объяснение, тем более что подобные акции — обычное дело для таких вот черномундирных «орлов», нахально храбрых с безоружными женщинами и трясущихся от страха под дулом карабина или автомата.

Старков достал из кармана носовой платок, критически осмотрел его. Платок был далеко не первой свежести, но гигиена здесь не обязательна.

— Открой пасть, — сказал Старков немцу и сам показал, как это сделать.

Тот послушно ощерился, и Старков толково забил платок ему в рот, потом, вытянув из его брюк ремень, кинул Димке:

— Свяжи руки.

Связанного немца положили под елку, и заботливый Димка прикрыл ему лицо пилоткой.

— Чтобы дождь не мочил, — объяснил он.

— Можно, я возьму его автомат? — спросил Старкова Олег.

— Возьми, конечно. Запасные обоймы они держат в под сумке.

— Нашел, — сообщил Олег.

— Вот что, ребята, — подумав, сказал Старков. — Судя по этому викингу, они решили прочесывать лес поблизости. Грузовик почти вытащили, но явно еще задержатся. Поэтому пробирайтесь-ка навстречу Петровичу с его отрядом — два лишних бойца пригодятся. Старайтесь обойти карателей с тыла — лес знаете.

— А вы? — почти одновременно спросили Олег и Димка.

— Пойду к немцам.

— За пулей в голову?

— Все пули мимо нас, — засмеялся Старков. — Схитрю. По-немецки немного умею, но вида не покажу. Постараюсь задержать их подольше, — может, какой-нибудь из экранов сорвется.

— Как это — задержать? — удивился Олег.

— Найдем способ, — усмехнулся Старков и добавил отрывисто: — А вы идите, как условились. Это приказ.

Глава 8

Отдав свое оружие ребятам — в последний момент Старков решил, что карабин ему не понадобится, — он снял исподнюю рубашку и, размахивая ею, как белым

флагом, пошел наперерез через кусты к застрявшему грузовику.

Увидя человека, размахивающего рубашкой, эсэсовцы, кроме тех, кто разбрелись по лесу в поисках партизан, угрожающе подняли автоматы.

— Хальт! — скомандовал один из них.

— Шпрехен зи руссиш? — крикнул Старков.

Из легковушки вылез уже знакомый издали оберштурмфюрер с длинным прямым носом и клоком рыжих волос, спускавшихся по-гитлеровски на лоб. Он иронически оглядел застывшего с поднятыми руками Старкова.

— Кто ты есть? — спросил он лениво. — Партизан? Мы не разговаривать с партизан. Мы их эршисен. Пиф-паф.

«Могут и расстрелять, — подумал Старков. — Без переговоров. Пиф-паф — и все. Да нет, пожалуй, не расстреляют так сразу. Покуролесят хотя бы из любопытства. Оно у носатого на морде написано. А мне важно затянуть канитель. Задержать, задержать их во что бы то ни стало. Да подольше, пока не полетят к черту экраны». Он уже рассуждал не как ученый Старков, а как партизанский политрук Старков, под дулами нацеленных на него автоматов придумывавший что-нибудь заковыристое.

— У меня есть сообщение, господин офицер, — сказал он нарочно дрожащим от страха голосом, хотя страха-то у него и не было: не все ли равно, как помирать, если приходится помирать.

— Со-об-ще-ние, — повторил по слогам носатый. — Миттейлунг. Хорошо. Геен зи хир. Близко. Еще близко.

Старков подошел, чуть прихрамывая — у него уже было на этот счет свое соображение — и не опуская рук.

— Говори, — услышал он.

Ну как говорить с призраком? Даже не с призраком, а с искусственным материализованным покойником. Да и покойники-то не ведают, что они уже тридцать лет как покойники, а если кто и жив сейчас, так не

знает, что ему сейчас придется «эршиссен» Старкова. Странное состояние полусна-полуреальности охватило его. Но дула автоматов отразили искорки солнца, выглянувшего на мгновение из-за свинцовой пелены туч. Сталь этих автоматов была совершенно реальна.

— Я сказать: говори. Заген, заген, — повторил носатый.

— В лесу партизан нет, — сказал Старков. — Была только группа разведчиков. Трое вместе со мной. Двоих вы кокнули.

— Что есть кок-ну-ли?

— Пиф-паф, — ответил, стараясь не улыбаться, Старков.

— Во ист партизаненгрупп? Отряд, часть? — добавил носатый.

— Ушли к железной дороге. В деревне одни старики и дети. А штаб отряда за Кривой Балкой. Примерно там. — И Старков показал в противоположную от деревни сторону. — Сорок минут туда и обратно.

Он нарочно выбрал не слишком отдаленный отсюда район. Потерять час-два на проверку носатый бы не рискнул. А сорока минут вполне достаточно. Да и до деревни надо потом добраться: клади еще тридцать минут по такой грязи. Никакие экраны столько не выдержат. Правда, его, Старкова, могут и расстрелять, когда вернутся ни с чем из-за Кривой Балки посланные туда солдаты, но что ж поделаешь: людей в деревне надо сберечь. И опять думал это не физик Старков, а политрук Старков образца сорок второго года.

Носатый посмотрел в указанную Старковым сторону.

— Дорт? — удивился он. — Повтори.

— За Кривой Балкой.

Носатый пошевелил губами, достал из нагрудного кармана в несколько раз сложенную карту, приложил ее к дереву и, пошарив глазами, ткнул пальцем в какую-то точку.

— Штаб? — повторил он. — Вифиль зольдатен? Сколько охранять?

— Человек десять.

— Цеен. Зер гут.

И тут же усомнился:

— А если ты врать, почему я верить? Где автомат?

— Бросил в лесу, когда бежал к вам.

— Зачем к нам?

— Всякому жить хочется. Я один, а вас тридцать.

И леса не знаю. Чужой я здесь.

— А почему партизан?

— Силком взяли, когда из города уходил. А я беспартийный да еще белобилетник.

— Что есть бело-би-летник?

— Освобожден от воинской службы по причине негодности. Хромаю. Немцы говорят: ламе.

— Пройти мимо.

Старков, припадая на правую ногу, прошел под наведенными на него автоматами мимо носатого и вернулся на место, где стоял раньше.

Эсэсовец подумал, еще раз взглянул на карту, позвал ефрейтора и быстро проговорил что-то по-немецки, из чего Старков понял, что двадцать человек направляются к Кривой Балке, а его особу будут сторожить два автоматчика.

Носатый взглянул на часы и пролаял на своем искалеченном русском:

— Если нет штаба — архенген. Сук видеть? — Он кивнул на толстый осиновый сук над головой Старкова. — Висеть, ясно?

— Ясно, — вздохнул Старков и спросил: — А закурить дадите?

Эсэсовец швырнул ему сигарету. Старков поймал и закурил от предложенной автоматчиком зажигалки. Дрянь сигарета, но курить можно, и он не без удовольствия затянулся.

Сорок минут. А там, кто знает, может быть, и поле исчезнет со всей вырванной из прошлого сволочью.

Глава 9

Лес они действительно знали: каждый кустик, каждый холм, каждую тропинку в зоне экранов исходили за четыре месяца — хоть кроки по памяти составляй. Поэтому и Олег и Димка точно представляли себе, как и куда им нужно добраться. В двухстах метрах отсюда пролегал неглубокий овраг. Если пройти по нему до конца, можно выйти к дороге там, где она тянется из леса к деревне. Туда прочесывающие кустарник эсэсовцы, конечно, сразу не пойдут. Не найдя «партизан» поблизости, они вернутся к машине.

Расчет оправдался. По оврагу ребята прошли без приключений: как они и предполагали, каратели не стали всерьез прочесывать лес, постреляли по кустам где погуще и пошли назад. Тем более, что «партизаны» на огонь не ответили. Словом, все шло по плану, задуманному Старковым.

Они уже добрались до опушки, где дорога сворачивала к деревне. Только бы не нарваться на гитлеровцев! За кого могли их принять, если у Олега висел на груди автомат, отобранный у пленного «гостя». Значит — сражение, а исход его неизвестен. И неизвестно тогда, будет ли выполнен приказ Старкова.

Вдали снова заурчала машина. Олег замер: должно быть, вытащили. Тогда каратели обгонят их через десять минут и прорвутся к деревне.

Даже предупрежденные Рафом колхозники подойти не успеют. Значит, надо что-то придумать. И Олег неожиданно предложил:

— Пробирайся к деревне один. Одному сподручнее и скорее. Меньше шума. Пройдешь в кустах по опушке — не заметят.

— А ты куда? — удивился Димка.

— Вернусь к машинам.

— Так ведь Старков приказал...

— Не всякий приказ следует понимать буквально: Старков приказал присоединиться к вооруженным колхозникам. Мы и присоединимся. Только по отдельности. Сначала ты, потом я. Если Старкову не удастся задержать машины, попробую я.

— Каким образом? — Димка все еще ничего не понимал.

— Во-первых, у меня «шмайссер», во-вторых, стреляю я без промаха. В-третьих, меня беспокоит судьба Старкова. Словом, спорить не о чем и некогда. Сыпь к деревне напрямик сквозь кусты. А я пошел.

Димка хотел вмешаться, но не успел. Где-то далеко в лесу раздавались короткие автоматные очереди, преследующие единственную цель — напугать до сих пор не обнаруженного противника и успокоить себя. Кто-то кричал, кто-то ругался по-немецки, но слов разобрать было нельзя. Да Олег и не знал немецкого. Его интересовало только поведение Старкова.

До машин он добрался быстро. Пригнувшись, побежал вдоль стены орешника, поравнялся со стоявшей на дороге легковушкой и почти бесшумно раздвинул кусты, выглянул на дорогу. Эсэсовский офицер со сплюснутым длинным носом и рыжим вихром на лбу сидел на пенечке в расстегнутом плаще. Против него, покуривая, стоял Старков, а в стороне два автоматчика. Один из них намертво держал его под прицелом «шмайссера», другой обменивался сигаретами с вышедшим из открытой легковушки шофером. Еще три автоматчика позади уже выкарабкавшегося из трясины грузовика отдыхали на поваленной бурей сосне. Солдаты помалкивали, время от времени озираясь по сторонам. Ясно было, что невольная задержка всех раздражает. И быть может, оберштурмфюрер уже жалел, что отослал отряд куда-то за Кривую Балку — название, которое на немецкий и перевести невозможно. От сорока минут осталось всего четверть часа. Тогда он

повесит этого партизана и двинется с отрядом к деревне. Носатый еще раз взглянул на часы и зевнул.

Вот тут-то Олег и принял решение. Мгновенной короткой очередью он срезал двух автоматчиков и шофера. Другая прострочила зевавшего оберштурмфюрера. Все это произошло так быстро, что растерявшиеся эсэсовцы, отдохавшие позади грузовика, не успели ничего предпринять. Олег перемахнул через кювет с водой и прыгнул в открытую легковушку, что-то крикнул Старкову. Тот, не успев удивиться, сразу понял, что от него требовалось. Вырвав из рук убитого автоматчика его «шмайссер», он дал очередь по эсэсовцам, которые залегли за стволом сосны. «Ко мне!» — крикнул из легковушки Олег, и Старков в два прыжка очутился в машине. Двигатель завелся вполоборота.

Олег врубил сразу вторую передачу и нажал на акселератор. Машина взвыла — много газа, пробуксовала секунду и рванулась вперед.

Быстрота всего происшедшего исчислялась мгновениями. Но эсэсовцы уже опомнились и открыли огонь по машине. Поздно! Страх перед неожиданным налетом «партизан» парализовал их так, что они едва успели воспользоваться прикрытием сосны, чтобы открыть огонь, теперь уже бесполезный. Они даже не сообразили, что в их распоряжении еще оставался освобожденный от грязевых тисков грузовик, и, петляя между кустами, только палили уже совершенно бесцельно по уходившей вперед легковушке — кучка потерявших командира, смертельно напуганных солдат.

Глава 10

Оставшись в одиночестве, Димка медлил недолго. Приказ есть приказ. Не понимая и даже не пытаясь понять, что задумал Олег, Димка знал одно: как можно

бесшумней, скорей и верней связаться с колхозниками. Продираясь сквозь заросли орешника, он вдруг услышал выстрелы. Где-то впереди, видимо на дороге. Он остановился — закрипели сломанные кусты. Сквозь них он увидел, как промчалась по проселку, как взбесившаяся кошка, желто-зеленая пятнистая легковушка. Почему одна, подумал Димка, ведь без грузовика с солдатами она станет легкой добычей колхозников. Совсем рядом просвистели пули, и он отметил, что стреляли из леса. Остановился, обернулся, не целясь, выстрелил по черной пилотке, мелькнувшей в глубине леса, побежал дальше.

...Он не слишком хорошо соображал, что делал. В нем жила только ярость, но не слепая и пылкая, а холодная и расчетливая. Она, и только она, руководила его поступками. И может быть, потому, что они потеряли привычный здравый «гражданский» смысл, ярость придала им странную, незнакомую доселе логику: спрятаться за кустом, выстрелить, сменить патроны старковского карабина, короткая перебежка и — снова выстрел. Вероятно, так же рождалась логика боя в партизанских отрядах — тогда, в Великую Отечественную. Ведь в отряды эти приходили не кадровые военные, порой такие же мальчишки с «гражданским» здравым смыслом. И смысл этот так же уступал место холодной ярости, ненависти к врагу, а значит — мужеству, бесстрашию, подвигу.

На дороге уже никого не было. Выстрелы раздавались из леса со всех сторон, кроме той, куда уехала легковушка. Она уже, наверно, вышла из зоны экранов — тут метров двести до границы поля, не больше. А что с Олегом, со Старковым? Может быть, это они участвуют в сражении, от которого ушел Димка. Может быть, это их, а не его ищут автоматные очереди эсэсовцев. Он спрятался за ствол дуба, выглянул из-за него. Метрах в двадцати среди мокрой зелени листьев мелькнула черная кур-

тка. Димка выстрелил, перебежал к другому дереву, выстрелил еще раз и вдруг услышал крик за спиной:

— Хальт! Хенде!

Медленно поднял руки вверх — в правой карабин, обернулся.

На него смотрел черномундирный немец, выставив вперед дуло пистолета.

И снова Димка подумал, что ему не страшен ни этот эсэсовец, ни его пистолет. Подумал и удивился: как же это? Ведь эсэсовец — не артист кино, не призрак и пули в его пистолете настоящие — девять граммов свинца...

Димка отвел правую руку назад и с силой швырнул карабин в нациста. Потом сразу пригнулся, прыгнул в сторону, и вдруг что-то ударило его в бок, потом в плечо, обожгло на секунду. Он остановился удивленный, прижал руку к груди, смотрел, как расплывается под пальцами черно-красное пятно, мокрое и липкое. И все кругом стало черно-красным и липким, погасли звук и свет. И Димка уже не слышал ни грохота еще одного выстрела, ни шелеста шагов поблизости, ни монотонного шума дождя, который припустил сильнее и чаще.

Глава 11

Председатель с удивлением смотрел на убитого эсэсовца в ненавистном черном мундире, на его нелепо скрюченную руку, сжимавшую черный «вальтер», на ствол своего дробовика, из которого еще вился синий дымок.

А Раф бросился к Димке, тормозил его, что-то кричал и вдруг умолк, с ужасом увидев темное пятно крови на груди и тонкую малиновую струйку, ползущую на подбородок из уголка рта.

— Димка, Димка, — бессмысленно прошептал Раф и заплакал, ничего не видя вокруг себя.

И даже не понял, когда председатель грубо оттолкнул его, — а просто сел на мокрую землю, грязным кулаком размазывая слезы по лицу. А председатель привычно — с сожалением, что пришлось вспомнить эту старую привычку, — наклонился над Димкой, прижал ухо к груди, послушал сосредоточенно и улыбнулся:

— Жив!

Потом рванул штормовку, ковбойку, пропитавшуюся кровью майку. Сказал Рафу:

— Эй, парень, приди в себя. У вас в сторожке бинты есть?

— Какие бинты? — всхлипнул Раф. — Ведь бой идет...

И вдруг осекся: кругом стола тугая непрозрачная тишина, по которой гулко били частые капли дождя.

— Что же это? — изумленно спросил он, посмотрев туда, где только что лежал труп убитого гитлеровца: трупа не было.

Лишь трава на том месте, где он лежал, еще осталась примятой. И валялся рядом выброшенный председателем использованный ружейный патрон.

— Сбежал, что ли? — спросил Петрович. — Не похоже: я не промазал...

Сзади захрустели кусты. Раф обернулся и вздохнул облегченно: на полянку вышли Старков и Олег. Возбужденные, взволнованные, похожие на стайеров, закончивших многокилометровый пробег нога в ногу, почему-то радостные и, в отличие от стайеров, совсем не усталые. И у того и у другого болтались на груди немецкие автоматы. И тут они увидели Димку на траве и председателя, стоявшего перед ним на коленях.

— Что с ним? — Старков бросился вперед, склонился над раненым.

— Жив, жив, — сказал председатель. — Не суетись. Пусть лучше кто-нибудь добежит до сторожки, бинты возьмет. Или простыню на худой конец...

— У нас есть бинты, — быстро сказал Олег. — Я сейчас сбегаю.

Пока он бегал, Старков с председателем осторожно раздели раненого Димку. Все еще всхлипывающий Раф принес во фляжке воды из ручья, и председатель умело промыл раны. Димка в сознание так и не приходил, только постанывал сквозь зубы, когда председатель бинтовал его грудь и плечо.

— Хотя рана и не опасная, но парня в больницу надо, — сказал председатель. — И побыстрее. Кто за машиной пойдет?

— А зачем за ней ходить? — откликнулся Олег. — Мы ее рядом оставили. У реки.

— Что оставили? — удивленно спросил председатель.

— Легковушку. Мы ее у фашистов отбили.

Старков с любопытством посмотрел на него. Вообще теперь, когда состояние Димки уже не вызвало особых опасений, Старков мог спокойно размышлять о том новом, что открылось в его ребятах. И пожалуй, Олег «открылся» наиболее неожиданно...

— По-твоему, машина тебя так и ждет? — спросил Старков.

— Ждет, куда денется, — лениво протянул Олег.

Он тоже успокоился, увидев, что Димка жив, и теперь явно наслаждался своим преимуществом: он что-то знал, а Старков — нет. Более того: от его знания что-то зависело — очень важное. Но этим «что-то» была Димкина жизнь, и Олег, не ломаясь по обыкновению, объяснил:

— Я, когда за бинтами бегал, видел ее.

— У реки? — спросил Старков, и Олег понял смысл вопроса, кивнул согласно:

— Точно. Метрах в ста от зоны экранов. — Потом кивнул на Димку: — Несите его к дороге, а я машину пригоню.

Легковушка оказалась целехонькой, только верх ее во многих местах был прострелен. Председатель сунул палец в одно из отверстий пониже, спросил Олега:

— В рубашке родился, парень?

— Ага, — хохотнул тот, — в пуленепробиваемой. — И к Рафу: — Садись, плакса, на заднее сиденье — сможешь мне...

Он тронул машину и осторожно повел ее по дороге, стараясь объезжать кочки и рытвины. И, даже выехав из леса, не прибавил скорости: лишние четверть часа не играли для состояния Димки особой роли, а тряска по плохой дороге ощутимее на большой скорости.

— Лихой парень, — сказал председатель. — Такие в войну особо ценились. Так сказать, в первую очередь.

— И гибли тоже в первую очередь, — откликнулся Старков.

— Ну не скажи: этот умеет осторожничать. Смотри, как раненого повез — не шелохнул.

— Умеет, — подтвердил Старков.

Олег действительно умел. Умел рисковать — на самой грани, на тонком канате, когда спасает только чувство баланса. У Олега было оно — это чувство, и он отлично им пользовался. Как в цирке: канатоходец под куполом качнется в сторону, и публика ахнет, замирая от страха. И не знает дура публика, что все это — только умелый ход, хорошо рассчитанный на то, чтобы она ахнула, чтобы взорвалась аплодисментами — цените маэстро! Он рисковал, этот канатоходец, — еще бы! — но чувст-

во баланса, умение быть осторожным *на грани* не подводит.

Почти не подводит.

— А куда фашисты подевались? — осторожно спросил председатель: он, видимо, считал, что ученый имеет право не отвечать на наивные для него вопросы.

Старков так не считал и охотно объяснил:

— Их время кончилось. Какой-то из экранов не выдержал, сгорел, временное поле исчезло, а вместе с ним — и гости из прошлого. Полагаю, что они сейчас находятся в этом же лесу, только в сорок втором году.

— Живые?

— А может, и мертвые, если нарвались на партизан.

— Так мы же и партизанили в этих лесах.

— Не одни мы. Возле этого села могли орудовать и другие.

— Значит, исчезли, — повторил задумчиво председатель. — Назад вернулись. А как же машина?

— Машина вышла из зоны действия поля, поэтому оно и не захватило ее.

Председатель все еще не понимал:

— А если бы они вышли, как ты говоришь, из этой зоны, то и они могли бы остаться?

— Могли бы, — кивнул Старков. — Только мы им помешали.

— Это верно, — согласился председатель. — Правда, по-твоему, по-ученому, я понимать не могу. В голове не укладывается.

Старков усмехнулся:

— У меня тоже не укладывалось.

А если честно, так и сейчас не укладывается. Как в добрых старых романах, проснуться и сказать: «Ах, какой страшный сон!» Но добрые старые романы мирно пылятся на библиотечных полках, а «трофейная» машина с простреленным кузо-

вом везет в райбольницу парня рождения пятидесятих годов, раненного пулей, выпущенной в сорок втором.

— А что ты колхозникам сказал? — спросил он.

— Про банду в старой немецкой форме. Ограбили, мол, где-то трофейный склад. Говорят, есть такой в городе. Для кино.

— И поверили?

— Кто же не поверит? Раз сказал — значит, так. Доверяют мне люди.

— Так ведь же обнаружится, что банды никакой нет. Разговоры пойдут, милиция встрепетается, а бандитов как ветром сдуло.

— Вот ты и растолкуешь, чтоб зря не болтали. Я народ созову, а ты объясняй. Завтра в клубе и соберемся. Я расскажу, почему про банду соврал. Кстати, и не соврал: была банда. Разве не так?

— Так-то оно так, — согласился Старков, — только поймут ли меня?

— А ты попроще, как бывало, помнишь? Ты, комиссар, всегда с народом умел разговаривать. Если не забыл, конечно. Милицию тоже позвать придется. Дело такое — не скроешь.

Старков кивнул согласно, пожал руку, пошел не торопясь к сторожке: генератор надо выключать, зря электроэнергию не переводить, да ребят подождать, — вспомнил реплику Петровича о милиции. Верно ведь — дело-то уголовное по мирному времени. Ну что, подследственный Старков, как оправдываться будем?

А оправдываться придется. За опасный эксперимент. За «отсутствие техники безопасности» — так пишут в инструкциях? За Димку. За Рафа с Олегом. За себя, наконец...

А что за себя оправдываться? Перемудрил, перусердствовал ученый муж. Как там в старом фокусе: наука умеет много гитик. Ох и много же гитик — не

углядишь! За ходом опыта не углядел, за ребятами не углядел. А результат?

Есть и результат — никакая милиция не опровергнет. Его теория доказана экспериментально, блестяще доказана — от этого результата не уйти!

...Старков дошел наконец до сторожки, где по-прежнему гудел генератор. Только самописцы писали ровную линию — на нуле, и на нуле же застыла стрелка прибора, показывающего напряженность поля. Напряженность — ноль. Старков выключил ток, посмотрел на индикатор экранов: опять седьмой полетел, никак его Олег не наладит.

Он сел на табуретку, подобрал с полу английский детектив, брошенный Рафом. С пестрой обложки улыбался ему рослый красавец с пистолетом в руке. Старков вспомнил: красавец этот ни разу не задумался перед выстрелом. Стрелял себе направо и налево, перешагивал через трупы, улыбался чарующе. Ни разу в жизни не выстреливший, — наверное, даже из «духовушки»! — Раф почему-то любил это чтиво. И любил с увлечением пересказывать похождения очередного супергероя. Вероятно, психологи назвали бы это комплексом неполноценности: искать в книгах то, чего нет и не будет в самом себе.

Нет и не будет? Психологи тоже люди, а значит, не застрахованы от ошибок. По существу, Раф должен завидовать Димке или тем более Олегу — их сегодняшним подвигам. А ведь сам он сделал не меньше: его миссия была потруднее лихой перестрелки, затеянной в лесу. Он сумел убедить Петровича собрать и вооружить людей, заставил его поверить в случившееся, хотя оно было невероятней, чем все слышанные когда-то председателем сказки, да еще и вооружился сам, никогда не стрелявший, не знавший даже, как прицелиться или спустить курок. Он знал только, что готовился к бою, к жестокой военной схватке, о которой лишь читал или слышал на

школьных уроках. Знал и не остался в деревне вместе с детьми и женщинами, а пошел в бой с дробовиком против «шмайссеров».

Кстати, два из них остались у Старкова с Олегом вместе с «трофейной» машиной из прошлого. Все это придется, конечно, сдать. А жаль. Машина им пригодилась бы, да и Олег уж очень лихо ею управляет.

Лихой парень Олег. Отчаянный и бесшабашный. Старкова почему-то всегда коробила эта бесшабашность. И пожалуй, зря коробила. Радоваться надо было, что не перевелись у нас храбрецы, которыми так гордились в годы войны и которые, если понадобится, повторят подвиг Матросова и Гастелло. Это в крови у народа — героизм, желание подвига. Так и не думай о том, что твоих студентов в школе этому как следует не учили. Когда политрук подымал взвод или роту в атаку, он не читал солдатам длинных продуманных лекций. Он кричал охрипшим голосом: «Вперед! За Родину!» — и люди не ждали других слов, потому что все другие слова были лишними. А подвиг боится лишних слов, отступает перед ними. Подвиг ведь не рассуждение, а действие. Таков и подвиг Олега. Он не знал, что седьмой экран на пределе, что поле, а вместе с ним и гости из прошлого вот-вот исчезнут. Он принял единственно верное решение — совершил почти невозможное.

О своем подвиге Старков и не думал. А ведь если бы экран не сдал, то через каких-нибудь полчаса вернувшиеся ни с чем из-за Кривой Балки гитлеровцы повесили бы его на том же суку, под которым он стоял, уверяя, что партизанского штаба в деревне нет. Сейчас он даже не вспомнил бы об этом: какой еще подвиг — просто ожила где-то спрятанная в душе «военная косточка», которая давалась людям не в семилетке или десятилетке, а прямо на поле боя. Ведь и тебя, Старков, и председателя никто, в

сущности, не учил воевать, а просто взяли вы в руки винтовки и пошли на фронт. И здорово воевали — такие же мальчишки, как Димка, Раф и Олег. Так вот и оказалось, Старков, что нет никакой разницы между тобой и твоими студентами: бой показал, что нет ее. Нет стариков и нет мальчишек — есть мужчины. Проверка боем окончена.

Он встал и вышел из сарая. Дождь кончился, и серая муть облаков расплзлась, обнажая блекло-голубое небо. Где-то в лесу знакомо урчал «трофейный автомобиль», и Старков медленно пошел ему навстречу.

ВРЕМЯ ЕГО УЧЕНИКОВ

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Почему Старков так любил осень? Этот промокший насквозь лес, растерявший за лето все привычные свои звуки, кроме сонного шуршания дождя? Эту хлюпающую под ногами кашу, холодную кашицу из мокрой земли и желтых осенних листьев? Это низкое тяжелое небо, нависшее над деревней, как набухший от воды полог походной палатки?

Пушкинская осень — желтое, багряное, синее, буйное и радостное, спелое, налитое... А Старков почему-то любил серый цвет, карандашную штриховку предпочитал акварели и маслу.

Раф спросил его как-то:

— Почему все-таки октябрь?

А тогда еще было самое начало сентября, начало занятий в институте, начало преддипломной практики, которая все откладывалась из-за непонятных капризов Старкова.

— Легче спрятать следы, — ответил Старков, походя отшутился, перевел разговор на какие-то институтские темы, а обычно дотошный Раф не стал допытываться.

В конце концов, каждый имеет право на прихоть. Тем более, что она — эта непонятная старковская прихоть — никак не мешала делу. На эксперимент Старков положил ровно месяц, а срок практики у них — до конца декабря.

— Все успеете, — говорил Старков, — и отчет об эксперименте оформить, и даже диплом написать. Да и чего его писать? Поделим отчет на четыре части — вот вам по дипломной работе каждому. Да еще какой работе, — комиссия рыдать станет...

Он всегда был оптимистом, их Старков, ненавидел нытиков и перестраховщиков, истово верил в успех дела, за которое брался. А разве можно иначе? Тогда и браться не стоит. Так он считал, и так же, в общем, считали его студенты — Олег, Раф и Димка, которые год назад безоговорочно поверили в идею учителя, проверили ее в лесу на Брянщине, снова вернулись сюда, чтобы установить генератор обратного времени в той же лесничьей заброшенной избушке, смонтировать экраны-отражатели временного поля.

Прошлогодний эксперимент считали неудачным. Поле нащупали, стабилизировали его в километровой зоне экранов, и давно ушедшее время сорок второго военного года возникло в реальном и прочном времени нынешнего дня, их дня — дня веселых и беззаботных студентов семидесятых годов, дня ученого Старкова, лишь твердой памятью своей возвращавшегося в тяжкие дни партизанского комиссара Старкова. Именно здесь, на Брянщине, в партизанском отряде, начинал он свой долгий путь в науку, еще не зная, не ведая, что замкнется этот путь кольцом, вернется к началу — в тот самый сорок второй год, когда постигал он азы великой науки — суворовской «науки побеждать», науки не сдаваться, не отступать перед трудностями.

Стабилизированное поле казалось неуправляемым, и взвод фашистских карателей прожил два с лишним часа в чужом для них времени, до которого на самом деле многие из них не дожили, не дошли, сраженные пулями партизан, быть может, пулями, выпущенными из автомата самим же ко-

миссаром Старковым. Он твердо усвоил свою науку: не отступил, не сдался. Да и ребята его не подвели тогда. Каратели так и не вышли из леса, вернулись в свое время, а Старков со студентами вновь взялся за расчеты, перестроил генератор, провел серию опытов в институтской лаборатории, дождался любимого своего октября, чтобы повторить эксперимент «в лесу прифронтовом», но повторить его на совсем новой основе.

Сейчас они сидели в жарко натопленной избушке — все четверо да еще председатель колхоза, который командовал тем отрядом, где служил комиссар Старков, — сидели вокруг плохо оструганного стола, крытого старенькой клеенкой, а в мутное квадратное оконце бился холодный октябрьский дождь — уже постоянный спутник их не шибко веселых прогулок по Времени.

— Не нравится мне все это, — хмуро сказал председатель, разглядывая полустершийся узор на клеенке.

— Что именно? — спросил Старков.

— Да игры ваши со временем. Прошлый раз себя чуть-чуть не угробили, и деревне опасность была. А сейчас что будет?

Старков не знал, что будет сейчас. То есть о самом эксперименте он знал все, а вот о поведении его участников, которое не предугадать... Он посмотрел на студентов. Раф уставился в окно, что-то высматривал за мутным стеклом, залитым водяными потеками, усиленно делал вид, что разговор его не касается, не прислушивается он к нему. Димка внимательно изучал плакат на стене, подаренный колхозным киномехаником. На плакате всюду грустила большеглазая дива, летели желтые осенние листья, прямыми пунктирными линиями был нарисован дождь — ничуть не похожий на тот, настоящий, за окном. И только Олег в упор глядел на Старко-

ва, улыбался, ждал ответа, а может, и знал его, да только не хотел помогать шефу: кому вопросик подкинули, тот и выкручиваться должен, а мы послушаем, поучимся уму-разуму у старших товарищей.

«Хороши помощнички, — обозлился Старков, — ждете от меня дипломатических уверток, говоря попростому — вранья. Черта с два! Не дождетесь!..»

Правда всегда убедительней любого вымысла, считал он. Да и зачем обманывать председателя, пользоваться его, мягко говоря, небогатыми знаниями современной физики? За три с лишним года войны Старков прочно поверил в интуицию своего командира отряда, ставшего теперь председателем колхоза в Брянской области, в его «легкую руку» поверил, в его редкое умение почти точно угадывать зыбкий процент риска в любом важном деле. А дела у партизан были тяжкие, не чета нынешнему, все-таки — экспериментальному.

— Что будет? — раздумчиво протянул он. — Всякое может случиться, Петрович. Но одно скажу точно: никакой опасности для деревни не жди. — И, уже увлекаясь, как обычно, когда речь заходила о его теории, продолжил: — В прошлый раз мы воссоздали в зоне экранов сорок второй год. Сейчас мы поступим иначе. Временное поле перенесет на тридцать с лишним лет назад наше время, наш день. В прошлый раз мы не сумели справиться с полем, даже не ведали, что может статья, если просто вырубить генератор. Сегодня мы сможем точно контролировать время переноса, при малейшей опасности отключить установку, прекратить опыт. В прошлый раз мы контролировали экраны-отражатели по кругу с центром в точке действия генератора. Нынче мы выставили экраны по лучам-радиусам сектора, расходящимся от той же точки. Что это даст? Прежде всего, мы не ограничиваем себя хотя бы по одной координате. За пределами линии экранов поле не действует. Но по

оси сектора мы растягиваем его действие на многие километры, а практически — бесконечно. Понял?

Председатель усмехнулся:

— Я за этот год, что вы в институте химичили, за физику взялся. Кое-что из институтского курса вспомнил, кое-что новенькое подчитал. — И, заметив иронический взгляд Рафа, который оторвался от своего окна, соизволив-таки обнаружить интерес к беседе, сказал сердито: — А ты не ехидничай, студент. Я не к защите диссертации готовился, а к разговору с комиссаром. — Он так и называл Старкова — комиссаром, по старой памяти. — Чтобы не сидеть дурак дураком. Короче говоря, переиграли вы суть опыта: не они к нам, а мы к ним. Так?

— Так, — подтвердил Старков.

— Я тут вчера походил по вашим владениям, на экраны поглядел... Скажи, комиссар, ты их специально на северо-восток ориентировал?

Старков только руками развел: дотошен «батя», поймал комиссара на хитрости.

— Специально, Петрович.

— А кто пойдет?

Вот он — вопрос, которого ждал Старков, ждал и боялся, потому что так и не нашел на него однозначного ответа.

— Не знаю, — честно сказал он. — Давайте решать вместе.

Тут уж Олег не выдержал своего великолепного молчания, взмолился:

— Ой, да не разводите вы здесь «парижских тайн». Что вы там придумали, профессор, выкладывайте.

— Дай-ка я скажу, — вмешался председатель, а Старков кивнул согласно: выкладывай, Петрович, раз аудитория просит.

И только подумал про себя, что обидится на него аудитория, что скрыл он от них свой тайный умысел, дотянул до последнего дня. А почему скрыл?

Может быть, потому, что военная память, память о тяжелом сорок втором принадлежала только ему и не хотел он делиться ею с мальчишками пятидесятых годов, боялся, что упрекнут они его в сугубо личном подходе к цели эксперимента? Может быть, и так. Оттого и время выбрал осеннее, и избушку эту лесную. А ведь подход-то не совсем личный, связан он прежде всего с ним самим, с бывшим партизанским комиссаром Старковым и касается лично его, пожалуй, больше, чем кого-либо из присутствующих, ох как касается! Если только прав он в этом втором эксперименте.

— Вы знаете, — говорил председатель, — что в сорок втором году в этих местах действовал наш партизанский отряд. В селе, где сейчас мой колхоз, была базовая явка отряда. Обратили внимание небось: ни одного старого дома в деревне нет, все заново отстроены? Не мудрено: когда каратели совершили набег на нее, они все пожгли, ничего не оставили. Хорошо еще, успели нас свои люди предупредить, жителей мы к себе забрали.

— Всех? — спросил Димка.

Председатель нахмурился:

— Не всех, к сожалению... — Обернулся к Старкову: — Помнишь Стаса Котенко? — И объяснил ребятам: — Старостой он в деревне был. Вроде бы фашистский ставленник, а на деле — наш колхозник, коммунист, невероятной отваги человек. Мы ему тогда твердили: уходи, Стас, все равно деревня «засвечена». А он: погодим маленько, может, и выкрутимся. Мол, я у гитлеровцев на хорошем счету, кое-какая вера ко мне у них есть. Вот и погодил...

— Убили? — подался вперед Димка.

— Повесили. Как раз в октябре сорок второго. Его и еще пятерых.

— А вы куда смотрели? — Голос Димки даже сорвался от возмущения.

Председатель покачал головой:

— Не горячись, парень. Мы не смотрели, мы дрались. Да только мало нас было в то время. Основные силы отряда ушли в район Черноборья на соединение с отрядом Панкратова. А здесь остался обоз и взвод охранения — двадцать девять бойцов во главе вон с ним. — Он кивнул на Старкова, помолчал немного, покусал губы — разволновался, вспоминая. — Обоз они потом привели в Черноборье. Да только вместо двадцати девяти бойцов пришли одиннадцать. А пятерых привезли — раненых. Комиссара даже хотели на Большую землю отправить: легкое ему прострелили да две пули из «шмайссера» в ногу застряли. Только разве его отправишь? Уперся — и ни в какую. Залатали потом, нашелся умелец. Не свербит к непогоде?

Старков потер ладонью грудь, улыбнулся:

— Все пули мимо нас, батя.

— Стало быть, не все. Не спасла тебя твоя поговорочка.

— Да разве это пули? Так, пчелки... Жив я, батя, и жить до-олго собираюсь.

— А сперва посмотреть хочешь на себя молодого?

Старков посерьезнел, сел прямо, руки на стол положил — так он лекции в институте начинал читать: минут пять выдержит, посидит смирно, голос ровный-ровный — не повысит, а потом забывает о роли мудрого педагога, вскакивает, ерошит волосы, носится у доски — мальчишка мальчишкой.

— Нет, Петрович, не хочу, — тихо сказал он. — Не имею права.

— Парадокс времени? — усмехнулся председатель. — Слышал, как же.

— Не того парадокса я боюсь, Петрович... Я себя самого боюсь, сегодняшнего, умного да опытного. Физика Старкова боюсь, кто наверняка не даст ко-

миссару Старкову сделать те ошибки, что были сделаны.

— А почему бы не поправить комиссара? Хотя нет, — председатель вспомнил прочитанное за зиму, — не имеешь права: изменяя прошлое, невольно изменишь будущее.

— Не то, Петрович, недопонял ты, или я не объяснил тебе суть опыта. Мы не путешествуем в прошлое, в то прошлое, которое было у нас. Мы вроде бы создаем его точную модель, копию, матрицу. Не знаю, как это получается, но наш опыт никак не влияет на реальную жизнь. Мы в институте в испытательной камере делали, например, такую штуку. Сажали в камеру белую мышь, фиксировали ее там на определенный отрезок времени, а через сутки восстанавливали в камере этот отрезок, умерщвляли ее, возвращались в свое время — а она жива-живехонька.

— Может, не ту мышь убивали?

— Другой в камере не было. Этот эффект мы проверили сотни раз, он неизменен. Поэтому и предположили, что наша установка дает возможность вернуть не само время, а какую-то его вариацию, точную вариацию. И реальную до мелочей: мышь-то все-таки в нашем опыте погибала.

— А если не мышь? Если человек?

— Это все-таки не наше время, Петрович, вернее, не наша линия времени. Хочешь узнать, что будет, если я вернусь в сорок второй год и, скажем, убью самого себя — молодого?

— Допустим.

— И допускать нечего. Ничего не будет. Сегодняшняя мышь, то есть физик Старков, останется невредимой. Но ты верно заметил о моем путешествии: не имею права. Морального права не имею. Права помешать моему аналогу самостоятельно выбирать дорогу жизни. А скорее, просто боюсь этой встречи...

Председатель растерянно смотрел на Старкова. Видно, не хватало ему знаний по физике, полученных из тех пяти-шести книг, что одолел он за зиму, не мог он представить себе другого времени.

— Где же она будет, встреча эта?

— Не будет ее. А если б и была, то где-то в иной плоскости, где есть свой Старков, свой лес, свой отряд.

— Второй Старков?

— А может, десятый. Двадцатый. Сотый. Кто знает — сколько их, этих плоскостей времени, линий, как мы их у себя называем?

— И везде одно и то же? Везде война, везде бой, везде повешенный карателями Стас?..

— Не знаю. Вот ребята вернутся — расскажут...

Слово сказано: «Ребята вернутся». Все давно решил Старков: и что именно он останется вести поле, и что именно студенты пойдут в прошлое, в его прошлое. Давно решил, да только не хотел сознаваться в том, потому что жила где-то в глубине души тщетная надежда оправдать для себя свое путешествие в сорок второй год.

Но кем он придет к тому Старкову? Старковым нынешним, «остепененным» ученым с громким именем, с прекрасным и светлым вариантом возможного будущего? Не имеет он на то права, не должен отнимать у молодого комиссара жизненной необходимости пройти свой путь — по ухабам, по рытвинам, но свой, не навязанный кем-то, не подсказанный. Или явиться к нему сторонним советчиком, разумным покровителем и помощником, потому что не сможет нынешний Старков остаться лишь наблюдателем — равнодушным и хладнокровным. Пустая затея. Слишком хорошо он себя знает: и себя сегодняшнего, и себя молодого. Один не устоит, вмешается в жизнь другого, а другой не примет вмешательства, по молодой горячности еще и «шлепнет» физика. Хочется умереть, Старков?

Да не в том дело, Господи! Жить хочется, но жить — «как на роду написано», так, кажется, в старину говорилось. А встреча двух Старковых напрочь перевернет «написанное на роду» и одному и второму.

А если все-таки затаиться, ничем не выдать себя, просто быть, просто увидеть, просто почувствовать, не вмешиваться ни во что? Сможешь, Старков? Нет, наверное, не умел он существовать в раковине, даже если эта раковина сделана из самых высоких и гуманных побуждений.

Значит, вывод один: пойдут ребята. Но все ли? Они ведь еще толком не знают, куда пойдут.

— В семи-восьми километрах точно на северо-восток находилась основная база партизанского отряда вплоть до его соединения с панкратовцами. — Старков снова выпрямился, положил руки перед собой, говорил сухо, чуть монотонно — читал лекцию. — Двадцать шестого октября, как вам уже сказал командир отряда, основные силы ушли в Черноборье, где Панкратов готовил крупную операцию. Таков был приказ с Большой земли. В районе деревни остался обоз и двадцать восемь бойцов с командиром. Предполагалось, что — по выполнении панкратовской операции — отряд вернется к старому месту базировки, потому что партизаны не хотели терять контроль над этим районом, где тем более сохранялась явочная деревня под нашим наблюдением. Мы знали, что в деревню будут отправлены каратели, но считали, что их силы не превысят одного взвода. Однако у гитлеровцев, как оказалось, были сведения о местоположении отряда, и к деревне была выслана мотострелковая рота, усиленная взводом пулеметчиков. Бой, как вы понимаете, был неравным. Может быть, его вообще не следовало принимать...

— Ты что, Старков. — Председатель удивленно смотрел на него. — Как это не следовало? Ведь в де-

ревне оставались наши? Что ж, бросить их, по-твоему, следовало, а?

— Мы им ничем не помогли, батя, — тихо сказал Старков, махнул рукой, резко поднялся, отбросив ногой табурет, зашагал по тесной комнатке — три шага от стены к стене. — Что было, то было, нечего ворошить. Давайте решим, кто пойдет на искомую линию Времени. Ну, я слушаю. — Он обвел взглядом сидящих за столом.

Олег опять улыбнулся — широко и беззаботно:

— Я пойду, шеф.

— И я, — откликнулся Димка.

Раф аккуратно поправил очки, спросил вежливо:

— Вы справитесь с установкой в одиночестве?

Председатель неожиданно расхохотался:

— Ну орлы! Ну герои! Все, видишь ли, пойдут... А знаете ли вы, соколики, на что рветесь? Там страшно. Там стреляют.

Раф удивленно взглянул на него:

— Мы не вчера из детского сада, уважаемый товарищ председатель. Не надо нас пугать.

— Да чего болтать. — Олег тоже поднялся, подошел к Старкову, встал рядом, обнял его за плечи. — Если вы не против, шеф, все и пойдём. Гоните инструкции.

Старков, честно говоря, и не ждал, что кто-то из них сдрейфит, откажется идти. Хотя предлог и был — первый сорт: Старкову одному придется трудновато, установку должны обслуживать как минимум двое. Но он не решился напомнить об этом ребятам. В конце концов, сам справится, не впервой.

И тут подал голос председатель:

— А не потрянуть ли и мне стариной, а, комиссар?

— Ну уж нет, — сердито сказал Старков. — Будешь мне помогать.

— Да я не умею, — взмолился председатель.

— Научу. — И не сдержался, добавил ехидно: — Ты ж у нас физику решил изучать. Пользуйся случаем, пополняй знания.

Глава 2

Эксперимент назначили на утро следующего дня. К выходу во Время готовились прочно и основательно. Председатель принес из дому старенькую, стертую на сгибах карту-двухверстку, разложил на клеенке, вооружился линейкой и карандашом.

— Запоминайте маршрут, — сказал он, — карту с собой брать не будете.

— Это почему? — удивился Димка.

Начитанный парень Раф, большой знаток детективно-приключенческого жанра, покровительственно похлопал его по плечу:

— Когда мы попадем к партизанам, нас, вероятнее всего, обыщут и найдут карту.

— Ну и что?

— Темный ты человек, Димка. Никакого понятия о конспирации. Ну посуди сам: откуда у обыкновенных мальчишек может быть точная карта местности?

— Да еще выпущенная в сорок девятом году, — вставил Олег, внимательно следивший за чертежными манипуляциями председателя. Тот ориентировал карту по компасной стрелке, отметил точкой избушку лесника, высчитал азимут, прочертил по линейке красную линию маршрута.

— Верно, — сообразил Димка. — Четыре года, как война кончилась.

— Не только в том дело, — терпеливо объяснял Раф. — Да будь она датирована тридцать девятым годом, все равно ее нельзя брать. Кто нас мог снабдить картой? Партизаны? Значит, необходимо знать

все о партизанском движении в здешних местах. Вряд ли наш уважаемый профессор был менее дотошным в то время. Он мгновенно поймает нас на неточности или, что хуже, на незнании обстановки и преспокойно поставит к стенке.

Старков подумал, что Раф вряд ли преувеличивает. Комиссар Старков не стал бы церемониться с подозрительными типами, даже перепроверять их не стал бы: времени не было, фашисты вот-вот подойдут, бой впереди, некогда разбираться. Ну не к стенке, это уж слишком. А вот повязать голубчиков накрепко, кляп — в рот, сунуть в одну из обозных телег под солому — вполне реально. А эта реальность лишит участников эксперимента свободы действий — и в буквальном смысле, и в переносном.

— Легенда вам нужна, — сказал он, а Раф немедленно откликнулся:

— И не просто достоверная, а вызывающая минимум контрвопросов. Подумайте, профессор, вспомните ваше партизанское прошлое. Кем бы мы могли к вам явиться?

«Допустим, в расчете времени мы не ошиблись, — думал Старков. — Допустим, отряд уже ушел в Черноборье. Нас — двадцать девять. С нами — десять телег обоза, десять лошадей и, если мне память не изменяет, жеребенок. Допустим, мы еще не знаем, что каратели придут именно сегодня. И сколько их будет — не знаем. Но то, что их следует ждать, известно доподлинно. И мы их ждем: для того и остались. И вот появляются трое парней... Откуда?»

— А может, не стоит им идти в отряд? — подал голос председатель. — Может, затаятся они где-нибудь, посмотрят, послушают и — назад? Ведь ты же их со своей дурацкой подозрительностью сразу за провокаторов примешь.

— Это ты сегодня мою подозрительность называешь дурацкой, — усмехнулся Старков. — А тогда она тебе совсем не мешала.

— Так то тогда... — туманно протянул председатель.

Олег оторвался от карты, на которой красной нитью протянулся семикилометровый путь от избушки до предполагаемой базы отряда, вмешался в разговор:

— Не подозрительность дурацкая, а, простите, весь ваш спор. Я, например, не собираюсь отсиживаться в кустах. Предлагаю версию. Мы пришли из деревни Ивановки, которая в сентябре сорок второго была полностью сожжена гитлеровцами.

— Где это — Ивановка? — спросил Димка.

— В семидесяти километрах южнее. Теперь там колхоз имени Якова Лескова.

— Нам за двадцать, — сказал Раф. — Резонный вопрос: почему мы не в армии?

— Потому что мы — партизаны из отряда Лескова.

— А на кой черт мы явились сюда?

— Отряд Якова Лескова, базировавшийся около Ивановки, в том же сентябре был полностью уничтожен фашистами. У Лескова было всего пятьдесят четыре бойца, из которых тридцать шесть — костяк отряда — не сумевшие выйти из окружения солдаты пехотного полка. Остальные — колхозники из Ивановки. Отряд просуществовал всего три месяца, не успел выйти на соединение ни с одним крупным партизанским подразделением, был выдан фашистам предателем и разбит наголову в бою под Ивановкой двадцать первого сентября. Яков Лесков — капитан Красной Армии — посмертно награжден орденом Отечественной войны, его именем назван колхоз. — Он повернулся к Старкову. — Вы должны были знать о его существовании,

но никого из людей Лескова никогда не видели. Точно?

— Точно, — сказал Старков. — Мы знали о них.

Он с удивлением смотрел на Олега. Откуда тот узнал о существовании отряда, о деревне Ивановке, о которой даже многие местные колхозники не слышали: она расположена на территории другого района.

— Откуда сведения? — Раф опередил его вопрос.

— Всяким прогрессом движут интуиция и интеллект. — Олег явно упивался неожиданной для друзей ролью знатока военной истории, умной ролью, думал Старков, очень уместной и вызывающей уважение. — Две недели назад, как вы помните, я мотался в город за конденсаторами. Конденсаторы я не достал, но зато полдня просидел в краеведческом музее и теперь кумекаю в партизанском движении в районе не хуже Петровича или шефа. Тогда у меня и сложилась модель легенды, с которой мы пойдем в прошлое.

— Погоди-погоди, — прервал его Старков, — а откуда ты знал мой план? То, что вы пойдете именно в наш отряд и, кстати, в эти же дни? Я, каюсь, ничего вам не говорил...

— Впрямую — не говорили. Но примерная дата выхода была известна. О существовании вашего отряда мы еще в прошлом году узнали. Петрович не раз рассказывал о нем. Из того, куда мы ориентируем экраны-отражатели, тоже вывод сам собой напрашивается. Идти без легенды, без точного знания обстановки — пустой номер, не на прогулку собираемся. Вот я и решил все продумать заранее. А то на охоту ехать — собак кормить... — Все это он произнес с этакой ленцой в голосе: мол, что поделаешь, приходится объяснять очевидное, предельно ясное, если сами не разбираются.

Он подвинул табурет к стене, прислонился к плакату с грустящей девицей, оглядел слушателей: ну, что еще непонятно?

— А парень-то — хват, — с восхищением протянул председатель.

— Хват — не то слово, — сказал Старков.

Ему казалось, что он распрекрасно знает своих студентов, их непростые характеры, их привычки, их интересы. С известной самоуверенностью он даже пытался прогнозировать поведение каждого в ситуациях, которые сам же устраивал им — в институтской лаборатории, на экзамене, даже в домашней обстановке. И почти никогда не ошибался в прогнозах, может — самую малость, какую и в расчет принимать не стоит. Выходит, обманывал ты сам себя, комиссар, спешил с выводами. Раф, мол, умница, теоретик с хорошим будущим, спокойный, даже несколько медлительный, рассудок у него преобладает над чувствами. Димка — погорячее, вспыльчивый, неусидчивый, легко увлекающийся и легко меняющий свои увлечения. А Олег... Олег посложнее, это и прошлогодняя проверка боем показала отлично. Его поступки труднее предугадать, и все-таки ты пытался это делать, и вроде бы получалось. Но получалось-то в простых случаях, не требующих, выражаясь языком математики, дополнительных вводных — на том же экзамене или в лаборатории. Придумал ты себе схемы, Старков, и хочешь втиснуть в их тесные каркасы живые и совсем не стандартные характеры. Опять-таки возвращаясь к математическим терминам: характеры, не поддающиеся алгоритмированию. Да и разве возможно построить модель человеческого характера, даже самого бесхитростного? Нет, конечно! Всегда она будет беднее и однозначнее живого аналога. Плохой из тебя комиссар, Старков, просто никудышный. Самоуверен ты и толстокож. А может, на пенсию тебе пора, на покой, цветочки на даче разводить, а с людьми только за обеденным столом встречаться, где застольные условности вполне по-

зволяют несложный прогноз несложного поведения соседей?

— А может, мне на пенсию пора? — Старков и не заметил, как спросил это вслух.

Олег засмеялся:

— Время жить и время самобичеваться. У нас сейчас время жить, профессор, а самобичеваться потом будем, если причины найдутся. Пока их нет и не предвидится. Все хорошо, прекрасная маркиза. Давайте-ка лучше разберемся в нашей легенде. Я спрашиваю, вы отвечаете, все хором и каждый соло. Идет?

— Идет, — хором откликнулись Раф и Димка. Они охотно приняли игру, предложенную Олегом, ничуть пока не сомневаясь в том, что это все же игра.

И трудно было упрекнуть их в легкомыслии, потому что не могли, не умели они представить себе жестокую реальность, в которую их поведет эксперимент. В конце концов, это — та же лаборатория, та же испытательная камера, но перенесенная в осенний холодный лес, бесконечно раздвинувшая свои прозрачные стенки. И они — хозяева положения, экспериментаторы, а белая мышь в камере по-прежнему жива и здорова и лопает крошки хлеба с ладони. И все хорошо, прекрасная маркиза, все расчудесно.

— У меня сомнение, — сказал Олег. — Кем лучше быть: коренными жителями Ивановки или окруженцами?

— Лучше окруженцами, — сказал Димка. — Кто-то из отряда Петровича мог бывать в Ивановке, знать ее жителей.

— Согласен. Значит, все мы — москвичи, московские студенты, ушедшие в действующую армию и ставшие впоследствии бойцами отряда Лескова. Подробностей об отряде никто у Старкова не знал, так что здесь мы можем дать волю фантазии — в умеренных пределах, конечно.

— Если станут спрашивать, — добавил Димка.

Председатель хмыкнул, взглянул на Старкова, а тот ответил незамедлительно:

— Станут, станут. Или вы меня не знаете?

Они его знали отлично. И, что хуже, он сам себя знал, и характер свой дотошный и подозрительный, и неумение отвлечься от главного дела, вдумчиво разобраться в том, что именно отвлекло. А главным делом для него тогда была деревня. И каратели, которых ждали со дня на день. И обоз, который необходимо сохранить, довести до Черноборья. А трое сомнительного вида партизан-лесковцев, трое сопляков, так не вовремя подвернувшихся на пути, — как раз отвлекающий момент. И может, не разбираться в нем, не взвешивать их показания на аптекарских весах? Сгодятся и хозяйственные, где увесистая гиря замечательной комиссарской бдительности все перевесит.

...Ах, Старков, Старков, куда ты посылаешь своих ребят, не обученных лгать хитро и правдиво, даже когда речь пойдет об их собственной жизни? Не знают они ей цену, не лежали они часами в засадах, не ждали ежеминутно выстрелов в спину, не знали, что лес этот, тусклый осенний лес, чертовски опасен — и для врагов, и для своих. Они пойдут по нему, как ходили всегда — легко и беззаботно, не ожидая ни взрыва мины на тропе, ни внезапной автоматной очереди из мокрых кустов орешника, ни даже окрика: «Стой!», когда надо именно стать, и поднять руки, если в упор на тебя смотрит черное дуло «шмайссера», и говорить что-то, и ждать момента, чтобы выбить этот «шмайссер» из рук врага, успеть поймать его на лету, бросить на землю тренированное страхом и мужеством тело и стрелять, стрелять. Впрочем, это они умеют, особенно Олег...

— Мы вас знаем, — сказал Олег, — и сделаем небольшую скидку на ваш нераздумывающий комиссар-

ский возраст. Не беспокойтесь, комиссар, все пули мимо нас.

Если бы так! Если бы верна была глупая старковская поговорочка...

— Ладно, — решил он, — Бог не выдаст, как говорится. Давайте обрабатывать подробности.

Пока Старков «гонял» Олега и Рафа по карте, представлял их по многу раз мысленно проходить завтрашним маршрутом, рассказывал о возможных партизанских постах и дозорах, описывал бойцов, которые остались тогда с ним, председатель с Димкой отправились в деревню за экипировкой. Они вернулись часа через два, нагруженные потрепанными телогрейками, стоптанными кирзовыми сапогами и прочими принадлежностями возможного партизанского туалета. Решили, что Димкина выцветшая ковбойка в дело сгодится, как и грубошерстный свитер Рафа, а Олегу председатель выдал собственную гимнастерку, штопаную-перештопаную, с темными следами споротых погон.

Олег осмотрел ее и отложил в сторону.

— В чем дело? — обиделся председатель. — Не понравилась?

— Не годится, — отрезал Олег. — Какие, к черту, погоны в сорок втором году?

— Ах, беда какая! — перепугался председатель. — Старый дурак. Ну а ты, паренек, прирожденный разведчик.

Что ж, начало хорошее, думал Старков. Олег внимателен и собран, вкус предстоящего приключения не заглушает в нем осторожности. Заметил следы погон, знает, что в сорок втором офицерские знаки различия носились в петлицах.

— Тогда хоть рубаху возьми. — Председатель рылся в куче добра, собранного в его доме и в доме соседа. — Хорошая рубаха, неподозрительная.

Полосатую темно-синюю рубаху Олег одобрил, как одобрил и старые диагоналевые брюки, и солдатские

галифе, и невесть как сохранившуюся довоенную кепочку с пуговицей на макушке. Вооружившись бритвой, оглядел всю одежду, спорол фабричные метки, отодрал у сапог куски подкладки, на которой обнаружили чернильные артикулы, отругал председателя за то, что притащил новую простыню — на портянки.

— Мы же не одни сутки в пути. Откуда у нас портянки девственной чистоты? В своих пойдем.

Он только ненадолго забыл о своей серьезности, когда началась примерка обмундирования, хохотал вместе с ребятами над длинным очкариком Рафом, у которого председателивы брюки мешком висели на тощем заду, потом отобрал у него кожаный ремешок, сходил в подсобку, вынес оттуда моток веревки, отрезал на глаз кусок.

— Вереvoчкой подпояшешься. Так похоже будет: свои порты не сохранил, пока из окружения шли, а эти в деревне достал — уж какие были.

Старков вспоминал своих бойцов, думал, что Олег подсознательно держится верной линии. В самом деле, какую одежду они носили в те годы? Своя рвалась и снашивалась, а магазины — увы! — не работали, вот и перебивались чем попало, даже — чего греха таить — с мертвых снимали. Он смотрел на студентов: в общем, ничем особенным они не отличались от тогдашних своих ровесников. Разве что волосы подлиннее — так ведь лес это, ни парикмахерских тебе, даже бани порой не было. За минувший месяц лица их обветрились, руки огрубели от монтажной работы — ссадины на них взбугрились коричневой коркой.

— О вещмешках подумайте, — напомнил председатель. — Что понесете?

В вещмешки уложили помятые солдатские кружки, откопанные хозяйственным Димкой в председательском сарае, в сундуке, пару обмылков, опасную

бритву с обломанной ручкой — одну на троих, каждому — по смене стиранных портянок, еще какие-то мелочи, которые могли сохраниться у солдата, крупную соль в тетрадном листке, сахарный песок в чистой тряпице.

— А как быть с документами? — спросил Раф.

И снова Олег опередил ответ Старкова и не ошибся.

— Какие документы? Свой комсомольский билет возьмешь? Когда тебя принимали в комсомол? В шестьдесят восьмом? Нет, старик, документы свои мы зарыли в землю, когда выходили из окружения. Где зарыли — запомнили. А вообще чего мы ждем? Ну-ка, вернитесь, комиссар, в сорок второй год. Перед вами — три подозрительных типа, которые называют себя лесковцами. Допрашивайте.

Старков усмехнулся: стоит попробовать. Он представил себе землянку в один накат, тусклый язычок коптилки, колченогий стол, на котором — почти такая же карта, как здесь. Он сидит на низком топчане, с трудом пытается побороть сонливость: двое суток не спал, вымотался. Перед ним — трое парней в драных ватниках, усталые, осунувшиеся от долгого перехода лица.

— Кто такие? — спросил он и сам удивился и резко тону своему, и внезапно охрипшему голосу — как после бессонницы и махры-глоткодерки. И председатель взглянул на него с удивлением, будто услышал что-то знакомое, давно забытое, наглухо забитое в черном провале прошлого.

— Солдаты мы, — быстро ответил Олег. — Вас искали, — улыбнулся счастливо, переступил с ноги на ногу — сесть никто не предложил, сказал вроде бы облегченно: — Вот и нашли...

И покатился допрос по накатанным рельсам, и, похоже, не было ошибок в ответах студентов, хотя отвечал чаще Олег, в котором и Раф и Димка молчаливо признали командира.

— Лады, — сказал наконец Старков, хлопнул ладонями по столу. — Давайте ужинать и спать. Утро вечера не дряннее. Подъем в шесть ноль-ноль. — И к председателю: — Не проспите, Петрович.

Глава 3

Утром Олег отказался завтракать и ребятам запретил.

— Мы в отряд должны оголодавшими прийти. Какая в дороге жратва? Вода да хлеб, если пожалеет кто из деревенских. А то нальют нам в вашем отряде похлебки, а мы морду воротить станем. Куда это годится?

Бриться тоже не стали, оделись тщательно, выстроились позади Старкова, севшего у генератора.

Старков щелкнул тумблером автонастройки поля, стрелка на индикаторе напряженности качнулась и поползла вправо.

— Есть поле, — скучным голосом сказал Раф.

Стрелка прочно встала на красной черте.

— Ну, с Богом, как говорится. — Старков встал и повернулся к ребятам: — Как связь?

Олег вытащил из кармана пластмассовую коробочку дублера-индикатора. С его помощью в зоне действия временного поля можно было передать сигнал на пульт. Дежурный — сегодня им оставался Старков — принимал сигнал и вырубал питание. Поле в этом случае исчезало, и участники эксперимента благополучно возвращались в свое время. Олег нажал кнопку на дублере, посмотрел на пульт. Там зажглась красная лампочка: сигнал принят.

— В порядке.

— Вы это... — Председатель почему-то стал заикаться: от волнения, что ли? — Не тащите ее в отряд, коробочку вашу. Схороните где-нибудь, а то найдут...

— Знаем, — отмахнулся Олег, спрятал дублер в карман, вскинул на плечо легонький вещмешок. — Тронулись. — И пошел к двери, не оборачиваясь. Ребята за ним, только Раф чуток задержался на пороге, сказал:

— Не волнуйтесь, товарищи. Все будет тип-топ.

Потом, когда они отошли от избушки метров за сто, еще раз оглянулся, увидел: Старков и председатель стояли у открытой двери, смотрели им вслед. Раф помахал рукой на прощанье, вытер лицо рукавом телогрейки, пошлепал вслед за Олегом и Димкой, уже нырнувшими в мокрые заросли орешника. Ему было почему-то жаль Старкова, а почему — не знал. Да и анализировать, копаться в себе, в жалости своей не хотелось. Не до того было. Они шли по лесу, под ногами хлюпала насквозь пропитанная водой земля, осенняя земля сорок второго года. Где-то далеко отсюда шли бои, фашисты вышли к Волге. Окна старого арбатского дома, где с детства жил Раф и где он еще не успел родиться, были заклеены крест-накрест белыми полосками бумаги. Мать Рафа ушла на дежурство в свою больницу. Отец... Где был отец в это время? Наверно, уже под Сталинградом, командовал взводом. Они еще не познакомились с матерью, это произойдет много позже, после победы, когда отец вернется в Москву, снова поступит на третий курс мединститута, откуда он ушел на фронт в июне сорок первого года. И было ему тогда всего двадцать. Господи, да Раф, выходит, старше его!

Раф усмехнулся этой внезапной догадке.

«Кому из нас труднее, отец? Тебе — потому что ты сейчас в самом пекле войны, и впереди у тебя Сталинград и Курская дуга, потом Варшава, а потом Будапешт, и не знаешь ты ничего ни о своем будущем, ни о маме, ни обо мне? Или все-таки мне — потому что это не мое время, я чужой в нем, меня

просто-напросто нет на свете? Выходит, не чужой. И это мой лес, и моя война, и я тоже не знаю, что впереди будет...»

Олег, обогнавший их, вдруг остановился, огляделся.

— Километра два осталось. Давайте-ка здесь и сховаем дублер. Место знакомое, приметное. — Он вытащил коробочку, положил ее в заранее приготовленный полиэтиленовый пакет, сел на корточки, начал копать под раздвоенной березой землю подаренной председателем финкой с пестрой наборной рукояткой.

— Не рано ли? — осторожно спросил Раф. — Если что случится, два километра пилить придется.

— А что случится?

— Мало ли... — пожал плечами Раф.

— Вот что, парни... — Олег бережно опустил в ямку пакет с дублером, сгреб на него мокрую землю, набросал листьев, выпрямился, отряхивая руки. — Мы должны вернуться через двенадцать часов. Это максимальный обусловленный срок, когда шеф вырубит поле. Раньше я возвращаться не намерен. Что бы ни случилось. Есть возражения?

У Рафа, пожалуй, были возражения. Он не любил рисковать вслепую, просто не умел, не приходилось ему рисковать в его короткой двадцатидвухлетней жизни. Он готовился стать физиком-теоретиком, да и был им уже — по духу, по призванию, и твердо знал, что всякий эксперимент, тем более опасный, необходимо продумывать до мелочей, предусматривать любые случайности, рассчитывать их и даже планировать наперед. Но то, на что они шли, уже вышло за рамки самого необычного эксперимента. То была жизнь, а жизнь наперед не считаешь. И он не стал возражать Олегу. Сейчас они — партизаны, и впереди — встреча с людьми, которым, может быть, завтра предстоит бой, тяжелый бой, послед-

ний. Стыдно знать о том и трусливо держаться за спасительную коробку дублера: вы, мол, сами по себе, а мы ни при чем, у нас другие задачи. Другие? Нет, Раф, не хитри сам с собой: одни у вас задачи, одни цели. Хотя бы на полсутки. Прав Олег.

И Раф сказал:

— Какие могут быть возражения?

И Димка молча кивнул. А Олег улыбнулся широко и радостно, — видно, все-таки ждал возражений! — ухватил друзей в медвежьи объятия, стукнул лбами:

— Молодцы, гаврики. Их там двадцать девять, как шеф рассказывал, да нас трое. Уже тридцать два. И кое-что мы умеем. Так почему бы не использовать это «кое-что»?

Он отпустил ребят и снова пошел вперед, уже осторожнее, посматривая внимательно по сторонам, приглядываясь к каждому дереву, к любому кусту. Сколько раз они здесь ходили? Десятки. И был тот же дождь, и те же продрогшие деревья, и казалось, ничего в мире не изменилось с тех пор, как Старков включил генератор. Раф даже начал подумывать, что не сработало поле, хотя сам многократно проверял настройку, а себе он верил, внимательности своей верил, скрупулезной точности. Но они шли дальше, и ничего не происходило, никто не выскакивал на тропу, не пугал автоматом, не кричал сакраментальное: «Стой! Кто идет?» Раф совсем успокоился, что-то насвистывать стал, но Олег оборвал его:

— Тише! Не дома...

И вовремя.

Они продрались сквозь кусты, в который раз осыпавшие их холодной дождевой водой, выбрались на поляну и замерли. Перед ними стояли три человека — один тоже в телогрейке, в ушанке не по сезону, другой — в выгоревшей плащ-палатке, третий —

в шинели со споротыми петлицами. Три автомата наперевес, три черных стальных зрачка. Недружелюбные колючие взгляды.

— Ну-ка, ручки... — Один из людей качнул автоматом, и Олег медленно поднял руки вверх. Раф и Димка сделали то же. — Проверь их, Севка.

Небритый Севка перебросил автомат на спину, бесцеремонно ощупал карманы, провел по груди, по бедрам ладонями, отобрал вещмешки, по очереди развязал их, заглянул в каждый.

— Вроде пустые, — сказал он, по-волжски окая.

— Куда путь держите? — спросил первый, тот, что в плащ-палатке, не отводя, однако, дуло автомата.

— За грибами, — зло сказал Олег. — Погода, понимаешь, грибная.

Севка хлопнул себя по бокам, захохотал тоненько.

— Масляток им захотелось. Есть маслятки. — Вернул автомат на грудь, взял на изготовку. — Только не по вкусу будут, больно горькие масляточки-то.

— Не паясничай, — оборвал его первый. — Возьми их вещмешки. Отведем к комиссару, пусть сам разбирается. Грибники, так вашу... — выругался, сплюнул. — А ну, живей! Рук не опускать.

Партизан в шинели пошел впереди, оглядываясь поминутно, а первый с Севкой шли сзади, подталкивали автоматами в спину, и Раф невольно ускорял шаги, потому что был твердо уверен: эти выстрелят, особенно весельчак Севка, который явно не привык раздумывать, предпочитал действовать с налету и преспокойно расстрелял бы пришельцев, если бы не приказ первого. Раф вспомнил: Старков рассказывал о Севке, называл его лихим и бесшабашным парнем, прекрасным боевиком. Он, кажется, из Брянска, детдомовец. А первый — Торопов, так, помнится? Учитель географии. А третий, в шинели? Кто его знает... Может, его Старков и не называл, не вспомнил.

Так они прошли минут пять — молча, с поднятыми руками. Руки с непривычки затекли, Раф попытался украдкой пошевелить ими, но Севка сильно ткнул его автоматом:

— Не балуй.

— Руки устали, — тихо сказал Раф.

— Отдохнешь еще, коли дадут. Недолго осталось.

Осталось и вправду недолго. На огромной лесной поляне стояли телеги, покрытые рваным брезентом, поодаль, привязанные к длинной слеге, прибитой к двум елям, теснились лошади — шесть или восемь, Раф не успел сосчитать. Из землянки навстречу им вышел партизан в матросском бушлате, увидел неожиданную процессию, остановился:

— Тю, Севка шпионов поймал.

— Где комиссар? — спросил его Торопов.

— У себя.

Торопов нырнул в низкий вход в землянку, пробыл там с полминуты, выглянул:

— Давай их сюда. Матвей, постой у входа.

Матвей опустил автомат, поднял воротник шинели, спрятал в него лицо. Севка подтолкнул Олега, пробурчал:

— Пошевеливайтесь. Комиссар ждет.

Нагнув головы, они спустились по земляным ступеням в сырой полумрак землянки. Раф остановился у порога, огляделся. Черные бревна стен, низкий потолок, стол, на столе — коптилка, невысокое желтое пламя качнулось в латунном снарядном патроне. За столом на топчане — двое. Раф пригляделся. Один — Торопов. Он снял плащ-палатку, остался в цивильном бобриковом пальто, какое, видно, носил еще до войны. Второй — бородатый, в расстегнутой гимнастерке. Жарко ему, видите ли. Комиссар?

— Кто такие? — хрипло спросил комиссар, и Раф вздрогнул.

Ждал он этого, все знал, и все-таки странно было услышать в холодной, почти нереальной песенной землянке голос Старкова. Значит, это был именно Старков — неузнаваемый, даже не помолодевший, а какой-то иной, незнакомый. Борода его, пожалуй, старила, но и изменяла начисто. Если бы не голос, Раф ни за что не узнал бы его.

— Кто такие? — повторил комиссар, и Олег быстро ответил:

— Солдаты мы. Вас искали, — улыбнулся, переступил с ноги на ногу, сказал облегченно: — Вот и нашли...

— Какие солдаты? Откуда?

— Из отряда Якова Лескова. Слыхали?

— О Лескове слышал. А к нам зачем?

Олег закусил губу.

— Трое нас осталось, — глухо, сквозь зубы.

— Как это?

— Проще некуда. — В голосе Олега была злость: и на комиссара, задававшего неумные и ненужные вопросы, и на судьбу свою, заставившую пережить гибель отряда. — Нет больше Лескова. Убит капитан. И все убиты! — выкрикнул, даже голос сорвался.

— Ну-ну. — Старков стукнул кулаком по столу, патрон подпрыгнул, пламя мигнуло, закачалось. — Без истерик! Что с отрядом?

— Нет отряда. Выдала какая-то сволочь. Четвертого дня нас окружили у Ивановки, караул сняли, брали спящих, как куропаток. Нас-то и было всего ничего: полсотни бойцов. Все полегли. А мы вот живы...

— Та-ак, — протянул Старков. — Жаль Лескова. Да только не надо ему было самодеятельностью заниматься. Соединился бы с нами. Или с Панкратовым. Полсотни бойцов — не сила.

— А что сила? Армия сила? Вам легко говорить, вы небось давно партизаните. А мы с Лесковым из

окружения шли — не выбрались. Застряли в Ивановке, колхозники к нам присоединились — так хоть воевать начали, а не драпать. Знаете, что значит для нас — бить врага? Дорвались мы, понимаете? Дождались. Капитан выходил на соединение к вам, да вот не успел. Говорил: еще одна операция — и баста. За три месяца — сколько операций, не сосчитаешь. Аэродромные склады, железнодорожная ветка, четыре взвода карателей. Это как запой...

— Допились...

Олег резко шагнул вперед, схватился за стол, закаменело лицо в свете коптилки, ходили желваки по щекам.

— Слушай, комиссар, или кто ты есть, ты Лескова не суди. Он со своим делом справлялся. Знаешь поговорку: о мертвых или хорошо, или...

— Или. Встань на место! А то тебя Севка пристрелит ненароком. А дело свое Лесков не доделал. На войне погибнуть легче всего. Ты выжить попробуй. Да не на печке схорониться, а на передовой.

— Так нет здесь передовой.

— Есть. Везде, где бой, там и передовая. Ты мне лучше скажи, почему тебя не убили, орел лихой? Сумел выжить?

— Уйти сумел.

— А оружие где потерял?

— Патронов не было. Да и что за оружие — один «шмайссер» на троих. Закопали его по дороге.

— Кто будете?

— Я же говорю: солдаты. Москвичи. Из роты капитана. С самого начала с ним были.

— Москвичи? Студенты или рабочие?

— Студенты. Третий курс физфака.

— Ты смотри: земляки, выходит. А я тоже хотел в МГУ на физфак поступить, да война помешала. Ничего, наверстаю...

Раф смотрел на Старкова и удивлялся: совсем, оказывается, молодой парень казался много старше своих лет, и совсем не потому, что борода прибавляла годы. Рассуждал он как взрослый, опытный, много проживший человек. Война его состарила, оборвала юность, заставила стать не по возрасту мудрым. В конце концов, комиссаром его выбрали не за молодость, а скорее вопреки ей. Потому что именно вопреки ей он и повзрослел не по годам. Все они — мальчишки, ушедшие на фронт со школьной скамьи, сразу перескочили из детства в зрелость, не ждали ее, не звали — она сама к ним пришла. И Раф, и Олег, и Димка уже года на два, на три постарше Старкова. Но на сколько лет он обогнал их? Как считать — год войны за три? за пять? Кто из них смог бы стать комиссаром пусть маленького, в тридцать человек, но все же самостоятельного воинского подразделения? Может быть, только Олег...

Раф и не подозревал в Олеге таких способностей. Честное слово, перед комиссаром стоял не студент физфака, а именно партизан, солдат, усталый от долгого бессонного похода в тылу врага, ожесточенный гибелью товарищей, обозленный недоверием партизан. И Рафу вдруг показалось, что Олег не играет роль, а живет в ней: действительно устал он, ожесточен, обозлен. И все эти чувства не поддельны, не придуманы — выношены и пережиты. Хотя, вероятно, это только казалось Рафу. Просто хорошо развитое воображение, прекрасная память, которую принято называть эйдетической, да плюс желание выглядеть достоверно помогали Олегу в его игре. Все-таки в игре. А нынче получается мистика, фантазмагория какая-то, в которую рациональный реалист Раф никак поверить не мог.

— Документы у вас есть? — спросил Старков, размягченный довоенными воспоминаниями, мечтой своей, пока не осуществленной.

Олег зло усмехнулся:

— Может, тебе паспорт показать? У самого-то документы имеются?

— Имеются, — прищурился Старков. Он снова стал комиссаром, бдительным и строгим.

— А у нас нет. Зарыли мы их, когда из окружения топали.

— Говоришь, солдаты вы? Не из саперов ли?

— Пехота.

— А мне показалось — саперы. Землю копать любите. То оружие зароете, то документы.

— Знаешь, комиссар, — Олег даже рукой с досады махнул, и опять запрыгало в патроне пламя, тени на бревнах пошли в пляс, придавая всей сцене некий мистический колорит, так противный Рафу, — если не веришь, прикажи твоему Севке вывести нас под дождик и шлепнуть по очереди. Тем более, что у него такое желание на лице написано.

Старков засмеялся. И Торопов растянул тонкие губы в улыбке. И Севка у стены хохотнул баском. Почему-то смешной сочли они досадливую обреченность Олега.

— Шлепнуть — дело нехитрое, — лениво сказал Старков. — Это успеется. Никуда вы отсюда не денетесь, да и Севка за вами присмотрит. Как, Севка?

— Можно, — подтвердил Севка.

— Вот и присмотри. А там поглядим, что вы за солдаты-партизаны такие... Есть хотите?

Раф вспомнил, что они так и не позавтракали, проглотил слюну, и сделал это достаточно громко, потому что Старков опять засмеялся:

— Разносолов не обещаю, а каши дадим. Отведика их, Севка, к Макарычу. И глаз не спускай.

— Будет сделано, — гаркнул Севка, приказал: — Давай пошевеливайся, гвардия, — впрочем, вполне миролюбиво приказал.

Глава 4

Каша была с дымом, с горьковатым запахом костра, закопченного котелка, обыкновенная солдатская «кирзуха», необычайно вкусная каша. Они сидели на поваленном березовом стволе, обжигались мисками, дули на ложки, уписывали кашу пополам с дождем.

— Хлебца у нас нема, извиняйте, — сказал Макарыч.

Он сидел напротив, на полешке-кругляше, выложил на колени тяжелые руки, склонил по-птичьей голову набок, смотрел жалостливо. Что ему были подозрения комиссара или мрачный взгляд бравого Севки! Он был поваром — по профессии или по партизанской необходимости — и видел перед собой только голодных парней, здоровых ребят, которым не каша нужна, а добрый кус мяса и горбуха с маслом и солью, а ничего такого предложить не мог и мучился оттого.

Городской житель, привередливый гурман Димка в жизни не едал такой странной каши, отвернулся бы от нее в обычное время, брезгливо поморщился бы, а сейчас — ничего, ел — похваливал, поскреб алюминиевой ложкой по миске, спросил вежливо:

— Добавки не найдется?

— Как не найдется, — засуетился Макарыч, вскочил со своего полешка, отобрал миску, скрылся в землянке, вынес оттуда полную. — Кушайте на здоровьечко.

«Хорошо, что не завтракали, — подумал Димка, уплетая добавку, — хоть голодны по-настоящему...»

А что понарошку? Да все вокруг, считал Димка. И лес этот, и землянки — партизанские декорации, и толстый добряк Макарыч, и даже герой удалец Севка — все виделось элементами какой-то странной, но чертовски интересной игры. И бородач

Старков — ждал Димка — сейчас выйдет из своей землянки, отклеит фальшивую бороду, улыбнется знакомо, скажет: «Как я вас разыграл? А вы поверили, остолопы».

Вот он и вправду вышел, не застегнув гимнастерку, лишь набросив на плечи короткую шинель, придерживал ее полы руками. Подошел к студентам. Олег встал, вслед за ним поднялись Раф с Димкой, стояли навтыжку, держали миски у пояса, как кивера гусары.

— Садитесь, — кивнул Старков. — Кто из вас в радио разбирается?

Это тоже было из области игры: вопрос Старкова, который мог с закрытыми глазами починить любой радиоприемник или магнитофон, даже в заводскую схему не заглядывал.

— Все, наверно, — пожал плечами Димка.

— Пойдем со мной. — Он повернулся и пошел к себе, не оборачиваясь, уверенный, что приказ будет выполнен, иначе и думать не стоит.

Димка быстро отдал Макарычу миску с недоеденной кашей, побежал за комиссаром, оглянулся на бегу. Олег смотрел ему вслед, сузил глаза щелками, сжал губы, будто напоминал: не подведи, Дмитрий, не сорвись. Жалел он сейчас, ох как жалел, что не может пойти вместе с Димкой, проконтролировать его действия, а еще лучше — заменить его. Нет, это выглядело бы слишком намеренным, и он остался сидеть на березке, неторопливо зачерпывал кашу, смаковал вроде, на комиссарскую землянку больше и не взглянул.

«Вот и отлично, — с каким-то злорадством подумал Димка. — Тоже командир нашелся. Все сам и сам. А мы — мальчики на подхвате. Фигушки вам...»

На столе рядом с коптилкой стояла маленькая походная радиостанция с гибкой коленчатой антенной,

ротная рация, очень похожая на те, что Димка изучал в институтском кабинете радиодела. Только те были поновее, здорово модифицированные, но принцип-то, в общем, не изменился за три десятилетия. А в конструкции хорошему физику грешно не разобраться.

— Что стряслось? — спросил хороший физик Димка.

— Трещит, — как-то виновато сказал Старков, и опять Димка поймал себя на мысли, что притворяется он умело, правдиво, даже талантливо, но притворяется — он, Старков, для которого такую рацию починить ничего не стоит, раз плюнуть. Но нет, не притворялся комиссар: пока не умел он чинить рации. Все это придет потом, позже, а сейчас Димка знал в тысячу раз больше него.

— Ножичек дайте, — сказал он и тут же мысленно похвалил себя, что не отвертку попросил — ножичек. Действительно, откуда в лесу отвертке взяться? Да и забыл Димка, прочно забыл о ее существовании за полтора года войны, службы в пехоте, боев в партизанском отряде, где именно нож стал для него главным и порой единственным техническим инструментом.

Он взял протянутый Старковым складной нож, быстро отвернул заднюю крышку. Так и есть: примитив, ламповая схема на уровне средневековья. А пыли-то, пыли!

— Без пылесоса не обойтись, — машинально произнес он и ужаснулся, сообразив: Старков еще не мог знать, что такое пылесос. Или знал? Разве упомнишь, когда у нас появились всякие там «Ракеты» и «Вихри»... Поднял веки, внезапно отяжелевшие, глянул на комиссара, тот улыбался.

— Хорошая, должно быть, штука. Пы-ле-сос, — смакуя слово, по слогам произнес он. — Кончится война, наладим производство, будет тогда чем радиоприемники чистить.

Эта нехитрая шутка почему-то развеселила Димку, он засмеялся, уткнув нос в несвежие внутренности рации, подумал, что далеко еще, ох далеко юному комиссару Старкову до мудрого и остроумного профессора Старкова. Это поначалу он показался им взрослым и опытным. А на деле — мальчишка, который и видеть-то ничего не видел, и кругозор неширок, и знания небогаты. Все это придет, но потом, позже, и удивит он ученый мир своей теорией обратного времени, а пока до физического факультета — почти три года войны.

Димка копался в рации, изредка поглядывал на Старкова. Тот сидел на углу топчана, что-то писал в потрепанную тетрадь огрызком карандаша. Димка знал, что он пишет. Шеф как-то говорил им, что в годы войны самым близким собеседником для него был дневник. Начал он его вести как раз в отряде, таскал в вещмешке «сквозь боевые бури», как он сам выражался, прикрывая смущение высокопарной фразой. А чего смущаться? Был бы Димка поуслуживее, тоже вел бы дневник. Хотя о чем ему писать? Как сессию сдавал? Как в Карелию в турпоход ездил? Как жег спину на сочинском пляже? Скукота, обыденность! А по старковским запискам какой-нибудь историк вполне мог бы диссертацию сочинить. Олег вон предлагал шефу отнести дневники в журнал — в «Смену», или в «Юность», или в «Новый мир», а то в «Знамя». С руками оторвут. А шеф смеялся: рано, дескать, мемуары публиковать, еще пожить не успел, главного не сделал.

Димка не вытерпел, поднял голову:

— Дневник ведете?

— Вроде того. — Старков отложил блокнот, посмотрел удивленно. — Как ты догадался?

Догадался... Сказать бы ему, что не догадался вовсе, а знал точно. Как он на это среагирует? Нет, Димка, держи язык за зубами, бери пример с Олега, с

великого конспиратора — под стать прославленному Штирлицу, не трепись попусту — не в университете сидишь. Это все-таки Старков, самый что ни на есть настоящий, и не делай скидок на его молодость, на неопытность в общении с изворотливыми студиозами семидесятых годов. Характер-то у него старковский. Честно говоря, не сахар — характерец, пальца в рот не клади.

— Глаз у вас был какой-то нездешний, — сказал Димка. — С таким глазом ни приказы, ни листовки не сочиняют. Вот письмо если? Письма еще такого глаза требуют...

Сказал он так в шутку, а Старков помрачнел, насутился:

— Некуда мне письма писать. Мать перед войной умерла, а отца я не помню.

И это знал Димка, рассказывал им Старков о своем детстве, о матери, не дожившей до июня сорок первого всего двух месяцев, об отце, убитом кулаками в суровые годы коллективизации. Знал, да не вспомнил, ляпнул бестактно. Правильно Раф говорит, что язык у Димки на полкорпуса любую мысль опережает.

— Извини, друг, — пробормотал Димка, даже не заметив, что обратился к Старкову на «ты». Как-то само собой вырвалось, но и выглядело это естественно, потому что война всегда нивелирует возраст. Да и чего здесь было нивелировать, если разница в годах между ними — года три всего, никакая это не разница, даже война тут ни при чем.

— Чего там... — протянул Старков и вдруг спросил: — Ты своих товарищей давно знаешь?

— Давно, — сказал Димка. — Учились вместе.

— И этого здорового? Как его?..

— Олег. С ним тоже с первого курса.

— А потом?

Правда кончилась. Начиналось зыбкое болото легенды.

— Что потом? Военкомат. Фронт. Окружение. Отряд. — Он повторял придуманные Олегом этапы из биографии, повторял с неохотой не потому, что боялся выдать себя незнанием, неточностью какой-нибудь, а потому, что не хотелось ему врать Старкову. Честно говоря, идея эксперимента была Димке не очень-то по душе. С какой радостью сейчас он рассказал бы комиссару об университете, о студенческих турнирах КВН, о Старкове бы рассказал — каким он станет через тридцать с лихом лет, о его теории, о председателе, который в одном «сегодня» увел отряд в неведомое Черноборье, а в другом — сидит в лесниковой избухе, мается, наверно, неизвестностью, клянет шефа почем зря: на кой черт отправил сосунков под фашистские пули.

А сосунки тоже маются от той же неизвестности, и, может быть, только супермен Олег ждет этих пуль, надеется, что удастся ему проявить себя в настоящем деле, в мужском занятии. А физика, видите ли, не настоящее дело. Там, видите ли, никакого риска не наблюдается. Так и шел бы в военное училище, куда-нибудь в десантники, рисковал бы себе на здоровье и отечеству на пользу. Хотя он и в физике умудрился найти самую рискованную тропку, помог ему Старков со своим генератором...

Димка поймал себя на том, что не совмещает он в собственном представлении Старкова-партизана и Старкова-ученого. Не может он себе представить, что это есть один и тот же человек. И не хочет представить. Воображения не хватает, сказал бы Олег. Да не в воображении суть, мил человек Олеженька, воображения у Димки хоть отбавляй. А суть в том, что разные они люди — партизан и ученый. Фамилия у них одна, верно. И биографии сходятся. Даже отпечатки пальцев совпадут — линия в линию. Так что же, возраст мешает, пресловутые тридцать лет? Мешает возраст, спору нет. Но главное — и Димка был

твердо в том уверен — характеры у них неодинаковые. Партизан Старков казался мягче, спокойнее, не виделась в нем нервная ожесточенность Старкова-физика, сильного человека, фанатика найденной им идеи.

Сейчас Димка ощущал некое превосходство над комиссаром, которое ни на миг не появлялось в отношениях с профессором. Профессор для Димки был богом, добрым и всемогущим богом из древнегреческой мифологии, где, как известно, боги прекрасно уживались с простыми смертными, делали подчас одно дело, но все же оставались богами — малопонятными и прекрасными. Димка ничуть не стеснялся своего преклонения перед профессором, даже гордился этим чувством, выставлял его напоказ. А комиссар был ровней ему — никакой не бог. Димка удивлялся, за что партизаны выбрали комиссаром Старкова. Не Торопова, например, который и постарше был, и опытнее, а именно Старкова — в его шенячьи девятнадцать лет.

Удивляться-то Димка удивлялся, но предполагать мог: за характер и выбрали. Как раз за тот самый старковский характер, которого не мог пока углядеть в комиссаре Димка. И сила, и фанатизм в добром смысле слова, и ожесточенность, и воля, и решительность — все, вероятно, было у комиссара. Просто качества эти проявлялись в деле. В том деле, каким занимался Старков, какому был предан до конца.

Димка знал физика. А перед ним в полутемной землянке сидел партизан, боец, которого Димка впервые видел. И с делом его знаком не был. Но никакой мистики не существует, Димка, и партизан и ученый — один и тот же человек, пусть сей факт и не укладывается в твоём сознании. А ты бы смог представить комиссаром твоего Старкова? Димка усмехнулся: да он и так комиссар, чье слово — закон для студента. То-то и оно...

Но неразумные чувства противились строгой и точной логике. Димка аккуратно зачищал ножом контакты у лампы, поглядывал на Старкова, видел все того же парня, ровесника, которого и борода не спасала, и завидовал ему смертельно. «Ты ужасно легкомысленный», — говорила Димке мама. «Трепло ты великое», — осуждал его Раф, беззлобно, впрочем, осуждал, не без симпатии. А сам Старков подводил итог: «Быть бы тебе великим ученым, если бы не твоя несобранность».

Все они были собранные, серьезные, деловые. А Димка — нет. И он завидовал сейчас мальчишке Старкову, потому что все-таки тот стал комиссаром, проявив все вышеперечисленные распрекрасные качества, которые Димка в нем не желал признавать.

— Ну, вот и все. — Димка привинтил крышку, повернул тумблер. Рация запищала, пошел грозовой фон. — Работает.

— Спасибо, — сказал Старков, протянул руку.

Пожатие было сильным, Димка поморщился, укордкой потер ладонь.

— Я пойду?

— Валяй. — Старков уже не смотрел на него, уселся перед рацией, прижал к уху эбонитовую чашку наушника, крутил ручку настройки.

Димка стал лишним. Ну что ж, он мальчик воспитанный, мешать не станет. Поднялся по земляным ступенькам, вдохнул холодный воздух, сощурился.

«Дождик-дождик, перестань, — закрутилась в голове детская считалочка, — мы поедем... Куда? Далеко не уедешь: вон Севка с автоматом сидит. А что, если остаться?..»

А что, если остаться здесь, со Старковым, пройти с ним до конца войны, до Победы, поступить на физфак в МГУ, разработать вместе теорию обратного времени? Дурацкая мысль, подумал Димка. Как

останешься, когда в Москве — привычная жизнь, мама, девчонки, диплом на носу. И главное, через полсуток Старков из будущего вырубит поле, и Старков из прошлого канет в прошлое. Без Димки. Вздор, вздор, будь реалистом, Дмитрий, не распускай слюни.

Он медленно пошел к землянке Макарыча. Сам Макарыч азартно резался в дурака с Олегом, с размаху шлепал на расстеленную прямо на земле плащ-палатку засаленные рваные картишки. Олег курил «козью ножку» — как свернуть сумел? — явно выигрывал. Севка с любопытством наблюдал за игрой. Рафа не было: видно, в землянку залез. Димка подошел, сел тихонечко на бревно. Он уже не ощущал того пьянящего азарта, с которым начал путешествие во времени. Неизвестно почему пришла тоска — холодная и тусклая, как этот день.

— А где все? — спросил он у Севки.

— Кто?

— Ну партизаны.

Севка смотрел на него с подозрением, недружелюбно.

— Где надо, там и располагаются, — мрачно сказал он.

— Дурак ты, Севка, — в сердцах ругнулся Димка. — С бдительностью перебарщиваешь. Кому я доносить пойду?

— Кто тебя знает? — хитренько улыбаясь, протянул Севка. — А за дурака можно и схлопотать.

— От тебя, что ли?

— А чем я плох? — Севка встал.

Димка тоже вскочил, но Олег, не глядя, поймал его за руку, потянул на место.

— Сядь, — приказал он, именно приказал, бросил карты на брезент. — И ты уймись, — это уже Севке. — Сейчас только драки не хватало. Своих бить будем?

— Знать бы, что своих, — буркнул Севка, однако сел, поставил автомат между ног, оперся подбородком о дуло.

— Придет время — убедишься.

Олег явно надеялся на то, что время это придет и что докажет он глупому Севке всю бессмысленность его подозрений. А впрочем, плевать ему было на Севку и на подозрения его плевать. Он просто ждал боя. Боя, ради которого он пошел сюда.

И дождался.

Глава 5

Где-то совсем рядом послышался топот копыт. Макарыч поднял голову, прислушался. Севка снова встал, взял автомат на изготовку.

— Рытов, что ли? — спросил он.

— Кто же еще? — сердито сказал Макарыч. — Видать, стряслось что. Ишь — гонит. Весь лес переполошил.

На поляну влетел всадник, осадил коня, прыгнул на землю, побежал к землянке Старкова.

— Чего там, Рытов? — окликнул его Севка.

А Рытов только рукой махнул, нырнул в землянку. Брошенный им конь зафыркал, затряс головой, пошел к коновязи. Привязанные к слеге лошади заволновались, переступали с ноги на ногу, дергали поводья.

Из землянки выбежал Старков, Рытов — за ним.

— Севка, — крикнул Старков, — подымай людей! Немцы!

Он спустился в соседнюю землянку, а из леса уже бежали люди — по двое, с разных сторон, с автоматами, с карабинами, кто-то даже с дробовиком.

«Вот и началось», — облегченно подумал Олег.

Да, он ждал боя — Димка не ошибся. Этим боем он и жил последний месяц, ездил в райцентр, сидел в музее, корпел над архивными папками, над запыленными папками с казенными титулами «Дело № ...», хранившими пожелтевшие документы — письма, копии наградных листов, приказы, листовки, писанные от руки воспоминания, писанные корявым почерком, с ошибками и описками, писанные людьми, для кого автомат и граната были много привычнее авторучки или карандаша.

Что он хотел от этого — пока предполагаемого — боя? Славы? Но перед кем? Перед бойцами отряда, которые проживут с Олегом только полсуток, мимолетные двенадцать часов, забудут его напрочь и славу его лихую и зыбкую забудут — те, кто выживет. Нет, не славы он искал, не гнался за ней, а если и мечтал о славе, то не о военной. Он был физиком, настоящим физиком — вопреки сомнениям Димки, и слава талантливого ученого привлекала его значительно больше любой другой мирской славы. Если, впрочем, привлекала. Так мог подумать кто угодно — Димка, Старков, приятели по факультету, но не он. Сам он не слишком часто вспоминал о ней.

И не самоутверждения хотел он. Уж чего-чего, а всякими там комплексами Олег не страдал. Что умел — то умел, а умел немало. А коли не получалось что-то, знаний не хватало или опыта, то не мучился от бессилия, не страдал, не опускал рук, а раз за разом повторял это «что-то», пока не говорил себе: могу! И — точка. А комплексы — для слюнтяев и лодырей. Как там у классика: талант — это терпение. Внесем поправку: и терпение тоже. Потому что — как считал Олег — талант суть сумма качеств, данных природой и скорректированных личностью. Итак, он был личностью, а личность не нуждается в самоутверждении.

И остается предположить единственное: бой, которого Олег ждал с великим нетерпением, был ему нужен... просто так. Как этап в биографии, какого могло и не быть — семидесятые годы на дворе! — но раз случился, то мимо пройти нельзя. Риск — вот что любил Олег. Ту самую зыбкую грань, за которой — неизвестность, а значит — опасность. Опасность провала, просчета, неудачи. Опасность для жизни, наконец. Но зато победа в обстоятельствах, неподвластных прогнозам, — вдвойне, тройне сладка. А если ты ее рассчитал — свою победу, — запрограммировал, заранее выстроил, то цена ей невелика. Скучно. Книжный человек Раф цитировал как-то стих о «езде в неизвестное». Так себе стишок, рукоделие на подушке. Но запомнилась Олегу одна строка: «Не каждый приедет туда, в неизвестное». Верно, не каждый. А Олег приедет. Должен приехать. Ради этого стоит жить. Он и к Старкову пошел, потому что вся его теория обратного времени — езда в неизвестное. Старков — это сила, считал Олег. И если не молился на него, как восторженный Димка, то уважал его безоглядно. Как и должен уважать талантливый ученик талантливого учителя. Старков тоже любил риск. В конце концов, вся его жизнь была риском. Начиная с сорок первого военного года, когда он мальчишкой пришел в партизанский отряд. Тем самым бородатым мальчишкой, который сейчас собрал на поляне невеликий личный состав отряда. В отличие от Димки Олег не делил Старкова пополам: на партизана и физика. Олег чуждался подсознательных эмоций, обуревавших приятеля, и относился к комиссару с той же ученической почтительностью, как и к профессору. Что ему было до молодости комиссара! Он твердо верил: зелень узнают не по возрасту, а по цвету. Он и на собственный возраст скидок не делал.

...Они втроем по-прежнему сидели на мокром бревне, смотрели на неровный разномастный строй бойцов на поляне, прислушивались к тому, что говорил Старков. Слышно было плохо: комиссар говорил тихо-тихо, и слова его гасли в монотонном шуршании дождя.

— ...обойдется... на рожон не лезть... предупредить... — Даже не целые фразы, а отдельные слова доносились до землянки Макарыча.

Олег сам складывал из них предложения. Получалось так: все обойдется, не стоит лезть на рожон, необходимо предупредить жителей деревни. Что ж, если Олег верно понял Старкова, тот не рвался первым вступить в бой, выбрал политику выжидания. Верное решение. Сил у отряда мало, главная задача — сохранить обоз и помочь деревне. Если гитлеровцы не собираются идти к ней, пройдут мимо, то и Бог с ними. Другое дело, если это те самые каратели, которые существовали в действительном — не моделированном — сорок втором году. Олег спрашивал Старкова о точном дне сражения. Тот не помнил даты. Не мудрено: в те дни о календаре некогда было вспоминать. Но все события, все грустные перипетии сражения Олег — со слов Старкова — знал на зубок. И все могло повториться — как тогда. Дополнительным фактором было присутствие здесь их самих — гостей из будущего. Тем самым дополнительным фактором, который перечеркивал всю запрограммированность событий, столь ненавистную Олегу. И хотя Старков строго-настрого приказал им ни во что не вмешиваться, Олег скептически отнесся к приказу. Что ж, по-вашему, сидеть сложа руки, с холодным любопытством наблюдать за тем, как убивают людей, не помочь им? Ну нет, фи-гушки!

Олег встал — нарочито лениво, медленно пошел к комиссару. Тот уже закончил инструктаж, и партиза-

ны разошлись. Пятеро из них, забрав автоматы, ушли в лес, — видимо, на разведку. Остальные разбрелись по поляне, томясь ожиданием, собирались малыми группками, курили, с любопытством поглядывали на незнакомцев. Кто-то — заметил Олег — уже подошел к Рафу с Димкой, сел рядом, завел разговор.

— Что случилось, комиссар? — спросил Олег Старкова. — Может, поделишься всеведением?

— Отчего бы нет? — Старков будто впервые видел Олега, осматривал его с головы до ног, изучал, что-то прикидывал в уме. — Наша разведка обнаружила фашистов километрах в четырех отсюда.

— Много ли?

— Девять человек в пешей цепи. Идут осторожно, высматривают. Похоже — дозор.

— А основные силы?

Старков пожал плечами:

— Не видно. Где-то позади. Гитлеровцы не рискуют ходить по лесу малым числом.

— Вас ищут?

— Сдается, что так и есть.

— Они знают о вашем местоположении?

— Точно — вряд ли. Ориентировочно — наверняка.

— Примешь бой, комиссар?

— Не хотелось бы... Сколько их там? А нас — три десятка.

— Плюс три единицы.

— Себя считаешь?

— А ты не считаешь?

— С устным счетом не в ладах.

— Не приbedняйся, комиссар. Не до красивых слов, а скажу: рассчитывай на нас. Да и сами мы прохладаться не станем. Приставишь Севку, скрутим его — и в бой. Ты проверить нас хотел, комиссар? Так вот она, проверка, куда точнее.

Олег напрягся, видел, что Старков готов отступить: три лишних человека ох как не помешают.

— Не дрейфь, комиссар. Ты нас всегда кокнуть успеешь, ежели не по-твоему будет.

— Вы без оружия, — отступал Старков, — а у нас лишнего нет.

— А бой на что? Добудем.

— Ладно, посмотрим, — вроде бы сдался Старков. — Будете при мне.

— Есть! — гаркнул Олег, даже Раф с Димкой улыхали, глянули на него: что он там задумал?

— Ждите команды, — сказал Старков, пошел к землянке, куда уже скрылся Торопов.

Да только не сдавался Старков, Олег сие понимал прекрасно. Сыграл этакую неуверенность, мучительные колебания, а на самом деле все давно решил. Бессмысленно оставлять пришельцев под чьим-то присмотром, даже под самым строжайшим глазом. Бой и вправду — лучшая проверка. Если друг, его помощь пригодится. А враг — так в бою партизанская пуля достанет.

Олег уселся на бревно рядом с друзьями, сказал им:

— Уломал комиссара.

— Поверил? — спросил Раф.

— Поверить не поверил, а проверить решил.

— Бой всех проверит, — сказал партизан, сидевший напротив. Это он давеча прискакал на поляну с вестью о немцах.

Парень лет девятнадцати—двадцати, черный, цыганистый, даже с медной серьгой в ухе, буравил Олега взглядом, а глаза тоже черные, непрозрачные, колючие глаза. Улыбался в сто зубов.

— Дело говоришь, — поддакнул ему Олег. — Звать как?

— Василием нарекли. А по фамилии — Рытов.

— Сам-то откуда?

— Степь мне матушка. Эх и приволье там!.. А туточки тесно, душно... — Он передернулся.

Что-то наигранное было в его поведении, искусственное. И голос с надрывом, с ноткой истерики, и банальщина насчет степи-матушки, и мимика третьесортного актера из провинции, и серьга в ухе. Олег сказал зло:

— Не задохнешься в лесу?

— Терплю, из сил выбиваюсь. А ты, громила, не шути шутики с Васенькой, обжечься можно.

— Ладно, поберегусь, — отмахнулся Олег, подумал: что-то все здесь на ссору набиваются. И рыжий Севка, и Васенька этот, лицедей липовый.

Севка — тот хоть естественный, вся его задиристость — от молодости да глупости, от избытка сил молодецких. А этот хитер, себе на уме. Старков ничего не говорил о нем. Может, забыл? Он всех и не назвал, не вспомнил. Мудрено ли: сколько времени утекло! Да и остались тогда с обозом под началом Старкова люди случайные. Не сам он их выбирал из двухсот с лишним бойцов отряда Петровича. А сродниться не успел: и пяти дней вместе не прожили. Так что на многих самим придется характеристики составлять и Старкову подсказывать. На Рытова, к примеру...

— Карабинчик бы сюда, — мечтательно протянул Димка, представил, видать, старковский карабин, зажмурился.

— А что ж это вы безоружными по лесу шастаете? — съехидничал Рытов. — Аль посеяли где?

— Тебя не спросили, — огрызнулся Димка, которому надоел цыган со своими прибаутками.

И снова Олег вмешался:

— Не только по лесу шли, в деревни заходили. С оружием опасно. Зарыли мы его.

Не хотел он ссор и скандалов, избегал их, сторонился — не к месту они, не ко времени. В дру-

гой раз не стал бы церемониться с подначиком, показал бы ему пару приемов самбо, а сейчас не стоило. И не потому, что любая грызня или — не дай Бог! — драка осложнила бы их пребывание в отряде. Не это главное, хотя и это со счетов сбрасывать не годится. Олег понимал, что любое происшествие внутри отряда может лишить его сплоченности, организованности, взорвать и без того напряженную атмосферу. Тут искры малой достаточно. Да еще накануне боя! Нет, лучше смолчать, смириться, пусть цыган задирается, еще зачтется ему.

— А оружие мы достанем, — успокоил Димку Олег. — У немцев автоматы неплохие, хотя и не сравнить их со шпагинскими. Кучности нет, а убойная сила — не придерешься.

— Может, без стрельбы обойдемся? — спросил Раф.

Ах как не хотелось ему стрелять, тяготила его предстоящая схватка, никогда не любил он ни драк, ни боев, даже фильмы про войну не смотрел.

— Будем надеяться, — сказал Олег.

И Рытов не вмешался, не вякнул чего-нибудь про трусость, потому что сам понимал опасность, чуял ее. Не для себя опасность — для отряда, для трех десятков не шибко вооруженных людей, для вовсе безоружных и беззащитных жителей деревни.

— Давно партизанишь? — миролюбиво спросил Олег.

Рытов сощурился, грязной ладонью потер грудь под расстегнутым воротом рубахи. Блеснула под пальцами тонкая цепочка.

— Третий месяц на исходе.

— А раньше?

— Бродяжил по тылам у фашистских гадов. Сыпал им солюшку на хвост.

— И много насыпал?

— Курочка по зернышку... Где дом подожду, где черепушку камнем прошибу, где вещички «помою»...

— Цепочку тоже «помыл»?

Рытов помрачнел, запахнул ворот, зажал его в кулаке.

— Не суй нос куда не след. Материна цепочка.

— А мать где?

— Нету матери... — Он отвернулся. Видно было, как натянулась кожа на скулах, заплясали желваки. Проговорил глухо: — Убили ее. Год с того прошел. Она шла, никого не трогала, а они на машине, мимо, полоснули очередью... Просто так, от нечего делать. Я ее у дороги и похоронил... — Он повернул к Олегу искаженное яростью лицо. — Знаешь, как я их ненавижу?

— Знаю, — сказал Олег.

Он смотрел на Рытова и думал, что ошибся, вероятно, в парне. Вся его опереточная «цыганистость» — только поза, не слишком убедительная игра во взрослого, много повидавшего человека, за которой — изломанная войной судьба мальчишки, кутенка, чижа, потерявшего мать, бездомного, вечно голодного, ожесточенного, злого.

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать стукнуло...

Девятнадцатилетний комиссар, девятнадцатилетний боец. Война не смотрит в метрики, не отдает предпочтения мудрости и опыту, не разбирает — где овцы, а где дети. Она берет за шиворот вчерашнего школьника, швыряет в водоворот событий — плыви. И надо плыть, надо выплыть, не сдаться, преодолеть свою беспомощность, неумелость, слабость. И придет мудрость и опытность, потому что руководит таким мальчишкой всемогущее чувство ненависти, которую по справедливости назвали святой.

Именно оно руководило мальчишкой Кошевым и мальчишкой Матросовым, мальчишкой Гастелло и совсем юным Ваней Солнцевым, чьи имена еще неизвестны их ровесникам, сражающимся на фронте, в подполье, в партизанских отрядах. Чувство ненависти и чувство любви. Любви к Родине, к матери, к дому своему. Ненависти к врагам, посягнувшим на эту любовь.

Девятнадцать лет... Честно говоря, Олег дал бы Рытову побольше — года на три-четыре.

— Погибнуть не страшно? Ты же не жил еще...

Тот зыркнул глазом, будто ожег.

— Погибать не собираюсь. Еще поплясать охота, на гитаре струны поласкать. Да чтоб под конем степь простыней стлалась.

Опять театр. «Ромэн» или оперетта? Да пусть играет — нет в том худа. Как там в песне: «Не хочется думать о смерти, поверь мне, в семнадцать мальчишеских лет». В эти годы и вправду петь хочется, танцевать, любить. А он недопел, недолюбил — не успел, не научился. Успеет?

Где-то вдалеке раздалась короткая автоматная очередь, словно рванули полотно, пополам разорвали. Василий вскочил:

— Наши?

Смолк автомат, и снова пришла тишина — напряженная тишина ожидания. Из леса вышли двое партизан, высланных Старковым в дозор. Старков пошел им навстречу, перекинулся парой слов, обернулся:

— Отряд в ружье!

Быстро и бесшумно выстроились в короткую колонну, потекли в мокрый лес. Димка, Раф и Олег пристроились в хвост. Случайно или нет — сзади них шли Торопов с Севкой, шли замыкающими.

Глава 6

— Что он хочет делать? — спросил Димка Олега.

— Кто? — не понял Олег.

— Наш милый шеф.

Привычное определение и здесь не стало натянутым: Старков оставался их шефом, только в новой — партизанской — ипостаси.

— Полагаю, уводит людей.

— Куда?

— Не куда, а откуда. От немцев уводит.

— А деревню, значит, побоку?

Олег пожал плечами:

— Не думаю. Непохоже это на Старкова.

— Ты бы спросил...

— Считаешь, что он мне скажет? — огрызнулся Олег, но все-таки вышел из строя, стал пробираться вперед, к Старкову.

— Эй, куда? — взволновался Севка.

— По ягоды, — бросил Олег, не оборачиваясь.

Севка рванулся за ним, но Раф поймал его за рукав:

— Да не суетись ты! К комиссару он...

Севка выдернул рукав, вернулся в строй, шел позади, что-то ворчал под нос — недоволен был самостоятельностью Олега.

Олег догнал Старкова, пристроился рядом.

— Может, поделишься планами, комиссар?

Старков шел, втянув голову в поднятый воротник шинели, смотрел на мокрые, обшарпанные носы своих сапог, помалкивал. Олег не повторил вопроса, ждал.

— Какие там планы... — Старков по-прежнему не поднимал лица. — Поживем — увидим.

Темнит комиссар, не хочет делиться с посторонним военной тайной. Да какой тайной? Через полчаса-час все тайны станут явью — и для своих, и для

посторонних. Что задумал Старков? Олег мог предположить, что комиссар пошел на какой-то отвлекающий маневр, хотел отвести гитлеровцев от деревни, принять их удар на себя. А если не деревня — цель карательного отряда? Если эта цель — сама партизанская база? Все это можно было бы решить точно, если знать численность атакующих. Для деревни хватило бы и взвода. Для базы необходима рота, если не больше.

— Увидеть-то мы увидим, — сказал Олег. — Боясь, как бы поздно не было. Не надо играть в прятки, комиссар, не в школьном дворе войну организуем. Ум хорошо, а вече умнее.

Старков хмыкнул, оторвался от изучения собственных сапог.

— А я на отсутствие умов не жалуясь. Вон у меня их сколько, — кивнул назад, где неторопливо тянулась колонна отряда.

— Со всеми посоветовался?

— С кем надо.

— Может, и я пригожусь?

— Попробуй.

— Фашистов много?

— Хватает. На каждого из нас по трое выйдет.

Олег присвистнул:

— Ого! Выходит, рота!

— Выходит. Три бронетранспортера.

— Автоматчики?

— Если бы только! Еще и пулеметов пять стволов.

— Сдается мне, что не в деревню они направляются.

— Вот-вот. Их наш отряд интересуется.

— Видимо, весь отряд, а не твой взвод охранения.

— Верно.

— И они не знают, что отряда нет.

— Логично мыслишь, товарищ, — не без издевки сказал Старков. — А я добавлю к твоей логике: тот,

кто навел на нас фашистов, не знал, что отряд ушел к Черному бору.

— Подозреваешь кого?

— Тебя вот подозреваю. Ты тоже не знал об этом.

Олег засмеялся. Искренне засмеялся, без натянутости. Его забавлял и этот разговор, и сердитая недоверчивость Старкова, хотя он и понимал его, прекрасно понимал, сам на его месте точно так же подозревал бы чужака.

— Ладно, комиссар, допустим: я — шпион. Тогда на кой черт мне идти в лес, рисковать, нарываться на твою пулю, если за мной — рота со взводом пулеметчиков. А я — вот он весь да еще с двумя «провокаторами». Какой смысл в том, а, комиссар?

— Смысла особого нет, — осторожно сказал Старков.

— То-то и оно. Хочешь совет? Наплюй на свои подозрения. Оставь людей здесь: место вроде подходящее, густое место, не три десятка — три сотни укроешь. А мы с тобой да еще с учителем или с Рытовым прогуляемся до немцев. Поглядим, куда они намьлились.

Старков оглянулся. Люди шли один за другим — почти вплотную, без уставных интервалов, шли молча: слишком велико было напряжение. «Два наихудших занятия: ждать и догонять», — вспомнил Олег. А тут не просто ждешь — ждешь опасность, может быть, смерть. Куда хуже!

Старков поднял руку. Колонна остановилась. Партизаны подтягивались к своему комиссару, вытирали мокрые лица — рукавами телогреек, пальто, шинелей, просто ладонями, ждали.

— Передохнем малость, — сказал Старков. — Не курить, громко не разговаривать, оружие из рук не выпускать. Старший — Рытов. Мы с ним, — указал на Олега, — пойдем на разведку. Петр Сергеевич, — это к Торопову, — пойдете с нами.

Олег поймал Димкин взгляд, в котором — удивление, нетерпение, обида. Кивнул легонько, едва заметно пожал плечами: мол, не я так решил, потерпите, ребята.

— Немцы — километрах в трех отсюда, — негромко произнес Рытов, глядя куда-то вбок.

Ему не хотелось оставаться старшим в группе, бездействовать, выжидать. Он не понимал, почему комиссар предпочел взять в разведку не его — аса, опытного бойца, а неизвестного сомнительного парня. Сомнительного во всем: и возник неведь откуда, и кто такой — неясно, и каков в бою — никто не знает.

Но Старков не собирался давать объяснения по этому поводу. Он просто сунул руки в карманы и пошел не оборачиваясь, даже не усомнившись в том, что его приказ может быть нарушен. И Олег подхватился за ним, и Торопов закинул автомат за спину, следом пошел. И только успел сказать Рытов:

— Будь осторожным, комиссар..

Кого он наказывал сторожиться — немцев? Олега?..

До немцев они дошли довольно быстро. Три бронетранспортера, негромко урча, легко катили по грязной, податливой, но никем не разъезженной лесной дороге. Сзади — колея в колею — полз крытый брезентом грузовик. Из-под брезента над бортами устрашающе торчали тупые дула пулеметов. Впереди процессии, то и дело оскользаясь на мокрой глине, шли трое черномундирных солдат — автоматы на изготовку.

Старков присел на корточки за кустами, осторожно раздвинул ветки, поморщился от холодных капель, осыпавшихся на лицо.

— Уверенно идут, — сквозь зубы проговорил он.

— Вроде в деревню... — Торопов присел рядом, уложил автомат на колени.

— Эта дорога ведет в деревню? — спросил Олег.

— Ага. — Старков, не отрываясь, смотрел на машины.

— А к базе так не попасть?

— Метров через восемьсот в лес уйдет тропка, — сказал Торопов. — По ней и к базе можно прийти. Только тропка та в кустах скрыта, ее знать надо. Да и не пройдут по ней машины, пешком придется.

— Спешатся. — Олег пригляделся: идущий впереди солдат все время заглядывал в планшет. — Карта у него там, что ли?

— Нет, не карта... — Торопов сощурил глаза. — Похоже, кроки. Видишь: он то в планшет глянет, то по сторонам. Сверяет ориентиры. Значит, какая-то сволочь им кроки сняла...

— Знать бы какая... — протянул со злостью Старков.

— Живы будем — узнаем. — Торопов легонько хлопнул комиссара по плечу. — Двинулись. Только тихо. — Чуть пригнувшись, пошел вперед, бесшумно ступая в своих, казалось бы, грубых кирзовых ботсах.

Лесной житель, думал Олег, пробираясь за ними. Пожилой сельский учитель географии, который лучше всего знал географию окрестностей своего села, каждую тропу здесь знал, каждый куст, сызмальства привык ступать по лесу так, чтобы не потревожить зверье, не спугнуть птицу неверным шагом, хрустом нечаянно сломанной ветки. Интересно: охотник ли он? Или носил до войны ружьишко по лесу так просто, на всякий случай, не снимал с плеча, жалел живность? Лет через двадцать он наверняка станет приверженцем модной с конца пятидесятых годов фотоохоты, накопит на дорогое фоторужье, украсит стены школьного класса самодельными наглядными пособиями на фотобумаге. Если останется жив... Как

он точно сказал: живы будем — узнаем. В рассказанном Старковым варианте прошлого Торопов погибал. Олег мало верил в то, что их вариант будет сильно отличаться от старковского. Но немногословный мягкий Торопов был ему симпатичен, и он упорно гнал от себя мысль, что прошлое повторится и учитель все же погибнет. Впрочем, Олег надеялся, что сумеет сам присмотреть за ним, отвести его от пули. Жаль только, что не спросили у шефа подробности гибели каждого...

— Стоп, — неожиданно прошептал учитель, замер, прислушиваясь.

И, будто по его знаку, остановились на дороге машины. Солдат с планшетом обежал спутников, тычато в кроки, то в сторону леса.

— Там как раз тропа начало берет. — Торопов вытянул худую шею, смотрел во все глаза на дорогу. — Вот у той сосны.

Из бронетранспортеров по-прежнему никто не вылезал. Трое солдат долго о чем-то препирались, потом один из них почему-то на цыпочках двинулся к сосне, оставшиеся вскинули автоматы, готовясь прикрыть его огнем — в случае чего.

— Эх, полоснуть бы по ним... — мечтательно сказал Олег, поймал злой взгляд Старкова, стусевался. — Сам знаю, что нельзя, не вчера родился.

Посланный «на закланье» солдат раздвинул ветки орешника, заглянул в чашу, скрылся на минуту, потом выглянул на дорогу, гаркнул:

— Хир!

— Нашел, гад, — выругался учитель. — Точно им кроки составили.

Солдат выскочил из леса, неуклюже переваливаясь, побежал к переднему бронетранспортеру, взобрался на подножку, что-то рассказывал сидящему в кабине, взмахивал рукой. Потом соскочил на землю, предупредительно открыл дверь машины. Оттуда вы-

лез офицер в длинном кожаном пальто с витым серебряным погоном, прыгнул на дорогу, покачнулся. Солдат поддержал его.

— Гауптштурмфюрер, — сказал Старков.

— Невысоко они нас ценят, — усмеялся Олег. — Могли бы кого поглавнее прислать.

Офицер прошел вдоль борта, заглянул внутрь, сказал что-то, потом махнул рукой, и из бронетранспортеров посыпались эсэсовцы, строились повзводно около машин. К гауптштурмфюреру подбежали четверо офицеров, — видно, пониже чином. Олег не разбирался в эсэсовских знаках различия, а спросить у Старкова не решился. Выслушав командира, офицеры вернулись к своим взводам, гауптштурмфюрер уселся на подножку машины, поглядывал на свою роту. Солдаты проходили мимо него, ныряли в лес, скрывались из виду. Последними прошли пулеметчики, вскинув на плечи тяжелые стволы с раскоряченными ногами-подставками. Около машин осталось человек восемь — охрана. Гауптштурмфюрер лениво поднялся, похлопал по плечу здорового рыжего унтера — вроде бы на прощанье? — тоже пошел к тропе.

— Все ясно, — сказал Олег. — Не деревня им нужна, а база. Сейчас они рассыплются цепью, попытаются окружить отряд, залягут и пустят в ход пулеметы. Есть смысл вернуться к ребятам, обождать, пока фрицы уйдут ни с чем.

— Парень дело говорит, — подтвердил Торопов.

Старков покачал головой:

— Тот, кто им дал кроки, наверняка сообщил и о наших постах наблюдения. Сначала они попытаются снять посты, и снять без шума. А постов-то нет. Дураку станет ясно, что дело нечисто.

— Ну и что? — спросил Олег нетерпеливо.

— А то, что ни стрельбы, ни атак не будет. Вышлют разведку, обнаружат пустую базу — и все.

— Еще лучше: без шума уйдут.

— Если уйдут. Боюсь, что они со злости в деревню рванут. Тем более, она им давно глаза мозолит.

— Гадание на кофейной гуще, — сказал Олег.

— Даже если так, — Торопов сердито посмотрел на него, — мы обязаны предусмотреть все варианты.

— Что же вы предлагаете?

Старков усмехнулся:

— Ты у нас — главный советник. Валяй, советуй. — Сам-то он наверняка уже принял решение.

— Веди отряд к деревне. Можно устроить засаду в хатах. — Олег размышлял вслух. — Хотя это неэффективно: мало нас, нельзя запереть себя в четырех стенах, ограничивать свободу маневра. Нет, лучше засесть на околицах, впустить фрицев в деревню и тогда ударить со всех сторон. За нами — эффект неожиданности.

— Соображаешь, голова. Вот и давай беги к ребятам. Поведешь отряд.

— Я? — Олег растерялся, не ожидая такого поворота.

— Ты, ты. А Петр Сергеевич тебе поможет, подстрахует.

— А ты как же?

— Останусь, погляжу малость. А у околицы встретимся. Я вас там подожду.

Олег перехватил удивленный осуждающий взгляд учителя, брошенный на Старкова, рассердился, встал:

— Спасибо за доверие, комиссар.

— А я не тебе доверяю. Я твоей голове доверяю. И Петру Сергеевичу, без согласия которого ничего не предпринимай.

Но даже эта не слишком ласковая фраза не испортила Олегу радостного настроения.

— Так точно! — гаркнул он, спохватился, огляделся: не услышали бы на дороге. Нет, все было тихо. Понизил голос: — Не опаздывай на свидание, комиссар. Пошли, Петр Сергеевич.

Глава 7

До отряда добрались быстро и без приключений. Прежде чем отдать приказ партизанам, Олег шепнул учителю:

— Скажите им, Петр Сергеевич. А то не поверят...

Тот кашлянул, прикрыл улыбку ладонью, кивнул согласно.

— Товарищи! На время своего отсутствия комиссар передал командование новому члену нашего отряда... — Он помялся, и Олег пришел на помощь:

— Зовут меня Олег.

— Прошу любить и жаловать, — добавил Торопов. Бойцы переглянулись, зашумели недовольно.

— Почему это ему? — выкрикнул Рытов.

— Товарищи, — повысил голос Торопов. — Приказы, как вам известно, не обсуждаются. А я вас никогда не обманывал.

— А комиссар где? — спросил кто-то.

— Комиссар будет ждать у околицы деревни. — Олег говорил подчеркнуто сухо, словно обиженный недоверием. — Приказ комиссара: идти в деревню, занимать круговую оборону, ждать фрицев.

— Куда они делись?

— К отрядной базе подались. А там пусто. Не исключено, что они не пойдут к деревне, вернуться назад. Но мы обязаны предусмотреть все варианты. — Олег поймал себя на том, что невольно повторил слова Торопова.

Если разобраться, ничего особенного Старков Олегу не поручил. Велика задача: провести трид-

цать человек по лесу в обход гитлеровцев! Они и сами — без командира — прекрасно справились бы с ней. Да и спокойнее было бы: ни возмущений, ни обид, ни ропота. Но своим хитрым распоряжением комиссар показал партизанам, что пришельцам можно верить. Во всяком случае, сам он — комиссар — верит им и подчиненных своих к тому же зовет.

Торопов спросил Олега:

— Что вы собираетесь делать с обозом?

Олег подумал немного, сказал решительно:

— Не тащить же его с собой? Оставим здесь.

— А лошади?

— Может, пригодятся?

— Вряд ли, — не согласился Торопов, — скорее помехой станут. Они у нас смирные, к стрельбе приученные. Надо распрячь их и привязать: пусть пасутся. Фашисты сюда не пойдут.

Лошадей распрягли, предварительно собрав телеги в одно место. Олег предложил закидать обоз ветками, но учитель опять возразил:

— Нет смысла. Пока каратели в лесу, воздушной разведки ждать не приходится. А от земной, пешей такая маскировка не спасет. Да и времени мало. Слышите: начали...

Вдалеке, со стороны партизанской базы, затрещали автоматные очереди. Одна, другая, потом еще, и... вдруг все затихло.

— Прав был Старков, — сказал Торопов, — не будет стрельбы. Надо поторопиться.

Быстрым шагом тронулись к деревне. Олега догнал Димка, спросил на ходу:

— Как это ты в генералы попал?

— Плох тот солдат... — привычно отшутился Олег, не договорил, оборвал себя: — Сам толком не знаю. И понять не могу Старкова: то не верил, Севку к нам приставил, то — на тебе, командуй. Или решил, что

не стоит бросаться лишними людьми накануне боя, или что-то на уме держит.

Говорил шепотом: сзади шли Торопов и вездесущий Севка, то ли случайно, то ли нет, но пристроившийся как раз за новым временным командиром.

— Как Раф? Не скис?

— Нет вроде, — ответил Димка. — А что?

— Не оставляй его одного. А будет бой — тем более. Усек?

— Слушаюсь, — сказал Димка, поотстал, дождался Рафа, по-прежнему бредущего в хвосте, пошел рядом.

— О чем разговор? — спросил Раф. Будто бы незаинтересованно спросил, лишь бы разговор поддерживать. Но Димка отлично знал товарища, поэтому не стал томить его ловко скрываемое любопытство.

— О тебе. Большой начальник велел присматривать за тобой.

— Зачем?

— Чтобы ты не помешал его блестящей военной карьере каким-нибудь глупым поступком. — Не хотел, а невольно злорадно вышло, сам понял, сконфузился.

И Раф заметил это, усмехнулся:

— Завидуешь Олегу?

— С чего ты взял?

— Все твои чувства на лице видны. Тебе в покер играть нельзя: любой обдерет. А Олегу ты позавидовал. И сам того застеснялся. Зря позавидовал. Что ты, Олега не знаешь? Его хлебом не корми — дай покомандовать. Призвание: руководитель.

— Чем плохое призвание?

— Разве я осуждаю? Да ни в коем случае! Главное, что получается у Олега такая роль. Ну и пусть руководит. А я с удовольствием подчинюсь. И тебе сове-

тую. У него — в отличие от многих руководителей «по призванию» — голова на плечах имеется. И неплохая, замечу.

— Кто спорит? — сказал Димка.

— Вот и ладушки... — Раф перевел разговор на другую тему: — Что он говорит: будет драка?

Ох уж этот Раф, с его откровенно пацифистской терминологией!

— Не драка, а бой, — назидательно поправил Димка. — Он ничего не сказал. Но по-моему, ждет он того боя с нетерпением.

— А вот тут он — дурак, — сердито резюмировал Раф, замолчал, обогнал Димку, потопал впереди, и даже сутулая тощая спинка его выражала возмущение приятелем-милитаристом.

Димка не согласился с Рафом. Он знал, что все милитаристские интересы Олега не идут дальше «военных» автоматов в игровом зале парка культуры и отдыха. Или, в крайнем случае, дальше институтского тира, где Олег — признанный мастер спорта — показывал класс стрельбы на студенческих соревнованиях. И боя он ждет не потому, что хочет пострелять, порезвиться с боевым оружием и живыми мишенями. Нет, Олег, кажется, всерьез задумал «поправить» старковское прошлое, благо существует оно все-таки в ином временном измерении и поправки эти никак не повлияют на то будущее, в которое им предстоит вернуться.

Олег не делился с друзьями своими планами, предпочитал ставить их перед фактом. Что ж, его дело, хотя Димка иначе понимал дружбу. Так то он, а то Олег — разница! Тот же Раф часто ругал Димку: «Вечно ты все разбалтываешь заранее, что на уме — то и на языке». А болтовня любому делу вредит, даже самому простенькому, это Димка на собственном опыте постиг. Постиг, да ничему и не научился. Раф тоже известный молчальник. Но если

Олег держит свои командирские замыслы при себе, потому что не любит, чтобы ему мешали — советами, суетой, запретами, наконец, то Раф просто-напросто суеверен. Сглазить боится. Из двух молчаливых друзей Димка предпочитал реалиста Олега и не судил его за излишнюю скрытность. Тем более, что многолетняя дружба позволяла угадывать почти все, что таила в себе эта скрытность.

До околицы деревни дошли через полчаса. Старков уже ждал отряд, беседа с каким-то средних лет мужиком в фуражке и длиннополом брезентовом плаще, какой, по мнению Димки, носили дореволюционные господа агрономы, разъезжавшие по помещичьим полям на двухосных бричках. Представление это родилось из вечерних бдений у телевизора, где часто «крутят» старые фильмы, поставленные в пятидесятых годах по классическим романам. Фильмам этим еще предстояло родиться, а живой «агроном» совсем несолидно бросился к партизанам, начал по очереди обниматься с каждым, и Димку не пропустил, заключил его в сильные, пахнущие сыростью и резиной объятия.

— У тебя новенькие? — спросил «агроном» у Старкова.

— Похоже на то, — туманно ответил Старков, но «агроном» не стал переспрашивать, удовлетворился ответом, радостно пожал руку Олегу, поинтересовался:

— Офицер?

— Сержант, — ответил Олег.

— Орел! — продолжал радоваться «агроном», но Старков вмешался:

— Потом познакомишься, Стас, времени нет. Разобьемся на тройки и займем оборону вокруг центральной площади. Фашисты идут сюда. Как я и предполагал, они не удовлетворились брошенной базой. Без моего сигнала не стрелять. Сигнал — крас-

ная ракета. Полагаю, они не ждут здесь сопротивления, войдут в деревню. Встречать их выйдет Стас. Он — староста, ему сие по чину положено. — Он обернулся к «агроному»: — Потяни переговоры, Стас. Пусть они успокоятся, решат, что в деревне никого, кроме мирных жителей, нет. И жди сигнала. Увидишь ракету — беги, залегай и коси гадов. Твоих здесь сколько?

— Пятеро. Двое ушли с Петровичем. А так — бабы да старики.

— Пусть носа не высовывают. Особенно дети.

— Не высунут. Научены.

— Оружия лишнего не найдешь?

— Есть пара автоматов. А что?

— Да новенькие мои пустые.

— Это мы с удовольствием, вооружим до зубов. Пошли со мной, парни. — Он было тронулся, но Старков остановил:

— Погоди. Возьмешь с собой в засаду его. — Он кивнул на Олега. — А вы двое, — это относилось к Димке с Рафом, — пойдете с Рытовым. Старший — Рытов.

...Димка получил у Стаса старенький «шмайссер» и две обоймы, а Раф — карабин и пару гранат-лимонок тоже немецкого производства. Рытов ждал их у поваленного плетня «агрономского» дома.

— Вооружились? — неприязненно спросил Рытов. — Вояки на мою голову...

— Не набивались, — обозлился Димка. — Можешь катиться на все четыре, без тебя обойдемся.

— Вы обойдетесь, — хохотнул Рытов, сдвинул кепку на глаза, потер затылок, заросший длинными, вьющимися волосами. — А я вот без вас никак... Комиссар не велел, а он лучше знает.

Комиссар знал лучше. Самостоятельности Олегу было отпущено ровно настолько, насколько эта самостоятельность не могла повредить отряду. От леса

до околицы — не дальше. Сейчас за ним Стас присматривает, человек надежный, партизанский ставленник на должности фашистского старосты. А Димка с Рафом — сошки помельче. Им и Рытова хватит. Хотя Рытов — не из последних в отряде. И старшим его комиссар оставил, когда сам с Олегом и Тороповым к лесной дороге отправился. Так что можно гордиться: какому человеку в подчиненные приданы!

Димка усмехнулся про себя: будем гордиться. Будем подчиняться лучшим людям отряда, однако и о самостоятельности не забудем. Покажем этим лучшим людям, что мы умеем...

Рытов привел их к бревенчатому сараю на площади — прямо напротив дома старосты, распахнул дверь:

— Прошу!

В сарае было тепло. Куча прелого сена в углу, тележные колеса, какие-то слуги, заржавленный плуг. Крохотные оконца почти не пропускали дневной свет, но устроены были, словно нарочно, как бойницы: шесть узких прямоугольников вдоль стены на уровне человеческого роста. На чердак вела приставная лестница.

— Один внизу, двое наверх, — скомандовал Рытов, пошел к лестнице, поманил Димку: — Со мной будешь.

Димка предпочел бы остаться с Рафом внизу, но приказы не обсуждают. Полез по скользким перекладам за Рытовым. На чердаке тоже лежало сено и тоже тянулись по стене окошки. Крыша протекала.

— Хозяина нет, — подосадовал Рытов, отгреб сено от дыры в кровле, уселся. — Будем ждать, парень. Как звать-то, не спросил?

— Дмитрием.

— Откуда родом?

— Из Москвы.

— А я из Молдавии. Шоферил там на бортовой после школы. — Сейчас он не кривлялся, не изображал из себя опереточного цыгана, говорил спокойно, весело и оттого казался старше своих девятнадцати лет.

— Что не в армии?

— Не успел. Да и не рвался: по мне, в партизанах лучше.

Странный критерий для военного времени: лучше, хуже...

— Ищешь где лучше?

— Как и все. Только ты меня на слове не лови. Я не легче долю ишу, а лучше.

— Какая разница?

— Большая. Здесь не легче, чем в армии, но здесь я — хозяин. В лесу хозяин, в деревне, на большой дороге. Полоснул из-за кустов нежданно-негаданно, гранатами забросал — и бери гадов тепленькими. А в армии ты — винтик.

— Хозяин большой дороги?

— А что? Хорошее прозвище.

Прозвище... Человек должен быть там, где он принесет больше пользы общему делу. Димка совсем не умалял значения партизанского движения в Великой Отечественной войне, но не оно решило ее исход. Димка читал, знал по рассказам знакомых отца, как осаждали военкоматы его ровесники. А это: «не рвался»... Впрочем, может, он рожден быть партизаном, бесстрашным и осторожным, может, он нужнее именно здесь — кто знает. Не стоит заранее осуждать человека, если тебе его слова не понравились. Не торопись с выводами, Димка, не поддавайся первому впечатлению.

Свесился в люк, оглядел полутемный сарай:

— Как ты там?

— Хорошо, — откликнулся откуда-то из темноты Раф. — Так бы век...

— Ну ты, не очень-то расслабляйся, — подал голос Рытов и вдруг схватил Димку за руку: — Смотри, смотри.

Далеко впереди, у околицы, перед лесом показались зеленые коробки бронетранспортеров. Площадь перед сараем по-прежнему была пустынна. Да и площадью ее можно назвать лишь с помощью великой фантазии. Просто большой квадрат, окруженный редкими избами, невысокими штакетниками. Лужи, грязь. Чей-то недорезанный петух ковыляет вдоль забора. Неширокая улочка ведет к околице. Канавы-водостоки вдоль улицы, почерневший от воды низкий сруб колодца покосился у ворот. Бронетранспортеры медленно катились по улице, оглушительно ревели в дождливой тишине деревни. Никто не выбегал им навстречу, даже собаки не лаяли из-под заборов. А может, и не было их — собак...

Рытов прижался к стене, выглядывал из-за косяка. Димка сжимал внезапно вспотевшими руками холодный автомат, тщетно пытался унять дрожь, молил, чтобы Рытов не заметил. Рытов не обращал на него внимания, всматривался в дождь.

— Сейчас будет... — прошептал он.

Бронетранспортеры и грузовик въехали на площадь, остановились. Водители глушили моторы. Из своей избы вышел «агроном» Стас, побежал к машинам, распахнув руки, будто готовился обнять дорогих гостей, как давеча на околице. Из кабины бронетранспортера выпрыгнул офицер в кожаном пальто, пошел навстречу Стасу. Остановился, заложив руки за спину. Стас вытянулся перед ним, что-то рапортовал. Димка не слышал слов, но слишком угодливая поза старосты вызывала отвращение. Хорошо: он должен быть актером. Хорошо: он обязан выслуживаться перед фашистами, чтобы ни подозрения не возникло — все лояльны, все преданы новой власти. Но есть же чувство собственного достоин-

ства, наконец! Зачем вытягиваться в струнку перед сволочью?..

Офицер неторопливо поднял руку, наотмашь ударил Стаса по щеке. Сильно ударил, потому что голова старосты дернулась, он даже покачнулся, но продолжал стоять так же по стойке «смирно». Офицер обернулся к машинам, крикнул что-то. Из кузова выпрыгивали солдаты, строились у бортов — повзводно. Офицер указал Стасу на дом, повелительно махнул рукой. Стас, ссутулившись, пошел к дому, поминутно оглядывался. Офицер смотрел ему вслед, ждал.

И в это время в воздух взлетела красная ракета.

Глава 8

Ударили автоматы со всех сторон. Надломилась черная цепь гитлеровцев, распалась. Офицер зайцем подскочил, метнулся к машине, спрятался за колеса. Его солдаты торопливо лезли обратно в кузова бронетранспортеров, отталкивали друг друга, падали, скошенные точными очередями партизанских автоматов. Стас успел добежать до своего забора, перемахнул через него, упал в траву. Димка видел, как он, пригнувшись, пробежал по двору, бросился за поленницу дров. И сразу оттуда вспыхнули язычки пламени: открыл огонь. На площади около машин остались лежать тела убитых эсэсовцев — десять или двенадцать трупов, Димка не считал. Только сейчас он сообразил, что по-прежнему сжимает холодный автомат, так и не выстрелив из него ни разу.

«Трус!» — обругал он себя, взглянул на Рытова. Рытов смотрел в окошко, тихо смеялся.

— Ты что? — спросил Димка, ошалело вытаращив глаза.

— Идиоты, — выдавил сквозь смех Рытов. — Кто же так воюет? Они больно в себе уверены, вот о бдительности и не вспоминают. А мы их как курей...

— Не всех же...

— А может, и всех. — Он вытащил из кармана лимонку, выдернул чеку, высунулся в окно, размахнувшись, швырнул гранату. Она шлепнулась около первой машины, взлетел в воздух черно-синий столб земли, воды, дыма, застыл на мгновение гигантским грибом, начал медленно оседать. И тотчас же из кузова забил автомат. Прицельно бил. Пули шелкнули о бревна сарая где-то под Димкой. Он отшатнулся.

— Тикай вниз! — крикнул Рытов. — Сейчас они пулеметом шуганут.

Метнулся к люку, прыгнул. Димка — за ним. Выскочили из сарая, пригибаясь к земле, рванули к забору. Рытов ударил ногой по планке штакетника, выломал ее, нырнул в дыру. Димка пропустил вперед Василия и Рафа, задержался на секунду. В кузове грузовика на площади полыхнул огонь.

— Ложись, дурило! — Рытов выглянул из дыры в заборе, дернул Димку за полу.

Димка упал на землю, уткнулся лицом в траву. Вовремя. Пулеметная очередь была точно в крышу сарая. Вспыхнула, взлетела к небу дранка, поплыли по воздуху клочки сена. Снова громыхнуло. От грохота заложило уши.

Как сквозь вату пробился голос Рытова:

— Погибнуть хочешь?

Димка встал на четвереньки, полез в дыру. Рытов подхватил его под руку, силком потащил за дом. Димку шатало.

— Оглушило? — Лицо Рытова было где-то рядом, качалось у глаз, расплывалось.

— Сейчас-сейчас, — пробормотал Димка, помотал головой, приходя в себя. — Как это я?

— Не ожидал?

— Честно — не очень. Миномет, что ли?

— Граната. Идти можешь?

— Могу. — Димка встал, придерживаясь за стену.

— Давай за дом.

Из-за дома высовывался перепуганный Раф:

— Цел?

— Целехонек, — засмеялся Рытов. — Меняем дислокацию. Они теперь оправились от первого испуга, вспомнили о своей силе.

Бронетранспортеры разворачивались, натужно рыча, шли к горловине улицы, куда уже убрался грузовик с пулеметчиками. Теперь, когда их прикрывали с флангов слепые за закрытыми ставнями избы, фашисты почувствовали себя полегче. По вспышкам выстрелов можно было определить, что партизаны простреливали только деревенскую площадь. Вероятно, это был просчет Старкова. Можно было предположить, что эсэсовцы сумеют отступить, и встретить их огнем из засады. Теперь исправлять ошибку поздно. Один из бронетранспортеров перевалил через канаву, врезался в забор, обрушил его, ткнулся носом в дверь дома.

— Там кто-нибудь живет? — спросил Димка.

— Не знаю, — ответил Рытов. — Тут много пустых изб.

Кто-то из кузова пустил очередь по закрытым ставням, по двери. Из дома никто не пытался выскочить.

Раф тронул Рытова за плечо:

— Обойдем их по краю. Подберемся с тыла.

— Верно. — Рытов одобрительно посмотрел на Рафа. — Я и сам хотел...

Он пошел вдоль стены, перебежал двор. Димка уже забыл, что оглушен и что голова все еще кружилась, побежал за ними, за Рафом с Василием, думая, что не такой уж Раф великий пацифист, умеет тактичес-

ки мыслить, если надо. Вот понадобилось, и — доказал.

Выстрелы стихли. Вероятно, не только рытовская группа меняла расположение. Деревня по-прежнему казалась начисто вымершей: жители выполняли распоряжение старосты, сидели в погребах. В конце улицы пулеметчики наспех устанавливали свои треноги.

Димка понимал, что положение партизан — не самое лучшее. Фашистов больше, они быстро успели сориентироваться, отойти и занять довольно выгодную позицию. Эффект неожиданности партизаны использовать не сумели. Почему? Мало людей, мало боеприпасов... Может быть, стоило быть посмелее, решительней атаковать карателей, ошеломить их натиском, создать впечатление, что не тридцать — триста человек против них? Может быть, так... Димка усмехнулся: руководи в этом бою партизанами Олег, он бы не раздумывал, повел бы людей в атаку. И — не исключено — потерпел бы поражение. Все-таки взвод — не рота, фашисты — не слепцы и не дураки. Раскусили бы за милую душу. Так что не стоит осуждать Старкова за нерешительность. Его разумная осторожность помогла пока выиграть время. Да и о численности партизан каратели не знают...

Честно говоря, Димка считал, что выиграть бой будет трудно. Вероятно, надо бы отойти, дожидаться карателей на лесной дороге. Нет, нельзя. Тогда они точно сожгут деревню и расстреляют жителей. Да и рация у них наверняка есть. Вызовут подкрепление, зажмут в тиски отряд... Значит, если отходить, то отходить вместе со всеми жителями. Или драться до конца.

А как драться?

...Димка прижался спиной к глухой бревенчатой стене сарая, выглянул за угол. Насквозь промокший

стог сена, поваленные прясла забора, заросли бурьяна у забора. В зарослях кто-то шевелился.

— Видишь? — Димка обернулся к Рытову.

— Кто-то из наших, — прошептал Рытов, сложил руки лодочкой — крикнул негромко.

Бурьян закачался, выглянула голова. Олег.

Димка даже засмеялся неволью, забыв об опасности: уж больно забавно выглядел взъерошенный и мокрый Олег.

— Ты чего? — удивился Рытов.

Димка не ответил, брякнулся на землю, пополз к бурьяну. Только слышал сзади трудное дыхание товарищей. Добрался до Олега, пристроился рядом, посмотрел на улицу. Эсэсовцев видно не было: попрятались, замаскировались. Только чернели бронетранспортеры в конце улицы и — Димка помнил — скрывались за ними пулеметчики.

— Добросишь гранату? — спросил он у Олега.

— Доброшу. Только попозже.

— Почему?

— Пусть остальные подтянутся.

— Где они?

— Старков и еще пятеро — здесь. Вон — за поленницей. Остальные идут по той стороне улицы.

— Будем атаковать? — догадался Раф.

— У нас нет другого выхода.

Откуда-то с улицы послышалось криканье.

— Все на месте, — удовлетворенно сказал Олег. — А ну, готовьтесь. Бросаю гранату — и в атаку. — И к Рытову: — Крикни-ка в ответ. А то я не умею.

Достал лимонку из кармана, подбросил ее на ладони, почему-то понюхал, улыбнулся:

— Ну, поехали...

Выпрямился во весь рост, сорвал предохранитель, размахнулся — как на институтском стадионе, швырнул гранату, подхватил с земли автомат:

— Впере-о-од!

Перемахнул через прясла, помчался по улице, стреляя на ходу.

Димка бежал следом, оглушенный неожиданно громким взрывом лимонки, потом еще одним, и еще, и еще, кричал что-то и не слышал собственного голоса. Только видел впереди, в сизом мареве взрывов, выскакивающие из-за машины фигурки гитлеровцев. Он нырнул в сорванную с петель калитку и нос к носу столкнулся с карателем. Отскочил, замер в растерянности. Ражий ээсовец ругнулся, поднял автомат. И вдруг нелепо взмахнул руками, как в замедленной съемке, повернулся вокруг своей оси на ватных ногах, упал. Димка обернулся: Раф сжимал карабин, растерянно смотрел на убитого им фашиста.

Димка не стал благодарить друга, даже не подумал тогда об этом, просто подхватил выпавший у немца автомат, протянул Рафу:

— Бросай свою дуру. И не стой, не стой. Вперед...

Внезапная опасность вдруг обострила чувства. Он стал слышать и крики, и выстрелы, ощутил запах пороха и вкус гари на губах, увидел бегущих рядом партизан, полоснул огнем из «шмайссера» по черным фигурам пулеметчиков у грузовика, метнулся к нему, выглянул из-за капота. Вскочил на подножку, вскинул автомат — пулеметчик повалился на бок, потянул за собой орудие.

— Готов! — выкрикнул Димка, рванул дверь кабины, плюхнулся на сиденье.

Ключ зажигания — вправо. Двигатель взревел. Димка выжал сцепление, включил передачу, вдавил газ. Он еще не знал, зачем это делает, просто захвачен был бешеным ритмом боя, не понимал даже его нюансов, действовал по наитию. А откуда оно у него — великое наитие, подсказывающее верный ход? Потом, потом разберемся, некогда сейчас! Двинул трехосную махину грузовика по улице, подмял

убитого пулеметчика. Впереди вырос задранный в небо ствол пулемета. Около него — трое. На них, на них, не сворачивать. Треснуло лобовое стекло, побежали по нему лучи-трещины — стреляют? Пригнул голову, больше газа! Машина прыгнула вперед, закачалась, кто-то кричал за окном.

Прямо перед радиатором выросла стена, в ней — полуоткрытая дверь. Димка толкнул плечом дверцу кабины, прыгнул вниз, только успел подумать: автомат в кабине! — и покатился по земле, не чувствуя боли. Вжался в грязь лицом, накрыл ладонями затылок. Оглушило взрывом, жаром полыхнуло. Поднял голову: около дома горел грузовик, выскакивали из двери и из-за дома засевшие там гитлеровцы, бежали куда-то, падали. Поднялся на ноги — шатнуло. Ухватился за стену, задышал часто-часто, посмотрел вверх. Где-то высоко, под облаками — или показалось? — парил воздушный змей, детский коробчатый змей с планками крест-накрест, с длинным хвостом из мочала. Кто его запустил?

В глазах потемнело, пополз вниз, хватаясь онемевшими пальцами за бревна стены, потерял сознание. И уже не слышал ни выстрелов, ни взрывов. Была тишина, сонный покой, далекое синее небо, в котором по-прежнему качался на ветру игрушечный неправдоподобный змей, склеенный маленьким Димкой давним летом в Малеевке, в пионерском лагере.

...Димка очнулся оттого, что его кто-то тряс. С трудом разодрал слипшиеся веки, смотрел сквозь ресницы. Над ним нависла огромная черная фигура, страшная фигура, тянула к нему длинные руки. Это было ужасно, и Димка снова закрыл глаза. Однако трясти его не перестали, и, как сквозь вату, он услышал голос Олега:

— Да очнись ты, наконец! Живой ведь, симулянт чертов...

«Пожалуй, надо встать, — тяжело ворочались мысли, голова прямо раскалывалась от боли. — Олег в покое не оставит».

Снова открыл глаза, сощурился, встал на четвереньки. Олег подхватил его под мышки, поднял рывком, прислонил к стене. Димка очумело посмотрел на него, спросил хрипло:

— У тебя анальгин есть?

Олег отпустил его, сел на корточки, зашелся смехом. Димка понемногу приходил в себя, удивленно разглядывал истерично всхлипывающего Олега.

— Анальгин, — рыдал Олег, — фталазол, стрептомицин... Сумасшедший. Где ты находишься?

Димка ошалело огляделся. Метрах в двадцати догорал грузовик, ленивые язычки пламени плясали под крышкой капота, выглядывали из кабины. Стена дома обуглилась, но пожара не было: дождь помешал, насквозь промокшие бревна не поддались пламени. Рядом лежали трупы эсэсовцев — как в кино «про войну». От дома к Димке шел черный от копоти Старков, волочил автомат на порванном ремне, улыбался.

Димка наконец сообразил, где находится, испуганно спросил:

— Что случилось? Как наши?

Старков прислонил автомат к стене, сел на траву, потер пальцами глаза — только больше копать размазал.

— Все. Конец.

— А фашисты?

— Нет больше фашистов.

Олег хлопнул Димку по плечу. Тот даже пошатнулся.

— Пожара они испугались, — смеялся Олег. — Когда ты избу протаранил, так бабахнуло, что даже я решил: не иначе — артиллерия подоспела. Их в

избе и за ней человек тридцать было. Ну, все — наружу. А тут — мы. Готовенькими их брали.

— А я как же? — Димка шарил руками по телу, искал рану, но тело не отзывалось болью, только гудела по-прежнему голова, и пара таблеток анальгина все-таки была бы кстати.

— Взрывом крышу сорвало. Доски прямо по небу летали. Одна тебя и приложила по темечку. Спасибо, кепка удар смягчила.

Димка ухватился за затылок, вскрикнул, посмотрел на руку:

— Кровь...

— Не беда, — устало улыбнулся Старков. — Ты же физик. Вот и пошел по пути Ньютона. У него яблоко, у тебя кое-что повесомее. Пора закон всемирного тяготения открывать.

— Все бы вам шутки шутить, — мрачно сказал Димка.

Он не терпел крови, боялся даже палец порезать. Ну ладно бы пуля или штык. Благородно и моменту соответствует. А тут доска... Чем вас в бою ранило? Да, знаете, доской пришибло. Даже стыдно. Расскажешь — засмеют.

Олег понял мучения друга, обнял его:

— Ты у нас герой. Как додумался машину пустить?

Димка любил, когда его хвалили. Он таял и гордился собой. Он считал, что похвала — даже за ерунду — очень стимулирует любую деятельность.

— Да вот как-то додумался... — засмутился он, ногой шаркнул, вроде и голова поменьше болеть стала. Но не стал врать, честно признался: — Я не думал о последствиях. Просто вскочил в грузовик — и ходу. А стену я в последний момент заметил: я же не умею водить машину.

— Умел бы — объехал? — восхитился Олег наивной откровенностью Димки.

Димка пожал плечами:

— Не знаю... наверно...

— Ну ты даешь!

Старков по-прежнему сидел, привалившись спиной к стене, закрыл глаза, как будто дремал. Услышал реплику Олега, приоткрыл один глаз.

— Он не знал, что делать, а сделал все правильно. Ни одной ошибки. Его незнание помогло нам больше всех наших знаний. Как считаешь?

— О чем разговор? — Олег не был ревнив, и удача друга радовала его не меньше своей.

И великодушным он был, умел признать чье-то преимущество над собой. Что ж, в нынешнем бою Димка сделал больше Олега. Пусть неосознанно, но все же, рискуя жизнью, он выманил под пули партизан три десятка карателей, прочно засевших в надежных стенах избы. Подвиг? Несомненно, — согласился Олег, считая, что ему самому просто не повезло: не догадался вовремя, не увидел машины, увлекся боем. Но какая разница, кто сделал? Важно, что сделано. И сделано — будь здоров!

Димка окончательно пришел в себя, хотя и побаивала голова, саднила рана на затылке.

«Ох и попадет мне от шефа, — думал он. — Было велено: не лезть ни в какие переделки. Легко сказать! Интересно, дорогой шеф: сами вы сумели бы сидеть сложа руки? Не сумели бы, знаем вас. Так что придется смирить гнев...»

— А как наши? — спросил он, вдруг вспомнив о страшном исходе боя в старковском прошлом.

— Севку убили, — помрачнел Олег.

— Севку... — Вспомнились веснушки, узкие, с рыжинкой глаза.

Только что рядом был, еще злились на него: больно бдительный, и вот — конец. Ох, не игра это, не игра, ребяточки, настоящая война, которая догнала вас, достала. И не сможете вы уже быть прежними — веселыми и беспечными, неунывающими «орлами» с

физфака. Не сможете. Хотя бы потому, что Севку убили...

— А остальные, остальные?

— Да вроде потерь не так уж много...

И опять вмешался Старков:

— Немного? Щедрый ты парень, Олег. Для нас любая потеря — беда. Понял: любая! И если бы только один Севка погиб, я бы считал, что мы потеряли слишком много...

Он рывком поднялся, подхватил автомат, пошел на улицу.

— Комиссар прав, — тихо сказал Димка. — Ты бестактен.

— Не спорю, — согласился Олег. — Ляпнул не подумав. Только я помню, что у Старкова уцелело одиннадцать бойцов...

— У того Старкова, у нашего.

— Да, этот — другой. И прошлое другое.

— А вдруг наше? Вернемся, а там — куча изменений. А виноваты в них мы.

— Не говори вздора, — обозлился Олег. — Ни в чем мы не виноваты. Ну, я подстрелил человек десять. Ты этих сволочей на Божий свет вытащил. Но не мы погоду сделали. Пока ты у стеночки отдыхал после встречи с доской, Рытов с Севкой ворвались вдвоем в соседнюю избу, гранату — на пол и из двух стволов за три минуты двадцать человек наповал. Хороша арифметика? — Он засмеялся. — Потом Рытов спохватился: что-то слышать хуже стал. Хвать за ухо, а его нет.

— Как нет?

— Осколком отрезало. Вместе с серьгой. Он и не заметил.

— Вся красоту испортило, — покачал головой Димка, спохватился: — Где Раф?

— Раненых перевязывает. Он у нас герой, не хуже тебя. — Олег даже присвистнул. — Ну-у, Раф... Он ведь и Торопова спас...

— Как?

— Прикрыл его. Увидел, что в старика целятся, прыгнул на него и повалил. Сам сверху.

— А фашист?

— Какой?

— Который целился.

— А-а, этот... Убили его. Кто-то из наших, — безразлично сказал Олег. — Ну, пошли. — Он взял Димку под руку. — Все уже на площади.

Глава 9

Олег ошибался: на площади никого не было. Партизаны собрались во дворе бывшего сельсовета, где теперь обосновался староста. Кто сидел на ступеньках крыльца, кто прогуливался вдоль стены, заглядывал в окна, где Раф, Торопов и староста Стас занимались ранеными.

Раненых было семеро. Прошлого физика Старкова разительно отличалось от прошлого, в которое он отправил своих учеников. Только пятеро убитых, среди которых — бдительный Севка, рыжий Севка, веселый и лихой человек. Старков отправил партизан хоронить павших бойцов. На маленьком деревенском погосте они вырыли пять могил, завернули тела в старую мешковину, поставили таблички с фамилиями и двумя датами. Собрались у могил, дали прощальный залп. Всего один: патроны приходилось беречь, хотя и разжились у немцев боеприпасами. Да только понадобятся они еще, впереди — дорога в Черноборье, длинная дорога, мало ли что может на ней случиться...

Необходимо было спешить. Раф, выросший в семье врачей-хирургов, умело перебинтовал раны, благо — невелики они. У кого — рука прострелена, у кого — бедро. Рытов красовался в повязке, закры-

вавшей почти всю голову, ходил чертыхаясь, переживал сильно: несерьезное ранение. Его утешало только, что Димка пострадал еще глупее. Тут все-таки осколок, а у Димки — доска.

Раф не считал всяких там царапин или легких сквозных пулевых ран. Тогда и Димку с его ссадиной пришлось бы зачислить в раненые. Нет, это пустяки, до свадьбы заживет и забудется. Рафа волновало состояние Макарыча, у которого было прострелено легкое. Для невеликих медицинских познаний Рафа это ранение казалось слишком серьезным. Макарыч все время терял сознание, дышал тяжело, со свистом. Термометра в деревне не нашлось, но даже на ощупь чувствовался жар.

— Успеть бы довести старика, — говорил Раф комиссару. — Сколько времени займет переход?

— С таким обозом — суток трое.

— Плохо дело. А быстрее никак нельзя? Или, может, где-нибудь поблизости врач есть?

— Врача нету, — вступил в разговор Стас, — а фельдшерица в соседней деревне проживает. Лучше бы к ней...

— Медикаменты у вашей фельдшерицы есть? — зло спросил Раф.

— Откуда? Травки должны быть.

— Травки... Тут антибиотики нужны, — сказал и поморщился, получив увесистый удар по ноге: Олег напоминал забывшемуся товарищу о том, что антибиотики появились лишь после войны, да и то не сразу.

Однако никто не заметил обмолвки Рафа, не прислушался. Мало ли какие мудреные названия в медицине имеются? Разве нормальный человек все упомнит?

— В отряде есть врачи и лекарства, — сказал Старков.

— Значит, надо везти в отряд. Будем рисковать.

— Зачем рисковать? — удивился Олег. Его удивило то, что никто из присутствующих не видел явного выхода. — Это пешкодралом трое суток. А на машине?

— Ах, черт! — вспомнил Старков, хлопнул себя по лбу. — Действительно. Всю дорогу не осилим, а половину — наверняка. Кто поведет?

— Я, — сказал Олег.

Раф изумленно посмотрел на него:

— Как здоровье?

Часов они с собой не взяли: «Полеты» и «Секунды» не годились для военного времени. Но и без часов можно было догадаться: срок эксперимента на исходе.

— Который час? — спросил Олег.

Старков полез в карман, вытащил старенький плоский хронометр.

— Половина седьмого. — И добавил не к месту: — Есть хочется.

Олег реплику о еде пропустил мимо ушей, хотя и ему есть хотелось, урчало в животе, а вот поздний час его расстроил. Через полчаса Старков вырубит генератор, и придется топтать в избушку, так и не закончив начатого. Олег считал, что это несправедливо. Он хотел довести Макарыча до Черноборья, увидеть настоящее партизанское соединение, с молодым председателем познакомиться — да мало ли что еще! А тут и попрощаться ни с кем нельзя — не поймут. С чего бы это им расставаться? Вся война впереди...

Кончилась война для студентов. Что ж, против уговора не пойдешь. Но надо кое-какие советы оставить...

— Верно говоришь, — скрепя сердце начал врать Олег, — я бронетранспортер не доведу. Опыта нет. Шоферы в отряде есть?

— Есть, — сказал Старков. — Рытов до войны шофером был.

— Он и поведет. Погрузим в машину всех раненых, пулеметы, оружие трофейное — и в путь. А мы — пешочком, не торопясь.

— Стоит поторопиться, — вмешался Стас. — Через несколько часов сюда нагрянут фашисты.

— Сколько человек в деревне? — спросил комиссар.

— Двадцать три со мной. Пятеро мужиков, остальные — бабы с детьми, да стариков трое.

— Все уйдут с нами.

— И я?

— И ты.

— А как же деревня?

— Тебе что дороже: избы или люди?

— Глупый вопрос, — пожал плечами Стас. — Однако людям ведь в избах жить...

— Именно: жить. Собирай людей, староста. Да поживей, поживей.

Вот и еще одно несоответствие с реальным прошлым Старкова: Стас уйдет с партизанами, и все жители деревни тоже уйдут, и никого не обнаружат каратели, когда примчатся сюда, одержимые жадной отомстить непокорным «бунтовщикам». Но почему Раф упорно называл реальным именно прошлое своего шефа? А это прошлое? Что в нем нереального? Оно существовало и существует сейчас, оно торопит события, спешит сквозь осенние дни сорок второго года к годам семидесятым, когда другой Старков и другие студенты станут собирать свой чудесный генератор времени, чтобы махнуть назад — на тридцать с гаком лет, и махнуть опять-таки в чужое прошлое, в его третий вариант. Или в десятый. Или в сотый. В самый что ни на есть реальный вариант. В котором, может быть, Макарыча не ранят и не погибнет Севка. Или даже не будет этого боя...

...Раненых погрузили на бронетранспортер, который пригнал умелец Рытов. Набросали в кузов сухого сена, постелили брезент, посадили к раненым малых детишек.

— Может, с ними поедешь? — спросил Рафа Старков.

Раф бы поехал, будь его воля...

— Да я там только помехой буду, — сказал он бодро. — Пусть товарищ Торопов едет.

Старков не настаивал. Наказал Рытову не гнать, в случае чего — сворачивать в лес, выждать, на рожон не лезть.

— С Богом, — сказал Старков.

— И без Бога справимся, — хохотнул Рытов, тронул машину, высунулся из окна: — Догоняйте!

Осторожно повел бронетранспортер, объезжая ямы с водой, скрылся за околицей. Партизаны смотрели ему вслед, молчали.

— И нам пора, — вздохнул Старков, еще раз хлопнул крышкой часов. — Семь без минуты.

— Пора, — подтвердил Олег.

Он знал точность своего Старкова и надеялся только, что старый хронометр спешит, подгоняет время хозяина.

И вправду спешил. Успели построиться, подхватить трофейное оружие, которое не погрузили в машину, вышли за деревню неторопливой колонной — женщины, дети, старики шли в середине. Олег с друзьями намеренно пристроились в хвосте. Вошли в лес, и Олег придержал друзей: вроде бы осмотреться — не ждать ли опасности откуда-нибудь? Опасности не было. Пусто кругом. И дождь моросить перестал. Виднелись еще деревенские избы, крутился дымок над местом недавнего боя, ветер уносил рваные облачка дыма.

И вдруг пропал дымок. А возник совсем в другой стороне. И не робкий он был, а сильный, будто затопил кто-то печку в невидной от леса пустой избе.

— Кто это? — испуганно спросил Димка. — Кто-то остался?

Он обернулся к лесу, куда только что скрылась колонна партизан, прислушался, вдруг рванулся в кусты, обломил ветку, она с треском упала.

— Тише, ты! — бросил вслед ему Олег.

А Раф все уже понял, усмехнулся невесело:

— Не от кого таиться.

Вернулся Димка, сказал, ни на кого не глядя:

— Все. Конец.

Это был конец эксперимента. Пунктуальный Старков отключил поле. Дым над пепелищем исчез, потому что не было пепелища. Печку топили во многих домах — холодная погода, промозглая, — и дым из труб рвался в небо, сливался в мощное серое облако, уходил за деревню.

— Интересно, дойдут они до Черноборья?

Димка задал вопрос без адреса, просто так спросил, чтобы не молчать. И Олег ответил тоже для того:

— Хотелось бы... Теперь и не проверишь: другое прошлое. В нашем вот дошли...

— Дойдут, — убежденно сказал Раф. — Должны дойти.

Он так считал и не верил в иной исход, не мог верить.

— И нам пора?

— Пора.

Пустой обмен словами. Говорить не хотелось, и надо было говорить. Слишком резко оборвалось действие — сразу и навсегда. Слишком многое осталось там, в прошлом. Именно в прошлом: как же иначе назвать? Теперь и у них, у двадцатилетних, тоже было прошлое — далекое и кровное.

— Ты помнишь, где спрятал дублер?

— Помню.

— Надо бы забрать...

— Потом. Успеем.

Машинально вглядывались в мягкую тропу — не осталось ли на ней следов. И другая то была тропа, давно знакомая, потому что бегали по ней из лесниковой избушки в деревенский магазин: за сахаром и за хлебом. И на танцы в клуб, бывало, заглядывали — по той же тропке.

— Сколько мы отсутствовали?

— Как и договаривались: двенадцать часов.

— А кажется — дольше.

— Кажется...

Уже никогда не вернуть напряженных минут боя, ощущения уверенности в себе, кристальной ясности мыслей, которая возникает именно в момент опасности, в состоянии стресса, и ты поступаешь так, как должен поступить, и никак иначе, и твоё решение — самое верное, единственное, и ты силен, и ты бесстрашен, и дело твоё правое, и победа конечно же — за тобой...

— Вроде бы дошли...

— Кто?

— Мы, мы дошли. Вон наш дворец...

Последние шаги к избушке. Выбить сапоги о стальную скобу у порога, снять мокрую грязь. Но тише, тише, чтобы не слышали ни шеф, ни председатель: не стоит портить театральный эффект неожиданного появления. Аккуратно приоткрыть дверь — только бы не скрипнула! На цыпочках — в сени. Дверь в комнату — рывком на себя.

— А вот и мы!

Глава 10

— Наконец-то, — сердито сказал Старков.

Генератор выключен, стрелка — на нуле, рубильник торчал перпендикулярно щиту. Старков пил чай

из фаянсовой кружки с петухом, нарочито громко хрустел сахаром, на студентов — никакого внимания.

— В самом деле. — Председатель не сумел подыграть Старкову. Он был взволнован, обрадован, все удалось, и живые вернулись. — В самом деле, не могли раньше прийти?

— Хорошо, что я опыт ограничил двенадцатью часами, — проворчал Старков. — А то бы они там до конца войны сидели...

— Неплохая идея. — Олег повесил телогрейку на гвоздь, уселся за стол, придвинул чайник. — Ух, изголодались...

— Не кормили вас там, что ли?

— Некогда было.

Этим «некогда» Олег невинно намекал на информацию — немалую и важную, которую они готовы сообщить заждавшимся руководителям. Но Старков не понял намек, не захотел понять. Он все еще играл роль сердитого воспитателя, не прощающего ослушников, выдерживал характер. Председатель — тот попроще. Ему прямо-таки не терпелось узнать подробности путешествия, он бросал умоляющие взгляды на Старкова, но тот игнорировал его, тянул чай, помалкивал.

Потом не выдержал, спросил Олега:

— Что ты на меня уставился? Давно не видел?

— Давненько, — протянул Олег. — Считайте: тридцать пять лет. Изменились вы здорово...

Старков подался вперед, чуть не опрокинув кружку. Все было мгновенно забыто: и показное равнодушие, нелепое желание убедить всех, да и себя тоже, в том, что важен лишь удачно поставленный эксперимент, само путешествие во времени, а не его содержание. Мол, с таким же успехом можно было переместиться в год тридцатый, пятый, восемьсот девяностый — в какой угодно... В какой

угодно? Ох, врешь, Старков, сам с собой душой кривишь! Ждал ты ребят из своего года, мучился, сторал от нетерпения. Так не ломай комедию — не перед кем.

— Рассказывайте, — почему-то шепотом сказал Старков.

— То-то же... — Олег не собирался долго мучить шефа и председателя. Начал рассказ, к нему присоединились Раф с Димкой, перебивали друг друга, вспоминали подробности, вскакивали, размахивали руками, демонстрируя перипетии боя.

Поймали Димку: тот вырывался, прикрывал руками голову. Подтащили к Старкову, показали след борьбы с «летающей доской». Вопреки Димкиным страхам Старков не рассердился, только сказал огорченно:

— Вечно тебе не везет. Прошлый раз — пуля. Теперь — деревяшка.

— Почему не везет? — удивился логичный Раф. — Наоборот: все пули, равно как и все доски, мимо него. Жив, здоров и невредим мальчик Вася Бородин.

— Он герой, — заявил Олег. — Он всех спас.

— Я герой, — скромно согласился Димка.

Здесь, в натоленной избушке, в привычной обстановке, в своем времени все пережитое казалось далеким и, пожалуй, игрушечным. Даже запекавшая кровь на затылке вызвала скорее приятные воспоминания. Тем более, что голова уже не болела. Теперь и пошутить можно, покуражиться, посмеяться над Рафом, который сначала растерялся, увидев живого фашиста, а потом «совершил рекордный прыжок», прикрыв от пули старого учителя. Или вспомнить бдительного Севку, рыжего Севку и его пикировку с «подозрительными типами». Или то, как умелец Димка разобрался за пять минут в партизанской рации. Или вышутить Олега, ставшего ко-

мандиром отряда всего на... полчаса, когда шли из леса к деревне.

Все-таки это было не их прошлое. Даже не потому, что лежало оно на какой-то иной ветке времени, не совпадало с прошлым Старкова и председателя, вернее, не во всем совпадало. А прежде всего потому, что их прошлое было детсадовским, школьным прошлым веселых игр в «казаки-разбойники», прошлым серьезных фильмов «про войну», которые остались только фильмами, пусть убедительной, но все же иллюзией реальной жизни. И не казалось ли им путешествие таким же фильмом, в котором они сами сыграли прекрасные роли? Вот так: сыграли, а не пережили...

Может быть, может быть. И трудно, думал Старков, их упрекнуть за то, что относятся они к прошедшему эксперименту как к лихой игре, к опасной игре, к серьезной, к увлекательной, но — игре. Хотя действовали они — или играли? — надо признать, умно и по-взрослому. Здорово действовали — не упрекнешь ни в чем.

— А ведь я никак не мог поверить в ваше ветвящееся время, — задумчиво проговорил председатель. — Как это так: мышь вчера убили, а она сегодня жива-здоровехонька? Не укладывалось такое в моем крестьянском сознании.

— Теперь улеглось? — ехидно спросил Раф.

Председатель не заметил ехидства или не захотел замечать.

— Теперь улеглось. Не в моем прошлом вы побывали. Са-авсем в чужом. Вон у вас Макарыча только ранило, хотя и серьезно, а наш Макарыч еще до этого боя убит был. И Стас в вашем прошлом с отрядом ушел. Значит, жив остался, не казнили его... — Помолчал, подумал, сказал убежденно: — Хорошее у вас прошлое, что и говорить.

Так и сказал: «у вас». Он так же, как и студенты, не считал это своим прошлым, своим и старковским.

Но раз и навсегда отдал его самим ребятам: вы воевали, вы все переживали, вам вспоминать. Он уже не смотрел на них как на сосунков неумелых, которые жизни не знают, пороха не нюхали. Они были равны ему, равны далекому Рытову, о котором председатель не слыхал с конца войны, равны Старкову, кого партизаны избрали комиссаром отряда прикрытия, несмотря на его тоже несерьезный возраст. И у председателя и у студентов сейчас было прошлое, которым стоило гордиться. И он гордился им, как гордился самими ребятами, хорошими ребятами, смелыми и надежными — так он считал.

А Старков молчал. Он узнал все, что хотел узнать.

— Скажите, профессор, — спросил его Димка. — Почему вы так настаивали именно на сорок втором, на этих местах, на вашем отряде? Ностальгия по быломu?

Старков усмехнулся: красиво говорит парень. Может, и вправду ностальгия? Пожалуй, что так. Но не только она. Надо ли скрывать дальше?

Он встал, подошел к шкафу, стащил с него свой чемодан, старый кожаный чемоданчик, щелкнул замками, порылся, выбросил на стол толстую тетрадь, по сути даже не одну, несколько, переплетенных в общий клеенчатый переплет. На переплете синими чернилами значилось: «1941—1944».

— Что это? — спросил Олег.

— Посмотри сам.

Олег протянул было руку, но Димка опередил его. Он сейчас вспомнил полутемную землянку, вспомнил бородатого комиссара, что-то сосредоточенно пишущего при свете коптилки. Схватил тетрадь, быстро перелистал ее, нашел то, что искал, поднял голову:

— Можно прочесть?

Старков кивнул.

— Давай вслух, — нетерпеливо сказал Раф.

Димка начал запинаясь: почерк неважный, да и карандаш истерся с тех пор, некоторых слов вообще не разберешь.

— «Нас осталось двадцать девять, — читал Димка. — Подождем день-другой и тоже тронемся. В деревне пока тихо. Стас молчит, никого не присылает. Выставил дозоры, следим за дорогой. Сегодня дозор Торопова привел троих. Говорят: из отряда Лескова. Парни молодые, из бывших окруженцев. Принесли весть: отряд Лескова разбит наголову, только они трое и спаслись...»

Димка оторопело посмотрел на Старкова. Тот сидел с закрытыми глазами, улыбался воспоминаниям.

— Как же так? — Димка почему-то осип, говорил хрипло, будто простыл днем: — Выходит, это мы были? Выходит, вы все заранее знали?

Старков встал, подошел к Димке, отобрал дневник, снова сунул в чемодан.

— Ничего я толком не знал. Разве догадывался... — Сел за стол, подмигнул Димке: — Давайте ужинать. Самое время.

ЧЕЛОВЕК СО ЗВЕЗДЫ

ГОРОДСКАЯ ФАНТАЗИЯ

День какой-то сумасшедший выпал, заполошный прямо день, врагу злему не пожелаешь, всю дорогу — на ногах, на ногах, на ногах, а каблуки тонкие и — восемь длинных сантиметров, ходули, конечно, но ходули обвальные, да плюс к тому почти задаром схлავила их Зойка, разве стольник — деньги по нынешним временам? Ой, нет, не деньги, считайте: пятерка — левак поутру, да еще за пятерку рожу скривит, гад; трояк — то, что зовется «шведский стол», хотя шведского там — только официант Свен, который вообще-то эстонец; сигареты у того же шведа недоделанного — еще десятку отдай, но это только для нее, для Зойки, — десятка, потому что она шведа сто раз от метра у себя в пенальчике прятала, отоспаться давала с большого бодуна, а для остального пипла сигаретки — по два червонца, какие ж бабки надо делать, чтобы пристойное курить!.. А поужинать? Если задерживаешься, если заезд большой — еще три чирика; три, да три, да три — будет дырка, а зарплата администраторская — кот заплакал, а пошлый зверь этот скуп на слезы, вот. Впрочем, Зойка на судьбу не в обиде, она ее себе сама выбирала, лелеяла. Грех плакаться, девушка она холостая, самостоятельная, буквально — *сама* стоит на красивых ногах, на обвальных каблуках, ни у кого помощи не

просит и не станет. А кто говорит, что администраторы в отелях *берут*, плюньте тому в рожу: не про Зойку это тем более. Ладно, от конфет там, от цветов, от флакончика парфюма она не откажется, так ведь для себя же, а не на продажу, или передарить кому нужному — полезное дело, приятное настроение...

Да, ноги.

Ноги гудели часов с пяти, потому что привалили американцы, человек шестьдесят, на выставку то ли компьютеров, то ли станков, а заказ был на сорок, куда, спрашивается, двадцать девать? В холлы на кресла?.. Говоров, умный, так и заявил: пусть ночку на креслах переканутуются, если не предупредили, *наши* люди ведь кантуются — и ничего, а у них, кстати, за бугром без предварительного заказа в приличный отель тоже гамузом не вселишься. Говорову славно: указание выдал, сел в «Волгу» и свалил на дачу. А старший администратор отдувайся. Жалко себя...

Жалко американов. Жалко девочек-регистраторш, которым приказано быть вежливыми и держать улыбку на взводе. Жалко борзых мальчиков из МИДа, которые на всех континентах голубой планеты талдычат про перестройку, которой нет альтернативы. И американам талдычат. Перестройка в державе, перестройка в отеле, двенадцатый этаж приговорили к перестройке, поставили на ремонт — подчистить, что загадили. Зойка бездомную американскую двадцатку — взвод? — уболтала, английский у Зойки легкий, *активный*, хотя и инязовского разлива, до семи и впрямь на креслах их продержала — «*Zoya, darling, Zoya, excellent, what about little party tonight?*», «*Sure, quys, wait a little, you'll get your lovely rooms and only after...*» — а после семи, кроме нее, в отеле начальства нет, вот она своей хилой властью двадцатый-то этажик и распахни, благо ремонтный конь там еще валяться не начинал.

Но ноги!..

— Зоенька Александровна, — это Мария Ивановна, старшая в дежурной смене, лапочка сладкая, заботливая, — вы домой пойдете или здесь заночуете?

«Заночуете» — не шутка, не подхалимская ирония, у Зойки в пенальчике есть диван, на котором можно спать, на котором как раз и кемарил похмельно вышеупомянутый эстонский товарищ швед.

— Поужинаю и пойду.

Бог с ними, с деньгами, одна живем! — села в синем зале за служебный стол, взяла себе *по-человечески*, коньячку тоже, ела-пила, слушала вполуха, как еще не для публики — рано еще для публики! — тихонько стебали что-то свое и для себя ресторанные крутые лабухи, разомлела, разомлела и домой пошла.

— Спокойной ночи, девочки.

— Спокойной ночи, Зоя Александровна! — в один голос из-за стекла регистратуры, хор Пятницкого, блин...

Швейцар, сука старая, кадровый кагэбэшник из бывших, а теперь — застрельщик перестройки и гласности, на собраниях рвет на груди ливрею, толкуя о нравственности, а сам без трех стольников домой не идет, увидел начальницу, Матросовым под фотоэлемент влез — двери перед ней раскрыл:

— Славно вам почивать, Зоя Александровна...

А шел бы ты... И такси тут как тут. Села на заднее сиденье, спросила:

— Ты что, на прикорме у швейцара?

Морда наглая, кулак — с голову пионера, ржет:

— Двое детишек, Зоя Александровна, все, замечу, кушать хотят, оглоеды.

— Откуда ты меня знаешь? Что-то я тебя не помню...

— Где вам всех упомнить! А мы вас знать *должны*...

Ну, должны — и хрен с вами, знайте. Закрывает глаза, попыталась подремать — дорога до Марьиной рощи недлинная, но хоть десять минут, хоть пять... А ноги гудят, как провода под током. Все, завязали: на службе — без каблуков, форма одежды летняя, парадная: кроссовки, шорты, майка, в руке — серп, в другой — молот...

— Куда ты меня везешь, ласковый?

— Домой, куда...

— А где мой дом?

— С утра в Марьиной роще был. Девятый проезд, так?

— Ну ты жох! А ключа от моей квартиры у тебя нет?

— Ключа нет... — вроде даже обиделся. И сухо: — А все знать — работа требует.

Странная работа. Может, он из кагэбэ?.. Да хоть из цэрэу, лишь бы довез.

Довез.

С моста развернулись через сплошную осевую, въехали в черный Девятый проезд и встали.

— Дальше, пардон, некуда, Зоя Александровна, у меня не танк.

Открыла глаза — вот тебе здарсьте: за день все перекопали, ограду поставили, а на нее — красный фонарь. Кстати, почему красный? Какие такие аналогии имеют место?.. Впрочем, вопрос праздный, бессмысленный, скорее — домой, скорее — в койку.

— Может, проводить? — Большого рвения в голосе таксиста не наблюдалось.

— Обойдусь.

— Ну, как знаете... — А сдачи с тройка не дал, воючка.

На каблуках по таким рытвинам — туфель не жалеть, а Зойка жалела, туфелек у нее — по счету. Сняла, в полиэтиленовый пакет сунула, пошла босиком,

пошла своим тридцать пятым номером по сухой земле, по теплой и рассыпчатой марьинорощинской почве, как по летнему полю, как где-нибудь у сестры в деревне Сафарино по Ярославке, а если зажмурить глаза, то и вовсе как в дальнем-предальнем детстве, когда вообще никаких туфель у Зойки не наличествовало. Однако глаза легко было и не зажмуривать: мгла в Девятом проезде, повторим, стояла египетская, а свет из окон дорогу не слишком освещал. Осень. Двадцать один час с копейками, а темно, как в полночь. Зойка миновала первую девятиэтажку, подгребала уже ко второй, к родимой, как из темноты, из-под еле видимого тополя услышала длинный и явно *больной* стон.

Ей бы опрометью — мимо, в подъезд под кодом, а она, дура, встала и стоит, как неизвестная ей жена неизвестного ей Лота.

— Кто здесь?

Стон повторился, но тише, приглушеннее, словно Существо — кто там? человек? зверь? не видать — понемногу слабело, отходя, быть может, в мир иной. Это что же такое я здесь стою, не шибко грамотно, зато взволнованно подумала Зойка. Она уронила — именно так: пальцы разжала и уронила — на асфальт пакет со сторублевыми баретками и сумку с документами, деньгами, всякими причиндалами для марафета, она уже не думала, не помнила ни о туфлях, ни о малых деньгах в сумке, она, человек действия, для одного освободила руки и шагнула к тополию — из темноты, значит, в темноту.

Маленькое отступление, чтобы чуть-чуть перевести дух.

Зойка, Зоя Александровна, была, как вы просекли, женщиной решительной, не страшщейся возможно нежелательных последствий своих неосторожных ша-

гов. Неженских шагов. Что может, к примеру, повлечь за собой история с малозаконным вселением американских соратников по технической революции в приготовленные к плановому ремонту номера? Выговор-решник? Лишение квартальной премии? Временное понижение в чине? Да что бы ни повлекло, Зойке на это начхать: дело сделано, доброе дело, люди спят в постелях, а не в креслах, это — главное, остальное — фуфло. Дальше. Что стрясется, если под означенным тополем лежит... ну кто?.. пьянь?.. убивец?.. насильник-извращенец?.. Что-нибудь, конечно, стрясется, факт. А если не пьянь, не убивец, не насильник? Если там человек концы отбрасывает и одна только Зойка, одна в целом мире — ну нет кругом ни души! — может накрутить «ноль три» и вызвать спасение?..

Людей, способных на поступок, — не на подвиг, нет, на обыкновенный человеческий поступок, не влезаящий в рамки всякого рода умных инструкций и правил! — в нашей державе с гулькин нос. С безоблачного детства, с яслей и детсадов всех стригут под одну гребенку, учат не высовываться, не лезть в пекло поперек батьки, а сам батька тоже в пекло не рвется, подавая растущей смене наглядный урок осторожности. Никто не хочет принимать решения *сразу*. Любимые аргументы: надо подумать, посоветоваться, желательно — с народом. Или так: надо создать комиссию по изучению того-то и сего-то, комиссия изучит и доложит — опять же народу. А если ситуация требует немедленных действий? Если завтра, через час, через секунду будет поздно?..

Хотя, хотя... Немедленные действия мы тоже проходили, и ни к чему толковому они не приводили. Наоборот. Это объяснимо: нежелание принимать экспресс-решение логично рождает неумение его принимать. Опять-таки никто и не умеет...

Ладно, туманные аналогии — побоку. Эдак мы часом в высокие государственные сферы залетим, а

при чем они здесь, в Девятом проезде Марьиной рощи? Кесарю — кесарево, а Зойке, выходит, — Зойкино...

Под тополем прямо на мать-сыре-земле полулежал, подперев спиной дерево, какой-то мужичок. Старый или молодой — Зойка не рассмотрела, да не очень-то и рассматривала. Села на корточки, спросила деловито:

— Что стряслось? Пережрал, болезный?

Болезный взглянул на Зойку долгим, как писали в старых романах, взглядом. Странная штука: темнота темнотой, а Зойка резко увидела глаза, будто подсветили их изнутри невесть как, или — что реальнее! — отразилось в них чье-то кухонное окно на первом этаже Зойкиной «башни». И явилось оттуда — из глаз, конечно, а не из окна — эдакое настороженное ожидание. Кого? Чего?..

— Что молчишь? — Зойка не оставила привычно-фамильярный тон, коим вела беседы с многочисленными алкашами из отельной obsługi, хотя и понимала, что болезному худо: то ли сердце прижало, то ли почки, то ли печень, то ли селезенку скрутил летучий приступ, бывает. Но тон сей для Зойки был некой защитной реакцией от разных «вдруг»: мужик все-таки, существо непредсказуемое. Может, придуривается?.. Пусть решит, что перед ним — рядовая хабалка из овощного, которая — в факте посягательств на честь — запросто врежет по вышеуказанным внутренним органам. — «Скорую» тебе позвать, а, милый?..

Мужик разлепил губы и вроде что-то вякнул.

— Чего-чего? — Ничего, пардон, за дурную рифму, не поняла Зойка и бесстрашно наклонилась над мужиком. — Повтори...

Скорее догадалась, чем услышала:

— Идите... Я полежу...

— Во блин! — изумилась хабалка из овощного. — Полежит он... А помрешь?.. Я, выходит, виноватая буду.

— Я полежу... — через силу повторил мужик и — вот странность-то! — чуть растянул губы вроде в улыбке.

Вроде, значит, улыбнулся он, и Зойка увидела: мужик нестарый, лет, может, сорока, рано такому под тополями концы отбрасывать. Улыбка и решила дело: насильник и убивец, по мнению Зойки, улыбаться жертве не станет.

Сидеть на корточках было неудобно, да и напомним: ноги у Зойки гудели по-прежнему. Она подтянула юбку и бухнулась на колени.

— Видишь, я перед тобой на коленях стою. А ты лежишь. Погано... Почему «скорой» не хочешь? Боишься — упекут? Ну, давай я твоим домашним звякну. Давай телефон. — Все еще хабалка, все еще Художественный театр.

— Нет, — выдохнул мужик.

— Телефона?

— Дома...

— Бомж, что ли? — удивилась Зойка.

Нет, на бомжа мужик не гляделся. Ну ковбоекка, ну джинсы, ну сандалии — все хоть и отечественной постройки, однако аккуратное. Провела ладонью по щеке: явно брился с утра, явно. Где, как не дома?

— Приезжий? — новый вопрос задала, потому что на бомжа мужик не среагировал.

— Вроде...

Вот ведь идиотская ситуевина! Поздний вечер, глухая улица, мужик помирает, а Зойка стоит перед ним на красивых — подчеркнем лишний раз — коленях и пытается биографию по пунктам стандартной отельной анкеты. Бред!

— Ладно, — вновь мгновенно решила она, — я в этом доме живу. Встать сможешь?

— Я полежу, — занудно повторил мужик.

Зойка уже и злиться начала:

— Заладил: полежу, полежу... Подымайся!

Ухватила его за подмышки (или *под* мышки? или вообще под *мышки*? Один разве что Даль знает...), потащила. Мужик не противился, но особо и не помогал. Тяжел был, как боров. Тащить его было скучно, поэтому не станем описывать *процесс*, а сразу перейдем к результату оного. Впихнула мужика в квартиру, подтолкнула к дивану, он плюхнулся на него (мужик — на диван) и отключился. Зойка уж на что вымоталась, а испугалась: ой, не помер ли, ой, не зря ли тащила? Нет, не помер, не зря: дышал, сопел, хрипел — и то хорошо. Сняла с него сандалии, чтобы обивку диванную ценную не загваздал, прикрыла пледом — пусть спит. Если спит...

И только тогда села в кресло напротив, вытянула — наконец-то — по-прежнему красивые ноги, закрыла глаза (или куртуазнее к ситуации: смежила вежды?..) и немедля ужаснулась содеянному: на кой черт она его к себе притаранила? Мало ей своих забот, мало? Сама сегодня еле-еле дышит, бюллетень на раз дадут, а тут еще и полутруп на большую голову. Не-ет, «скорую», и притом — немедленно!

— Не надо «скорую», — внятно, хотя и не открывая глаз, произнес мужик.

Кто возразит против реальности телепатии, поднимите руки. Кто хоть раз в жизни не испытал ее странное воздействие на издерганный неверием организм сапиенса советикуса? Нет таких, не ищите. А те, кто с пеной у рта отрицает непреложные факты — они-де антинаучны и антинародны! —

обыкновенные ретрограды, рутинеры и мракобесы. Природа *антинаучной* быть не может — вот вам афоризм к случаю...

Непреложный факт бревном лежал на югославском диване и на первый взгляд никак не реагировал на окружающую действительность. Просил-просил, чтоб ему полежать дали, и выпросил — дали. Но Зойка, женщина начитанная, охотно верящая в телепатию, телекинез, не говоря уж об экстрасенсах, живо встрепелась и, не обращая внимания на трупное состояние гостя, потребовала ответа.

— Але, — оригинально начала она, — вы не спите?

Подметим: на «вы» перешла, зауважала...

Но мужик на пустой вопрос не откликнулся.

— Откуда вы узнали, что я про «скорую» подумала? — Плевать было Зойке на явное нежелание гостя вести салонную беседу, жажда знаний оказалась сильнее Зойкиного милосердия. — Ну вы же не спите, я ж вижу же! Откуда вы узнали, откуда? Может, я вслух сказала?

Кто бы устоял перед таким напором? Праздно спрашивать. Мужик тяжело вздохнул и, по-прежнему не открывая глаз, кратко ответил:

— Нет.

— Что — нет? — завела было, но тут же сообразила, что мужик ответил лишь на последний вопрос — про «сказала вслух». Такая тонкая избирательность Зойку не устроила, и она бульдозером поперла далее: — Вы телепат?

Мужику пришлось сознаться.

— Да, — произнес он.

Сознаться-то он сознался, а ни позы не сменил, ни глаз не открыл, всем видом являя, сколь претит ему допрос, навязанный хозяйкой дома и положения. Да и коли хозяйка, так что, можно издеваться над немощным странником?..

Но Зойке его переживания — по фигу. Зойке, как в известных стихах, во всем хотелось дойти до самой сути. И потом: он же полежать просился, так никто его с дивана и не гонит, а о нежелании разговаривать он заранее не заявлял.

— А вот что я сейчас подумала? — Допрос плавно перетекал в стадию легкого эксперимента.

Мужик открыл один глаз — ближний к Зойке, колко глянул на нее и опять же лапидарно ответил:

— Свен.

Вот тут Зойка испытала нечто вроде легкого шока, нечто вроде мистического ужаса испытала любознательная Зойка, поскольку ответ попал в точку, эксперимент можно было закруглять. А подумала-то Зойка буквально вот что: интересно, как его зовут? И узнала — как. Но знание требовало уточнений, и Зойка не смогла молчать:

— Вы швед?

— Нет, — в рифму сказал Свен.

Раз он так назвался, будем так его и называть.

— А кто тогда?

— Все равно не поверите, — ответил Свен и невежливо отвернулся к стене.

Может, невежливо, а может, и обиженно. Зойке стало стыдно: привела в дом больного, говоря красиво, полила цветы своей благотворительности, а дальше, получается, пусть они сами растут? Получается так. А *так* получаться не должно. По неписаным законам гостеприимства. И хотя ей жутко хотелось выпытать, во что это она не поверит, смирила научный пыл, сказала коротко:

— Я чай поставлю. Чай вам можно?

— Можно, — не поворачиваясь, подтвердил Свен.

Зойка отправилась на кухню, размышляя по пути, почему ей в последнее время везет на Свенцов. Дру-

гие за всю жизнь ни одного Свена не встретят, а она вон сразу двоих, если считать алкаша официанта. Тот, как мы помним, тоже шведом не был...

Не пожадничала, разорилась, заварила «Липтон» из дареной английской жестянки. Подумала: жрать он, наверно, хочет. Слепила пару бутербродов с дефицитной саями, помыла единственный помидор — больше ничего в холодильнике не отыскалось. Да и откуда бы? Жизнь Зойки, повторим, текла в унылых берегах общепита, где особых деликатесов не водится. Водрузила приготовленное на поднос и понесла в комнату.

Мужик Свен как лежал, так и лежал. То ли спал, то ли телепатировал полегоньку. Зойка встала у дивана этакой шоколадницей с картины Лиотара и послала Свену мощную телепатею: мол, просыпайся, просыпайтесь, мол, я расстаралась, мол, поешь тебе, вам принесла. Свен на посыл не отреагировал. Тогда Зойка поставила поднос на журнальный столик и внаглую потрясла Свена за плечо. Он, похоже, и впрямь спал, поскольку от тряски дернулся, резко сел и глупо спросил:

— Что?

На сей раз открыты были оба глаза, и смотрели они на Зойку довольно-таки испуганно. Зойка машинально — женщина! — отметила, что глаза у него по-шведски голубые. Может, врет, что не швед?..

— Просыпайтесь, — повторила она вслух свою телепатею. — Я принесла чай и бутерброды.

— Спасибо. — Свен опустил ноги на пол, уселся ровненько, руки на колени положил — ну прямо пионер-всем-детям-пример. — Я есть не буду.

— Как так?

— Мне не надо.

— Это еще почему? — возмутилась Зойка. Возмутилась она тем, что труд ее бескорыстный пропал даром. А вслух возмущение объяснила иначе: — Вы потеряли много сил, вам надо чуть-чуть подкрепиться. Надо.

— Не надо. Мне нельзя. Только вода. Чай. — Все ровненько, без эмоций. Больной?..

— Диета?

— Что есть диета?

Точно, больной.

— Это когда нельзя есть то, что есть нельзя. Но очень хочется.

— Мне не хочется. — Похоже, он получше себя чувствовал. Говорил вот *отлично*. — Не уговаривайте. Я все равно буду отказывать.

И говорил-то безо всякого акцента, а предложения строил не очень по-русски. Может, тоже эстонец, мельком подумала Зойка, как тот Свен? Или литовец?.. И устыдилась: какая разница? Да хоть папуас. Другое дело, что какой-то он... какой?.. непонятный, вот какой, больной — не больной, псих — не псих, ест — не ест, жидкость ему подавай, что-то не то. А вдруг он шпион? Или круче: инопланетянин?..

Что на уме — то на языке:

— Свен, а вы не шпион? Или вы с летающей тарелки, инопланетянин, *extra-terrestrial*?

Ну конечно же она не всерьез, конечно же она схохмила, *little* конечно же *joke*, *sig*, не более того — надо ж как-то расшевелить истукана, сидит сиднем, глазами ее сверлит-колет-буравит, страшно аж жуть. Пусть улыбнется, ведь умеет же он улыбаться. Наверно... А Свен не улыбнулся. Скорей испугался. Зойка уловила его испуг то ли пресловутым шестым, то ли сто шестым чувством и тоже испугалась, чего — сама не ведая.

— Я ж пошутила, — на всякий случай объяснила она, *отмазалась*, есть такой милый термин.

Но Свен на отмазку не клюнул, а вовсе даже ответил:

— Вы угадали.

— Что угадала? — Испуг легко пролетел, а его незаконное место тотчас заняла стерва злость: на Свена, идиотствующего почем зря, на себя — дуру бабу, приволокшую этого клоуна-соблазнителя в квартиру, на работу свою бешеную, заставляющую порядочную женщину черт-те когда поздно возвращаться домой. — Что, блин, угадала? Что шпион? Так это ж голому ежу ясно! — Опять Художественный театр попер, помноженный на упомянутую злость. — И не отпирайся! Я сейчас на Лубянку позвоню, за тобой приедут, колись с ходу. Запишут как явку с повинной, на суде учтут... — несла что ни попадя, сама себя накачивала по системе К.С. Станиславского, потому что решила: Свена этого мороженого надо гнать в три шеи, нет — в четыре, в десять шей, пока он не полез к ней с глупостями приставать или не слямзил из дому чего-нибудь высокоценного. Но выгнать так просто — этого Зойка не умела, поэтому и заводилась, как каратист перед схваткой — ууоохха! Или что-то вроде.

Свен, несколько ошарашенный неожиданной атакой, на секунду выполз из своего коллапса и мирно, вполне по-русски, спросил:

— Вы чего?

— А ничего, блин! — разорялась Зойка, не покидая, однако, глубокого кресла, диванного родственника, куда забралась с ногами и откуда, в случае сексуальных посягательств, ногами же могла отбиться. — Я-то ничего, блин, а вот ты чего? Вот чего, швед, полежал, посидел, пора и честь знать. Вали отсюда по холодку. Мне завтра на службу к девяти...

— Конечно-конечно, я уйду, спасибо, — быстро и безропотно сказал Свен, нашарил у дивана свои сандалики, встал. — Извините. Я понимаю. Я пошел. Да?

— Всего вам доброго, — благовоспитанно попрощалась Зойка. — Не стоит благодарности...

Злость канула так же скоро, как и набежала. Свена стало жаль, но менять решения на скаку — это, считала Зойка, ниже ее высокого женского достоинства. Да и к чему менять? Пусть себе идет. Завтра и вправду рано вставать...

Свен пошел к выходу, шлепая и шмыгая незастегнутыми сандалиями, уже у двери обернулся, заявил:

— Вы хороший человек, Зоя. Добрый. Зря вы себя другой придумываете — это больно. А я не шпион, я не знаю такого слова. Я еще не все ваши слова знаю, но буду очень скоро знать все. Вы правы, я — инопланетянин. И прибыл к вам меньше часа назад по вашему времени.

— Ага, — подтвердила Зойка, не покидая кресла по-прежнему: мало ли что... — Тарелка присела на Шереметьевской возле церкви Нечаянной Радости. И вся Нечаянная Радость — мне одной. Спасибочки...

— Тарелка?.. Это как?.. Да, я помню...Unknown flying object. Так, кажется, в научной литературе?.. — Выходит, он не только русский «будет скоро знать», выходит, он и английский по научной литературе помаленьку прикидывает. — Нет, я прибыл иначе.

— Нуль-транспортровка? Телепортация? — Зойка была фантастически подкована. В том смысле, что знала фантастику.

— Как вы сказали?.. *Нуль-транспортровка?* Хороший термин. Да, похоже.

И с этими прощальными словами он дверь открыл и вышел в никуда. Стихи.

Самое время перевести дух и вспомнить хороший американский фильм про человека со звезды, про обаятельного стармена, внезапно материализовавше-

гося в доме молодой вдовы, материализовавшегося в родимом облике ее покойного супруга и, как водится, преследуемого гадами учеными, возжелавшими на нем, на воскресшем, значит, муже-пришельце, ставить свои преступные опыты, резать там, кислотами травить, под микроскоп совать, ничуть не думая о межзвездном гуманизме. Зойка сей фильм глядела, в свое время отнеслась к нему с теплом, и сейчас, естественно, вспомнила обаятельного актера, чем-то, кстати, похожего на шведа, хотя и с типично английской фамилией.

Ситуация из фильма повторилась если не в деталях, то в сути. Правда, предстал он перед Зойкой в чужом обличье, а не под маской бывшего благоверного, слинявшего от нее три года назад с посторонней юницей. Но, в отличие от киновдовы, Зойка не прониклась бедой инопланетянина, не рванулась сломя голову помогать ему, а просто-напросто выставила за дверь: мол, разбирайся сам со своими проблемами, мол, рули в Академию наук, мол, советские ученые — самые гуманные в мире, они резать не станут, и микроскопов у них не хватает, так что помогут бескорыстно. Логично поступила Зойка. Посоветски. Так будет с каждым, кто покусится. Ни пяди родной земли не отдадим инопланетным агрессорам. Так поступают пионеры... Да и в самом деле: какой, к чертям собачьим, пришелец? Это в конце двадцатого века, на исходе лета, посреди Марьиной роши?.. Нечаянная радость... А в «Вечерней любимой газете Москве», между прочим, регулярно печатаются сводки уголовных происшествий, где легко проследить рост изнасилований и квартирных краж, совершенных как раз такими пришельцами.

А что до кино — так это ж в кино!

Зойка вылезла из спасительного кресла, пошла в прихожую, накинула на дверь очень стальную цепочку. Есть ей, как и Свену, не хотелось, но чай выпить стоило. Чай снимает последствия стрессов, а Зойка только что испытала сильный стресс, который сама на собственный зад словила. Пила буржуйский «Липтон» и анализировала ситуацию. Любила она поанализировать ситуацию, пия чай — особенно тогда, когда от анализа ни хрена не зависело. После драки — кулаками, вот. Во-первых, никакой он, конечно, не пришелец, хотя и ничего себе. И физиономия тоже интеллигентная. Правда, одет... А что одет? Может, на ихней планете ничего импортного приличного не достать, одно отечественное крепкое... Говорит странновато, факт, но — не жлоб. Да, еще: телепат. У кого из Зойкиных знакомых есть знакомый телепат? Ни у кого. Это все — плюсы. Их мало, но они приятны. Теперь — минусы.

Весь его треп — дешевый провинциальный кад-реж, рассчитанный на сопливых от восторга пэтэушниц. Поскольку Зойку за ее тридцатилетнюю жизнь клеили десятки, если не сотни, раз, то она назубок выучила многозвонкий, но все ж ограниченный набор приемов, приемчиков, приколов, отмычек и ключей для добровольно-насильственного вскрытия женских сердец. Почему-то мужики-кретины считают, что любую бабу надо брать как-нибудь похитрее, пооригинальнее, поскольку она-де, как сайра (рыба такая есть, кто забыл), на свет ловится, на загадочное. Да любой *нормальной* бабе все эти загадки — до фени, если уж на что она и клюнет, так на естественность, на простоту. Именно естественности бабам в жизни не хватает, все кругом выпендриваются, выдрючиваются, чтоб не сказать круче, строят из себя принцев, пришельцев, суперменов — тоска! Господи, да подойди он к ней по-человечески,

представься, скажи, что она ему нравится, что он хотел бы пригласить ее... куда?.. в Большой театр, в Третьяковскую галерею, в музей-усадьбу «Останкино», например!.. И что она? Увы, увy, послала бы его на три русские буквы. А почему? А потому что в мире всеобщего выпендрежа любая естественность тоже покажется выпендржем. Только изошренным. Особо опасным...

Парадокс? Никакой не парадокс. Дефицит простоты в человеческих отношениях рождает неверие в нее, незнание ее, даже боязнь. Это — как черная икра: сто лет ее не пробовал, а угостили на халыву — невкусной покажется. Потому что отвык. А привык к накрахмаленной колбасе, которая скверно прикидывается мясной. И знаешь, что мяса в ней — три процента, а хаваешь. А если ее еще и упакуют как-нибудь позаковыристей, обзовут «старорусской» там или «пикантной» — вовсе кайф... Но если Свен — та самая колбаса «пикантная», чего ж она его прогнала? Об икре размечталась?..

Гастрономические ассоциации вызвали легкое чувство голода, не утоленное, оказывается, ресторанным калорийным ужином, и Зойка машинально и задумчиво съела бутерброды, приготовленные ею для Свена. Но сытый человек — добрый человек, это еще второй раз здесь поминаемый В.И. Даль сообщил в своем фоллианте пословиц и поговорок, и сытая Зойка внезапно ощутила колкую жалость к выгнанному шведу-эстонцу-шпиону-инопланетянину. Ну захотел человек покадриться, ну не придумал ничего умней, чем прикинуться старменом, ну жить ему в Москве негде. В конце концов можно было позвонить заботливой Марии Ивановне и запихнуть Свена на тот же двенадцатый. Хоть на ночь...

Зойка встала, отнесла поднос на кухню, вымыла чашки, поставила их в шкафчик — все механически, не думая о делаемом. Если сравнить ее со спортсме-

ном, который собрался прыгать в высоту, то все это мытье посуды — разбег. А потом будет прыжок. Зойка закрыла дверцу настенного шкафчика, повесила на крюк полотенце и решительно пошла грудью на планку. То есть — к двери.

Свен, как Зойка втайне и ожидала, сироткой сидел под тополем и, похоже, караулил свою тарелочку. Или канал для нуль-транспортировки. Зойкиному приходу внешне не удивился и не выказал ликования: и ранее, помним, сдержан был...

— Ну и что будем делать? — туманно спросила Зойка, надеясь, что на сей раз не ей, вконец эмансипированной, придется брать на себя инициативу, а сам Свен предложит какой-нибудь приемлемый вариант дальнейшего общения. Например, попросит прощения за дурацкий розыгрыш, со слезой признается, что не пришелец, а командированный, и не с тау Кита, а из Краснококшайска...

— Не беспокойтесь, — кротко сказал кроткий пришелец Свен.

— Ладно, — стремительно решила Зойка, опять стремительно сама все решила, — пошли обратно. Постелю вам на кухне, а завтра разберемся. Пристроим куда-нибудь...

Если честно, все это она заранее заначила, еще когда грудью на планку шла, а сейчас выпалила, но зачем ломать имидж стремительно решающей женщины?..

— Меня не надо куда-нибудь, — быстро возразил Свен.

Заметим, что идея возвращения протеста у него не вызвала. И то понятно: он уже *полежал* на диване, понял, что под тополем — хуже...

— Где ж вы жить собираетесь? — поинтересовалась Зойка.

— Нигде. Я здесь на сутки. И назад.

— Куда?

— Домой.

— А дом далеко?

Свен на миг задумался:

— Приблизительно триста семнадцать парсеков в ваших единицах измерения.

Он, умник, никак не мог дотумкать, что пора завязывать с детскими играми, хорошего понемножку, самый терпеливый партнер на стенку полезет от такого перебора. Зойка чувствовала себя в преддверии (или все-таки в подножии?..) стены, но помнила, помнила, помнила о своей милосердной миссии, взяла себя в руки — кто-то из двоих должен быть мудрее, этот кто-то не мог не быть женщиной! — и сказала:

— Хорошо. Завтра, завтра — не сегодня! Пошли... — и порулила впереди, злорадно не сомневаясь, что умирающий Свен сам преотлично доберется до квартиры.

А время между тем за полночь забежало.

Зойка молча — это уже была *ее* игра! — постелила Свену в кухне на узком топчанчике, налила в поллитровую чашку остывший чай, поставила на стол. Возникла в комнате:

— Я вам все приготовила.

Свен послушно и тоже молча — никак понял, что все слова сейчас будут *лишними*, — последовал за Зойкой в кухню, а та его особо провожать не стала, бросила вслед:

— Завтра в семь я вас, простите, разбужу.

И ушла. И закрыла дверь к себе в комнату, и подперла ее тяжелым креслом — на всякий пожарный! — и влезла в холодную постель. И вырубилась из действительности, нуль-транспортировалась куда-то, где не было ни американских делегаций, ни плановых ремонтов, ни инопланетян под тополями, ничего не было гнусного, отравляющего нам бессонные будни.

А проснулась от звона будильника: оказывается, не забыла вечером завести его. Что значит условный рефлекс, спасибо Павлову и его псам!

Накинула халат, тяжело откатила кресло от двери, мимолетно усмехнувшись: ишь ты, как поставила, так и простояло, никто на ее честь не позарился — пожалела о том? а что, может, и пожалела — и в кухню. Картинка была точно такой, что и накануне вечером: Свен сидел за столом и дул чай, как не ложился.

— Доброе утро, — приветливо сказал он.

— Доброе, — не столь приветливо констатировала Зойка. Глянула на топчан: подушка взбита пышечкой, плед расправлен, ее рука, ее, любимая... — Вы что, не спали?

— Я мало сплю. В отличие от вас. Я плохо себя чувствовал. Вчера. Так всегда после перехода. Надо было лечь, сконцентрировать энергию. Это недолго. И еще посчитать.

— Много насчитали? — Зойка варила кофе, пена старалась вылезти из джезвы, Зойка следила за ней, ловила момент, чтобы снять с конфорки, поэтому поначалу не вникла в ответ Свена.

— Меньше, чем я надеялся, — вот что он ответил. — Сейчас — семь шестнадцать. По вашему счету. У меня осталось тринадцать часов сорок четыре минуты. Плюс-минус минута допуска.

— Бывает, — равнодушно подтвердила Зойка. Ставила джезvu на стол, ставила тарелки, ставила чашки, а еще хлеб достала, масло в масленке, салями распрекрасную — чем богаты... И вдруг ее как стукнуло: — До чего осталось?

— До перехода. До этой... как вы назвали?.. Нуль-транспортной.

— О Господи! — только, значит, и сказала Зойка.

Да уж, так уж, хватит уж. Позавтракают — и в стороны, чао, прищелец, мы от вас сильно утомились. Вечерний альтруизм по утрам превращается в свою противоположность.

Давайте вернемся к триллеру «Человек со звезды». Пардон, конечно, за многословие, но пока эта повесть добредет до читателя, он, читатель, сей триллер забудет вовсе, поэтому автор нудно напоминает подробности сюжета. Там героиня с ходу поверила в то, что неожиданный ее гость — инопланетянин. Это объяснимо. Во-первых, накануне его появления в доме героини по небу долго летала какая-то светящаяся хреновина, которая потом, если теперь уже автору память не изменяет, громко взорвалась. Во-вторых, превращение невесть чего или кого в копию покойного мужа героини происходило буквально на ее глазах: за считанные секунды существо прошло цепочку метаморфоз от слизистого младенца до взрослой голой особи. В-третьих, полиция почти сразу начала охоту за кем-то, кто причастен к полету и взрыву означенной хреновины. Все перечисленное в сумме должно было привести либо к сумасшествию героини, либо к вере в чудо. Героиня оказалась дамой с крепкой психикой, с ума не слезла, зато чудо приняла легко и с приязнью. И дальше, как писал некий классик, «все заверте...».

Теперь о Зойке.

Наши самые прогрессивные в мире ученые давно уверили советский народ, что наука о неопознанных летающих объектах — по-ихнему, по-буржуазному: уфология — и не наука вовсе, а нечто вредное, что отвлекает трудящихся Запада от каждодневной классовой борьбы. Впору применить к ней известный по другим наукам термин — продажная девка империализма. А посему советский народ твердо знает, что летающие тарелки — бред, милые игры рефракции, обыкновенный обман зрения. И художественные фильмы о них — даже с маркой «фантастика» — наши киношники не снимают: нет в СССР пришельцев, нет и не было, в отличие от шпионов, всегда толпами наводнявших наши города и веси.

Далее. Помня о засилии шпионов, огромное большинство простых граждан никогда их живьем не видело, а посему, точно зная об их наличии, малость абстрактно себе их представляло. Все больше по карикатурам в «Крокодиле» или по фильмам — здесь наши киношники на высоте! — о работе доблестных контрразведчиков.

Но вот сумасшедших-то у нас в державе — пруд пруди. Всяк, кто хоть чем-то отличается от среднестатистического уровня, — псих. Ату его! Вот почему Зойка ни на миг не поверила, что Свен — пришелец, не взбрело ей в голову, что он — шпион, а вот то, что она из жалости клюнула на явного психа — это у нее сомнений не вызвало. Причем советский человек, как правило, психов не боится, привык он к ним, притерся и, когда встречает, старается немедленно от них отделаться. Возвращаясь к определению среднестатистического уровня нормальности, автор смеет утверждать, что каждый *наш* человек неоднократно бывал в шкуре сумасшедшего то в ЖЭКе, то в магазине, то в исполкоме, то в милиции и тэ дэ и тэ пэ.

Вот почему Зойка Свена не боялась, он лишь — как всяк сумасшедший — надоел ей до зла горя, и она — как и всяк *нормальный* — спешила от него избавиться.

— Тринадцать часов, говорите? — ласково размышляла она, моя посуду. — Немного, немного... Но с другой стороны — тоже срок... А у вас в Москве дела?

— Дела, — радостно отвечал сумасшедший, уловивший, что его судьбой заинтересовались, что ее вот-вот устроят.

— В министерстве, в главке? Фонды, дефицит?..

— Не понимаю. — В голосе Свена звенела явная боль: ну не ведал он таких богатых слов, не слыхи-

вал в своем Краснококшайске. — Мне нужно большое скопление *разных* людей.

— И только-то? — Зойка повесила чашки на крючки и обернулась. — Идите в любой универмаг. В ГУМ, в ЦУМ, в «Детский мир». Скопление — больше нигде в мире.

— Это магазины? — сообразил догадливый псих.

— Точно. Я вас довезу, хотите? — Что не сделаешь ради любимой цели — обрести покой.

— Не надо. Магазины не подходят. Ограниченность целей, жесткая общность интересов, тревога, агрессивность, эмоциональный шумовой фон. Не получится... Нужно много людей, разных, и чтоб у каждого — свой вектор цели, дискретность шагов, вариативность методов.

Понесло, подумала Зойка. Если сейчас он — уже псих, то раньше был еще каким-нибудь физиком-химиком-кибернетиком. На том крыша и поехала.

— Придумаем, — ласково сказала она. — Попейте пока «Липтону», а я оденусь. И придумаем вместе... — Пошла в ванную комнату, вдруг оглянулась, засмеялась: — А вообще-то вам мой отель во как подойдет! Все есть: и векторы, и дискретность, и вариативность. А уж людей-то!..

Ну кто ее за язык тянул? Кто вообще тянет нас за язык, когда общеизвестно: молчание — золото? Не потому ли и рупь у нас золотым запасом не обеспечен, что разменяли мы наше молчание на медные пяточки?

Опять, опять нас понесло невесть в какие высоты...

А Зойка и не поняла, *что* сказала, заперлась в ванной, плескалась, потом физиономию раскрашивала, пела что-то из репертуара крутых ресторанных мальчиков, а когда явилась на свет Божий, то Свен уже стоял у дверей, весь из себя такой ак-

куратный, такой подтянутый, такой причесанный и — вот странность-то! — побритый. И сандалии застегнуты.

— Я готов.

Ну прямо юный пионер значит первый!

— Куда?

— В отель.

— Как в отель? Зачем?

— Вы же сказали. Я проанализировал. Мне подходит.

Кто меня за язык тянул, запоздало подумала Зойка, с волчьей тоской подумала: как теперь от него избавиться?.. Убить? Трахнуть по голове чайником и — с концами? Кто его хватится, раз он с другой планеты?

— Вам подходит, мне — нет. Вы что, думаете — я туда развлекаться иду? Я туда работать иду. И остальные там — работают, а не ля-ля разводят.

— Постояльцы тоже? — скромно спросил Свен.

Интересное кино: слово «фонды» ему, видите ли, неизвестно, а позабытое «постояльцы» — нате вам...

— Все, — подбила бабки Зойка, — дружба врозь. Переночевали, чайку похлебали — всего вам доброго. Пора и честь знать. Тринадцать часов — срок и верно небольшой, сами разберетесь, — открыла дверь, ручкой пополоскала. — Прошу вас, сэр.

Сэр, конечно, вышел, но на площадке застрял, ждал, пока Зойка с замком возилась, топтался в своих сандаликах, кудахтал жалобно:

— Как же так... я один не смогу... нет, я понимаю, я надоел... но срок, правда, мал... я должен успеть... это важно для Вселенной... и для Земли...

Пой, ласточка, злорадно думала Зойка, сбегая по лестнице, выскакивая на вольный простор Девятого проезда, «здрасьте, здрастьте!» — теткам на лавочке,

летающей походкой по асфальту — к Шереметьевской, к гнездовью таксомоторов, к свободе, к свету. И что с того, что Свен не отставал, что вякал про Вселенную, про сжатые сроки? У всех сжатые. У нее, что ли, растянутые? Сейчас директор про двенадцатый этаж узнает и в сжатые сроки вмажет ей по служебной минус полпремии за квартал.

И тут Свен произнес довольно странную фразу, которую Зойка и не старалась, а услышала:

— А хотите, ваш директор сегодня не придет? Заболеет.

Зойка даже остановилась на миг, хотя у продуктового маячил зеленый огонек, который в любую секунду мог погаснуть.

— Что значит — заболеет?

— Тиф. Или чума.

— Нет, это слишком, — глупо, потому что всерьез отреагировала она на явно провокационную реплику.

— Согласен. Слишком. Ваш вариант? Грипп?

— Грипп — это ничего... — И спохватилась: ее же на раз покупают, а она, соответственно, на раз покупается. Рывкнула: — Кончайте нести чушь! — и пошустрила к огоньку.

А Свен не отставал, понял, что зацепил-таки нужную струночку, и не отпускал ее, брэнчал не переставая:

— Честное слово. Вы приезжаете. У директора — сильный грипп. Температура — сорок и пять десятых по шкале Цельсия. И проблема двенадцатого этажа больше не стоит. Все в ваших прекрасных руках.

Ишь как заговорил — «в прекрасных руках»! Телепат проклятый. Неужели он все слышит?.. Может, не думать? Нет, совсем не думать не выйдет... А если он и вправду инопланетянин?..

— Я и впрямь инопланетянин, — точь-в-точь мысль повторил. Как доказательство одной.

— Директор еще не все. — Зойка невольно включилась в игру, навязанную Свенем. — Есть еще зам.

— И у зама грипп.

— У двоих сразу? Подозрительно.

— Кого подозревать? Бога? Природу? — смотряка, не без иронии спросил Свен, малость уже задыхаясь: скорости, предложенные земной женщиной, оказались высоковатыми для залетного пришельца. — Не хотите грипп — пусть у зама будет острое кишечное отравление. Грибов поел. Несвежих... — За ночь русский его язык стал совсем русским, осталась только склонность к рубленным фразам.

— Какие грибы? Он, насколько я знаю, за грибами не ходит.

— Ходит тайно. Ходит жена. Купил на рынке. Съел маринованные. Выбирайте...

Тут они ненароком до такси и добежали, никто его не перехватил. Зойка открыла дверь.

— Прощайте, Свен. Конечно, славно, если б все ваши инопланетные штучки сбылись временно, но...

— Почему «но»? — Лицо у Свена было ну просто несчастным: еще чуть-чуть и расплечется. — Не «но», а правда. Зоя, хотите пари? Мы едем в отель. Вы узнаете, что у директора грипп. А у зама отравление. И на работу они в ближайшие... — тут он глянул на часы, на дешевенькие, «Ракета» называются, совсем даже не инопланетные, хотя, конечно, мимикрия, — тринадцать часов не придут. Если я соврал, то исчезну сразу. Навсегда.

— А если не соврали?

— Тогда вы проведете меня в отель. И не станете мешать.

Фарцовщик он, что ли?..

— Зоя. — Свен сузил глаза, и они ошутимо кольнули Зойку. Может, в сердце кольнули, а может, в

печень. Где-то внутри. — Зоя, если я могу заставить людей заболеть, зачем мне быть фарцовщик? Пусть им будет другой Свен...

— Фарцовщиком, — машинально поправила Зойка. Спыхватилась: — А откуда вы... — И опять-таки спыхватившись: расспрашивать сейчас — себе в убыток: — Договорились. Поехали. — И дверцей хлопнула.

Все-таки слаба баба! Купили ее на недорогую, но сильно блестящую цацку — в переносном смысле, конечно. В каждой из наших милых и шибко передовых женщин живет Эллочка-людоедка, для кого волшебный блеск бендеровского ситечка порой куда дороже приземленного гласа разума.

Но то, что Свен — телепат, сомнений нет!

Еще в такси спросила:

— Паспорт у вас есть?

— Нет, — растерялся Свен.

— А какой-нибудь документ? Удостоверение? Права? Пропуск на работу?

— Ничего.

— Как же вы в отель пройдете?

— Я не вор.

— Это на лице не написано. Для наших церберов каждый клиент — ворюга. Особенно если без документов. Ладно, что-нибудь придумаем.

И придумали.

Подъехали не к главному входу, а к заднему, где с ночи разгружались фургоны с продуктами для ресторана. Там торчал завпроизводством, принимал по накладной помидоры, заметил Зойку, не преминул поинтересоваться:

— Что это вы с тыла, Зоя Александровна? Контрабанду тащите?

— Ее, — лаконично, не вдаваясь в объяснения, отрезала Зойка. Но тоже не преминула подколоть вопрошающего: — А помидорки-то с гнильцой, Лев Наумович. Отравить гостей вздумали?

— Где с гнильцой, где? — засуетился завпроизводством, но Зойка уже проскочила мимо грузовика, и Свен за ней мышью скользнул. Черной лестницей поднялись на второй этаж, по пустому в этот час коридору — к приемной шефа. Зойка на Свена кивнула:

— Стоять здесь. Ждать.

Он солдатом застыл у стены — в карауле за сильно запыленной с Нового года стенгазетой «За отличное обслуживание», а Зойка мощно ворвалась в приемную.

— Говоров у себя?

Секретарша Мария Демьяновна, крыса крашенная, дама приятная во всех отношениях, не терпящая Зойку за наглость и отсутствие мужа, вскинула на нее скорбные глаза:

— Увы, нет, не спешите, Зоя, Сергей Степанович заболел.

Постным тоном подчеркнула, что, не исключено, Зойка и виновата в хвори директора, довела начальника, стерва...

— Тиф? Чума? — деловито осведомилась Зойка, внутренне замирая от предчувствия *ожидаемого* ответа.

И тот не замедлил быть:

— Не вижу повода для глупых шуток. У Сергея Степановича сильный грипп с высокой температурой.

— Сорок и пять десятых?

— Откуда вы знаете? — с подозрением, с ревностью.

— Сердце подсказало, — как с ней, с мыррой, еще разговаривать? — А где Кочерженко?

— Товарищ Кочерженко тоже захворал. У него отравление.

— Говорила я ему: не ешьте грибов, беда будет. Не послушался... Как будем жить дальше, Мария Демьяновна? — последний вопрос из ряда риторических.

Мария Демьяновна так его и расценила:

— Вам решать. Вы у нас теперь за начальство. Временно...

Столько яда в голосе, могла бы — ужалила. Но это кого другого, а не Зойку.

— Тогда вы сидите на телефонах, отвечайте на звонки, а я пошла делом заниматься, — вроде бы намек на то, что сидение «на телефонах» — никакое не дело, а так, пустое колыхание воздуха.

Мария Демьяновна хотела достойно отбрызнуть наглую, но не успела: Зойка из приемной исчезла. Нуль-транспортировка. И возникла рядом со Свеном, который уже прочел передовую и штудировал статью о междуэтажном соцсоревновании. На стенгазете, кстати, пыли больше не имелось, исчезла, казенная гуашь сияла радугой. Свен поймал мимолетный взгляд Зойки, объяснил виновато:

— Почитать хотелось, а сквозь пыль плохо видно. Ну что? Как здоровье начальников?

— Здоровье — обвал, — невпопад, но торжественно сказала Зойка. — Знаешь, Свен, я тебя боюсь.

«Боюсь» прозвучало как «уважаю». Да и то верно: если женщина в интимной обстановке — под стенгазетой, например, — говорит, что *боится* вас, и говорит сие нежно-высокопарно (такое сочетание вполне возможно), но при сем свой страх никак не проявляет, не бежит опрометью, не запирается в дамском туалете — значит, вы ее круто заинтересовали, чтоб не сказать больше. Что же до Зойки, то она и впрямь была восхищена прозорливостью Свена. Она уже легко забыла, что он — псих. Она помнила только — желала помнить! — что он телепат, а он теперь проявил и редчайшие качества прорицателя, предсказателя ближайшего будущего, этакий *кассандризм*.

Зойка даже готова была молвить Свену нечто приятное, такое вот, например:

— Еще чуть-чуть, Свен, и я поверю, что вы — инопланетянин.

Ничего себе комплиментик, а?.. Но для Свена, который с прошлого вечера из роли пришельца не вылезал, жил в ней по единственной в мире системе К.С. Станиславского, а единственный же в мире зритель ему: «Не верю! Не верю!» — для Свена такой комплимент должен был бальзамом на душу пролиться.

Но он не пролился. Свен с достоинством кивнул и подтвердил:

— Еще немного, и вы поверите. Так. Но это не значит, что я выиграл пари.

— Выиграли, — без всякой обиды согласилась Зойка. — Чем могу, сэр?

Весьма любопытны Зойкины перескоки с «вы» на «ты» и обратно. Ничем внешне не мотивированные, они тем не менее отражали на текущий (откуда и куда? из прошлого в будущее, как положено, или куда-то вбок, если предположить причуды нуль-транспортировки?) момент Зойкины высокие чувства. «Ты» — это гамма от презрительного неуважения, взгляда свысока, похлопывания по плечу до восхищенного дружелюбия, лихого панибратства, замешенного на откровенной приязни. «Вы» — это отчужденность, холодность, безразличие и — одновременно — настороженность, кошачья опасливость и, к слову, тоже неуважение и пренебрежительность.

Сейчас в ее «вы» наличествовали:

во-первых, легкая обида, поскольку Свен принял как должное ее восхищенное удивление на «ты»;

во-вторых, столь же легкое раздражение, рожденное от ослиного упрямства Свена, не разбавленного

ни крохой земного юмора: инопланетянин, инопланетянин, сто раз инопланетянин;

в-третьих, напряженное ожидание: что он потребует взамен? не душу ли Зойкину шибко бессмертную?

Да, конечно, еще и страх — в-четвертых.

Все-таки был он, имел незаконное место — подспудно-необъяснимый страх перед Чудом, которое произошло на глазах и которое трудно оприходовать по научному ведомству. Если про телепатию Зойке, повторим, случалось не раз читать даже в солидных изданиях, то прорицательство теми же солидными изданиями начисто отметалось. А тут — налицо. А может — не налицо? Может, тайно позвонил он домой директору и заму, пока по утрянке «Липтон» дул? Позвонил, выяснил все про их здоровье, вернее, про нездоровье, а Зойке выдал как откровение?

Как бы было славно, коль было бы так, та-ра-ра-ра главной па-ра-ра-атак! Еще стихи.

— Чем могу? — повторила она. — Помнится, я не должна мешать. Хотелось бы знать — *чему?*

— Узнаете, узнаете, — рассеянно заметил Свен.

Он, казалось, был уже совсем в другом месте, он, казалось, куда-то нуль-транспортировался, но взял Зойку за руку, но сжал легонько, и — вот оно, чудо! — Зойке было приятно его прикосновение. Да и не виделся он ей сейчас психом ненормальным, а, наоборот, виделся он ей сейчас мужиком *в деле*: собранный, готовый, целе—куда? — устремленный, даже красивый, черт вас всех подери!

— Вот что, Зоя, мне нужны сведения.

— Какие? — *опала* Зойка. — У меня нет сведений, я не знаю никаких сведений.

— Есть. Знаете. Где ваш кабинет?

— Внизу.

— Пошли.

И повел он ее так точно, будто сто раз ходил этой дорогой. Телепат, чему удивляться... И Зойка собачонкой семенила за ним, шла замороженно, как детишки за крысоловом, и лишь одна дурная мысль вилась в ее замороженной голове: какие сведения? если секретные, если план коммуникаций, если численность сотрудников кагэбэ — фиг ему! грудью заслону, но не сдамся! И фоном: откуда в ее задрипанном отеле секреты? что он имеет в виду?..

Что он имеет в виду, объяснилось быстро и к облегчению Зойки. Прошли по холлу под снайперским обстрелом со всех сторон: кто это, кто это с гордой Зоей Александровной, кто? уж не хахаль ли залетный, тайный? — нырнули в крохотный кабинетик, где еле умещался стол, два стула и непременный несгораемый шкаф. Сели друг против друга.

— Время дорого, — начал Свен. — Ответьте мне: сколько в отеле постояльцев?

— На сегодня... — она придвинула к себе утреннюю сводку, положенную на стол старшей дежурной, — шестьсот сорок шесть.

— Многовато.

Как будто Зойка виновата, что много, что перенаселен отель! Она в ответ и укусила:

— Никого выселить не могу. Даже для вас.

Опять юмора не понял. Зачастил:

— Что вы, что вы, я не о том. Просто, чем больше индивидуумов входит в рабочее пространство, тем сложнее контролировать их стабильность. Это мои заботы, пусть вас они не волнуют.

— Они и не волнуют.

— А персонала сколько? — продолжал допрос Свен.

— Точно не скажу. Кто-то на бюллетене, кто-то в отпуске... Узнать? — потянулась к телефону.

— Приблизительно.

— Человек сто, наверное... А вообще-то больше. У нас посменная работа.

— Я понял... Этажей?

— Двенадцать.

— Комнат?

— Номеров? Четыреста. Есть еще кабинеты персонала, два ресторанных зала, бар, парикмахерская, три магазина... Что-то забыла, наверно...

Допрос одновременно нравился ей и раздражал, раздражал, потому что время — дорого, потому что девицы в регистратуре заждались, потому что Демьяновна с минуты на минуту начнет сваливать на нее всех посетителей, все звонки директору и заму, а тут сиди и отвечай — сколько в отеле сортиров, блин! Но и нравился, нравился, потому что оттягивал момент *старта*, после которого уже не остановиться, не продохнуть, так и вертеться до ночи. И еще — любопытно, что задумал Свен. После телепатии и ясновидения ожидать можно разное, можно всякое, можно *эдакое*.

Все-таки, за кого она держала Свена?

Ну началось все из чистого альтруизма, ну подобрала страдальца, как подобрала бы подбитую кошку, как подбирала их многожды, как нудно пристраивала их в хорошие руки. А окажись Свен нормальным советским мужиком без шестых, десятых, двадцать третьих чувств, может, и случилось бы промеж ними Нечто с большой буквы на малый срок, на всю командировку Свена, на все тринадцать часов с копейками. Да-а, для лирики — мизер неловленный, как утверждают мастера отечественного префа... Бог с ней, с лирикой, перебьемся, но, не будь Свен таким

однообразным, таким скучным, таким занудным, мог бы возникнуть простой человеческий контакт, а он не возник, не проклюнулся сквозь скорлупку отчужденности, потому что Свен начал раздражать Зойку с первых минут знакомства и раздражал до сей поры.

С другой стороны, какой контакт с психом, пусть и безвредным? Зойка же не психиатр, не психоневролог, не психоаналитик.

Можно одним ладным словом определить Зойкино нынешнее к нему отношение? Можно. Вот оно, ладное это слово: *интерес*. Зойка испытывала к Свену научный интерес, ожидая от его могучих способностей могучих свершений. Вот, к слову, телекинеза пока не видно, а как толково было бы подвинуть отель поближе к Девятому проезду!..

Да, об отеле. Зойка с научным интересом ждала, что Свен с ним сотворит. Разбери он его по винтику, по кирпичику — Зойка не стала бы сильно убиваться: разобрал — восстановит, а у Зойки образуется внеплановый отгул...

Но все это — фуфель ненаучный, мечты, мечты, где ваша сладость... А в реальной жизни Зойка была прагматиком и матери-научно-верно-ленинским-алистом.

И все же спросила:

— Что вы делать-то собираетесь, а, Свен, скажите мне?

— Я хочу увидеть ваших людей такими, какие они есть, — непонятно ответил непонятный Свен.

— Что такое «какие есть»? — Зойка непонятное и не поняла.

— Я хочу снять барьер.

Понятнее не стало.

— Какой такой барьер, Свенчик?

Свен тяжело вздохнул:

— Видимо, я должен вам довериться.

— Доверьтесь мне, Свенчик, давно пора, Свенчик, — ехидно сказала Зойка, но Свен на ехидство внимания не обратил, Свен изготовился доверяться незнакомой женщине, а процесс этот, судя по всему, был труден для инопланетянина так же, как и для иностранного шпиона: а вдруг Незнакомая выдаст Доверчивого строгой власти?..

— Я разведчик... — начал Свен.

Бог ты мой, да кто ж он на самом деле, ужаснулась в отчаянии Зойка, пришелец или шпион, кто же? Пора бы ему и определиться, пора бы перестать метаться, а то скучно девушке.

— Я послан к вам высокоразвитой цивилизацией, чтобы проверить: готова ли ваша голубая планета вступить в межгалактическое содружество звездных миров, где давно осуществлен — это по-вашему, по-нашему иначе — главный принцип коммунистического общества: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям. Именно по этому, декларированному вашими лидерами принципу мы и выбрали Землю для глубинной разведки, постановки эксперимента сначала в локальном, а потом и общепланетном пространстве. Ну а потом референдум, консенсус, учитывающий необъятный плюрализм мнений...

Конец, с ужасом думала Зойка, с ним все ясно, страшно думала Зойка и вся сжималась, и вся отодвигалась, и вся растворялась в локальном и общепланетном пространстве, потому что надо было не слушать, а кричать, звать на помощь, звать на помощь, поскольку буйное помешательство опасно для жизни.

— Не надо меня бояться. Раз я решил вам довериться, то ничего плохого не сделаю. Наоборот, вы — единственная на Земле, кто узнает результат. Я верю: он будет положительным! У вас достаточно высокий технический потенциал общества, чтобы

ему соответствовало столь же высокое сознание, вернее, подсознание, поскольку — это я вижу! — ваше сознание консервативно, с него не сняты барьеры. Я хочу их снять на короткий отрезок времени, чтобы увидеть, какие вы в подсознании...

Не было даже короткого отрезка времени, чтобы снять трубку и позвонить на вахту, в милицию, в регистратуру, невозможно прорваться к двери, пораждать конца, не исключено — кровавого, потому что кто его знает — как и чем он станет снимать барьеры с Зойкиного сознания!

— Да-да, вы живете среди барьеров, вы отгораживаетесь друг от друга стенами, одеждой, словами, вы превратили свою жизнь в дурной театр, от колосников до авансены набитый декорациями, в которых не то чтоб жить — роль играть трудно. Да что я вам твержу? Вы и сами уже все поняли! Ведь поняли, так? — И снова врезал по Зойке своими лазерами.

Но прежде чем понять *все*, Зойка успела машинально отметить: «авансцена» и «колосники» — чересчур богатые слова для рядового инопланетянина, будь он даже трижды псих. А отметив, отключилась. То ли Свен в нее проник, то ли она в Свена, но сейчас в ней жили два разных человека, два разных человека думали, два разных вели диалог, но главное, эти двое были *одним*. Как? А так! Как библейская Троица. Трое — и один. Непонятно, но — факт.

Мы живем среди барьеров — вот что она поняла.

Чисто физически — ясно: квартиры, комнаты, кабинеты, моя машина, моя дача, на даче — мой угол, а там — твой угол, мой лежак на пляже, мой пенек в лесу, мое место под солнцем. Мое, мой, моя! Ты сюда прийти не сможешь, а туда я и сам не пойду. Частное владение, во дворе — злая собака, по газонам не ходить, не влезай — убьет. Физически — это ясно.

Но Свена, догадалась Зойка, физические барьеры мало интересовали. То есть интересовали, конечно, поскольку они — естественный результат тут и там нагроможденных нравственных. Даже нет, не нравственных, не то слово. Сердечных? Душевных?.. Ближе, ближе, горячее... Барьеры в душе? Или между душами?.. И барьеры — не то слово, точнее — стены. Бетонные. Стальные. Пушками не продырявить!

А еще уловила Зойка, что барьеры в самом человеке страшнее всего. Самобарьеры. Мы сжигаем себя сотнями запретов: этого нельзя, то неприлично, пятое вредно, десятое бесполезно. Железное «надо» давным-давно вытеснило из нашей коммунальной жизни сладкое «хочу» и вплотную подбирается к самоуверенному «могу». Хочу, но нельзя. Могу, но не стоит. Надо, надо, надо! Куда ни повернешься — надо, чувачок. Куда ни подашься — надо, кисонька. А если я хочу? Хоти. Хотеть пока не запрещено, но лучше не надо, потому что разрыв между желанием и необходимостью вызывает дискомфорт в хрупкой человеческой душе. Лучше хотеть сразу то, что надо.

Хочу вперед, в светлое будущее.
Молодец, это нам надо!
Хочу в колонну по одному.
Можно, но лучше — по пять!
Могу хоть по десять!

Не надо, это лишнее. Кто там шагает правой? Не надо...

Все это, усваивала Зойка, не вне, а внутри каждого из нас. Въелось,росло, вжилось, угнездилось. Держава может не беспокоиться за своих дочерей и сынов: когда она, держава, прикажет быть героем, у нас героем становится любой. Героями становятся даже без приказов сверху, героизм прямо-таки выдавливается из любого, как паста из тюбика, по-

сколько жизнь повсеместно требует. Героизм — осознанная необходимость, философская категория. И все кругом твердят: «Есть!» — безо всякого «надо». Нигде ни хрена нет, а все орут: «Есть!» Простите за неуместную шутку.

Значит, Свен, умный гость, считает это ужасным? Да, так я, то есть он, считает.

Значит, он считает, что слово «хочу» есть признак душевной свободы?

Да, если «хочу» подкреплено «могу».

Но если каждый будет поступать только по капризному «хочу», начнется вселенский бардак, все вокруг станут хотеть что ни попадя, это типичная анархия, Маркс-Энгельс-Ленин, помнится, о том не писали, они как раз писали о том, что светлое будущее должно складываться из кирпичиков каждодневного «надо». Надо мне, надо всем, надо Родине родной.

Надо страной весенний ветер веет. Песня.

А вот шутка ваша, Свен, шутка твоя с песней очень, Свен, глупа до невозможности, Свен. Представь себе, что все могут то, что хотят...

Чего зря представлять, у них, то есть у нас, так и происходит, так и живут, живем, просто отлично мы живем, они живут.

Не знаю, как у вас на планете, на какой такой планете, но мы на голубом нашем шарике, мчащемся в бескрайних просторах Вселенной, не можем потакать себе во всем, мы еще досыта ни разу не ели, у нас войны, у нас забастовки, у нас голодные бунты, у нас перестройки, и все это не только в странах капитала, но теперь уже и в первой в мире стране не вполне победившего социализма. Только упомянутые вами, Свен, тобой барьеры и сдерживают нашу ненасытную утробу, оставляют силы на борьбу, на все, на битву за светлое будущее. И я знаю, знаю я, что вы, Свен, что ты мне сейчас скажешь,

а скажешь ты вот что: на кой ляд строить будущее на таком говенном фундаменте, каким, к черту, светлым оно будет, если у его строителей урчит в животе? А я тебе-вам отвечу. Да, мы живем не очень славно, но разве так уж крепки барьеры? Разве мы не позволяем себе время от времени расслабиться, релаксировать и послать все и вся на три известные буквы? Нет, Свен, я тебе-вам не открою, куда, на какие буквы посылаем мы все и вся, ты прищелец, вы не поймете или поймешь не так. А посылая, мы уже напозволяли себе много всякого разного, мы уже столько дров, то есть барьеров наломали...

Ничего вы не ломаете, только обходите их, переоскакиваете, протыриваетесь через контроль, подкопы под них осуществляете, а они стоят и не падают, потому что сработаны на века гигантами мысли. А я хочу показать вам, как сломать эти вонючие барьеры. Совсем! Навовсе! И вы увидите, какие вы на самом деле, а не какими вас хотели и хотят видеть гиганты мысли.

Ну ты даешь, Свен, ну вы даете, мужчина! Может, вы и на те десять барьеров покуситесь, что две тыщи лет назад один чувак, тоже гигант, насочинял? Не убий — барьер. Не укради — барьер. Не пожелай жены ближнего своего, ни вола его, ни автомобиля, ни хаты, ни видюшника... Опоздали, Свенчик-венчик-хренчик, две тыщи лет каждый, кому не лень, эти барьеры ломал, ломает и будет ломать... Ну да, ну да, они стоят, но дорогого ли стоят, пардон вам за филологический каламбур? Недорогого, говорите?.. То есть вы, хренчик, и на них посягнешь?.. Нехорошо, этого вам православный наш народ не простит... И как же, любопытно, на твоей планетке, в Краснококшайске вашем вшивом борются с вредоносными «хочу»? Например, если кто-то хочет сжечь... ну не знаю что... ну горисполком... Нет у вас горисполкома? А вот это не ответ! Никто такую чушь

не хочет? А у нас, Пельменчик, очень даже многие хотят и еще многие захотят... И пусть их? Интересная мысль...

Умная-то вы умная, Зоя, но довольно-таки глупая.

Странный комплимент. Я — баба, а баба, как принято считать, — дура. Но по должности-то я не баба, а вовсе мужик, значит — не дура я, не дурак, поэтому спрашиваю: как вы собираетесь ломать барьеры — раз, зачем тебе для этого я-баба-не-баба-дура-не-дура — два? Сотрете потолки, стены, полы, кто в сортире, кто в ванне — все видно, желудки — насквозь, у этого курица по пищеводу мчится, у того бифштекс с кровью переваривается, здесь, извините, трахаются, а здесь Баха слушают, так?.. Ах, я примитивно все понимаю! Ах, я учитываю только внешний эффект, голую технику, а речь идет о высочайшем нравственном эксперименте!.. Ну и как же, как? Увижу? Ладно... А я на кой тебе-вам-им?

Мне нужен очень добрый человек.

Это я — добрый человек? Возможно, я — добрый человек. Но зачем тебе, Свенушка, добрый человек?

Доброта в любом мире, в любой планетной или даже звездной системе — та лакмусовая бумажка, которая проверяет способность человека *хотеть*.

Сложно завернул, я ж баба-дура... Но, не влезая в мелочевку, ответь по-крупному: а коли мы не способны *хотеть*? Что будет? Придут твои сопланетники-краснококшайцы с бластерами-шмастерами и всех нас повыжигают к такой-то маме? Да нет, Свен, не шучу я, Свен, какие уж тут шутки, Свен... Я ведь про себя точно знаю: я *хотеть* не умею. Хоть в сознании, хоть в подсознании. Если я чего и хочу, так это в отпуск махнуть, и лучше в Крым, потому что хотеть на Канарские острова бессмыс-

ленно, а славно бы... И все мы здесь — такие же, а желания у нас — *реальные*, земные, твой эксперимент, Свен, на хрен провалится, а сам ты помрешь от тоски, так и не увидев родную планету Краснококшайск...

Вы сами не знаете, что вы хотите. Или не так: вы не ведаете, *что* вы умеете хотеть! Каждому по потребностям? Так дайте мне определить эти потребности, вытащить, выколупнуть их со дна подсознания. Я не буду ничего объяснять, у меня и слов таких нет, чтоб все объяснить, ты сама все увидишь, ты просто будь со мной рядом, лакмусовая бумажка, и ничего не бойся. Ни за себя, ни за свой народ... Поехали?

Ой, не знаю я, ой как же ж я!.. А-а, ладно, поехали, Свен, вези меня, куда хочешь, я вся твоя лакмусовая бумажка, только не жди, что я от чего-нибудь покраснею, это уж фиг-то...

Что это было? Сон? Сеанс телепатии?..

Она увидела Свена, он стоял у дверей и манил ее за собой. Она встала, как сомнамбула, пошла к нему, пошла за ним, пошла рядом, а он взял ее за руку, вел по коридору, вел по лестнице, вел по холлу, в котором толпились непоселенные несчастливцы и поселенные счастливыцы, и дневные дешевые шлюхи, и бдительные мусора, и пронырливая фарца сновала туда-сюда, и девицы в регистратуре устали выписывать квитанции, устали долдонить, что мест нет, нет, нет и никогда не было, и никогда не будет, и другой, не вчерашний швейцар, тоже гнида и бывший вертухай, а теперь стукач-на-полставки, караулил стеклянные двери с фотоэлементом, чтоб, значит, враг не прошел, а друзей нам и задаром не надо, и все это варево, месиво, крошево кипело, бурлило, любило, стонало, просило, унижа-

лось, любило, материлось, угрожало, соглашалось, любило-не-любило-любило, рождалось, жило, умирало.

И все замерло, когда возникли Свен и Зойка. И все посмотрело на Свена и Зойку, и все подалось к ним, и все вдруг-вдруг-вдруг обступило, сдавило, задыхало перегаром, чесноком, духами, чуингамом, зубной пастой, лосьоном, дезодорантом, потом, а еще ветром дохнуло на Свена и Зойку, солью морской полезной, и белый парус закачался на дальней стене холла, где он всегда наличествовал, но не думал качаться, потому что сложен был из крашенных мертвых стеклышек.

— Что хотите, то купите! — закричал Свен.

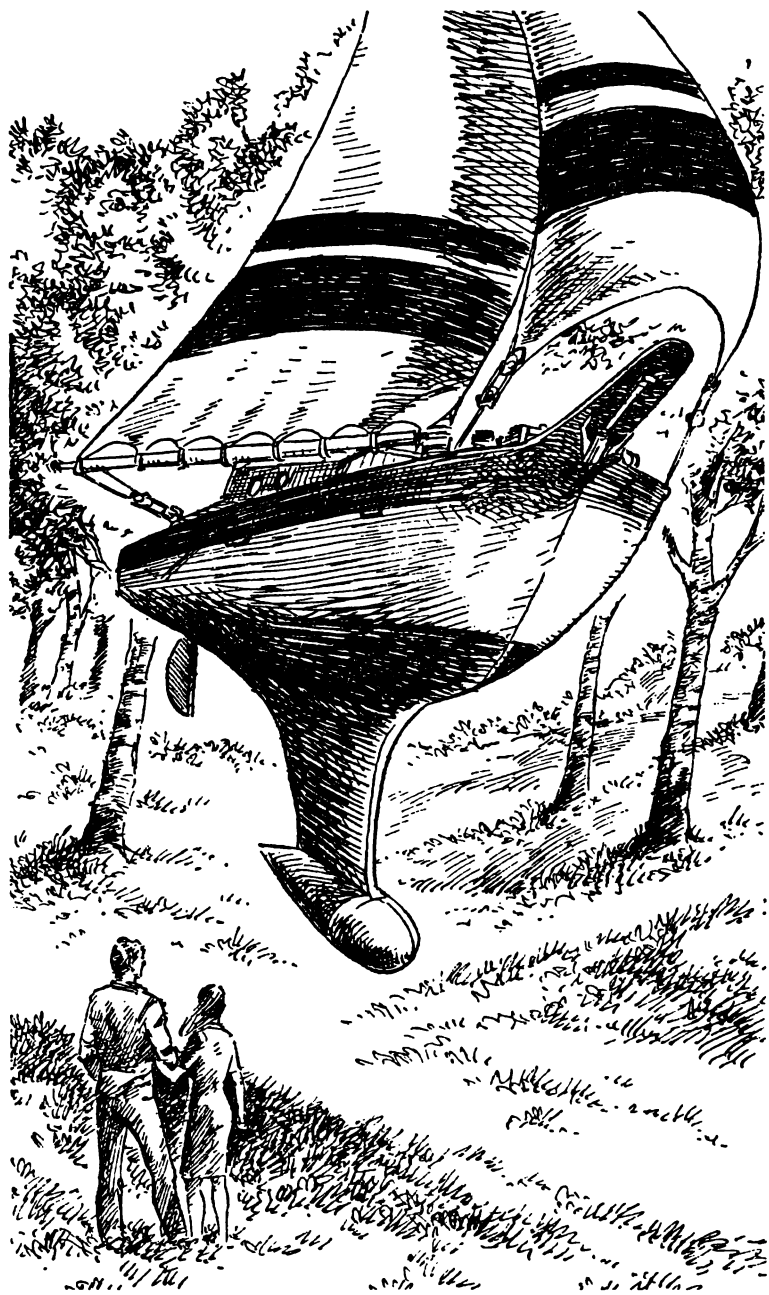
— «Да» и «нет» не говорите! — закричал Свен.

Или не Свен закричал, кто-то другой закричал, но все поверили крику, рванулись в сторону, потому что покупать желаемое следовало каждому в *своем* месте. И сразу стало свободно и тихо, никого кругом не было, никто не давил на психику, даже Свен, тактичный инопланетянин, на время исчез, чтоб Зойка могла перевести дух. И Зойка перевела дух с большим удовольствием, как вдруг...

Опять «вдруг»! Ну просто затертый штампованный пятак, который и в руки-то взять отвратно!.. Может, и отвратно, а как не взять? Как, например, в метро пройти? В автобусе прокатиться? Бублик купить?..

...как вдруг увидела, что никакого отеля больше нет.

Как вдруг увидела, что парус закачался на стене, которой не было, а вместо оной образовалось настоящее небо и настоящее море, и парус тоже был на-

стоящим, не белым, как в отеле, а в желто-красную полосочку, и присобачен он был к мачте на длинной доске, и нес означенную доску прямо на Зойку. Впереди доски спешила волна, шустрила к берегу, с шорохом, шуршанием и шебуршением вышвырнулась на песок, то есть на песок, обдав Зойку теплыми сладкими брызгами. И доска тут же пришвартовалась. С нее сошел бронзовоторсый красавец, похожий на киноактера Арнольда Шварценеггера, весь переплетенный бицепсами, трицепсами и квадрицепсами, двуглавые мышцы у него на теле налезали на трехглавые, а четырехглавые выглядывали из-за пятиглавых и махали руками.

Зойка шепотом сказала: «Ой!» — и сердце ее стремительно скользнуло вниз, вниз, вниз, упало на горячий песок, а Шварценеггер мгновенно подобрал его, сдул прилипшие песчинки, сунул к себе в плавки и спросил на чистом английском:

— Вы поедете на бал?

Стало смеркаться...

Шварценеггер, не дождавшись ответа от остолбеневшей Зойки, ускакал куда-то вместе с ее сердцем. Зойка опомнилась, крикнула вдогонку в сумерки:

— Верни сердце, амбал!

Его вопрос и ее выкрик вполне могли образовать элегантно-двустигшие.

Зойка села на песок и заплакала. Плакала она минуты две, что именно вызвало бурный поток слез — сама не знала, но плакала вкусно, сладко, с всхлипами и всморками, будто очищала усталый организм от вредных шлаков. Шлаков накопилось много. Доплавав, утерев глаза и нос платочком, решила осмотр-

реться. Море по-прежнему катило белопенные, как и положено, волны на золотой, как и положено, песок пляжа; доска с полосатым парусом снялась с берега и ушла в автономное плавание; ошую и одесную Зойки торчали подсвеченные изнутри кабинки для переодевания, в которых кто-то все время переодевался, сплетался, расплетался, ввинчивался и растворялся — силуэты в театре теней; вдали, в чернильной синеве жаркой ночи призывными огнями горели бары и дансинги, казино и скейтинг-ринги, офисы и супермаркеты, билдинги с адвертайзингом, пабы, драг-сторы и кары.

Все эти залетные термины легко было перевести на язык родных осин, но зачем? Дело, как поняла Зойка, происходило куда как далеко от родных осин, среди чуждых нам пальм оно происходило, и море было не морем, а оушеном, прибор — серфом, пляж — бичем, а окружающая действительность — Канарскими островами, на коих, как мы помним, Зойка не мечтала провести отпуск.

А вот вам и обломилась! А вот вам и *немечта!*

Зойка посмотрела направо, посмотрела налево, в кабинках по-прежнему развратничали чьи-то тени, а на самом пляже, то есть на биче, не было ни души. Весь пипл, похоже, свалил на вечерний стриптиз. А мы себе свой устроим, подумала Зойка, скинула мокрые, полные песка туфли, стянула через голову платье и осталась в черных полупрозрачных кружевных трусиках и таком же лифчике. И то и другое вполне подходило для стриптиза, но никак для купания в общественном месте. Но в данном общественном месте в данный час почему-то не мелькнул даже какой-нибудь на худой конец безработный, бомж, бичкомер, столь характерный тип для мира чистогана, а тени в кабинках — не более чем прихотливый светозффект. Безлюдна была немечта Зойки, Шварценеггер — и тот слинял. А посему Зойка,

никого не стесняясь, сбросила интимные детали туалета, завершила-таки стриптиз и голышом вошла в океанскую волну.

Волна повела себя нежно и нагло, скользнула по телу, бегло обшарила, заглянула туда и сюда, обняла, потянула за собой, опрокинула и отпустила, откатившись. Но тут же, не дав очухаться, опять рыча, набросилась на Зойку, уже не осторожничая, лапала ее, крутила, заламывала, загибала салазки — мощна, что твой Шварценеггер! Мокрая с ног до ушей, ошарашенная, счастливая, Зойка вырвалась, выскочила на берег, плюхнулась на песок — лицом в ладони. Песок был еще горячим, не успел остыть, от него несло жаром печки, и Зойка всем телом вжималась в него, лоя кайф.

— Вы поедете на бал? — по-русски спросили сверху.

Главное — не пугаться, не визжать, не прикрываться глупо ладошками, в гору мы всех видели! Примерно так подумала Зойка и нарочито медленно подняла голову: над ней маячил искомый безработный, бомж, бичкомер — в ковбоекке, в мятых брючках, в скороходовских сандалетах на босу ногу.

Кто бы, вы думали?

Угадали: Свен.

— Отойдите, пожалуйста, я оденусь, — попросила Зойка.

Одевалась торопясь, походя думала, что надо бы потеплее с инопланетянином, поскольку и океан, и пляж, и жар песка, и даже Шварценеггер на серфере — работа Свена. Как он все это отоварил — вопрос второй. Может, Зойка сидит сейчас в холле на мраморном полу и мирно галлюцинирует вместе в публикой... Зачерпнула песок — он просыпался между пальцами, сухой, колкий, живой. Нет, не похоже на галлюцинацию. А если и она, тогда Свен — ге-

ний! И тогда Зойка заставит его на ней жениться и каждый вечер вместо программы «Время» отправлять ее на Канары...

Свен сидел на песке и ждал.

— Откуда вы здесь? — глупо спросила Зойка.

— Я принес вам ваше сердце, — вместо ответа сообщил он. — Оно у вас одно, не разбрасывайтесь, а то пробросаетесь.

Он встал и приложил руку к ее левой груди. Под рукой сразу затикало, забилося, заскворчало обрonnenное сердце, и вот уже пошустрило ходко и ровно, набирая положенный темп.

— Для кого мне его беречь? — грустно спросила Зойка.

— Найдется для кого, — пообещал Свен. — Получили то, что хотели?

— Не знаю, — сказала Зойка. Она и вправду не знала. — Вот море разве...

— Океан, — поправил Свен.

— Да, конечно, прибой здесь чудовой, не то что в Мисхоре. Только плаваю я плоховато.

— Вы хотите плавать, как дельфин, как кит, как рыба-пила?

— Хочу.

— Пожалуйста.

— Прямо сейчас? — растерялась Зойка.

— Когда хотите.

— Но я ж только что купалась...

— Значит, в следующий раз.

— Через час?

— Когда хотите.

— А если все это кончится, вся эта ваша галлюцинация, и я поеду в Крым, то там я смогу плавать, как дельфин, как кит, как рыба-пила?

Свен засмеялся. Первый раз за все время! Смех у него оказался сухим, как кашель, но это был никакой не кашель, а именно смех, Зойка ни на секунду

не усомнилась, даже обрадовалась: Господи Боже ж ты мой, оттаял, оклемался спящий красавец!

— Вы торгуетесь, как на базаре, — сказал Свен. — Я не ведаю, что случится, когда эксперимент закончится.

— Для чего-то ж вы его ставите...

— Хочу открыть вам глаза.

— Ну откроете, а дальше? Будем ими хлопать и точить слезу: мол, *хотеть* научили, а *мочь* — сами валяйте, да?

— Не понял, простите. Хотеть значит мочь.

Зойка усмехнулась:

— Хотеть, мочь... Слова все... Знаете, есть байка — про три состояния человеческого «я». Первое: хочет, но не может; второе — может, но не хочет; третье: может, но сволочь. Вам какое состояние поближе, а, Свенчик?

— Зоя, давайте не будем обижать друг друга. Эксперимент в самом начале, мы еще никого и ничего не видели. Походим, посмотрим, подумаем вместе...

— Вместе?

— Я же назвал вас лакмусовой бумажкой... Пошли, Зоя, время торопит.

— А куда пойдем?

— Куда хотите. В океан, например.

— Так же... вода!

— Для вас. И то — пока вы *хотите*. А расхотите и... — Он не договорил, поймал еще влажную Зойкину ладошку, еще хранящую соленый привкус приборя ладошку и потянул за собой.

Зойка, ошарашенная, оглушенная, отупевшая — что еще на «о»? — пошла за ним, и они торжественно вступили в океан, в литую волну, с гулом паровоза накатившуюся на них, но то была не волна вовсе, а просто упругая и абсолютно сухая темнота, которая придавила их на миг, но тут же отпустила. И свет по глазам ударил, и грохот по ушам вмазал, и Зойка за-

жмурилась и заткнула пальцами уши, потому что чересчур резким оказался для нее переход из тишины и черноты атлантической ночи... во что?..

А кстати: во что?

А в среднерусский родной пейзажик, а в левитановско-шишкинское раздолье, а «в березку нашу белую и в наш кудрявый клен», как поет в далеком городе Большого Яблока певец-эмигрант, измученный непосильными приступами ностальгии. И вроде бы совсем не по-русски звучит это: переход «во что» — переход «в березку», но что поделаешь — святая правда. Из океанской волны в пустоту шагнула смелая Зойка и с колес врезалась в нечто жесткое и малоподвижное, на поверку оказавшееся именно березой.

Вот вам пошлые шутки нуль-транспортировки!..

Удар случился несильным, но неожиданным. Зойка села на траву и принялась постепенно приходить в себя. Именно постепенно, поскольку это был процесс. Сначала требовалось просечь, что она уже — не на Канарах. Потом, как говорят землестроители, определиться на местности, то есть увидеть буквально, как устроена земля: березу увидеть, травку всякую, на которой сидишь, другие березы тоже, и елки увидеть, и палки, и речку впереди, и помещичий дворец на взгорье за елками-палками, и кукольный домик на берегу, и каких-то темных клиентов, тусующихся у домика, и Свена, родного сапиенса, который нагло тряс Зойку за плечо и спрашивал:

— У вас все цело? У вас все цело? У вас все цело? Заладил, блин...

— Все цело, все, — ответила Зойка, потому что процесс окончился. — Где мы?

— Не знаю, — беспечно сказал Свен, усаживаясь рядом и оглядывая окрестности. — Пока это похоже на Подмосковье.

— Пока?

— В любой момент все это может трансформироваться в пустыню или там в тайгу. Только ваше желание я ввел независимым блоком, а остальное...

Не договорил, не успел. Мимо, из ниоткуда взявшись и в никуда свистя, прямо по воздуху, прямо сквозь деревья пронеслась красавица яхта с полной парусной оснасткой и даже с полосатым пузырем спинакера на бушприте. Длинный облезлый киль яхты опасно скользнул над задранный в ошарашке головой Зойки, едва на нее ракушку не скинул. На плоской попе яхты золотом сияла надпись: «Марина». То ли, значит, имя любимой и единственной, то ли легкий намек на морские шири и гладь. Над косогором «Марина» плюхнулась на левый бок, посвистела по длинной дуге прямо в рошу у реки и затерялась там столь же загадочно, как и возникла.

— «Летучий голландец», — ничему, похоже, не удивляясь, констатировал Свен. — Буквально.

Земные познания его росли, как в сказке, — не по дням, а по часам. Впрочем, Зойку это не слишком волновало сейчас, сейчас ее совсем иное волновало, посему она спросила:

— Что это было?

— Яхта, — точно ответил Свен.

— Сама не слепая. Почему летает?

— Несовпадение фаз, обычное дело. Фаза одного желания налезает на фазу другого, фазы пересекаются, но друг другу не мешают. То, что для нас — воздух, для яхты — вода. Море.

— Моря же не было...

— Для нас не было. А для испытуемого — еще как было! Вон он какой вираж заложил...

— Фаза на фазу... — задумчиво сказала Зойка. — Красиво... А мы сейчас где? В какой такой фазе?

— Не знаю. Тоже чье-то желание.

— Почему оно тогда такое... — искала слово, нашла, — подробное?

— Мало ли!.. Точнее знают, чего хотят. Лучше воображают. Да и вообще, может, это — массовое желание.

— Что за бред?

— И не бред вовсе. Несколько испытуемых одновременно хотят одного и того же. Детали желаний различны, а суть одна. Суть доминирует, детали корректируются.

— И вся эта фаза... — реальна? Река, яхта?

— Для того, кто *хочет*, — вполне и факт.

— Попахивает солипсизмом. — Зойка знала очень богатое слово. — Не наша философия.

— А какая ваша? — почему-то обиделся Свен. — У вас на Земле философий — как собак нерезаных, и все разные, и все гавкают: кто кого переорет. А общей нету... Общей, кстати, и быть не может... Вот вы, марксисты, — да? — утверждаете примат материи над духом. Чушь какая, надо же так ошибаться? Дух — первичен. Первичная идея. *Желаемое*. Желаемое значит истинное. Мой эксперимент это доказывает.

— Ни хрена он не доказывает, — стояла на своем, то есть на общем, на выстраданном в труде и бою, Зойка.

— У вас говорят: лучше один раз увидеть...

Он поднялся, опять ей руку протянул. Зойка сняла туфли и пошла босиком по траве, как давеча — по песку. Во класс, думала она, только что в океане теплом прыгала, а сейчас можно и в речку, в реченьку быструю, в реченьку тихонькую... Думала о том, как о свершившемся факте, и никаких научных объяснений не желала, не лезла к Свену с разными там «почему?» да «как?». Сейчас «как» волновало ее куда менее, нежели «где». Или «кто». Кто вот те персонажи, которые хотят мчаться на яхте под парусами, кто они и кто эти тусов-

щики у реченьки быстрой, что эти-то хотят, что нажелали, намечтали, наворожили, что? А таких, этаких, всяких желальщиков, таких хотельщиков-мечтальщиков у нее в отеле — под тышу, и у каждого — свое заветное, несказанное, потаенное. У Зойки-то — что! — мелочевка для сильно бедных. Океан с мокрым культуристом, слово залетное «Канары» — не лысый ли Сенкевич из телевизора с барского плеча отстегнул?

Да и вздор, да и не ее это мечта вовсе, просто Свен услышал глупое и овеществил на раз... А почему тогда он ничего другого не овеществил на раз? Почему не овеществил на раз то заветное, несказанное, потаенное, о чем Зойка и вправду мечтает? Ведь роши все эти, все яхты-усадьбы подсмотрел-таки он в глубококом подсознании отельных постояльцев, неведомым аппаратиком выколупнул на свет Божий, а в Зойкином девичьем подсознании ковыряться не стал. Постеснялся? Такт проявил? Или пожалел глупую?..

И ведь поняла с горечью: именно пожалел, именно глупую! Не в чем у нее ковыряться, нечего выколупывать, нет у нее никаких толковых желаний, нет и не предвидится в дальнейшей текучке, а за Шварценеггера Свену можно и по шее: примитивно, Свен, вы о нас думаете, нехорошо, некорректно... И опять осеклась: ни о чем он не думает! Если об океане она вслух сказала, то ни о каких культуристах с трицепсами речи не было. Значит, где-то глубоко — в печенках или в матке — живет, живет у эмансипированной Зои Александровны крутой образ мускулистого мена, как у пэтэушницы сопливой, как у телок дешевых тусовочных... Ну-ну...

Зойке было жутко стыдно, Зойка шлепала за Свенном по травке и помалкивала в тряпочку, ни одного вопроса не задавала, хотя с десятков «кто» и «что» в ее головке подпрыгивали от нетерпения, тянули ручки, алкали ответа. Ничего, потерпим, решила Зойка, оценим желания других аудиовизуально. Чем это, любопытно, они лучше, чем это они богаче?.. По-

мнится, объяснила Зойка Свену, что никаких супер-желаний советские граждане и гражданки за минувшие десятилетия не нажили, не нажелали, что нечего их приравнять к высокоцивилизованным таукитянам или альфацентаврам...

И еще одно надо отметить.

В фантазмагоричном галлюциногенном мире, сочиненном и построенном Свенем, Зойка думала о Свене именно как об инопланетянине, а не психе-командированном из Краснококшайска. Но принимала ли она всерьез его мир? Да, купалась — всерьез; да, яхту испугалась — всерьез; да, запах шашлыка от избушки у реки — тоже всерьез; но тем не менее, но тем не более... Если Зойка начинала *игру* — в любовь ли, в от-дых ли, в гости ли, если Зойка четко решала для себя, что все начатое — только игра, то она отдавалась ей легко и с удовольствием, все до одного правила блюла, верила в игру, как в реальность, но — лишь до конца игры.

А у всякой игры есть конец. Тем паче, что Зойка затвердила точно: желаемым может быть только действительное, врет Свен. На том стоим, и никто пути пройденного у нас не отберет.

Домик на берегу, по всему видно, баней был. То ли финской, то ли русской, но срубленной богато и любовно. И наличники-то на оконцах резные, вязевые; и столбы-то на крыльце фигурные, художественные; и крыша-то красною черепичкою крыта; и бревна-то на баньку пошли ровнехонькие, одно к одному; и дух-то из нее выползал прихотливый, березовый, смородинный, эвкалиптовый, а еще какой — Зойка таких запахов не слыхала, не доводилось ей.

В бане орали, ржали, матерились.

Зойка представила себе временных постояльцев отеля, умученных заседаниями, совещаниями, докла-

дами и содокладами, беготней по кабинетам, столовым и магазинам, Зойка представила себе крохотные душные однобедренные номерочки, нищие буфеты на третьем, пятом и девятом этажах — с кривыми сосисками, с лоснящейся колбасой, с вечно крутыми яйцами, Зойка легко поняла вечернее одиночество этих провинциальных инопланетян, залетевших в негостеприимную Москву, и сразу же оправдала их, и поняла, и простила, и даже подумала, что желание сладко попариться — с доступными бабешками, с обильной жратвой, с хорошей выпивкой, в славную погоду на славной природе — да не хуже других! И главное, объяснимо. Да и чего им еще желать?..

Дверь на резном крыльце распахнулась, из нее выскочил здоровенный бородач, прикрытый единственно березовым листком на причинном месте. На закорках у него сидела голая толстая Даная привокзального розлива и сверкала на солнце золотой фиксой — что твоим лазером. В три прыжка мужик одолел ступеньки и сиганул в реку. Бабешка сразу же отцепилась от него, запрыгала на одном месте, повизгивая и шлепая о воду литыми грудями, а мужик, ухая, поплыл саженками на тот берег.

Зойка отвернулась.

Не то чтоб она была ханжой-недотрогой — да такого повидала за свой бабий век, за гостиничную свою неподцензурную службу, да такого наслышалась, что все эти картиночки ей — как слону горчичник! — но противно стало. Пошла в горку — прочь от реки, от буйства духов. А буйство, похоже, ширилось: на реке орали на разные голоса, веселились, по-научному — релаксировали. Над Зойкой в синем небе, но невысоко парил бумажный змей, воздушные лихие потоки давили его к земле, а он не хотел и, наоборот, рвался к солнцу, как Икар. И вырвался-таки! Но в некий мо-

мент, научно говоря, контрапункта он совсем низко завис над Зойкой, и та увидела на змее большую черно-белую фотку грустной девочки лет двенадцати, а над фоткой — надпись плакатным пером: «Наташенька, золотце мое, вернись к маме!» Змей, повторимся, одолел потоки и глссанул ввысь, мячиками в ней запрыгали: вернись к маме, вернись к маме, вернись к маме... Зойка, любопытная, быстро ухватила одну и, вскрикнув, выронила: буковка оказалась горячей, как головешка.

— Жжется, — удивленно сказала Зойка.

Свен только плечами пожал: мол, всяко бывает.

— Это тоже чье-то желание? — спросила Зойка.

— Наверно.

— А почему оно не исполняется?

Буковки, как гномы, шуршали в траве.

— Не знаю. Такое, значит, желание.

— Я хочу, чтобы Наташа вернулась к маме.

— Какая Наташа? Кто мама? Помилуйте, Зоя, это же не ваше желание...

— Нет, пусть вернется, — упрямо настаивала Зойка.

Свен тяжело вздохнул:

— Считайте, что вернулась.

Змей резко затормозил, пошел на посадку. Зойка не видела, где он сел, но зато увидела вдалеке среди деревьев девочку, которая легко бежала куда-то.

— Это Наташа? — строго спросила Зойка.

— Наташа, Наташа, — успокоил Свен. — Кто ж еще?..

— Так-то лучше. А то одни сопли: вернись, вернись...

— Вы вмешались в чужую фазу, — укорил ее Свен. — Так нельзя.

— Можно! — утвердила Зойка. — Эта мамаша-дура, может, и хотеть уже перестала, а я ей помогла. Просто так. Разве неправильно? Разве я плохо поступила?

— Не знаю. Желание суверенно...

— Это у вас в Краснококшайске оно суверенно, а у нас — все вокруг колхозное, все вокруг мое. Буду вмешиваться!

Она глянула на реку. Там буйствовало штук двадцать голых духов, но не вместе буйствовало, а поврозь, по компаниям. Баня, как трамвай, оказалась резиновой, вместив в себя всех желающих попариться на пленэре, а таковых в Зойкином отеле оказалось немало. Странно, конечно, что способ релаксации они выбрали одинаково незамысловатый, тут даже Зойкины Канары гляделись вершиной фантазии, но в чужой монастырь, как известно...

— Хотите вмешаться? — спросил Свен.

Зойка призадумалась. Заменить им реку на море? Водку «Столичную» на водку «Смирновскую»? Превратить всех мужиков в Шварценеггеров? Зачем? Они хотят того, что хотят, что знают, что проверено. Да и так ли уж сильно Зойкины представления о здоровом отдыхе отличны от их? Только что с наклейкой «made in...».

— Я же говорила, Свен, не стоит с нами вязаться. Мы люди простые, бесхитростные, мы и хотеть толком не умеем... — ерничала, а ведь обидно было. И за себя — такую *безжеланную*, и за этих банных юродивых, и за неведомую мамашу, которая не смогла дожелать... — Погодите секунду, я ногу ополосну.

Отвыкла босиком ходить, порезала ступню о какую-то подлую травинку. Сбежала к реке, окунула ногу в такую прозрачную, в такую уютную воду и... вскрикнула. Ранку обожгло, будто опустили ее не в чистую аш два о, а в крепкий раствор йода, например.

— Что стряслось? — крикнул Свен.

— Сейчас, сейчас... — Зойка нагнулась, зачерпнула ладонькой воду, принюхалась: отчетливо несло спиртом.

Бред какой, восхитилась Зойка и осторожно лизнула ладонь. Анализов не требовалось: что-что, а уж водку-то Зойка в чем угодно узнает, даже в речных берегах.

— Свен, — позвала Зойка, — подойдите-ка... Тут какой-то кретин воду в водку превратил.

Свен даже не сдвинулся.

— Его право, — только и сказал.

— А рыба как же?

— А никак. Он пожелал реку без рыбы, иначе бы она сейчас — кверху брюхом...

— Закуска ему, значит, не требуется, — констатировала Зойка. — А вы говорите: мы хотеть не умеем!

— Это не я говорю. Это вы говорите.

— Ошибочка вышла. Желаний — невпроворот. Не удивлюсь, если этот алкаш еще и поллитровку в речку опустил — чтоб охладилась... Как там у вас с галактическими стандартами? Тянем? Или уже переплюнули? Небось у вас в Краснококшайске никто не допер реки водярой заполнять. Слабо?

— У нас нет водки, — сказал Свен.

Ему было явно не по себе.

А Зойка расходилась и совсем уже разошлась:

— Тем более! Нуль-транспортируетеесь куда ни попадя, а водку не изобрели! Мозгов не хватило? А мы, Свен, мы рождены, чтоб сказку сделать былью. Вот она — сказочка! И все, Свенчик, с вашей подмогой, спасибо вам, Свенчик, не забудем никогда.

— Зачем вы так, Зоя... — Свен выглядел чистым преступником, будто это он водочную реку возжелал. — У нас тоже дураков хватает.

— Вы с ними боретесь, да? Или жалеете: чего с дурака взять? А мы их лелеем и холим, Свен. Мы, Свен, обвешиваем их медалями и обшиваем лампасами. Мы живем в большой стране дураков, Свен, а вы нам хотите поле чудес всучить. Зря! Прежде чем на Землю транспортироваться, вы б лучше с местным фолькло-

ром познакомились, тогда бы знали, чем это поле у нас засеют... Ладно, все — в кайф: хоть ранку продезинфицировала. Дальше куда?

— Куда хотите.

— Что в том доме? Вот в том, в помещичьем...

— Не знаю. Живут, наверно... Можно пойти посмотреть.

— Идти далеко. — Зойке больше ничего не хотелось. Зойке хотелось домой в Марьину рощу. И чтоб без Свена.

А он посмотрел удивленно:

— Только пожелайте, и вы — там. Сразу. Забыли?.. Вы совсем не умеете желать, Зоя, вы правы, я поражен. Запомните, наконец: любое *осознанное* желание здесь исполняется. Шагните...

Отступить? Шагнуть в Марьину рощу? Не-ет, стыдно! Если уж позор, так до конца, тем более что неизвестно: а вдруг позора больше не будет, вдруг все грядущие фазы окажутся толковыми и лестными для земной фантазии?..

— Шагаем, Свен.

Она подхватила Свена под локоток, нацелилась на далекий дом и шагнула. И оказалась посреди буквально-таки Колонного зала, только без привычных сцены и кресел. А так — одно в одном: и колонны, и мрамор, и люстры, и белые шторы гармошкой. Ну, может, просторы чуть поменее... И во всю длину означенного зала тянулся стол, уставленный, пардон, жратвой. Все как в лучших домах: икра черная и красная, ветчина баночная югославская, крабы тихоокеанские, горбуша малосольная, семга нежнейшая розовая экспортная, балычок лоснящийся пергаментный, селедочка в винном соусе, сыр голландский, швейцарский, российский, колбасный, пирожки с мясом, с ливером, с капустой, с рыбой, с яйцами, с яблоками, с творогом, с вишней, сосиски вареные, шпикачки, жаренные в масле, картофель «фри» и картошка печеная с укропом

и в сметане, кстати — и сметана в банках, и оливки в банках, и помидоры в банках и свежие, и огурчики свежие, малосольные и соленые, и кинза, и тархун, и фрукты местные и заморские, и... Все! Надоело описывать! Кто что хочет, пусть то и представит на этом раздолье холодных закусок и сладостей. Но — не выходя за пределы знакомого в родном отечестве ассортимента, ибо, отметила глазастая Зойка, никаких там авокадо либо папайи не наблюдалось.

Людей в зале не было. Но над всем этим великолепием порхали обеденные плоские тарелки, но не сами порхали, а их придерживали руки — мужские и женские, а другие руки, мужские и женские, цепко держали вилки и ложки и накладывали, наваливали на тарелки богатые харчи. Но вот вам сюр: руки жили сами по себе, без тел. Такая получилась жутковатая картиночка, вроде бы эпизод из фильма про привидения, да только руки были вполне реальными — молодыми и старыми, волосатыми и загорелыми, с наманикюренными ноготками — это женские, с пожелтевшими от никотина крепкими ногтями — это мужские. Руки иногда жали друг друга — здоровались, иногда нежнейшим образом поглаживали одна другую — любились, а иной раз и перепадало руками по рукам. Наполнив тарелку, руки уносили ее в сторону от стола, и там она исчезала в темноватом — несмотря на огнедышащие люстры — воздухе, исчезала, подчеркнем, вместе с руками.

— Пир! — произнес Свен. В голосе его слышалось довольство. А то?! Это ж вам не водяра в речке, это ж вам культурная и разнообразная трапеза из «Книги о вкусной и здоровой пище». В галактике рассказать не стыдно... — Пир, — повторил он, — или банкет: юбилей, свадьба, крестины, поминки...

— А вот вам фигу! — сказала Зойка.

Она, глазастая, подметила до боли знакомую по родному отелю закономерность в движении рук. Оно,

движение, начиналось строго с одного конца стола, где на *пустые* тарелки накладывались мясные холодные харчи, оно продолжалось строго вдоль стола, никто никого не обгонял, не забегал поперек бабки — Зойка внимательно это пасла, руки если и переплетались, то лишь над одним каким-нибудь блюдом — то с буженинкой, то с ветчинкой, а так —плыли в чинной очереди, и завершалась она на противоположном конце стола, где царствовали сначала фрукты-ягоды, а потом сладости — торты, конфеты, пирожные, кексы. Отсюда руки и отправлялись в Ничто. Вместе с переполненными тарелками. И такая обреченная очередность, такой бараний порядок, по мнению Зойки, никак не соответствовали расхристанной безалаберности банкета или, тем паче, пир — пир «а-ля фуршет», виданное ли дело?! — где никто за все подряд в спешке не хватается, где на тарелку кладут лишь то, что любо глазу и пузу, а не оптом «от сих до сих», поскольку «уплочено»...

Вот оно, нужное слово!..

— Фигу! — уверенно повторила Зойка. — Никакой это не пир, хотя, может, для кого-то и пир. Рано радуетесь, Свенчикек, шведский стол это, а вовсе не пир.

— Какой какой стол?

— Такой такой стол. Обыкновенный, шведский. Платишь пятерик, как у нас в отеле, а жрешь до отвала — хоть на четвертной, если влезет. У этих... — она брезгливо смотрела на снующие туда-сюда ручонки, — влезает. Халява, сэср.

— Халява... — эхом повторил Свен. — Но ведь выбор-то какой...

— А что выбор, что выбор? Те, кто эту халяву намечтал, каждый Божий день жрут борщ с котлетами, если пофартит, если мясца им обломится. А о шведском столике слышали, читали, у нас, Свенушка, средства шибко массовой информации эту передовую форму

общепита прославили на века... Да я за те же бабки такого намечтаю — по Молоховец пройду, прямо по оглавлению! — Пояснила для Свена: — Поваренная книга такая была. В дикой древности... А тут не по Молоховец, Свенчик, тут, Свенчик, фантазия продуктового заказа ко Дню шахтера — по максимуму. Жрать народ хочет, лопать, хавать, в желудках гадко от мойвы с вермишелью, а ты, Свен, это простое желание наружу выковыриваешь и, спасибо тебе, овеществляешь. Хоть погаллюцинируют, да нажрутся...

— Это не галлюцинация.

— А что ж это? Где ты всю эту красоту у нас видел? В гастрономе? В кабаке? Даже у кооператоров ассортимент похреннее... — Она уже ничего и никого не стыдилась. Ее *несло*. — Да, кстати, а как насчет гуманности эксперимента, а? Эти рукастые набьют животы, отвалятся, а через энное количество часов с минутами добрый дядя-ученый-энтузиаст свалит к себе в Краснококшайск и — привет? А им что? Опять мойва? Суп пакетный? Гуляш дважды съеденный, колбаса «Молодежная»?.. Ай-ай-ай, Свен, стыдно, Свен, маленьких дразнить...

— Я никого не дразню, — защищался Свен. Он даже перестал изображать этакое викинга из морозильника, он почти орал, ручонки горе воздев: — Я хочу, чтоб так было всегда! У нас! У вас! На любой планете! Чтобы каждое желание каждого легко осуществлялось! И не иначе!

— Слыхали уже. Обрыдло. Партия торжественно провозглашает... Провозглашала, провозглашала, а потом — раз! — и все умолкли. Ты сказал: хотеть значит мочь, а мы так не умеем, не научились. Зато мы можем так, как не хотим. И здорово можем. Лучше всех во Вселенной! Парадокс, Свенчик, мон шер, и тебе его, с твоими инопланетными мозгами, не понять... Ладно, побеседовали — пора и честь знать. Веди дальше, друг Вергилий.

И в самом деле, какая знакомая ситуация! Помнится, Данте ее замечательно подробно описал в бессмертном труде! И вот спустя столетия история повторяется на новом, как и требует марксизм-ленинизм, более высоком витке спирали. Там, у Данте, грешники сильно мыкались от содеянного ими ранее, а здесь — от ранее не содеянного, то есть попросту несделанного, но по-прежнему желаемого. Такова се ля ви...

Все-таки непривычен советский человек к чудесам, даже если они объясняются красивыми учеными терминами. Зойка не стала шагать через подпространство — или субподпространство? — а направилась к дверям, подальше от большой жрачки, открыла высоченную их половинку и... остановилась.

— Что там? — спросил из-за спины Свен.

Зойка молча подвинулась.

В крохотном гостиничном номере — койка у стены, стул у окна, тумба с телевизором, кресло, обязательный эстамп — на расшатанной сотнями буйных постояльцев кровати тихо спал очередной командированный, умаявшийся от беготни по начальству и магазинам. Спал не раздеваясь, улегся поверх каньового покрывала в рубашке, в брюках, в носках, подоткнул под щеку жесткую вату подушки, смотрел свои нехитрые командировочные сны и знать не знал о грандиозном межгалактическом эксперименте, вольно затеянном в приютившем его отеле. Проспал он эксперимент. Или же — как вариант! — это и было его заветным желанием: отоспаться, вырубиться на триста—четыреста минут из суровой действительности, которую, кроме как во сне, и видеть-то больно.

— No comments, — сказала Зойка и тихонько прикрыла дверь.

Свен комментариев и не требовал, все, выходит, ясно ему было, он вообще малость притих, присмирел,

уже не вещал о глобальности умыслов, о грядущем переустройстве земного быта и о вступлении нашей голубой планеты в братство миров потребителей желаний. Он топал за Зойкой и помалкивал в тряпочку.

А Зойка, поняв, что в сей милой дьяволиаде (спасибо Михаилу Афанасьевичу за летучий термин!) двери ведут не туда, куда положено, а невесть куда они ведут странника, напрягла воображение и рванула прямо сквозь ближайшую стену — напролом. По архитектурно-планировочным законам положено было бы очутиться в сортире, а она вовсе даже очутилась на некоей улице, судя по антуражу — не столичной, но по количеству магазинных вывесок мощно обскакавшей Арбат или какой-нибудь Столешников переулочек: все первые этажи невысоких домов были заняты магазинами. Тут тебе и «Обувь», и «Одежда», и «Ткани», и «Промтовары», и «Культтовары» (улавливаете разницу?), и «Спорттовары», и неременный писчебеднобумажный «Школьник», и «Книги», и даже «Зоомагазин», не говоря уж о «Продтоварах», «Гастрономе», «Булочной», «Бакалее», «Диете», «Кондитерской» и «Молочной». Народу на такой замечательной улице, к удивлению Зойки, ошивалось немного, нигде никаких очередей, нигде никаких толп с повышенным спросом, никаких нервных выкриков типа: «Кто последний?», или «Вас здесь не стояло!», или «Просили не занимать, у кассирши обед!». Редкие культурные — или культтоварные? — горожане шли не торопясь по ладно заасфальтированному тротуару, чинно заходили в магазинные двери, пропуская женщин и детей вперед, и оттуда, из-за дверей, тоже никаких склочных шумов не доносилось, а другие граждане, наоборот, выходили, даже пропуская вперед женщин и детей, из тех же дверей, неся под мышками цветные коробки, свертки, сумки или же полиэтиленовые пакеты с красивыми портретами Аллы Б. Пугачевой и членов группы «Ласковый каждый месяц». Пакеты с покупками вестимо.

— Кино, — сказала Зойка.

Все это и впрямь сильно смахивало на съемку высокохудожественного фильма в жанре соцреализма, а столь необычно ведущие себя покупатели легко могли быть зачислены по ведомству массовки: погуляют себе в декорациях — пятерик в кармане.

— Мечта кинорежиссера? — задумчиво угадал Свен. — Вряд ли... Здесь синтезированы желания по крайней мере сотни испытуемых. Может, один из них — режиссер?

— Если и так, то не Феллини и не Бергман, — подбила бабки Зойка. — Как-то все это не по-краснококшайски, извини, Свен, придумано, без полета... Любопытно, а в магазинах-то как с дефицитом, не напряженно?..

И услышала:

— Совсем даже не напряженно.

Оглянулась: Свен сказал? Нет, Свен не говорил, Свен молчал, Свен глазел на витрину магазина «Обувь», где — мать моя женщина! — выставлены были баретки всемирно известных фирм «Саламандра», «Топмэн», «Батя» и «Парижская коммуна», красивые мужские и женские баретки по сходным ценам выставлены были в провинциальной мечте Зойкиных постояльцев. Тогда кто же такое сказал, если не Свен?..

Спокойные люди спокойно текли по тротуарам мечты, обтекали Зойку и Свена, не замечая их, а некоторые даже и протекали *сквозь* них, словно существуя в ином измерении, или, может, «сквозной» эффект этот сгоряча почудился возбужденной Зойке, поскольку текущие мимо — или все-таки *сквозь*? — люди вольно оставляли в ее натруженных мозгах обрывки своих фраз, осколки мыслей, левые и правые части сложносочиненных, а также сложноподчиненных предложений забывали они в Зойкиных сдвинутых по фазе мозгах, и вся эта лингвистическая ок-

рошка переливалась там, плескалась, бурлила и булькала.

Да-да, совсем даже не напряженно, еще раз булькала навязчивая крошка и полилась дальше в следующем порядке, а вернее, беспорядке: возьму-ка я «саламандеров» пару, а я возьму три пары, а я тыщу пар и продам, где до полочки триста в заглавнике, и нет нам и не будет покоя в прекрасном, но все же яростном мире изобилия, но молока шестипроцентного завезли — хоть залейся, пива — залейся, водки — залейся, бензина АИ-76 — залейся, вот потому я этой сучке мохера сто метров, джерси сто метров, джинсовки сто метров, Коленке, ангелу, постной ветчинки всего полкилы на закуску, а пол-литра туда, а пол-литра сюда, это ж какие деньги нужны, но мохера по-прежнему сто метров, зато партия в который, елки, раз торжественно провозглашает, что настаивать надо на смородинном листе, где до полочки уже двести в заглавнике, а если и не укупим всего, не сдюжим, то славно погужуемся в море и на суше, и мохера сто метров, но даже тетрадей в клеточку пятьсот штук, юбки в клеточку мне и золовке, кепи в клеточку всем парням, попугая заморского, ара по национальности в клеточку посади, деточкам малым сырку бы голландского хоть сто грамм, но плащи голландские — навалом, но носки финские со стрелками — полстраны обуем, и стрелки на часах с серпом и молотом, время кремлевское, выверенное перестройкой, а тут — ну как серпом по яйцам мне эти женины, блин, потребности, деньги-то я не куя, а яиц-то, яиц — видимо-невидимо, хочешь — жни, а хочешь — куй плюс все кругом видимо и, что характерно, все без очереди, без давки, культурненько, и закуски вдоволь, и кругом, братцы мои, голова кругом плюс весна без конца и без края, без конца и без края мечта.

— Не-е-ет! — закричала Зойка. — Не на-а-а-до! — закричала Зойка. — Погасите свет!

Почему свет? При чем здесь свет?..

Когда в мозгах полощется окрошка, возможно ли разумное сказать?.. Откуда цитата? Не исключено, из Шекспира.

А свет, между прочим, погас.

— Где я? — испуганно спросила Зойка.

По инерции испуганно, потому что ничего она уже не боялась, все пугалки, как говаривала ее покойная бабушка, давно пораспугались.

— Нигде, — ответил Свен. — Вы же сами пожелали...

— А они?

— Кто?

— Люди. Они как будто прошли сквозь меня со своими мыслями, прошли, протопали, как стадо...

— Наверно, вы того тоже пожелали... А они по-прежнему там. На улице.

— В мире изобилия? Вы что, Свен, коммунизм нам смоделировали? Вот уж спасибо, вот уж не ждали, не гадали, не хотели...

— Если финские плащи и фээргэшные башмаки — это, по-вашему, коммунизм, тогда — да, тогда — простите. Только, полагаю, люди ни о каком таком коммунизме не думают, люди просто-напросто хотели купить, — заметьте, купить, а не взять по потребностям, как в вашем книжном коммунизме! — купить то, что хотели.

— И купили?

— Почему бы нет.

— И все, что они купили, у них останется?

— Зоя, милая, это же только модель реальности.

Я пытаюсь установить уровень ваших желаний, а значит, готовность общества существовать по принципу «хочу — могу». Поясняю: когда эксперимент завершится, никто из испытуемых даже не вспомнит о виденном.

— И я?

— Вы — нет. Но, если захотите...

— Почему это я — нет?

— Потому что по вашей реакции я и определяю вышеназванную готовность общества.

— Казенно говоришь, Свенчик. Прямо-таки передовица из «Правды»... — Зойка опять накалялась, как лампочка Ильича. Все-таки Свен — не наш, не наш, ну точно — инопланетянин с рыбкиной кровью, и вовсе начхать ему на нас, вовсе наплевать и нагадить, экспериментатору фигову!.. Так она сейчас думала, поскольку смена настроений у Зойки всегда происходила мгновенно, без пастельных полутонов: от черного к белому и наоборот. — Только, значит, по моей реакции и определишь?

— И еще по уровню желаний испытуемых.

— А ты о них думал? О людях?

— Я только о них и думаю.

Как накалилась, так и погасла. Выключили. Свен и выключил. Верно, о людях он думает, чего зря заводиться. Другое дело, что думает он о них как-то не по-людски, но это уже — издержки инопланетного происхождения... Одернула себя: неужто веришь, что он — со звезды?.. А откуда? Не из Красно же кокшайска, в самом-то деле... Чужой он. Чужой, чужой, чужой! И чем скорее отвяжется, тем лучше, тем легче. И ей, Зойке, и всем, всем, всем... Сколько у него времени осталось?

Спросила:

— Сколько у тебя еще времени?

Свен пожал плечами:

— Не могу подсчитать. Выключиться сложно, держу эксперимент. Часов пять, наверно. Или меньше...

— Так мало?!

Казалось, только пятнадцать минут назад — не больше! — входила голышом в теплый Атлантический...

— Увы, Зоя, время сильнее нас.

Время всегда было сильнее нас. Только фантасты в своих книгах вольно подчиняли его людям, обходились с ним, как со старым будильником: захотел — на час подвинул, захотел — вовсе остановил. Но и с фантастами время не чикается: и сами они помирают, и книги ненадолго переживают их...

Как хотелось бы Зойке вернуться назад, во вчера, сбежать с работы пораньше, приехать в свой Девятый проезд до темноты и *никого* не встретить под тополем!

Пусть бы кто другой нашел Свена.

Пусть никто не нашел бы его!

Известно: человек предполагает, а Бог располагает. Вон ведь как выходит: Бог един для всей Вселенной, раз смог он свести в урочный миг двух разных представителей двух разных цивилизаций. Захотел — смог. На то он и Бог!

А Свен-то, Свен куда следом?..

— Зажгите свет! — воскликнула она.

И конечно же сразу же он зажегся, зажглось солнце, все кругом замечательно осветило, и Зойка, сощурившись, вышла в чистое поле, в ромашки, в лебедку какую-то, в травы, травы, травы, которые, как пелось некогда, не успели от росы серебряной согнуться. Согнуться не успели, а трава в поле мокрой была — ну не от росы, ну от дождя, к примеру. Зойка стояла по колена в мокрой и холодной траве, а мимо громыхал товарняк, который вез колбасу от Москвы до самых до окраин. Зойка уже ничему не удивлялась. Она не удивилась и тому, что колбасу вели на открытых железнодорожных платформах, везли аккуратными штабелями, а сама колбаса более походила на свежесрубленные мачтовые сосны. Но в полуметровых в обхвате срезам колбасных бревен легко угадывалась и розовая забытая нежность «докторской», и белые жировые пятныш-

ки «любительской», и темно-вишневая упругость «салями», и раблезианская наглость «ветчинно-рубленной»...

Колбасный сытый дух витал над русским полем.
Былина.

Бесконечно шел поезд. Начинался за горизонтом и пропадал за ним. Прогибались, вопили под колесами рельсы, тяжело дышала насыпь, ходуном ходила многострадальная железная дорога, десятилетиями кормящая страну, на ладан дышащая родимая «железка», сработанная, говорят, еще писателем Гариным-Михайловским в промежутке между сочинением романов «Детство Темы» и «Студенты».

Чье это желание? — подумала Зойка.

И сама себе ответила: *всехнее*.

А приснилось оно, допустим, тому чуваку, что спал сейчас, не раздеваясь, в одноместной камере Зойкиного отеля.

— Все! — отрезала Зойка. — Не могу больше!

Не оглядываясь — черт с ним, со Свеном! — рванулась на насыпь, как Анна Каренина, в секундной тьме проскочила ее и возникла на Божьем свете — на тротуаре перед старым, малость облупившимся, но вполне еще справным домом, перед явно парадным подъездом, поскольку над ним висела доска с блеклой надписью: «Дом ребенка». А на ступеньках крыльца стояла пожилая благообразного вида женщина и ожидающе смотрела на Зойку.

— Здравствуйте, — машинально сказала Зойка.

— Вы опоздали, — строго сказала женщина.

— Куда? — удивилась Зойка.

— К раздаче.

— К какой раздаче?

Женщина не ответила, открыла парадную дверь и вошла в дом. Зойка загипнотизированно двинулась следом. Да впрочем, плевать ей было, куда идти, лишь бы вырваться, выкарабкаться из колбы, в которую Свен — кстати, где он? — запихнул ее, и всех остальных виновных-невиновных запихнул, гад, и разглядывает, изучает: на что они все сгодятся? А на что они все годились? Да ни на что не годились, не пофартило Свену... Но где же он, где? Отстал? Заплутал в лабиринте супержеланий, растерялся, плачет, «ау!» кричит?..

А женщина спешила по уютному коридору, и Зойка зачем-то не отставала, более того — страшилась отстать. До странности тихо было в доме, где, по разумению Зойки, все ходуном ходить должно. В коридор выходило множество дверей, Зойка мимолетно заглядывала за них и видела пустые комнаты, заставленные пустыми малышовыми кроватями. Даже постельного белья не было — только голые матрасы, от детских ночных конфузлов потерявшие первоначальный цвет. И окна без штор, и полые шкафы с распахнутыми, зудящими на сквозняке дверцами, и пластмассовые мишки, зайцы, паровозы, брошенные впопыхах, забытые, поломанные. Уронили мишку на пол...

Боязно было Зойке. Хотелось крикнуть, но голос пропал, только шептать могла. Шла и шептала: «Господи, только не это! Господи, только не это!» А что «не это», не ведала.

Женщина добралась до конца коридора, до высокого окна в торце, толкнула раму, впустила в дом холодный рассветный воздух.

— Вы опоздали, — повторила. — Они ушли.

И впрямь был рассвет. Красное солнце вставало над пустым городом — таким же пустым, как и дом. Пустая широкая улица упиралась в солнце, и асфальт, наверно, плавился там, потому что воздух про-

тивно пахнул гарью. Где-то далеко в памяти Зойки на минутку проснулось радио и красивым контральто приказало солнцу ярче брызнуть. Солнце не послушалось, оно не умело — ярче, оно не владело Зойкиной памятью на когда-то популярные песни.

— Видите, — сердито молвила женщина, — никого нет. Единственное, чем я могу вам помочь, так только вот... — Она подняла с пола куклу с оторванным глазом и протянула Зойке.

Зойка взяла куклу и машинально прижала к груди. Кукла внятно и больно вякнула: «Мама».

— Она вас признала, это хорошо, — сказала женщина. — Идите, милая, идите, а я здесь все опечатаю и оприходую.

Она прошла мимо Зойки, уже забыв о ней, уже думая, наверно, о тяжком процессе опечатывания и оприходования, а Зойка крикнула вслед:

— Пойдите! Я ничего не понимаю. Где дети?

Женщина притормозила на миг, обернулась, раздраженная тем, что вот ведь отрывают от дела, что вот ведь не понимают очевидного, что вот ведь приходится объяснять, тратить время впустую.

— Всех моих детей забрали матери. Пришли и забрали. Насовсем. Вы слишком поздно спохватились, милая, берите, кого дали. Она же ваша, да?

— Моя? — Зойка посмотрела на куклу. Кукла была в пристойном состоянии, платьице сравнительно чистое, волосы все целы, руки-ноги на месте. Вот только глаз... Но глаз можно сделать из пуговицы, у Зойки дома хранилась коробка, в которой накопилось за годы множество разных пуговиц, и среди них наверняка есть подходящая — для глаза. — Моя? — повторила Зойка. Черт ее знает, может, и была у Зойки такая же, симпатичная — с белой паклей на башке, с ватными ножками и ручками, со скрипучим словом «мама» в крохотной груди... — Моя! — сказала Зойка.

— Значит, все, — подвела итог женщина. — Дом закрывается за ненадобностью. О чем мечтала, то и сбылось. Покиньте помещение, девушка...

Зойка брела по коридору к выходу, прижимая к груди безглазую куклу, и хотела только одного: открыть входную дверь и очутиться в отеле, в прохладном холле, рядом со своими девочками, старшая из которых годилась Зойке в матери. Так и вышло. В мире, сочиненном Свенем, желания исполнялись точно и без задержки: открыла дверь, очутилась в прохладном холле, рядом со своими девочками.

Девочки вели себя *странно*. Одна мирно вязала. Другая, отвернувшись от действительности, тяжело переживала за судьбу бразильской телевизионной рабыни: по ящику в сотый раз гнали любимый народонаселением сериал. Третья и четвертая тихо беседовали, а годящаяся в матери кассирша читала донельзя замусоленный детектив, который вторую неделю гулял в отеле по рукам. Сейф с деньгами, отметила внимательная Зойка, был преступно раскрыт, а ведь там, кроме неконвертируемых «деревянных», имелась и «валюта первой категории», как то: американские доллары, британские фунты, французские франки и, не исключено, испанские песеты.

— Что здесь происходит? — громогласно и по возможности строго спросила Зойка.

На родной голос все обернулись.

— Зоенька Александровна! — вроде бы даже удивилась дежурная регистраторша Лена. — А мы думали, вы ушли.

— Куда это я ушла? Среди бела дня...

— Ну и что такого? Клиентов же нет. И никогда не будет! Разве директор вам не сказал?

— Какой директор? Он болен.

— С утра был здоров. Он сказал: Москва закрыта для приезжих навсегда. Но мы все равно на посту: от работа есть работа.

Ничего не понимая, Зойка посмотрела по сторонам. Холл был пуст. Ни людей, ни чемоданов, ни сумок с пожитками. У автоматических дверей отеля дремал на стуле гнида швейцар, а не меньшая гнида гардеробщик, вообще безработный по случаю тепла, за своим барьером хлебал чего-то из эмалированной кастрюльки, пороча тем самым репутацию заведения. Свет в ресторане, обычно горевший дено и ночью, был потушен, хотя на кухне, слышала Зойка, повара чем-то гремели, кого-то собирались кормить.

Сознавая себя последней идиоткой, Зойка задала девочкам вопрос:

— В отеле кто-нибудь остался?

— Ни-ко-го! — весело отчеканила Лена. — Все съехали. Москва закрыта! И для иностранцев тоже! Ой, Зоенька Александровна, вы представляете — счастье какое? Да я всю жизнь об этом мечтала!

— И я, — сказала кассирша-мама, возвращаясь к детективу.

— И я, — подтвердила старшая смены, вновь легко переезжая в Бразилию.

— И я, и я, — хором согласились ее помощницы и тут же продолжили взаимолобопытный разговор о чем-только-ни-попадая.

Почему же я никогда о том не мечтала, машинально удивилась Зойка, а ответил ей Свен, невесть откуда взявшийся посреди холла.

— Потому что ты единственный *нормальный* человек в этом доме, — наконец-то на «ты» перешел. од

— Единственный? — не поверила Зойка.

— Ну преувеличил, ну еще двое-трое... Я прошел по всем срезам эксперимента.

— Без меня?

— Тебе было бы больно. Я же понял: тебе *было* больно! И у реки, и в доме, и на улице, и у насыпи...

— Это *моя* боль!

— Она и так постоянно с тобой. Зачем лишний раз беречь?

— Ты же не спрашивал, когда начинал эксперимент. А я говорила: не надо, все зря, мы разучились хотеть. Помнишь? Все наши желания можно пересчитать по пальцам, они просты и неинтересны пришельцам со звезд.

— Я помню. Но я-то ждал иного... Вы находитесь на очень низком пороге желаний. Знаешь, я впервые сталкиваюсь с технически развитой цивилизацией, которая не решила проблемы потребления даже в первой фазе.

— В первой — это когда едят не вдоволь, одеты не в радость, счастливы не от души, так?

— Можно и так...

— И как же нам эту фазу проскочить? Объясни, Свенчик, сделай милость, вы же там, в галактике, все-о-о знаете...

— Всего не знает никто. Разве что Бог... А как проскочить?.. Я бы очень хотел вам помочь, Зоя, но — увы — первую фазу все проходят самостоятельно.

— А потом являетесь вы и осыпаете нас из рога изобилия.

— Случается...

— А вот вам! — И Зойка продемонстрировала Свену непристойный интернациональный жест, который, как ни странно, был вполне понятен галактическому скитальцу.

Во всяком случае, отреагировал он адекватно:

— Мы-то отойдем, нам-то что... Но чтоб совсем без нас — тут, Зоя, пахать надо. И *хотеть* пахать. Такое вот простенькое желание.

— Я что, не хочу?

— Ты — да. А они? — кивнул на Зойкиных девочек. Он был прав, эти — *не хотели*.

И что это такое они сочинили: Москва закрыта, отель пустой, сами мышей не ловят. Стоит на пару часов отлучиться, как на тебе — сюрприз с конфеткой! А директор откуда возник? У него ж температура...

— А ну, кончили перекур! — гаркнула Зойка и вмазала кулачком по регистраторской стойке, чуть куклу не выронила, да так неловко вмазала, что в глазах потемнело.

Извините за очередной штамп, но в глазах у Зойки потемнело *буквально*.

— Зоя Александровна, что с вами? — продрался сквозь боль голос Лены.

Зойка открыла один глаз и узрела личико регистраторши, а сзади — еще чьи-то лица, и шум услышала, знакомый до дрожи шум прибое, столь странно характерный для больших и людных помещений — вокзалов, гостиниц, аэропортов.

Людных?

Открыла второй глаз и уже в оба увидела любимый холл, привычно набитый почтеннейшей публикой. И чемоданы имели место, и сумки с пожитками, и из ресторана шел мощный стеб, и магазины вовсю работали, и гнида швейцар препирался у входа с двумя оперативниками в штатском: то ли они кого-то не того пустили, то ли он кого-то того не пустил.

Откуда народ? Москва-то закрыта...

И засмеялась: Свен. Эксперимент, дура ты, Зойка, закончился не четверть часа назад, когда отель опустел, а только что, сию секунду. А пустой отель — это еще одно желание, точнее — не одно, не одно, как ни грустно...

Вот теперь уже Зойка полностью пришла в себя, овладела, как говорится, ситуацией.

— Который час? — для начала спросила.

— Семь без пяти, — испуганно ответила Лена.

Ее действительно пугали метаморфозы, происходящие с начальницей: то она, видите ли, помирает, то

орет, то зачем-то время спрашивает, когда вот они, часы, над лестницей.

— Как семь без пяти? — добавила ей страхов Зойка. — Так поздно?!

— Товарищ из управления сказал, что совещание в главке затянулось.

— В главке? Какой товарищ?

— Тот, что с вами утром был. Свен Петрович. Очень симпатичный... — Это она польстила начальнице: мол, правильный выбор, Зоенька Александровна, мол, не теряйтесь зря, мол, хомутайте симпатичного, коллектив одобряет как один.

— Петрович?.. Как мило... И куда же он подевался?

— Ну буквально за минуту до вас уехал. Сказал, что у него авиарейс, что ему еще собраться нужно... А куда он летит, если не секрет?

— Не секрет, — отрезала Зойка. — На альфу Центавра.

И вероятно — правду сказала. А Лена обиделась. Надула губы, зашла за барьер и через окошко протянула Зойке конверт:

— Он вам тут записку оставил.

Зойка схватила конверт — обычный, семикопеечный, со впечатанной маркой, — достала сложенный вдвое листок.

«Времени минуло больше, чем я думал, — писал Свен. Не лазером, не каким-нибудь светопером, а обычным шариком на обычном гостиничном бланке. — Его у меня — кот наплакал. Прости, что обеспокоил: я появился на Земле слишком рано. У вас есть настоящие желания, я понял, я знаю, но спрятаны они так глубоко, так далеко, что вы о них и сами не ведаете. Вытащить их я не смог, а что вытащил — сама видела. Жаль, не было детей: у них — другой уровень, выше... Если хочешь, забудь и обо мне, и об эксперименте. Просто скажи: «Я ничего не

хочу помнить!» — и твое, последнее для меня, желание будет выполнено. А лучше — помни, это всегда лучше. Жаль, что я должен уйти. Спасибо тебе, что не бросила меня...»

И даже не подписался.

— Зоенька Александровна, а он правда уехал? — не утерпела Лена.

— Правда, — сказала Зойка.

Уехал, улетел, нуль-транспортировался — какая разница? Нет его! Плохо... Был бы не со звезды, а из Краснококшайска, может, и получилось бы что... Почему он именно ее выбрал? Потому что мимо шла? Но мимо могла пройти любая мымра, у которой желания ничуть не отличаются от остальных, не выше «уровня потребления». Одернула себя: у тебя, что ли, выше? Побывать на Канарах, окунуться в океан — ба-альшой силы оригиналка!.. Нет, не случай привел его под тополь в Девятом проезде, Зойка была ему нужна, Зойка, бумажка лакмусовая, не краснеющая. Тешь себя, тешь, Зоенька Александровна, тем более что покраснела, чуть со стыда не сгорела — за себя, за однопланетников...

Впрочем, нет, не стоит всех под одну гребенку чесать...

— Зоя Александровна, а откуда у вас кукла такая страшненькая? — Опять Лена ворвалась.

— Страшненькая? — Кукла прижималась к груди, смотрела на Зойку пуговичным глазом. — Нормальная.

Очнулась от коллапса, за коим со страхом наблюдали уже все ее девочки, перегнулась через барьер к Лене:

— Ну-ка, детенок, быстренько посмотри по регистрации. У нас должна жить одна женщина, то ли директор Дома ребенка, то ли главврач — не знаю точно. Найди мне ее.

— А фамилия как? — заныла Лена. — Без фамилии трудно.

— Не ной. Знала бы — сказала. Ищи.

А если он ни с какой не со звезды? Если он все-таки гипнотизер? Загипнотизировал ее в кабинете, навел сложную галлюцинацию — а что? так можно! Зойка читала в «Науке и жизни»... А сам в это время ее квартиру обчистил. Точно! Спер чайник со свистком и столык из тумбочки. Богатый улов для гастролера из Краснококшайска...

— Нашла, Зоя Александровна! — обрадованно сообщила Лена. — Вот. Триста пятнадцатый. Фролова Анна Никитична, главный врач дома ребенка из... — запнулась, пытаюсь расшифровать каракули клиентки. — Тут неясно: то ли из Новокузнецка, то ли из Новосибирска...

— Ладно. Пустое. Набери телефон и дай трубку.

Зачем Зойке этот звонок? Для проверки реальности галлюцинаций? Спросит у Анны Никитичны, о чем она мечтает? А та все так и выложит, ждите больше. Да и что выкладывать, если мечта главврача — куда большая фантастика, чем колбасные бревна на железнодорожном составе... Да и зачем спрашивать, зачем проверять, если вот она — одноглазая кукла из придуманного Свеном мира. Выходит, непридуманного...

— Говорите, Зоя Александровна...

— Але, — сказала Зойка. — Але. Это Анна Никитична? Вас старший администратор беспокоит.

— Слушаю вас, — настороженно проговорила трубка: чем чреват звонок гостиничного начальства? А вдруг выселят?..

На кой ляд, повторим вопрос, понадобился Зойке это *реальный* разговор? Что она может спросить у *незнакомой* женщины? Нет ли в ее Доме ребенка куклы с оторванным глазом?..

— У вас есть претензии к обслуживанию, Анна Никитична? Горничная номер хорошо убирает, качественно?

Зойкины девицы смотрели на начальницу как на безвременно сошедшую с ума.

— Спасибо вам, — облегченно — не выселяют! — сказала трубка. — У меня нет никаких претензий.

Пустые, казенные, никому не нужные вопросы, трафаретно-вежливые ответы, бессмысленная беседа! Не так и не то хотела сказать этой женщине Зойка, но, как всегда, только *хотела*, да не *смогла*.

— Если что, звоните сразу мне. Меня зовут Зоя Александровна. Всего вам доброго, удачи. — Отдала трубку Лене, та ее на рычаг брякнула. — Все, девки, живите сегодня без меня. Я умерла и ушла домой, — потянулась, как кошка, ну и что, что смотрят, пусть смотрят, есть на что смотреть! — и впрямь умерла. И ушла домой.

Мимоходом глянула на часы над лестницей: семь сорок две. Свен здесь ровно сутки, не больше, а встретила она его вчера около девяти, темно уже было. Около девяти... Час остается, всего час... На что остается? Что ты еще себе надумала, Зойка, уймись, успокойся, иди домой...

И метнулась к выходу, боком, боком скользнула в только начавшие раскрываться двери, отчаянно замала рукой ближайшему таксисту:

— В Марьину рощу, командир! Умоляю: пулей! Плачу три счетчика.

Господи Боже ж ты мой, если ты и вправду — один на всю Вселенную, пусть уснет!..

СОДЕРЖАНИЕ

КАНАТОХОДЦЫ. Роман	7
ВОЛЧОК ДЛЯ ГУЛЛИВЕРА. Повесть	187
В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ. Повесть	257
ВРЕМЯ ЕГО УЧЕНИКОВ. Повесть	319
ЧЕЛОВЕК СО ЗВЕЗДЫ. Повесть	411

А16 **Абрамов С.**
Канатоходцы: Роман, повести. — «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». — М.: Центрполиграф, 1997. — 491 с.

ISBN 5-218-00423-5

В этот сборник С. Абрамова вошли фантастические произведения о будущем, о глобальных проблемах, захватывающих целые планеты, звездные системы и галактики.

ББК 84.Р7

Литературно-художественное издание

**Сергей Александрович
Абрамов**

КАНАТОХОДЦЫ

Роман, повести

Редактор Д. О. Хвостова

Художественный редактор И. А. Озеров

Технический редактор Л. И. Витушкина

Ответственный корректор В. А. Андриянова

Изд. лиц. № 064206 от 10.08.95 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 08.04.97.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,04.

Уч.-изд. л. 22,02. Тираж 10 000 экз. Заказ № 3629

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

ГМП «Первая Образцовая типография»
113054, Москва, Валовая ул., 28

СЕРГЕЙ
АБРАМОВ

•
КАНАТОХОДЦЫ
•

